

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ИМ. Н. Я. МАРРА

Член-корреспондент АН СССР

Н. К. ДМИТРИЕВ

ГРАММАТИКА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1948

ЛЕНИНГРАД

ОТ АВТОРА

Настоящая башкирская грамматика представляет собой первую в научной литературе попытку дать систематическое изложение фактов башкирского литературного языка. Вопросы диалектологии, равно как и проблемы исторической грамматики, нами здесь специально не разбираются: это — особые темы, разработка которых (особенно второй) потребует больших дополнительных изысканий.

Фактический материал почерпнут из экспедиционных записей, фольклора, прессы и разговорного языка. В отношении транскрипции автор ограничился обычным башкирским алфавитом и ввел условные дополнительные значки только в фонетической части своего изложения.

В процессе работы автор старался на материале башкирского языка проверить и изложить свои теоретические взгляды на отдельные проблемы грамматики тюркских языков.

Книга не претендует на роль нормативной грамматики или руководства по башкирской стилистике. Библиография, исключая того, что дано в тексте, не приводится: пришлось бы перечислять хорошо известные статьи и учебники З. Ш. Шакирова, К. Ахмерова, А. Мансурова, материалы Т. Байшева, исследования А. Харисова, Д. Клекбаева и другие работы.¹

Занимаясь башкирским языком довольно долго, автор до сего времени еще не имел возможности высказать в печати более или менее обстоятельно свои взгляды по башкирской грамматике. Эти взгляды были известны из его многочисленных лекций и докладов в Уфе (1928, 1935, 1936, 1939 гг.) и на курсах редакторов-переводчиков (в Ленинграде и Москве).

Книга была написана в 1940 г. Рукопись ее, сданная в типографию, погибла во время блокады Ленинграда; в 1945 г. она была восстановлена и представлена в издательство Академии Наук. С тех пор вышли новые труды И. И. Мещанинова, В. М. Жирмунского, А. П. Поцелуевского, И. А. Батманова, А. Гуломова, Л. Залая и других лингвистов, учесть которые автор уже не мог.

¹ К тому же дореволюционная литература по башкироведению охарактеризована нами в брошюре «Библиография по башкирскому языку и фольклору», Уфа, 1936.

Заключив книгу, автор с благодарностью вспоминает своего товарища по Московскому институту востоковедения и сотрудника по башкирским языковым экспедициям М. М. Билялова (ум. в 1933 г.). Его имя не может погибнуть в истории башкирской лингвистики, но его компетентной и деловой критики автор настоящей книги, к сожалению, не услышит...

Н. К. Дмитриев.

ФОНЕТИКА

СИСТЕМА БАШКИРСКИХ ГЛАСНЫХ (ВОКАЛИЗМ)

Башкирский литературный язык, в современном его состоянии, обладает одиннадцатью¹ гласными фонемами, которые можно классифицировать по следующим трем принципам.

Первый принцип: положение языка в горизонтальном плане. Здесь, как и в других тюркских языках, принципиально различают два типа артикуляций: или артикуляция локализуется в передней части твердого нёба, и тогда мы получаем гласные переднего ряда, иначе препалатальные, или же артикуляция локализуется в задней части нёба, и тогда мы получаем гласные заднего ряда, иначе постпалатальные. Все это можно иллюстрировать следующей схемой:

гласные переднего ряда (препалатальные):

и, і (графич. *е*), *е* (|| *э*), *э, ө, у*;

гласные заднего ряда (постпалатальные):

ы, а (графич. *а*), *а, о, о* (графич. *о*), *у*.

Второй принцип: положение языка в вертикальном плане. Здесь различают гласные верхнего, среднего и нижнего подъема. Для башкирского литературного языка здесь соответственно имеем:

гласные верхнего подъема (узкие):

и, і (графич. *е*), *у, ы, у*;

гласные среднего подъема (полуузкие || полуширокие):

е, ө, о (графич. *о*), *о*;

гласные нижнего подъема (широкие):

а (графич. *а*), *э, а*.

Однако для практических целей (анализ сингармонизма) обычно удовлетворяются следующей упрощенной схемой:

узкие: *и, і* (графич. *е*), *у, ы, у*;

широкие: *ө, о* (графич. *о*), *о, е, э, а, а* (графич. *а*).

¹ Двенадцатый звук *а* (*а* с точкой внизу) является не самостоятельной фонемой, а вариантом *а* (см. стр. 7).

Третий принцип: положение губ. Здесь различают гласные огубленные, или образованные при активном участии губ, и гласные неогубленные, или образованные без активного участия губ. Для башкирского литературного языка это можно пояснить следующей схемой:

огубленные гласные:

у, о, у, о (графич. *о*), *о, а* (графич. *а*);

неогубленные гласные:

і (графич. *е*), *э, е, и, а, ы.*

Эта тройная классификация, выраженная тремя отдельными схемами соответственно принципам деления, может быть представлена в общей сводной таблице:

Гласные							
неогубленные				огубленные			
передние		задние		передние		задние	
узкие	широкие	узкие	широкие	узкие	широкие	узкие	широкие
<i>и, і</i>	<i>е¹</i>	<i>ы</i>	<i>э, а</i>	<i>у</i>	<i>о</i>	<i>у</i>	<i>о, о, а</i>

Примеры на гласные:

1. *и*: *бир* (дай), *ир* (мужчина, герой), *биш* (пять), *тигэн* (сказавший, сказанный; он сказал).

2. *і* (графически изображается условным знаком *е*): *біл* (графич. *бел*) знай, *бір* (графич. *бер*) один, *тіл* (графич. *тел*) язык, *килді* (графич. *килде*) он пришел.

3. *ы*: *былтыр* (в прошлом году), *кызыл* (красный), *кымыз* (кумыс), *алды* (он взял), *ырзын* (гумно). Артикуляция отличная от русского. См. стр. 21, пр. 1.

4. *у*: *булма* (комната), *куз* (глаз), *һуз* (слово), *туғел* (он «не есть»), *улэн* (травя).

5. *у*: *бул* (будь, делайся), *дус* (друг), *утын* (дрова), *тун* (шуба).

6. *о* (графически изображается условным знаком *о*): *озон* (длинный), *оло* (великий), *корос* (сталь), *болот* (облако).

7. *о*: *мотор*, *завод*, *вагон*, *автор*.

8. *э*: *тон* (ночь), *өсөн* (для, ради, из-за), *көн* (день), *көмөш* (серебро).

9. *е*: *техник*, *исх*, *директор*, *метр*.

10. *э*: *тәҙрә* (окно), *сәскә* (цветок), *эрәмә* (урема, заросли кустов), *килһә* (если он придет).

11. *а* (графически изображается простым *а*): *ағас* (дерево), *һалам* (солома), *балык* (рыба), *килды* (он остался).

12. *а*: *була* (он бывает, делается), *кола* (караковой масти), *һулһа* (если он ударит), *ангар*.

¹ Здесь имеется в виду не *і* (графич. *е*), а собственно *е* (зайствованных слов) в его обычном понимании.

Из примеров видно, что звуки *e* (№ 9), *o* (№ 7) употребляются только в словах, заимствованных из русского языка или через русский. В дореволюционном башкирском языке их не было. Почти до наших дней в массовой речи вместо такого *e* слышалось *и*, а вместо *o* — *у*. В настоящее время в связи с тем, что знание русского языка среди трудящихся башкир все углубляется, правильное произношение звуков *e* и *o* уже не является редкостью. На основании этого действующая ныне орфография признала звуки *e* и *o* для башкирского литературного языка фонемами. А так как до самого последнего времени они не признавались фонемами, то естественные для них буквенные знаки, т. е. *e* и *o*, были использованы по другому назначению: для специфических башкирских гласных фонем (*i* и *o*). Таким образом, исторически получилось, что каждый из знаков *e* и *o* имеет в башкирской орфографии двойную функцию: 1) *e* = *e* русских и международных слов (печь, пех, антенна) и 2) *e* = *i* (белем — знание, тел — язык). То же самое справедливо и относительно *o*: 1) *o* = *o* русских и интернациональных слов (завод, вагон, мотор), 2) *o* = *o* специфически башкирских слов (*тот* — держи, *һоло* — овец). Это неудобство (два знака для четырех фонем или же один знак для двух фонем) устраняется за счет знания русского языка.

К ИСТОРИИ БАШКИРСКИХ ГЛАСНЫХ

Путем сравнения башкирского языка с другими тюркскими, а также путем сопоставления башкирской фонетики с русской можно прийти к следующим выводам по поводу истории башкирских гласных. Они делятся на две категории: первичные и вторичные. К первичным, очевидно, относятся: *ы*, *ә*, *а*. Вторичные являются или продуктом позднейшего развития, или усвоены в результате тесного исторического соприкосновения башкирского языка с другими. К вторичным гласным первого типа относятся звуки: *i*, *и*, *у*, *ө*, *у*, *о*, *ә*; ко вторичным звукам второго типа — охарактеризованные выше так называемые международные фонемы *e* и *o*. По некоторым данным, которые в свое время высказывал академик Радлов, гласные вторичного образования первого типа начали развиваться в сравнительно новую эпоху, а именно к XIV в.

Перейдем к рассмотрению отдельных гласных вторичного образования, причем будем останавливаться исключительно на вторичных гласных первого типа, приводя для сравнения данные татарского, а где нужно — и других языков тюркской группы.

Гласный *ә*

Этот звук, по общеизвестной классификации Bell'я и Sweet'a, относится к разряду low-back-wide-round. Он характерен не только для башкирского литературного языка и диалектов, но также для татарского литературного языка и его диалектов. Всюду этот звук выступает как вариант первоначального нелабиализованного *a* (так наз. low-back-wide). От этого, так сказать, обычного *a* звук *ә* отличается наличием дополнительной губ-

ной работы или так называемой лабиализации. Таким образом, этот звук по существу представляет собой обычное *a* с некоторым дополнительным элементом *o*, причем основное содержание фонемы именно *a*. Характерную особенность этого звука можно выразить условным обозначением *a^o* или просто *a*. Итак при известных фонетических условиях нелабиализованное *a* было заменено лабиализованным *a*.

Существует довольно твердое мнение, что этот перенос артикуляции *a* несколько назад был поддержан соседством характерного для башкирского и татарского языков глубокозаднеязычного согласного *k*. Ср. примеры: *кара* (черный), *кал* (останься), *ак* (белый), *вак* (молкий) и т. д.

С другой стороны, известно, что в конечном открытом слоге *a* не встречается, и вместо него мы регулярно имеем нелабиализованное *a*. Примеры: *кала*, а не *кала* (город), *ала*, а не *ала* (он берет), *бала*, а не *бала* (ребенок), *барһа*, а не *барһа* (если он пойдет), *ата*, а не *ата* (он бросает, стреляет), *кара*, а не *кара* (черный).

Таким образом, можно установить следующую закономерность: лабиализация, или огубление *a* постепенно ослабевает, если идти от первого слога к последнему открытому, каковой никогда не имеет лабиализованного *a*. Иначе говоря, звук *a* по мере приближения к последнему слогу постепенно теряет свой характерный оттенок, и если последний слог слова — открытый, то лабиализация вообще сводится к нулю. Эту постепенную градацию звука *a* в одном и том же слове можно условно изобразить следующим образом: *a^o — a^o — a — a*. Покойный теоретик татарской грамматики Г. Алпаров в своей книге (1926) применял здесь такую схему: *a^o + a^o + a*, т. е. наиболее сильную степень лабиализации *a* он обозначал как *o*, склонное к *a*, признавая здесь основным звуком *o*; в дальнейших же слогах, по его мнению, роль основного звука переходит к *a*, а *o* приобретает характер постепенно уменьшающегося добавочного элемента. В. Прёле (Keleti Szemle, IV, стр. 194) определяет башкирское *a*, как венгерское *a* краткое. По нашему же мнению, венгерское *a* произносится более кратко, чем башкирское *a*. Мы хотели бы при этом добавить, что башкирское *a* всегда произносится с полудолготой. Примеры: *балык* (рыба), *калды* (он остался), *ак* (белый), *алты* (шесть), *алла* (пестрый), *бардыгыз* (вы ходили).

К вопросу об *a* имеет отношение следующий факт. В аффиксе отрицания *-ма* гласный *a* не лабиализуется, если даже и стоит не на конце слова. Примеры: *ал-ма-һа* (если он не берет), *кал-ма-һы* (он не остался), *бар-ма-һан* (не пошедший). Быть может, в этом случае некоторую роль играет сильное экспираторное ударение, которое стоит на предшествующем слоге. В аффиксе же *-ма-с* этих условий нет: аффикс ударен и образует закрытый слог; поэтому здесь мы имеем *-мас*. Примеры: *ал-мас* (он не возьмет), *кал-мас* (он не останется).

Что касается других тюркских языков, то, кроме татарского и башкирского, *a* имеется в узбекском, но как фонема; обычно ее объясняют как результат скрещивания с иранскими языками. В остальных тюркских языках звук этот не отмечен. В башкирской и татарской орфографии старого

и нового времени звук этот не обозначался каким-либо особым знаком. Характерно, что и ныне действующая орфография не считает звук *ɑ* фонемой и обозначает его простым *а*. Отметим также, что мешеряцкие диалекты, равно как и старый диалект города Казани, звука *ɑ* совершенно не знают.

Д. Клекбаев считает, что звук *ɑ* наблюдается по-башкирски только в безударных слогах и вообще употребляется более ограниченно, чем у татар. Ср. З а л я й, Диалектология, стр. 13.

В прежнее время башкиры употребляли звук *ɑ* не только в старых, башкирских словах, но также и в заимствованных. Примеры: *Салиһ* (с. и.), *фонтан* (рус. фонтан) и т. д.

О происхождении звука *ɑ*

Звук *ɑ* по международной фонетической классификации Bell'я и Sweet'a относится к разряду *high-mixed-wide-round*. Существует он также и в татарском языке. В других тюркских языках кыпчакского типа (казахский, ногайский, северокрымский и др.) мы имеем в сущности не этот звук, а только некоторое приближение к нему. Для того, чтобы уяснить себе это соотношение, необходимо прибегнуть к экспериментально-фонетическому методу исследования, чего пока еще не сделано.

Характеризуя звук *ɑ*, можно сказать, что он — редуцированный и очень краткий. Когда его произносят, то язык принимает то же положение, что и при *ы*, а губы то же положение, что и при *у*. Губы раскрываются и вытягиваются, но в меньшей степени, чем мы это наблюдаем при артикуляции *у*. По мнению татарских теоретиков, *ɑ* — один из самых кратких гласных татарского языка. Довольно легко устанавливается, что татарский и башкирский *ɑ* соответствует звуку *υ* других тюркских языков. Установить эпоху перехода *υ* > *ɑ* довольно трудно. Можно сказать: 1) что этот факт очень трудно объяснить скрещением башкирского и татарского языков с другими и 2) что он находится в тесной связи со всеми другими вторичными переходами гласных в башкирском языке, составляя с ними общую систему. Что касается условий появления звука *ɑ*, то здесь башкирский язык расходится с татарским. В татарском литературном языке звук *ɑ* встречается не дальше 1-го слога слова, а в остальных слогах (как корневых, так и аффиксальных) после него следует звук *ы*. В башкирском же литературном языке звук *ɑ* встречается на протяжении всех слогов корня и всех слогов аффикса, если, конечно, в основе данного аффикса лежат узкие или полуузкие гласные. Таким образом, в этом вопросе нужно ориентироваться не на какой-либо искусственный критерий вроде условного числа слогов, а на тот общий факт, что губная гармония гласных в татарском литературном языке в настоящее время не действует, а в башкирском сохраняет полную силу.

Приведем примеры на фонему *ɑ*: *оҗо* (великий), *коҗ* (раб), *һоҗо* (овес), *йорт* (дом, область), *йокр* (сон), *озон* (длинный), *коро* (сухой), *болот* (облако), *торна* (журавль), *кош* (птица), *корос* (сталь), *тоз* (соль), *койрок* (хвост), *корһак* (живот). Приведем несколько примеров на звук *ɑ* в аффиксах: *тот*

(держи) — *тот-һон* (пусть он схватит) — *тот-ол-һон* (пусть его схватят); *озон* (длинный) — *озон-лок* (длина) — *озон-лоҫ-оҫоз* (ваша длина) — *озон-лоҫ-оҫоз-зон* (вашей длины); *йоко* (сон) — *йоко-һоз* (бессонный) — *йоко-һоз-лок* (бессонница) — *йоко-һоз-лок-тоң* (бессонницы — род. п.); *һоло* (овес) — *һоло-боз* (наш овес) — *һоло-боз-зон* (нашего овса).

Если в самом корне мы имеем гласные разного типа, то возможность дальнейшего появления *о*, естественно, прекращается. Примеры: *торна* (журавль) — *торна-лар* (журавли) — *торна-ла* (у журавля); *ботак* (ветка) — *ботак-ығыз* (ваша ветка).

Характерно, что звук *о* употреблялся башкирами и для слов заимствованных (арабских и русских). Примеры: *оҫоҡ* (горизонт), *соллох* (мирное положение), *донъя* (вселенная, мир), *бот* (пуд).

Хотя в отношении звука *о* татарский язык (в отличие от других тюркских) стоит на той же позиции, что и башкирский, однако в отдельных словах между ними существует расхождение за счет чередования звуков *о* и *у*.¹ Примеры: башк. лит. *һора* = тат. лит. *сура* (спрашивай), башк. лит. *тоғро* (правдивый) = тат. лит. *туры*, башк. лит. *олоу* (выть) = тат. лит. *улау*. С другой стороны, башк. лит. *һуң* (после), *бутка* (каша), *бустау* (сухно) соответствуют татарским *сон*, *ботка*, *постану*. Башкирскому *донъя* (мир, свет) соответствует татарское *донъя*.

В отношении орфографии звук *о* со времени латинизации шрифта не отличается на письме от *о*. Эта же особенность была сохранена и при введении ныне действующего алфавита на русской основе. Практическое неудобство в обозначении знаком *о* двух разных фонем (см. стр. 7) довольно легко устраняется за счет знания русского языка. Что касается научной транскрипции звука *о*, то здесь применялись знаки *ө* (так называемая русская академическая транскрипция 90-х годов), *о* (транскрипция на базе так называемого международного фонетического алфавита). В башкирской практике эти знаки неприменимы, так как им с момента латинизации было присвоено совершенно другое значение.

О происхождении звука *ө*

Этот звук отличается от предыдущего тем, что относится к переднему ряду. Таким образом, это — нечто среднее между *і* (графически: *e*) и *у*: при артикуляции этого звука язык принимает положение *і* (графически: *e*), а губы — положение *у*. Как и *о*, звук *ө* — редуцированный и очень краткий. Исторически он соответствует звуку *у* других тюркских языков, из которого, очевидно, и развился в результате его постепенной делабиализации. Здесь мы, таким образом, имеем такое же соотношение, как между *у* и *о*: *о* развилось из *у* в результате его последовательной делабиализации. И там, и здесь делабиализация сопровождалась некоторым сдвигом в положении языка (по части вертикального и горизонтального плана).

Помимо башкирского языка, тот же звук имеется и в татарском, но там его распространение ограничено: он встречается только в 1-м слоге

¹ То же наблюдается в самом башкирском литературном языке по отношению к его диалектам.

слова, а дальше из узких может следовать звук *i* (графически: *e*) или же широкий звук переднего ряда *ə*. Таким образом, по этому пункту татарский язык отличается от башкирского совершенно так же, как и по вопросу об *o* (см. стр. 9). В башкирском же литературном языке *o* встречается и во всех слогах корня (если, конечно, корень имеет однородные гласные), и в аффиксах (если, конечно, данный аффикс подчиняется губной гармонии). Примеры: *кəмəш* (серебро), *əсəн* (для, ради, из-за), *кəс-лə* (сильный), *кəн* (день), *йəз* (сто), *тəн* (ночь), *бəгəн* (сегодня), *кəт* (молоко), *тəрлə* (различный). Примеры на появление звука *o* в аффиксах: *тəш* (слезай) — *тəш-кəн* (пусть он слезет) — *тəш-тə-гəз-мə* (слезли ли вы?); *йəрə* (ходи, ступай) — *йəрə-й-бəз* (мы ходим, ступаем) — *йəрə-й-кəгəз* (вы ходите, ступаете); *əс* (три) — *əс-əнсə* (третий).

Если в корне имеются разнородные гласные, то звук *o* на аффиксы не распространяется. Примеры: *йəрəк* (сердце) — *йəрəк-сєз* (ваше сердце); *кəн* (день) — *кəн-дəр* (дни). В примере последнего типа губная гармония (т. е. ряд *o* — *ə*) нарушается в силу того, что аффикс множественности в современном башкирском языке не имеет вариантов с узкими или полужкими гласными, а имеет варианты с широкими гласными: *a* и *ə*.

В некоторых башкирских говорах (б. Зилаирского кантона) звук *o* всюду заменяется через *u*, что косвенно подтверждает гипотезу о происхождении звука *o* (см. у нас выше в этом же разделе). Примеры: *цəш* (для, ради, из-за), *күмүш* (серебро), *күсү* (сильный), *күн* (день), *түн* (ночь), *түш-түл* (я слез).

Звук *o*, получивший в башкирском языке значение фонемы, выступает не только в старых башкирских, но и в заимствованных словах. Примеры: *мəжкєн* (возможно, вероятно — из арабского), *дəрəс* (правильно, верно — из персидского).

О происхождении звука *i*

Этот редуцированный и очень краткий звук приближается к ряду *mid-mixed-palato* по классификации Bell'я и Sweet'a. В других тюркских языках ему соответствует *и*. В языках кыпчакского типа (казахский, ногайский, северокрымский и др.) мы имеем редуцированное *и*, несколько приближающееся к башкирскому и татарскому *i*, но не доходящее до него. Таким образом, здесь видна общая тенденция, но реализовалась она в различной степени. Нечто подобное мы уже отмечали по поводу звука *o* (см. стр. 9).

Как уже было сказано, есть все основания думать, что звук *i* (некоторые называют его «новожскотюркским *и'ва*») произошел из *и*. Как в башкирском, так и в татарском языке этот звук имеет весьма широкое применение и в корнях, и в аффиксах. Употребляясь в аффиксах, он характеризует собой определенные грамматические категории: прошедшее время глагола, категорию принадлежности, некоторые падежи и др. Вот примеры на употребление звука *i*: *цəш* (я сам; дословно: «моя сущность»), *кəш* (человек), *бєр* (один), *иш* (дело, работа), *бєл* (знай), *иш* (два), *иш* (он был), *бєз* (мы), *тєз* (колени), *шєтєр* (железо), *мєн* (тысяча), *ис* (пей; внутрен-

ность), *итин* (сделав), *курин* (увидев), *килди* (он пришел), *килин* (приди), *билди* (он узнал), *билим* (знание), *тил-дин* (языка), *һиліз* (восемь) — *һиліз-зин* (восемь); *инин* (посев) — *инин-си* (земленашец) — *инин-си-лик* (землепашество).

Как латинская, так и ныне действующая орфография (на русской базе) обозначает этот звук условным знаком *e*. В настоящее время, когда в башкирском литературном языке принята фонема *e*, этот способ имеет и теоретическое, и практическое неудобство. Ослабить его можно только одним путем: неуклонно повышая знание русского языка у учащихся.

Есть и еще одно неудобство: такие слова, как *еш* (дело) и *ис* (ней), нельзя писать *еш* и *ес*, так как по-русски их следовало бы читать *йеш* и *йес*. Поэтому по ныне действующей орфографии слова такого типа следует писать через *э*: *эш*, *эс*. Этот способ создает новое неудобство, правда, не столь сильное: буква *э* употребляется в башкирском не только как знак начального *i*, но и в его русском смысле: *экипаж*, *этнография*, *элегия*.

Что касается транскрипционных обозначений звука *i*, то в дореволюционной академической азбуке пользовались знаком *ı* (Радлов, Катанов, Богородицкий). В трудах академической башкироведной группы 30-х годов нашего столетия употреблялся знак *ı̇*. Мы в целях более точного разграничения этого звука от звука *e* пользуемся в данном разделе нашей книги знаком *i̇*; в очень близком (но не идентичном) значении употребляется этот знак в ныне действующем казахском алфавите (на русской основе).

О происхождении звука *и*. Соотношение звуков *и*, *e* и *э*

Как видно из предыдущего изложения, старое *и* в башкирском и татарском языках с течением времени было заменено звуком *i̇*. Следовательно, то *и*, которое мы встречаем в современном башкирском и татарском языках, должно иметь какое-то иное (очевидно, позднейшее) происхождение. Путем сопоставления с другими тюркскими языками легко установить, что новое башкирское (и татарское) *и* последовательно заменило так называемое узкое *e* (mid-front-wide по терминологии Bell'я и Sweet'a).

Интересно сообщение А. Бессонова, относящееся к 80-м годам прошлого столетия, о том, что в его время в некоторых словах *e* (*э*) и *и* чередовались. Поскольку узкое *e* в тех тюркских языках, где различаются *e* и *э* (азербайджанский, узбекский и др.), допустимо только в 1-м слове слова, — в башкирском (и татарском) новое *и*, возникшее из *e*, возможно только в 1-м слове слова. Примеры на звук *и*: *бир* (дай), *биш* (пять), *ини* (друг), *ил* (народ, страна), *ит* (мясо; делай), *кил* (приди), *кит* (уходи), *ини* (он был), *ир* (муж, герой), *тимир* (железо), *ин* (самый, всего), *тин* (сказав), *бил* (поясница), *икиһи* (оба).

Следы чередования *e* || *и* академик Радлов усматривал еще в половецком (куманском) языке и относил этот процесс к XIV в. Н. Ф. Катанов считал методически весьма полезным привлекать для сравнения формы казахского языка, который имеет в корнях звук *e*, а не *э*, как другие тюркские языки.

Между прочим, в результате перехода *e* > *и* башкирские и татарские слова иногда совпадают с такими словами других тюркских языков, которые

семантически не связаны с ними. Приведем некоторые примеры: башк.-тат. *ит* (делай) < *ет* совпадает со словом *ит* (собака), каковое имеем в большинстве тюркских языков. С другой стороны, башк.-тат. *ит* (мясо) < *ет* также совпадает со словом *ит* (собака) других тюркских языков. Что же касается понятия «собака», то оно по-башкирски и по-татарски звучит *ит* (пишется: *эт*).

Равным образом слово *бил* (< *бел*) по-башкирски и по-татарски значит «поясница», а в других тюркских языках оно означает «знай». Понятие же «знай» для башкирского и татарского языков выражается словом *біл* (пишется: *бел*). Башкирское и татарское *бир* (< *бер*) значит «дай», тогда как в других тюркских языках это же самое слово, естественно, значит «один»; для башкирского же и татарского языков «один» будет *бір* (пишется: *бер*) < *бир*. Таким образом, сопоставляя башкирские и татарские формы с соответствующими формами других тюркских языков, всегда надо иметь в виду эти переходы: *e* > *и* и *и* > *і* (графически: *e*).

Если „узкому“ *e* других тюркских языков в башкирском и татарском соответствует *и*, то звуку *э* других тюркских языков в башкирском и татарском, по общему правилу, соответствует то же *э*. Это *э* в башкирском языке наблюдается в самых различных позициях: и в корнях, и в аффиксах. Примеры: *сәскә* (цветок), *кәрәк* (нужно), *тәрән* (глубокий), *кәртә* (оглобля), *кил-һә* (если он придет), *һин-дә* (у тебя), *йөрәк-тәр* (сердца), *йәш* (молодой) *көн-дәр* (дни), *төн-дәр* (ночи), *кил-э* (он приходит), *кил-э-ләр* (они приходят), *тиш-тәр* (зубы), *тил-дәр* (языки), *бир-һән* (давний; тот, который дал) *кит-кән* (ушедший; тот, который ушел).

В башкирских (а равно и татарских) диалектах известны случаи спорадического чередования *a* || *э*, например: *аз* || *эз* (мало), *асы* || *эсе* (горький), *айт* || *эйт* (скажи), *акрын* || *экрэн* (медленно), *нак* || *нэк* (именно, как раз), *сапак* || *сәпәк* (краснобай), *сап* || *сәп* (плеск), *таслау* || *тәсләу* (складывать), *ялаш* || *йәнәш* (около, возле), *ятышыу* || *йәтешсеу* (прилаживаться), *сауза* || *сәузә* (торговля — из персидск.). Башк. лит. *эзәм* (человек) < *адам*.

Башкирский и татарский языки в вопросе об *и* (< *e*) и *э* занимают, вообще говоря, одинаковую позицию; тем не менее в некоторых отдельных случаях оба языка (мы имеем в виду именно литературные языки) расходятся между собой. Другими словами, в некоторых отдельных случаях татарский язык имеет *и* на месте башкирского *э*. Приведем наиболее характерные примеры: башк. *кәрәк* (нужно, надо) ≠ тат. *кирәк*, башк. *тәрән* (глубокий) ≠ тат. *тирән*, башк. *кәртә* (изгородь) ≠ тат. *киртә*, башк. *кәбән* (стог) ≠ тат. *кибән*, башк. *кәңәшмә* (совещание) ≠ тат. *киңәшмә*, башк. *кәм* (недостаточный — из перс.) ≠ тат. *ким*, башк. *шәкәр* (сахар — ср. арабск.) ≠ тат. *шикәр*, башк. *кәмә* (лодка) ≠ тат. *кимә*.

Из отдельных морфологических категорий, в которых наблюдается это явление, укажем на отрицательную форму настоящего времени глагола. Здесь башкирскому *кил-мә-й* (он не приходит) соответствует татарское *кил-ми-й* (пишется: *килми*). Таким образом, здесь мы имеем соответствие *э* || *і*. В глаголах же с гласными заднего ряда мы наблюдаем такое соответствие: башкирское *a* || татарское *ы*. Примеры: башк. *ал-ма-й* (он не берет) ||

тат. *ал-мы-й* (пишется: *алми*). Как видно из примеров, и в том, и в другом случае башкирскому широкому гласному (*а, э*) в татарском соответствует ближайший по типу узкий (*ы, и*). Реже обратное: татарскому *э* соответствует башкирское *и*. Ср. тат. *эже* (нары), *эрлэн* (крот), *эбэттэ* (конечно — из ар.) и башкирские формы: *һежэ*, *ирлэн*, *эбиттэ*.

К вопросу о переходе *с > и* в башкирском и татарском языках имеет отношение еще одно характерное обстоятельство. Одной из специфических особенностей башкирского языка является та, что в окружения *й* башкирский язык допускает только *й*, а не *и*; татарский же язык имеет здесь нормальное *и*. Приведем несколько примеров: башк. *йә* (пишется: *эйә*) ≠ тат. *иә* (хозяин; подлежащее), башк. *бий* (пишется: *би*) ≠ тат. *бий* (пишется: *би* — феодальный судья, старейшина, аристократ), башк. *тий* (пишется: *ти*) ≠ тат. *дий* (пишется: *ди* — он говорит), башк. *йир* (пишется: *ер*) ≠ тат. *жир* (земля); башк. *йит* (пишется: *егет*) ≠ тат. *жит* (пишется: *жмет* — молодец, джигит). Ср. еще, с одной стороны, башк. *тейен* (белка) и *тин* (копейка), а с другой — тат. *тиен*, что значит: 1) белка и 2) копейка.

Татарские слова (из арабского) *фикер* (мысль) и *имин* (надежный, безопасный) по-башкирски звучат: *фәкер*, *имен*.

О происхождении звука *у*

Как видно из предыдущего изложения, звуку *у* других тюркских языков в башкирском (и татарском) соответствует *о*; следовательно, современное башкирское (и татарское) *у* имеет совершенно другое и притом относительно позднее происхождение.

В результате сравнения с другими тюркскими языками легко устанавливается, что башкирское (и татарское) *у* соответствует звуку *о* других тюркских языков. Трудно сказать, когда произошла эта замена; ясно одно, что она также входит в общую систему вторичных изменений башкирского вокализма, о которых мы уже довольно много говорили и которые так характерны для башкирского (и татарского) языка. А так как в большинстве тюркских языков звук *о* не идет дальше 1-го слога корня, то в башкирском (и татарском) заменивший его звук *у* также ограничен в своем употреблении пределами 1-го слога слова. В дальнейшем после него обычно следует звук *ы*. Примеры: *ул* (он, тот), *ул* (стрела), *кул* (рука), *булды* (он был, сделался), *туғыз* (девять), *тун* (шуба), *ут* (огонь), *утыз* (тридцать), *юк* (не имеется, нет), *юл* (дорога, путь), *тулы* (полный), *һул* (левый), *куй* (баран).

О происхождении звука *у*

Если звуку *у* других тюркских языков в башкирском, как мы видели, соответствует *ө*, то современное башкирское (и татарское) *у* имеет, очевидно, другое и более позднее происхождение. Обращаясь и тут к методу сопоставления башкирского (и татарского) с другими тюркскими языками, мы можем установить, что в современном башкирском (и татарском) звук *у* соответствует звуку *ö* других тюркских языков (графически *ө*). Примеры: *курҙи* (пишется: *курҙе* — он увидел), *күз* (глаз), *дүрт* (четыре), *күк* (синий, небо).

куз (слово), *узим* (пишется: *узем* — я сам), *куңил* (пишется: *кунсел* — сердце, желание), *курһэт* (показывай), *кулдэк* (рубашка), *булмэ* (комната). Башкирскому *ғумер* (жизнь — из арабского) соответствует татарское *ғөмер*.

Что касается качества этого *у*, то в одних диалектах оно приближается к переднему *у*, а в других — к обычному *у* западных языков (например, немецкому краткому *ü*). Например, задний вариант (*у*) характерен для некоторых говоров б. Зилаирского кантона: *дурт*, *куз* и т. д. Литературная норма ориентируется на переднее *у*; в дальнейшем четкую характеристику этого *у* > *у* следовало бы получить путем экспериментально-фонетических исследований. Для более точного обозначения этого звука можно пользоваться условным знаком *ү*.

Дифтонги

Дифтонги в башкирском литературном языке (и диалектах) нисходящие. В качестве первого компонента выступают гласные *а, э, ы, у, ы, о, і*. Второй компонент представляет собой «и неслоговое», т. е. *и* (графически: *й*), или «у неслоговое», т. е. *у*, причем графически здесь различают два варианта неслогового гласного: 1) передний (изображается знаком *у*) и 2) задний (изображается знаком *ү*).

1. Дифтонг *ау*: *һайрау* (петь), *бау* (веревка), *тау* (гора), *һау* (живой, здоровый), *башлау* (начинать).

2. Дифтонг *эү*: *берэү* (один, в одиночку), *йэйэү* (пешком), *телэү* (желать), *эшлэү* (работать).

3. Дифтонг *ыу*. Правильнее было бы писать *уу*, как данное сочетание фактически и произносится,¹ но начертание двух *у* подряд (т. е. *уу*) представлялось, очевидно, неудобным. Примеры: *һыу* (вода),² *алыу* (взятие, взять), *һатыу* (продажа, продавать), *барыу* (хождение, ходить).

В некоторых случаях единый по существу дифтонг на письме изображается различно с целью подчеркнуть смысловую дифференциацию двух понятий: *тыуған* (родимый) и *туған* (брат, родной).

4. Дифтонг *іу* (графически: *еу*). Правильнее было бы писать *уу*, как это сочетание фактически и произносится (т. е. первое *у* — слоговое, второе — неслоговое);¹ но такое начертание вызывает известные технические и педагогические неудобства. Примеры: *биріу*, пишется: *биреу* (давание, давать); *киліу*, пишется: *килеу* (приход, приходить); *біліу*, пишется: *белеу* (знать); *ййэ*, пишется: *эйэ* (хозяин); *ййіл*, пишется: *эйел* (нагнись).

5. Дифтонг *оу*: *тороу* (стоять), *йотоу* (глотать).

6. Дифтонг *өү*: *йөрөү* (двигаться), *көтөү* (ждать).

Переходим к дифтонгам с коначным «и неслововым».

7. Дифтонг *ай*. Примеры: *ай* (луна), *кайза?* (где? куда?), *тай* (жеребенок), *шулай* (так), *алмай* (он не берет) — татарское соответствие: *алмый* (пишется: *алми*). Ср. еще башк. *аша-й* (он ест) ≠ тат. *ашый*, башк. *эшлэ-й* (он работает) ≠ тат. *эшлй* (пишется: *эшлэй*).

¹ Т. е. это по существу не дифтонг, а дифтонгоид.

² Соответствует орхонской форме *суб*.

8. Дифтонг *эй*. Примеры: *килмэйһиң* (ты не приходишь), *бирмэй* (он не дает), *бәлжэй* (маленький).

В татарском языке глагольным формам типа *килмэй* соответствует *килмэй* (пишется: *килми*).

9. Дифтонг *уй*. Примеры: *буй* (рост, стан), *туй* (свадьба, праздник), *уй* (мысль), *уйын* (игра).

10. Дифтонг *ой*. Примеры: *койрок* (хвост), *бойорок* (приказ), *тойго* (чувство).

11. Дифтонг *өй*. Примеры: *өй* (дом), *өйрәк* (утка), *көй* (напев, мелодия), *дөйөм* (общий). По Д. Клекбаеву, этот дифтонг переходит в особый монофтонг *ө*; ср. *өрә* (суп-навар), *өрәк* (утка), *һәләм* (фраза).

12. Дифтонг *ий*. Примеры: *ийй* (собери), *ташый* (он тащит), *һыйыр* (корова), *һыйын* (трудный). Этим дифтонгом башкиры обычно передают ударное русское *и* (т. е. говорят «бутыйлка», «посыйлка», «мый»), поскольку само башкирское *и* несколько отличается от него по артикуляции.

13. Дифтонг *ий* (пишется: в середине слова *ей*, в начале слова *эй*, в конце — *и*). Примеры: *ийә*, пишется: *эйә* (хозяин; подлежащее); *ийәл*, пишется: *эйәл* (нагнись), *тейен* (белка); *тей*, пишется: *ти* (говорит).

В словах русских и международных встречается также:

14. Дифтонг *ий*. Примеры: *июнь*, *июль*, *Горький*.

Если анализировать башкирские дифтонги в историческом плане, привлекая к сравнению другие тюркские языки, то многие из этих дифтонгов представляются как вторичные образования. Так, дифтонгу *ау* во всех тюркских языках (кроме языков кыпчакского типа) соответствует *ағ*. Примеры: башк. *тау* ≠ узб. *тағ* ≠ азерб., крым.-тат.,¹ ткм. — *дағ*; башк. *һау* ≠ узб., азерб., крым.-тат., ткм. *сағ* (ткм. *сағ* — с долготой); башк. *бау*, узб., азерб., крым.-тат., ткм. *бағ* и т. д.

Соответствие звука *у*, идущего после *а*, звуку *ғ* не-кыпчакских тюркских языков является своего рода закономерностью. Факт этот не имеет исключений, хотя установить дату этого перехода мы, по состоянию наших материалов, пока не можем. Башкирскому *һуу* соответствует орх. *суб*.

То же в известной мере можно сказать и о дифтонге *әу*. Башкирские формы с этим дифтонгом соответствуют формам — *әз* других тюркских языков. Явление перехода *ғ* или *з* в *у* или *ү* после гласных или между гласными широко распространено в ряде тюркских и не-тюркских языков.

Дифтонгам со вторым компонентом *й* в архаичных тюркских языках соответствуют комплексы «гласный + *д*». Примеры: башк. *буй* (рост) ≠ орх. и уйг. *бод*, башк. *алк* ≠ орх. и уйг. *адак*. В некоторых случаях башкирское *й* имеет в архаичных тюркских языках другие соответствия. Примеры: башк. *өй* ≠ орх. *әб* (*әб*).

Протеза

Как и в других тюркских языках, в дореволюционном башкирском языке в начале слов не допускался согласный *р*, а также группа из двух

¹ В Крыму это слово было известно в двух формах: северной (степной) *тау* и южной *дағ*. В крым.-тат. литературном языке *тау* значило «лес», а *дағ* — «гора». Ср. с. и. Аю-даг.

шумных согласных. В этом случае перед *p* или группой двух шумных согласных появлялся приставной или протетический гласный, обычно узкий, т. е. *ы*, *i* (пишется: *e*) или *у*. В современном литературном языке протеза отрицается, и поэтому все приводимые ниже примеры имеют теперь только историческое значение и встречаются разве только в диалектах: *ы-стакан* (Степан), *i-стинэ* (стена), *ы-раслау* (оправдывать) < перс. *рāст*, *i-рэт*, писалось: *e-рэт* < ряд, *i-рэйс* < ревизия, *у-раза* (пост) < перс. *рўзэ*, *i-рэйш* (манера, форма) < перс. *рэвиш*, *i-рэсэй*, или: *э-рэсэй* < разг. «Расея», Россия; *i-спурлашыу* < спорить, *i-шлйн* < член, *i-страхурфа* < страховка. Название Оренбурга (ныне Чкалов) в прежнее время произносилось *ы-рымбур*.

Слова типа «стакан» неукоснительно произносились как *i-стакан*.

Кроме этих описанных выше условий, протеза была отмечена также перед *л* и *у* (согласным). Примеры: *ы-ласын* (сокол) < монг. *лачин*, *i-лагэн* (таз) < *лээн*, *ы-уак* (мелкий) < *уак* (теперь пишется: *вак*). Татарскому слову *чын* (истина, правда) в башкирской разговорной речи соответствует *ы-сын*, а слову *чык* (роса) — башкирское *ы-сык*. Следы протезы сохранились в слове *өстэл* (стол), которое перешло в литературный язык из разговорной речи.

Редукция гласных

Узкие гласные (особенно *ы* и *i*), как мы знаем, отличаются значительной краткостью. Эта краткость особенно сильна перед сонорными «*р*» и «*л*», в силу чего некоторые башкирские и татарские теоретики совершенно отрицают здесь присутствие гласного. Но такое мнение, конечно, является другой крайностью, если первой крайностью считать отрицание здесь редукции.

Мы изображаем редуцированный узкий гласный обычным знаком, но несколько уменьшенного типа. Примеры: *т'а*, пишется: *тел* (язык); *б'э*, пишется: *без* (мы); *т'э*, пишется: *тез* (колено).

Особенно ощутительна редукция в словах двухсложных и многосложных. Естественно, что в этом случае редуцированные гласные стоят в безударных слогах. Приведем несколько примеров: *б'лим*, пишется: *белем* (знание); *т'лэу*, пишется: *телэу* (желание); *к'ши*, пишется: *кеше* (человек); *с'ғар*, пишется: *сығар* (выведи); *к'мыс*, пишется: *кымыс* (меч); *б'сэн*, пишется: *бесэн* (сено); *т'шэ*, пишется: *төшэ* (он слезает); *б'лэ*, пишется: *белэ* (он знает); *к'мырска*, пишется: *кымырска* (муравей).

Редукция наблюдается также в непервых безударных слогах перед следующим *p*. Примеры: *япт'ра* вм. *яптыра* (он велит закрыть), *кыск'ра* вм. *кыкыра* (он кричит). В некоторых случаях редукция безударных звуков *ы*, *i* (= *e*), *о* доходит до нуля, т. е. они выпадают, создавая параллельный тип вторичных основ (вроде русских *отеи* — *отца*, *день* — *дня*). Примеры: *урын* — *урны* (его место), *уйын* (игра) — *уйн-а* (играй), *бурак* — *бурке* (его шапка), *йоко* (сон) — *йок-ла* (спи) вм. *йоко-ла*.

ЭЛИЗИЯ ГЛАСНЫХ

Элизия, или полное выпадение гласных, по существу является следующей ступенью редукции. Элизия в башкирском языке происходит в условиях так называемого *sandhi*, т. е. на стыке двух слов, произносимых без паузы. Любопытно, что элизия встречается обыкновенно в устной речи и на письме не отмечается: орфография литературного языка вообще не ставит вопроса об этом фонетическом явлении. Из двух сталкивающихся гласных элизии (выпадению) подвергается первый. В знак элизии мы на месте этого первого гласного ставим запятую. Примеры: *кору'утын*, пишется: *коро утын* (сухие дрова); *кару'ат*, пишется: *кара ат* (вороной конь); *алма'ашаным*, пишется: *алма ашаным* (я ел яблоки); *бар'алмайым*, пишется: *бара алмайым* (я не могу пойти); *ирт'узмаган*, пишется: *иртэ узмаган* (тот, кто не успел утром).

В некоторых (редких) случаях конечный гласный первого слова элизируется перед начальным сонорным согласным последующего слова: *һар'май* вм. *һары май* (топленое масло).

Дальнейшая стадия (слияние двух слов и изменение ряда гласных) наблюдается в диалектах. Д. Клекбасв дает здесь такие примеры: *этилл* вм. *алыт кил* (привнеси), *этлет* вм. *алыт кит* (отнеси), *этир* вм. *алыт бир* (передай), *эвин* вм. *алыт ин* (внеси).

СИСТЕМА БАШКИРСКИХ СОГЛАСНЫХ (КОНСОНАНТИЗМ)

В башкирском литературном языке различаются следующие категории согласных, которые мы классифицируем по типу их артикуляции:

1. Губные (*б, п, в, у, ф*):

а) взрывные:

α) звонкие: *б*. Примеры: *баш* (голова), *абык* (закрытый), *һабан* (плуг).

В словах последнего типа, т. е. в положении между двумя *а*, звук *б* слегка переходит в спирант, т. е. произносится, как нечто среднее между *б* и *в*. Условно этот звук можно обозначить знаком $\frac{б}{в}$: *һа $\frac{б}{в}$ ан*. Такое произношение характерно для многих башкирских диалектов.

β) глухие: *п*. Примеры: *тай* (тетка, молодуха), *һан* (кулёк), *һутрак* (земля, почва).

б) фрикативные:

α) звонкие: *в* (губо-зубной), *у* (губо-губной). Примеры на губо-зубное *в*: *вагон*, *завод*, *авиация*. Звук *в* в качестве фонемы усвоен башкирским литературным языком очень недавно. В разговорной речи и диалектах этот звук до последнего времени отсутствовал: вместо *вагон* и *завод* не так давно еще говорили: *багун* и *забут*.

Прежде чем приводить примеры на губо-губное *у*, необходимо сказать несколько слов о его орфографии. По существу для этого старого башкир-

ского звука пужно было бы иметь особый графический знак. В эпоху латинизации, когда считалось, что губо-зубного *o* в башкирском языке нет, знак *o* обозначал именно губо-губное *y*. Когда была принята действующая ныне орфография (на русской основе), то для губо-губного звука условно был принят знак *y* (т. е. тот же, что и для известного гласного), кроме начальной позиции в слове, когда надлежит писать *o* (тоже условно). Примеры: *yak*, пишется: *oak* (мелкий); *haua* (воздух, погода); *oуәл* (сперва); *әүернә* (крестовина). Последние два примера показывают, что в словах с гласными переднего ряда губо-губной фрикативный согласный изображается знаком *y*. Таким образом, он фактически имеет 2 варианта: *y* и *o* (в зависимости от гармонии гласных конкретного слова).

β) глухие: *ɸ* (губо-зубной, т. е. парный к губо-зубному *o*). Примеры: *фабрика*, *фил* (слон), *фотография*, *философия*. Фонема *ɸ* в дореволюционном башкирском языке встречалась главным образом в заимствованных из арабского, так называемых «ученых» словах и собственных именах, а в народной речи не употреблялась. Татарскому *ɸ* в середине слова соответствовало башк. *n*. Ср. тат. *яфрак* (лист), *туфрак* (почва), *керфек* (ресница), *әлиф* (буква *a*) и башк. *япрак*, *тупрак*, *кертек*, *әлеп*. В настоящее время фонема *ɸ* широко применяется в русских и международных словах.

2. Нёбно-зубные (*d, t, z, s, ʒ, ʃ, ʒ, ʃ, ʒ, ʃ*):

А) зубные (*d, t, z, s*):

а) взрывные (*d, t*):

α) звонкие: *d*. Примеры: *килдә*, пишется: *килде* (он пришел); *дурт* (четыре), *даға* (подкова), *дунән* (ковь четырех лет).

β) глухие: *t*. Примеры: *тот*, пишется: *тот* (держи, хватай); *утыт* (дрова), *тулыт* (полный).

По своей артикуляции башкирские *d* и *t* относятся к типу альвеолярных звуков, а не собственно зубных, как русские *d* и *t*. Поэтому башкирские *d* и *t* перед гласными переднего ряда произносятся «твердо», т. е. не палатализуются. В этом пункте, как известно, русский язык отличается от всех тюркских. Примеры: *бәлдә*, а не *бәлдә*, пишется: *бәде* (он знал); *тәшән*, а не *тәшән*, пишется: *тәшән* (сказавший); *тәл*, а не *тәл*, пишется: *тел* (язык).

Подобного же рода *t* и *d* имеются, как известно, в большинстве западных языков.

б) Фрикативные (спиранты) *z, s*:

α) звонкие: *z*. Примеры: *кәзә* (коза); *кәзәкәй*, пишется: *кәзәкә* (казакин, кафтан); *бәзмән*, пишется: *бәзмән* (безмен), *яуыз* (свириль), *зиян* (вред), *зарар* (вред, ущерб).

В дореволюционное время *z* этого типа употреблялось в башкирском языке крайне редко (в немногих башкирских и заимствованных словах). В наши дни сфера употребления этого звука чрезвычайно расширилась за счет слов и терминов, вновь усвоенных из русского языка или через

русский язык. Примеры: *база, физика, поэзия, резина, заказ, указ, дивизия, магазин* и мн. др.

β) глухие: *с*. Примеры: *сәс* (волосы); *бәсән*, пишется: *бесән* (сено); *бысак* (нож); *ағас* (дерево).

в) аффрикаты (*ц*):

α) глухие: *ц*. Примеры: *революция, социализм, авиация, формация, ассоциация, кооперация, милиция, репетиция, цех* и мн. др.

Фонема *ц* усвоена башкирским языком только в наши дни, когда для нее было принято единое обозначение в виде русской буквы *ц*. В эпоху латинизации *ц* не признавалось фонемой и потому орфографировалось различно: или аналитически в виде *ts* (*ц*, как известно, состоит из *t + c*), или просто в виде *s*. Масса обычно заменяла *ц* простым *с*. Примеры такого старого произношения: *балыс* < больница, *франсус* < француз, *тыранса* < драница, *мылса* < милиция, *дифцит* < дефицит, *атри-сайт* < отрицать, *кутис* < купец, *симмент* < цемент.

Б) Междузубные (интердентальные) спиранты (*з, с*):

а) звонкие: *з*. Примеры: *кыз* (девочка, девушка), *каз* (гусь), *куз* (слово), *һиз*, пишется: *һез* (вы).

Данный звук, по общему правилу, встречается в середине и в конце слова, но не в его начале.

б) глухие: *с*. Примеры: *бас* (жми, дави), *килмәс* (он не придет), *алмашһың* (ты не возьмешь), *өстәл* (стол).

Исключая некоторые говоры, звук *с* может встречаться только в середине и в конце слова (см. ниже стр. 26).

Наличие звуков *з* и *с* является одной из характерных особенностей башкирского языка среди других тюркских.

В) Нёбно-зубные (*ж, ш, ч*):

а) фрикативные (спиранты) *ж, ш*:

α) звонкие: *ж*. Примеры: *һәжи* (хаджи), *һәжәт* (пужда, необходимость), *бажа* (свойка), *хужа* (хозяин).

В старом языке употребление *ж* было ограниченным: обыкновенно этот звук заменял арабское *дж* в середине заимствованных слов. В революционное время область употребления фонемы *ж* расширилась за счет русских и международных слов. Примеры: *маружнай* или *морожный* (мороженое), *журнал, жюри, жироприказ, жираф, Женева, дежурный* и др.

В старых башкирских словах звук *ж* произносится с некоторой палатализацией, т. е. как *ж'* или *ж°*. Примеры: *баж'а, хуж'а* и т. д.

β) глухие: *ш*. Примеры: *башкорт* (башкир); *иш*, пишется: *эи* (дело, работа); *ишсә*, пишется: *эшсе* (рабочий); *аш* (еда, кушанье); *шулай* (так, таким образом).

б) аффрикаты (*ч*):

α) глухие: *ч*. Примеры: *начальник, участок* (избирательный), *тачанка, педучилище, Чапаев*.

Как видно из примеров, фонема *ч* употребляется исключительно в тех словах, которые усвоены в революционный период из русского или через русский язык. В старом башкирском языке всякое *ч* заменялось через *с*, и это составляло специфическую особенность дореволюционной башкирской речи. Приведем примеры такого старого произношения: *дайса* (земельная лача — термин эпохи колонизации); *касалжа* (тарантас < рус. *качалжа*); *сисла* (число, месяц < рус. *число*); *сөгет* < чугуун; *мийис* (пишется: *мейес*) < печь; *насалмаж* < начальник; *бирсэтка* < перчатка; *басті* < почти; *ісписка* < спичка; *кирбіс* < кирпич; *мисэт* < печать; *сэй* < чай; *сэйнуң* < чайник.

В обыденной практике башкиры часто слышали татарскую разговорную речь, а так как татарское *ч* имеет очень слабую смычку, т. е. может быть изображено в виде ^м*ш'*¹ и склонно переходить в спирант (т. е. ^м*ш'* > *ш'*), то и *ч* русских заимствований башкиры иногда передавали через палатализованное *ш'* (или *ш''*). Примеры: *заш'им* < зачем, *увелиш'и-сайт* < увеличивать, *ш'орт* < чорт, *шэки* < чашка, *нэи'аму* < почему, *пәпир'ошнаи быскы* < поперечная пила, *иш'лин* < член.

Звук *ш*, который до последнего времени в башкирском языке в качестве фонемы отсутствовал, башкиры в устной речи воспринимали на «московский лад», т. е. как долгое палатализованное *ш*.² Примеры: *йэи'э* < еще, *ш'итайт* < считать, *өгәши'е* < вообще, *насташ'ий* < настоящий, *брикаш'ик* < приказчик, *ниш'иво* < ничего, *ш'итайт иткән* (он считал), *ити'иства* < общество.

Как известно, аффриката *ч* = *т + ш*. Соответствующая ей звонкая аффриката *жс* (= *д + ж*) в башкирском языке старого времени отсутствует. Не привилась она и в новое время: башкирский язык передает все сочетания *д + ж* в заимствованных словах так же, как и по-русски, т. е. двумя отдельными звуками при соответствующем двойном начертании. Примеры: *Орджоникидзе*, *Джузеппе*, *Джон*, *джунли*.

3. Среднеязычные (*й*, *к*, *г*). Примеры на среднеязычный звонкий спирант *й*: *йір*, пишется: *ер* (земля); *йук*, пишется: *юк* (не имеется, нет); *йоко*, пишется: *юко* (сон); *йөз* (лицо, сто).

Среднеязычный звонкий спирант *й* встречается в абсолютном начале слова, и это составляет характерную особенность башкирского литературного языка и его основных диалектов. После гласных, в составе дифтонга, имеем обычно *и* неслоговое (см. выше, стр. 15).

Действующая ныне орфография (на русской основе) иногда скрывает фонетически реальный звук *й*, поскольку пользуются условными знаками русской азбуки: *я*, *ю*, *е*. Примеры: *юл* вм. *йул* (дорога), *яр* вм. *йар* (крутой отвесный берег), *ер* вм. *йір* (земля, местность). То же наблюдается в Будущем 2-м глагола, когда между двумя сталкивающимися гласными звук *й*

¹ См. В. А. Богородицкий. Характеристика звукового состава в казанском говоре поволжско-татарского языка в соотношении с звуковой системой общерусского языка, ИАН, 1919, стр. 880.

² В эпоху латинизации обозначение этого звука через *җс* говорило, наоборот, об ориентации на ленинградское произношение (*ш* = *шч*). В настоящее время звук *ш* принят как единая фонема и обозначается так же, как и по-русски.

возникает «фонетическим путем». Примеры: *башла-ясак* (он начнет) вм. *башла-асак*, но *эшлэйсэж* (он будет работать) из *эшлэ-сэж*.

Перейдем к среднеязычным взрывным (смычным). Они представлены двумя фонемами: *к* (глухая) и *г* (звонкая). Примеры на *к*: *икі*, пишется: *ике* (два); *көслө* (сильный); *бәки* (перочинный нож); *кил* (приходи). Примеры на *г*: *игин*, пишется: *иген* (посев); *биргән* (давний; тот, который дал); *кугәрсин*; пишется: *кугәрсен* (голубь).

Как увидим дальше, звуки *к* и *г* в старых башкирских словах могут употребляться только вместе с гласными переднего ряда (см. ниже стр. 39); при гласных же заднего ряда употребляются заднеязычные *к* и *г*. В отношении заимствованных из русского языка слов, где наряду с гласными заднего ряда имеются *к* и *г*, башкирский язык поступает следующим образом. Сознавал, что эти *к* и *г* по месту своей артикуляции — более передние, чем заднеязычные башкирские *к* и *г*, в таких словах лишут обычные *к* и *г* и артикулируют их, как русские *к* и *г* в словах камень и гусь.

Обилие русских заимствований с *к* и *г*, таким образом, нарушило старую схему сингармонизма (см. ниже, стр. 38). Примеры: *закон*, *парком*, *атар*, *контора*, *доктор*, *гараж*, *агроном*, *государство*, *комиссия*, *квалификация*, *указ* и мн. др.

4. Заднеязычные (*к*, *г*, *х*):

а) взрывные (*к*):

а) глухие: *к*. Примеры: *ук* (стрела), *колак* (ухо), *каскан* (убежавший), *бьсак* (нож).

По своей артикуляции этот глубоко-заднеязычный (велярный) звук не отличается от того, что мы имеем в большинстве тюркских языков. При введении ныне действующей орфографии (на русской основе) для изображения этой фонемы сперва был принят знак *к*, который применял в своей транскрипции В. В. Радлов, но затем был изменен по типографским соображениям и принял другую форму. Мы сохраняем тип *к*.

б) фрикативные (*г*, *х*):

а) звонкие: *г*. Примеры: *агай* (дядя), *торған* (стоявший; тот, который стоял), *ағас* (дерево), *алаһығыз* (вы берете).

Как увидим ниже, в отношении сингармонизма звуки *к* и *г* представляют собой своего рода пару, противоположную паре среднеязычных *к* и *г*. Однако если последняя пара состоит из двух взрывных, то первая более разнородна, так как включает в себя и взрывной (*к*), и спирант (*г*).

Знак *г* был введен при узаконении ныне действующей орфографии; в период латинизации он обозначался иначе.

С исторической точки зрения важно отметить, что в башкирском *г* сошло два звука: собственно *г* (т. е. арабский «гайн») и *г'* (т. е. арабский «айн»). Арабская фонема «айн» вообще произносится с большим трудом всеми представителями тюркских языков (кроме, конечно, носителей мусульманской образованности). Однако даже в старых татарских школах учили произносить арабское «айн», как «гайн». Таким образом, ввиду

грудной артикуляции «айн»'а, он в ряде тюркских языков совершенно не произносился, в других же заменялся через «гайн». К этим последним принадлежат поволжско-татарский, башкирский, казахский и другие языки. Примеры из башкирского языка, фиксированные во время экспедиционных работ 1928—1929 гг.: *бәҙҙе* (некоторые), *ғибарәт* (состоящий из), *матбуғат* (печать, пресса), *мәғариф* (просвещение), *иғтибар* (внимание), *шиғыр* (стихотворение), *шағир* (поэт), *зәғиф* (слабый), *ғәли* (с. и.; высокий), *ғадил* (простой), *йәғни* (то-есть), *ғүмәр* (жизнь), *сәнәғәт* (искусство), *юмға* (пятница), *йәмғәт* (община мусульман при мечети), *дғзәм* (величайший). Особенно часто наблюдается это явление в собственных именах арабского происхождения. Примеры: *Ғәли*, *Ғилман*, *Ғөбәйдулла*, *Ғәзилла*, *Ғиззәтулла*, *Мөғәффә*, *Ғайса*, *Ғимадидин*, *Ғәүнитдин*, *Ғабділһабар*, *Ғабдрафик*, *Ғабділһаһан*, *Ғабділүәли*.

Но иногда в начальной позиции «айн» совершенно не артикулируется. Примеры: *Усман* и *Ғусман*, *Абдулла* и *Ғабдулла*, *Айса* и *Ғайса*, *Абдрахман* и *Ғабдрахман*.

Если два слова, идущие подряд, оба начинаются с *айн*'а, то одно из них не отражает этого *айн*'а, а другое начинается с *гайн*'а. Пример: *Усман-Ғәли*.

β) глухие: *х*. Примеры: *архив*, *Хәсән* (с. и.).

5. Гортанный спирант *һ*. Примеры: *һарык* (овца), *һыйыр* (корова), *итһә* (если он сделает), *һыу* (вода), *һары* (желтый), *һуғыр* (слепой), *һаҡал* (борода), *һум* (рубль), *һуҙ* (слово).

Фонема *һ* играет важную роль в башкирской фонетике. Она является одним из дифференцирующих признаков в области башкирской диалектологии и представляет одну из характерных особенностей башкирского языка в его истории. Поэтому на ней мы несколько ниже остановимся подробнее (см. стр. 27 и сл.).

6. Сонанты (*р*, *л*). Примеры на *р*: *кара* (черный), *ер* (земля, место), *тор* (стой), *һары* (желтый). Примеры на *л*: *корул* (орудие, инструмент), *ал* (возьми), *кул* (рука), *тил* (язык), *калала* (в городе).

Необходимо отметить, что в башкирском, как и в большинстве тюркских языков, существуют два варианта фонемы *л*: *л'* — переднее и *л* — заднее (велярное), которые почти доходят до соотношения двух фонем. Эта особенность учитывается при сингармонизме, а именно: для старых башкирских слов переднее *л'* допустимо только в окружении гласных переднего ряда, а велярное *л* — только в окружении гласных заднего ряда.

7. Носовые (*м*, *н*, *ң*). Эти три звука объединяются одной общей чертой артикуляции (наличие носового резонанса); что же касается места их образования, то они относятся к трем различным группам: губным (*м*), зубным (*н*) и заднеязычным (*ң*). Таким образом, только наличие носового резонанса отличает *м* от *б*, *н* от *д*, *ң* от *ғ*. Относительно последней фонемы надо сказать, что она различает по крайней мере два варианта: более переднее *ң* и более заднее *ң*, которые стоят в тесной связи с сингармонизмом, т. е. с окружающими гласными (переднего и заднего ряда).

Примеры на *м*: *кымыз* (кумыс), *кыләм* (я прихожу, я приду), *мал* (скот, имущество), *кармак* (удочка).

Примеры на *н*: *көн* (день), *төн* (ночь), *баланан* (от ребенка), *һабан* (плуг). Башкирскому *ынтыйми* (стремление) соответствует татарская форма *ынтыйми*.

Примеры на *ң*: *һуң* (после), *алһан* (если ты возьмешь), *тан* (заря), *миң* (тысяча).

Как и в других тюркских языках, звук *ң* встречается только в старых башкирских словах и притом в их середине или конце, но не в начале.

Перейдем к обзору тех групп согласных, которые вызывают особые замечания.

Междузубные (интердентальные) спиранты

Как мы уже знаем, в башкирском языке существуют две фонемы: *з* и *с*, которые по своей артикуляции соответствуют арабским *ذ* и *ث* или английским *th* (звонкому и глухому). Для современных тюркских языков наличие этих звуков отнюдь не типично: кроме башкирского, мы имеем их еще в туркменском. Однако туркменские *с* и *з* по своей природе отличаются от башкирских: это не междузубные спиранты в полном смысле слова, а обычные зубные спиранты с неполной смычкой, т. е. нечто вроде *с'* и *з'*. При этом туркменская грамматика не считает их фонемами, а орфография передает их простыми *с* и *з*. Интересно также, что в туркменском народном произношении всякое вообще *с* и *з* звучит с некоторой шепелявостью (т. е. как *с'* и *з'*), будь это даже русские слова: так, туркмены, плохо говорящие по-русски, произносят, например, так: *я сам з'наю* и т. д. В языке передовых туркмен, знающих другие языки, сильна тенденция освободиться от такого произношения в пользу обычных *с* и *з*. Между прочим, утрата специфики произношения не считается ущербом: туркмены не дорожат своими *с'* и *з'* и не рассматривают их как ценную особенность своего языка.

Не так обстоит дело у башкир. Прежде всего, в башкирском языке есть не только *с* и *з*, но и обычные *с* и *з*. Во-вторых, башкирские *с* и *з*, как мы видели выше, являются в полном смысле междузубными спирантами. Эти звуки служат одним из характерных отличий башкирского языка от татарского, и башкиры дорожат ими.

Орфография всех типов, какие только существовали в башкирской письменности, всегда старательно изображала эти звуки особыми знаками.

Вопрос о том, почему из всех современных тюркских языков *с* и *з* имеются только в башкирском (и отчасти в туркменском), представляется весьма трудным для разрешения. Относительно туркменского языка есть гипотеза, что появление здесь *с* и *з* нужно объяснять иранским субстратом, поскольку в средневековом иранском языке (пехлеви) имелись оба соответствующих звука. При этом указывают, что воздействие иранских языков на туркменский (а также и узбекский) сказывается не только в этом одном

пункте, но в нескольких: наличие одного переднего *л*, наличие долгот в гласных, частичные переходы *с > һ*, характерные для иранских языков, обилие иранских элементов в словаре и т. д.

По поводу башкирского языка допустима также подобная «иранская» гипотеза: она может быть поддержана не только данными материальной культуры, которые создали в сравнительно недавнее время иранскую гипотезу происхождения башкир, но и некоторыми лингвистическими факторами, как, например, характерный для башкирского языка переход *с > һ*, который, правда, типичен не только для иранских, но также для якутского и монгольских языков. Сказать по этому поводу что-нибудь более определенное в настоящее время трудно.

Если мы обратимся к письменным и документированным памятникам тюркских языков, то и там мы по интересующему нас вопросу можем почерпнуть сравнительно очень немногое. В известном словаре Махмуда Кашгарского (т. I, стр. 7) мы находим указание на звук *з*; на стр. 33 говорится о замене *з* посредством *й* и, наконец, в собственно словарной части дается много примеров, содержащих звук *з*. Характерно, что примеров на звук *с* ни в корнях, ни в аффиксах не дается: на стр. 9 говорится только о том, как заменяется в тюркском произношении арабское *ض*. В. Томсен предполагал в орхонско-тюркском (VIII в.) только одно *з*. Равным образом в тюркских надписях из Семиречья и в тексте Рабгузи предполагали также только одно *з*. Одно *з* постулировал в свое время и К. Фой в языке манихейских фрагментов из Турфана. Одно *з* находим и в известном словаре Абу-Хайяна. Наоборот, Радлов в своей фонетике (II, стр. 126, 216) признает для нового башкирского языка только *с* и ничего не говорит о *з*. Причина этому, может-быть, та, что миссионеры и Катанов, принимая башкирское *з* за *дз*, ввели в заблуждение и Радлова, и Мелиоранского, которые лично башкирским языком не занимались (см. «Памятник в честь Кюльтегина», стр. 56). Как бы то ни было, в современном башкирском языке оба звука (*с* и *з*) существуют как равноправные элементы одной и той же системы, как это мы имеем в английском, арабском и других языках.

Если теперь поставить вопрос о соответствиях башкирским звукам *с* и *з* в других тюркских языках, то мы придем к следующим выводам.

Прежде всего, башкирское *з* в корнях соответствует звуку *з* других тюркских языков. Для этой цели достаточно сравнить башкирские формы с поволжско-татарскими.¹

башк.	<i>кыз</i>	тат.	<i>кыз</i>	(девушка)
»	<i>каз</i>	»	<i>каз</i>	(гусь)
»	<i>биз</i>	»	<i>биз</i>	(мы)
»	<i>һиз</i>	»	<i>сиз</i>	(вы)
»	<i>тиз</i>	»	<i>тиз</i>	(колени)
»	<i>тоз</i>	»	<i>тоз</i>	(соль)
»	<i>кызыл</i>	»	<i>кызыл</i>	(красный)
»	<i>озон</i>	»	<i>озын</i>	(длинный)

¹ Ср. З а л а й, *op. cit.* 38.

В известных случаях башкирское *з* соответствует корневому звуку *д* других языков:

а) русского. Примеры: *би́зрә* < ведро, *ши́рза* < жердь, *йэ́зрә* < ядро, *бырауза* < правда, *сумазан* < чемодан, *барза* < барда.

б) арабского. Примеры: *ғәҙәт* (обычай) вм. *ғәдәт*, *файза* (польза) вм. *файда*, *вәғәзә* (обещание) вм. *вәғәдә*, *сазака* (милостыня) вм. *садака*, *Мәзинә* (Медина) вм. *Мәдинә*, *әҙәм* (человек) вм. *адам*, *Ғәҙилһа* вм. *Ғәдіһа* (с. и.), *Бәҙрәтдин* вм. *Бәдрәтдин* (с. и.), *Мир-Хайзәр* вм. *Мир-Хайдар* (с. и.). Ср. также *майзан* (площадь) из перс. *мейдан*.

Подобные явления в значительной степени объясняются специфическими особенностями башкирской фонетики, и о них мы подробнее будем говорить в отделе ассимиляции согласных.

К этому же разряду явлений относятся те случаи, когда башкирское *з*, выступая в аффиксах, соответствует:

а) звуку *д* других тюркских языков:

башк.	<i>бар за</i>	тат.	<i>бар да</i>	(есть ведь он)
»	<i>карза</i>	»	<i>карда</i>	(в снегу)
»	<i>тауза</i>	»	<i>тауда</i>	(на горе)
»	<i>айза</i>	»	<i>айда</i>	(в месяце)
»	<i>азым</i>	»	<i>адым</i>	(шаг)

б) звуку *н* других тюркских языков:

башк.	<i>уларзы</i>	тат.	<i>аларны</i>	(их. — вин. п.)
»	<i>таузы</i>	»	<i>тауны</i>	(гору)
»	<i>айзы</i>	»	<i>айны</i>	(луну)

в) звуку *л* других тюркских языков:

башк.	<i>күзәр</i>	тат.	<i>күләр</i>	(глаза)
»	<i>таузар</i>	»	<i>таулар</i>	(горы)
»	<i>айзар</i>	»	<i>айлар</i>	(месяцы)

Что касается звука *с*, то он соответствует звуку *с* других тюркских языков всюду — в корнях и аффиксах, исключая начало слова и слѳга. Примеры:

башк.	<i>бас</i>	тат.	<i>бас</i>	(жми, дави)
»	<i>төс</i>	»	<i>төс</i>	(цвет, вид)
»	<i>ас</i>	»	<i>ас</i>	(подвешивай)
»	<i>усал</i>	»	<i>усал</i>	(дурной, злой)
»	<i>булмаҫ</i>	»	<i>булмаҫ</i>	(он не будет)
»	<i>килмаҫ</i>	»	<i>килмаҫ</i>	(он не придет)
»	<i>бирмеҫ</i>	»	<i>бирмеҫ</i>	(он не даст)

Башкирское *ç* соответствует арабскому ç в следующих примерах: *мәсәлә* (например), *тәьсир* (впечатление, воздействие), *мирас* (наследство), *Усман* (с. в.), *әсәр* (произведение, след.).

В некоторых случаях башкирское *ç* зафиксировано¹ на месте арабских «*сий*» и «*сад*». Примеры: *нәсіл* (поколение), *асыл* (основа, корень), *исәп* (счет, расчет), *исім* (имя).² Ср. также *балаç* (ковер) < перс. *пәләс*.

Иногда *ç* стоит на месте русского *с*: *оҫтал* (стол), *Мәскәү* (старое произношение) Москва.

В некоторых говорах б. Аргаяшского кантона *ç* употребляется на месте *з*. Примеры: *һиç* вм. лит. *һиз* (вы), *биç* вм. лит. *биз* (мы), *кыç* вм. лит. *кыз* (девушка).

Согласный *һ* и его происхождение

Башкирское *һ* соответствует звуку *с* других тюркских языков в начале слова и слбга. Примеры:

а) в корнях:

башк.	<i>һыу</i>	таг.	<i>су</i>	(вода)
»	<i>һиз</i>	»	<i>сиз</i>	(вы)
»	<i>һары</i>	»	<i>сары</i>	(желтый)
»	<i>һум</i>	»	<i>сум</i>	(рубль)
»	<i>һуз</i>	»	<i>суз</i>	(слово)
»	<i>һаран</i>	»	<i>саран</i>	(скупой)
»	<i>һуғыш</i>	»	<i>суғыш</i>	(война)
»	<i>һуқыр</i>	»	<i>суқыр</i>	(слепой)
»	<i>һыйыр</i>	»	<i>сыйыр</i>	(корова)
»	<i>һун</i>	»	<i>сон</i>	(после)
»	<i>һау</i>	»	<i>сау</i>	(здоровый)
»	<i>һакал</i>	»	<i>сакал</i>	(борода)

б) в аффиксах

башк.	<i>ит-һә</i>	тат.	<i>ит-сә</i>	(если он сделает)
»	<i>бул-һа</i>	»	<i>бул-са</i>	(если он будет)
»	<i>кыл-һә</i>	»	<i>кыл-сә</i>	(если он придет)
»	<i>кур-һиң</i>	»	<i>кур-син</i>	(пусть он видит)
»	<i>бар-һын</i>	»	<i>бар-сын</i>	(пусть он идет)
»	<i>курмәс-һиң</i>	»	<i>курмәс-син</i>	(ты не увидишь)
»	<i>кул-һыз</i>	»	<i>кул-сыз</i>	(безрукий)

Переход *с* > *һ* распространялся и на старые заимствования: а) из арабского о:³ *һурәт* вм. *сурәт* (форма, образ), *Нәләйман* вм. *Сәләйман* (Сулей-

¹ По экспедиционным материалам 1928—1929 гг.

² Литературное *исім* пишется: *исем*.

³ По материалам экспедиций 1928—1929 гг.

ман); б) из русского: *налдат* (солдат), *намауыр* (самовар), *куһай* (косая сс. сажень), *Намар* (Самара).

В некоторых говорах б. Аргаяшского кантона *h* ставится вм. *з* в конце закрытого слова. Примеры: *биh* вм. лит. *биз* (мы), *узибиh* вм. лит. *узибиз* (мы сами).

О звуке *x*

Заднеязычный фрикативный глухой *x* употребляется главным образом в словах, заимствованных из русского языка и через русский (например, *архив*, *химия*), также в некоторых отдельных арабских заимствованиях, хотя бы в арабском оригинале было не *x*. Примеры: *Хәсэн* вм. *хәсэн*, *Хәснәтдин* вм. *хәснәтдин* (с. и.), *Әхмәт* (Ахмед) вм. *Аһмәт*.

Трудный для произношения звук *h* (по-арабски *h* без точки) в башкирском языке (как и во многих тюркских) был отождествлен со звуком *x* (по-арабски так называемое «*h* с точкой»); поэтому и возникли такие формы, как *Хәсэн* вм. *хәсэн*. Слияние арабских *h* и *x* в одном происходило на тех же основаниях, как и слияние *айн*'а и *гайн*'а в одном *гайн*'е, и также было поддержано старой мусульманской школой.

В некоторых башкирских говорах наблюдается чередование *x* || *k*; для литературного языка нормативным является *k*. Примеры: *хатын* (женщина) ≠ лит. *катын*, *яхшы* (хорошо) ≠ лит. *якшы*, *вакыт* (время) ≠ лит. *вакыт*, *Махсут* (с. и.) ≠ лит. *Максут*.

О звуке *c*

В башкирском языке различаются два типа *c*: 1) *c*, соответствующее звуку *c* других тюркских языков, и 2) *c*, соответствующее звуку *ч* других тюркских языков.

Как мы уже знаем, в старом башкирском языке звук *ч* отсутствовал; вместо него всюду (включая и заимствованные слова) последовательно выступает *c*. Ср. Залая, *op. cit.* 47.

Примеры:

башк. <i>сыкты</i>	тат. <i>чыкты</i>	(он вышел)
» <i>ас</i>	» <i>ач</i>	(открой)
» <i>сәс</i>	» <i>чәс</i>	(волосы)
» <i>сара</i>	» <i>чара</i>	(средство)
» <i>насар</i>	» <i>начар</i>	(плохой)
» <i>сана</i>	» <i>чана</i>	(сани)
» <i>сакрым</i>	» <i>чакрым</i>	(верста)
» <i>суртан</i>	» <i>чуртан</i>	(щука)
» <i>сокор</i>	» <i>чокыр</i>	(ров, яма)
» <i>сәсэн</i>	» <i>чәчән</i>	(красноречивый)
» <i>өсөн</i>	» <i>өчин</i>	(для, ради; из-за)
» <i>асык</i>	» <i>ачык</i>	(открытый)

башк. <i>цеты</i>	тат. <i>цеты</i>	(он открыл)
» <i>касты</i>	» <i>касты</i>	(он убежал)
» <i>тимірсі</i>	» <i>тимірсі</i>	(кузнец)
» <i>бірінсі</i>	» <i>бірінсі</i>	(первый)
» <i>килгэс</i>	» <i>килгэс</i>	(как только пришел)
» <i>аласык</i>	» <i>аласык</i>	(лачуга, землянка)
» <i>татарса</i>	» <i>татарса</i>	(по-татарски)
» <i>баскыс</i>	» <i>баскыс</i>	(лестница)

Переход *ч* > *с* распространялся и на старые заимствования: а) из персидского, например: *нис* (сколько-нибудь, какой-нибудь) < *нйч*, *сырак* || || *сыра* (свеча) < *чирāғ*, *сара* (средство) < *чāра*; б) из русского, например: *сэй* < чай, *сисла* (месяц) < число, *бирсәткә* < перчатка, *касамжа* (гарантас) < качалка, *Силәбе* < Челябинск.

О звуке *ж*

В середине слова (чаще между гласными) палатализованное *ж'* заменяет *ж* других тюркских языков. Примеры:

башк. <i>хужа'а</i>	тат. <i>хужа</i>	(хозяин)
» <i>баж'а</i>	» <i>бажа</i>	(свояк)
» <i>дәрәж'ә</i>	» <i>дәрәжә</i>	(степень)
» <i>иж'ик</i>	» <i>ижик</i>	(слог)
» <i>аж'ар</i>	» <i>ажар</i>	(бравый, герой)
» <i>мәж'лес</i>	» <i>мәжлес</i>	(компания, собрание)

Что касается начального *ж* других тюркских языков, то ему в башкирском языке соответствует *й*, о чем у нас будет сказано на стр. 32.

Начальное *ж* в башкирских словах, таким образом, всегда будет указывать на заимствование. Примеры: *журнал*, *жюри*, *жалованья* (жалованье); параллельно с последней формой в 30-х годах нашего столетия можно было слышать также *ялованья*.

Арабское *ж* старых заимствований всегда заменялось через *ж'* в середине и исходе слова. Примеры: ¹ *иж'ат* (изобретение) вм. *ижād*, *тәж'рибә* (опыт) вм. *тәжриба*, *мәж'бури* (обязанный, обязательный) вм. *мәжбури*, *әж'әл* (смертный час) вм. *әжәлл*, *ғәж'әт* (удивительный, чудо) вм. *әжәб*, *хәж'әт* (нужда, необходимость) вм. *хәжәт*, *тәрж'емә* (перевод) вм. *тәржимә*, *мохтаж'* (нуждающийся) вм. *муһтаж*, *нәтиж'ә* (результат) вм. *нәтижә*, *шәж'әрә* (родословное древо) вм. *шәжәрә*.

СОГЛАСНЫЕ И ГЛАСНЫЕ В НАЧАЛЕ СЛОВА

В начале старых башкирских слов могли быть: а) все гласные, б) согласные *б*, *т*, *с* (< *ч*), *ш*, *к*, *к*, *м*, *һ* (< *с*), *й*.

¹ По экспедиционным материалам 1928—1929 гг.

Примеры: а) *ағас* (дерево), *эремэ* (урема, заросли кустарника), *ул* (стрела), *узъм* (я сам), *оло* (великий), *ой* (дом), *иш*, пишется: *эш* (дело), *ини* (он был), *ыраслау* (утверждать); б) *бармак* (палец), *тини* (он сказал), *сәскә* (цветок), *шулай* (так), *каз* (гусь), *китә* (он уходит), *мал* (скот, имущество), *һыйыр* (корова), *йөрәк* (сердце).

Звук *ɣ* не встречался в начале слова, исключая звукоподражательные основы и арабские заимствования. Примеры: *ғырылдау* (шуметь), *Ғайса* (с. я.), *ғәзәт* (обычай), *ғибарәт* (состоящий из). Последняя категория слов относилась к литературному языку; в настоящее время эти слова постепенно выходят из употребления.

Звук *ɖ* употреблялся в начале изолированной категории слов. Примеры: *дурт* (четыре), *дунән* (четырёхлетний ковь), *дары* (просо), *даға* (подкова), *оуга* (дуга), *дан* (добрая слава; хороший — аргаяпская диалектальная форма), *дорба* (мешок для фуража), *дарбағай* (лягушка), *дунғаләк* (ком земли), *дунғырзак* (маленький колокольчик, привязанный к шее животного), *дунғыз* (свинья), *димси* (сваха), *дыуамал* (взбалмошный).

Сюда же относятся некоторые старые заимствования из арабского, персидского и русского языков. Примеры: *донъя* (мир, свет), *дошман* (враг), *душәмбе* (понедельник), *дәрт* (порыв), *дайса* (земельная дача), *давай*; *әвкәмит* (документ), *дифцит* (дефицит), *думнай* (домашняя печь).

Поволжско-татарские формы в этом отношении не всегда совпадают с башкирскими: так, при башкирском *дигәнәк* (репейник) имеем татарское *тигәнәк*; зато глагол: «говорить», звучащий по-башкирски *тій* (пишется: *ти-*), по-татарски произносится *ди-*; при башк. *тистә* (десяток, отряд) по-тат. имеем *дистә*. В обоих языках *дары* (порох), а *тары* (просо).

В некоторых башкирских диалектах (особенно в районе Инзера и Усмангали) отмечен звук типа *media lenis*; т. е. оглушенное *ɖ*,¹ которое мы условно обозначаем знаком *ɖ*: это, таким образом, нечто среднее между *ɖ* и *т*. Звук подобного типа чаще всего встречается в начале слова и слога. Вот несколько примеров:² *дапрус* (допрос), *дорон* (дробь), *духтыр* (доктор), *ладна* (ладно), *даска* (доска), *әрһәндя* < Архандел (народн.) = Архангельский завод; *радник* (родник), *дегет* (деготь).

Звук типа *ɖ* является довольно обычным для диалектов Башкирии и некоторых других тюркских языков (например, азербайджанского).

В отличие от татарского языка, башкирский язык (в части старых слов) не допускает звука *п* в начале слова; вместо *п* мы всюду последовательно имеем *б*. Примеры:

башк. <i>бісән</i>	тат. <i>пичән</i>	(сено)
» <i>бысақ</i>	» <i>пычақ</i>	(нож)
» <i>бысрақ</i>	» <i>пычрақ</i>	(грязь)

¹ Об этих звуках были даны сведения в отчете: «Бюллетень Башкирского областного бюро краеведения», июль 1928 г., № 3, стр. II сл. Поэтому претензия некоторых участников местной башкирской экспедиции 1934 г. на то, что они «открыли» в одном из районов «диффузный» звук (средний между *ɖ* и *т*), явилась своего рода «открытием Америки».

² По материалам экспедиции 1928 г.

башк. <i>быскы</i>	тат. <i>пыскы</i>	(пила)
» <i>бикән</i>	» <i>пикән</i>	(сварившийся)

Замена начального *n* через *b* широко практиковалась в старых заимствованиях. Приведем примеры:¹ *башбурт* < пашпорт < лит. паспорт; *балауик* (половик), *бадйүда* (подвода), *барум* (паром), *билн* (плен), *бисир* (писарь), *бузир* пузырь (фактически: оконное стекло, вместо которого в старину употреблялись бычачьи пузыри); *булэмт* (пулемет), *бушта* (почта), *бирук* (пирог), *Булэсү* (Пугачев), *быражут* (пароход), *бот* (пуд), *баж'алуи* (пожалуй), *басуда* < посуда, *блман* (пельмени) — слово, очевидно, заимствованное из языка коми.

Этот же переход наблюдается и в старых арабских заимствованиях. Примеры: *бата* < ар. *фәтиһа* (особая мусульманская молитва), *блән* (и так далее) < ар. *фалән* (с несколько иным значением).

В некоторых башкирских районах (в частности, Инзерском и Усмангалевском) установлено наличие оглушенного *b̄* (media lenis) или звука, среднего между *b* и *n*. Этот звук *b̄* находится в одной системе со звуком *ɸ*, о котором см. на предыдущей странице.² Примеры, взятые из экспедиционных материалов 1928 г.: *барайүз* < паровоз, *барут* < порода (скота), *батняки* < ботинки, *бинжәк* < пиджак < лит. пиджак, *бутылка* < бутылка.

Для того чтобы закончить с вопросом о mediae lenes в начале слова, отметим, что в тех же районах установлено оглушенное *ɸ*. Примеры: *гәриш'ук* < горшок, *гир* < гиря.

В районах татаризованных башкирских говоров вместо *b* или *b̄* мы встречаем в начале слова нормальное глухое *n*. Примеры: *бысак* → *нысак* → *нысак* (нож), *бисән* → *нисән* → *нисән* (сено).

В настоящее время число слов с начальным *n* сильно увеличилось за счет русских и международных слов. Примеры: «*Правда*» *газетасы* (газета «Правда»), *партия*, *правление*, *председатель*, *положение* (юридическое), *полномочный*, *приказ*, *позиция* и мн. др.

Исторически начальное *b*, как и в других тюркских языках, переходило в *m* под влиянием следующего губного, который находился в том же слове. Примеры: *миң* < *биң* (тысяча), *мин* < *бин* (я), ср. *биз* (мы).

В заимствованных из русского словах начальное *m* вм. *b* < *n* появляется иногда там, где дальше в корпусе слова носовых согласных не было. Примеры: *мисәт* (печать), *мийс* (печь), *мөгәрән* (погреб), *миска* (бочка).

В говоре усмангалевских женщин слово «пиджак» произносилось в 1928 г. как *минжәк*, тогда как мужчины произносили это слово с начальным *b*, т. е. *бинжәк*.

В старом языке начальное *m* обычно указывало на заимствование (главным образом из арабского); в настоящее время эта схема разрушена в силу того, что язык усвоил множество русских и международных слов с начальным *m*.

¹ По экспедиционным материалам 1928—1929 гг.

² К звуку *b̄* в равной же степени относится наше примечание 1-е на стр. 30.

Начальный *н* в старом башкирском языке встречался в очень немногих словах (не считая заимствованных): *ни?* (что? какой?), *нык* (твердый, крепкий), *нак* (как раз), *ниргә* (ряд бревен в срубе) и др. В современном языке, естественно, и здесь произошел большой сдвиг.

То же относится и к звуку *з*, который почти не встречался в начале старых башкирских слов, кроме звукоподражаний.

Начальное *х* встречалось только в заимствованных арабских словах на месте арабского *х* и *һ* (ср. *Хәсән*, *Хәснәтдин* и др.), а также в диалектах, где литературному *катын* (женщина) соответствует *хатын*.

В некоторых случаях отпадение начального *һ* или *х* арабских по происхождению слов создает дублиеты, дифференцированные по смыслу, например: *хәзер* (сейчас) и *әзер* (готовый), *хәрәм* (запретный) и *әрәм* (дрянной), *хикәйә* (рассказ) и *әкиәт* (сказка). Формы без *һ* (*х*) являются, так сказать, башкиризованными. Дублиеты *һәүәс* и *әүәс* существуют параллельно при одном значении (пристрастный, склонный к).

Как уже было упомянуто вскользь, одной из ярких особенностей башкирской фонетики считается появление начального *й* там, где в других тюркских языках мы имеем *дж*, *ж'*, *ч*, *з'* и т. д. Башкирский язык, для которого начальное *й* является нормой, отличается здесь от татарского, в котором начальное *й* чередуется с начальным *ж*. Приведем для сравнения несколько примеров:

башк. <i>йигит</i>	тат. <i>жигит</i>	(джигит)
» <i>йоко</i>	» <i>жoko</i>	(сон)
» <i>йил</i>	» <i>жил</i>	(ветер)
» <i>йир</i>	» <i>жир</i>	(земля)
» <i>йиләк</i>	» <i>жиләк</i>	(ягода)
» <i>йете</i>	» <i>жиде</i>	(семь)
» <i>йыһаз</i>	» <i>жиһаз</i>	(приданое)

Данное фонетическое явление сказывалось настолько сильно, что во всех старых заимствованных словах звуки *ж* и *ж'* последовательно заменялись через *й*. Примеры: *йәдуәл* < *жәдуәл* (ливейка), *йәмәғәт*¹ < *жәмәғәт* (община), *йән*² < *жан* (душа), *йомға* < *жомға* (пятница), *яуап* < *жауәб* (ответ), *Ғабдильбар* < *Ғабдиҗаббар* (с. п.), *Йәмәлдин* < *Җәмәлдин* (с. п.), *Йәләл* < *Җәләл* (с. п.).

После всего этого ясно, каким недоразумением звучит формулировка Радлова по поводу того, что в начале башкирских слов допустимо и *ж* (*Phonetik*, II, 173). Мы видели, что подобного рода ошибки допускали Катанов и даже Прёбле, ближе других стоявший к изучению башкирского языка (см. обо всем этом на стр. 25).

К началу старых слов имеет отношение вопрос о протезе, о чем см. выше, стр. 16 сл.

¹ В районе смешанных говоров встречается и *жәмәғәт* (иногда с особым значением: «жена»).

² По мнению Бессонова, *ә* < *а* возникло здесь под влиянием *й*. О чередовании *а* || *ә* см. стр. 13.

СОГЛАСНЫЕ В КОНЦЕ СЛОВА. ЧЕРЕДОВАНИЕ ГЛУХИХ И ЗВОНКИХ В ОСНОВЕ

Здесь так же, как и в предыдущем отделе, надо отчетливо различать две эпохи: дореволюционный башкирский язык и башкирский язык наших дней. Последний, обогащенный массой новых слов и терминов, едва ли пользуется какой-либо нормой для конечных согласных, если не считать таковой оглушение их.

Как бы то ни было, в конце старых башкирских слов отмечены все гласные (кроме *a, y, u*),¹ все глухие согласные и звонкие: *m, n, ɲ, p, l, ʒ, ʝ, ɣ* (губно-губные), *ɣ*. Примеры: *ала* (пестрый; он берет), *жилә* (он приходит), *булды* (он сделался), *бирҙә* (он дал), *йәкә* (сок), *кәсә* (сильный), *бысаҡ* (нож), *һат* (продай), *бас* (дави), *ас* (открой), *ҡап* (кулёк), *йәләк* (ягода), *биҡ* (очень), *тәл* (язык), *ҡар* (снег), *бәләм* (знание), *баш* (голова), *һабан* (плуг), *һун* (после), *ай* (луна), *тау* (гора), *өсәү* (втроем), *қаҙ* (гусь).

В некоторых говорах (Аргаяшского района) в конце слова встречается *h*, как замена нормативного *ç* или *ʒ*. Примеры: *биһ* вм. *биç* (мы), *кыһ* вм. *кыç* (девушка).

В немногих заимствованных из арабского словах допускался звук *ж*, например, *һитыяж* (необходимость).

Основы с конечными звонкими *b, ɣ, ɣ*, не имея последующих аффиксов, заменяют звонкие соответствующими глухими: *n, m, k, k*.² Примеры: *ҡап* (кулёк) < основа *каб-*, *аяк* (нога) < основа *аят-*, *йәләк* (ягода) < основа *йәләк-*.

Однако если эти основы оформляются аффиксом и аффикс начинается с гласного, то конечные звонкие основ восстанавливаются. Примеры: *каб-ы* (его кулёк), *аят-ым* (моя нога), *йәләк-и* (его ягода).

Это явление уже приобрело обязательный характер и в качестве своего рода литературной нормы нашло свое строгое отражение в орфографии. Речь идет, таким образом, об озвончении заднеязычного глухого *k* в среднеязычного глухого *k* или о переходе их соответственно в звонкий спирант *ɣ* и звонкий взрывной *ɣ*. Так обстоит дело, если за исходный пункт брать первоначальную форму слова. Примеры: *палка* — *палка-ым* вм. *палка-ым* (моя палка), *стрела* — *стрела-ы* вм. *стрела-ы* (его стрела), *серп* — *серп-ыбыз* вм. *серп-ыбыз* (наш серп), *белый* — *белый-ар* вм. *белый-ар* (белый), *теки* — *теки-ыу* вм. *теки-ыу* (течь), *выходи* — *выходи-ыр* вм. *выходи-ыр* (он выйдет), *глиняный горшок* — *глиняный горшок-си* вм. *глиняный горшок-си* (твой глиняный горшок), *сверток* — *сверток-ез* вм. *сверток-ез* (ваш сверток), *синий || зеленый* — *синий-эр* вм. *синий-эр* (синий || зеленый, становись синим || зеленым).

¹ Начертание типа *ми* — искусственное (вместо *мий*). См. стр. 14. Также и *мий* пишется *ми*).

² Исключаются слова, заимствованные из русского языка, которые пишутся и произносятся так же, как по-русски: *клуб* (произносится *клуб*), *доклад* (произносится *даклад*), *актив* (произносится *актив*).

³ Грамматика башкир. языка

Как видно из примеров, озвончение наблюдается тогда, когда конечный глухой согласный основы принимает аффикс с начальным гласным и, таким образом, оказывается в положении между двумя гласными. Это бывает в различных именных и глагольных категориях (категория принадлежности, будущее время, глаголы отыменного образования и др.) и распространяется также на новые слова, заимствованные из русского языка или через русский язык: *техник-ебез* вм. *техник-ебез* (наш техник), *начальник-е* вм. *начальник-е* (его начальник).

Конечное *и* слов различного происхождения, попадая в положение между гласными, переходит в соответствующий звонкий, т. е. *б*. Примеры: *сэбэи* (причина) — *сэбэи-е* вм. *сэбэи-е* (его причина, т. е. причина этому), *кан* (кулёк) — *кан-ыи* вм. *кан-ыи* (твой кулёк), *толои* (тулуп) — *толои-оғоз* вм. *толои-оғоз* (ваш тулуп), *принцип-еи* вм. *принцип-еи* (твой принцип).

Случаи перехода конечного *т* в *д* при тех же фонетических условиях речи на новые заимствованные слова не распространяются. Примеры говорят о совершенно обратном: *бэйети* (стих) — *бэйети-ебез* (наш стих), *билети-еез* (ваш билет).

Стечение глухого согласного с двумя гласными по обеим сторонам наблюдается и в сложных словах; так как отдельные части такого слова произносятся без внутренней паузы, то здесь и происходит озвончение глухих, которое отображается и в новейшей башкирской орфографии. Примеры: *Ағызға* («Белая река», т. е. река Белая) из *Аҡ* + *изға*, *Уғатар* (Стреломёт — сказочный герой) из *Уҡ* + *атар*, *аяғур* (стоя) из *аяҡ* + *ур*, *һарығош* (иволга) из *һары* + *кош*, *урғуян* (заяц-русак) из *ур* + *куян*.

Ввиду того, что рассмотренные случаи чередований наблюдаются в языке очень часто, встает вопрос об историческом приоритете глухих и звонких, т. е. о том, какие формы из двух параллельных (*аяҡ* || *аяғ*, *сулмаҡ* || *сулмағ*, *кан* || *каб*, *таяҡ* || *таяғ*) следует считать первичными и какие — вторичными. Для слов, заимствованных в определенную историческую эпоху, вопрос иногда решается весьма просто. Так, формы *китаб* (книга) и *сэбэи* (причина) являются, несомненно, первичными, так как по-арабски эти слова (и целые группы им подобных) звучат и звучали с конечными звонкими *б*. В случае «собственно башкирских» слов (как и вообще слов тюркского происхождения) дело обстоит значительно сложнее. Нет никаких оснований считать, что форма *аяҡ* (нога) более древняя, чем параллельная основа *аяғ*, вскрывающаяся при определенных фонетических условиях.

Академик В. В. Радлов, судя по техническим приемам его «Опыта словаря тюркских наречий», предполагал, что первоначальным был звонкий вариант какого-либо слова или аффикса, а глухой вариант являлся его производным. С этой точки зрения формы *аяғ* и *каб* были первичными, а формы *аяҡ* и *кан* возникли из них и, таким образом, являются позднейшими. Нам, однако, кажется, что параллелизм звонких и глухих вариантов звука в конце основ и в начале аффиксов мог возникнуть одновременно и существует с тех пор, как существуют сами тюркские языки. Мало того: этот параллелизм является одним из основных признаков для языков данной типологии. Слово «нога» могло всегда существовать в двух формах *аяғ*

в *аяк*, из которых одна применялась в одних случаях, а другая — в других. Равным образом аффикс местного падежа, как только перестал быть отдельным словом, сразу выступил во всех звуковых вариантах, которые ему присущи на протяжении всей истории башкирского языка:

$$-\frac{да}{да} \parallel -\frac{та}{та} \parallel -\frac{за}{за} \parallel -\frac{ла}{ла}$$

Очень трудно доказать, что, например, вариант *-ла* старше варианта *-та* или что вариант *-та* старше варианта *-за*. Если бы мы могли определить то отдельное слово, из которого развился аффикс местного падежа, тогда наиболее близкий к нему вариант и следовало бы признать старшим. Но так как такие возможности при современном состоянии науки открываются для нас чрезвычайно редко (см., например, об аффиксе *-са* на стр. 113), то естественнее принять гипотезу о параллельном существовании звуковых вариантов, на которых построена вся техника сингармонизма (см. стр. 38 сл.).

Глухие начальные согласные переходят в соответствующие звонкие, если перед ними идет слово с конечным гласным или звонким и если между обоими словами нет паузы. Примеры: *кисәтләр* вм. *кисә* || *кыләр* (я пришел вчера), *икәтәр* вм. *икә* || *кәтәр* (два гуся), *кулдамга* (подпись) из *кул* (рука) и *тамга* (тамга), *берән* (одинжды) из *бер* (один) и *көн* (день), *каҙанаты* (гусиное крыло) из *каҙ* (гусь) и *канат* (крыло).

ДРУГИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ В ПОЛОЖЕНИИ МЕЖДУ ГЛАСНЫМИ

Находясь в положении между двумя гласными заднего ряда, согласный *б* переходит сначала в спирант *у* (губо-губной) и, далее, в гласный *у* (вместо группы *у + и*). Примеры: *са-ун* (скача) < *сау-ун* < *саб-ун*, *ка-ун* (схватив) < *кау-ун* < *каб-ун*.

Находясь между разнородными гласными или между гласными переднего ряда, *б* дает особый спирантизованный звук, который условно можно обозначить знаком $\frac{б}{б}$. Примеры: *хәй* $\frac{б}{б}$ *әт* (хорошо, хороший); *кә* $\frac{б}{б}$ *ир* (большой); *ю.ты* $\frac{б}{б}$ *ыз* (наша дорога); *йок.ла* $\frac{б}{б}$ *ал* (поспи) вм. *йок.лап* || *ал*; *кайтә* $\frac{б}{б}$ *ыз* (мы возвращаемся) вм. *кайтәбыз*; то же в русских словах *И* $\frac{б}{б}$ *ан* (Иван), *би* $\frac{б}{б}$ *най* (пивнал).

В некоторых башкирских диалектах такие формы, как *курәбіз* (мы видим), звучат: *курәүіз*.

Выпадение согласных

В диалектах отмечается спорадическое выпадение *л* и *р* в немногих глагольных корнях и формах: *бу-һа* (если он есть) ≠ лит. *бул-һа*, *ки-һа* (он пришел) ≠ лит. *кил-һа*, *то-һа* (он стоял) ≠ лит. *тор-һа*, а также в словах: *китер* (принеси), *тултыр* (наполни), *ултыр* (сядь), которые дают, таким образом, формы: *китер*, *тултыр*, *ултыр*.

АССИМИЛЯЦИЯ И ДИССИМИЛЯЦИЯ СОГЛАСНЫХ

Башкирский язык характеризуется целым рядом ассимиляций и диссимиляций, которые, по наблюдению еще старых авторов, сближают башкирский язык с казахским. Мы рассмотрим эти явления, классифицируя их по тем основным звукам, которые служат объектом ассимиляции или диссимиляции.

1. Изменения звука *o*

а) *o > n* после предшествующих гласных. Данное явление связано с морфологической категорией исходного падежа. Примеры:

<i>кала-нан</i>	вм.	<i>кала-дан</i>	(из города)
<i>һоло-нан</i>	»	<i>һоло-дан</i>	(из овса)
<i>бурі-нән</i>	»	<i>бурі-дән</i>	(от волка)
<i>ййә-нән</i>	»	<i>ййә-дән</i>	(от хозяина)
<i>тәҙрә-нән</i>	»	<i>тәҙрә-дән</i>	(с окна)
<i>быҫҡы-нан</i>	»	<i>быҫҡы-дан</i>	(от пилы)

Основы с аффиксом принадлежности 3-го лица оканчиваются в исходном падеже на *-ы-нан* (< *-ын-нан* < *-ын-дан*). Примеры: *кул-ы-нан* вм. *кул-ын-нан* вм. *кул-ын-дан* (от его руки), *тил-и-нән* вм. *тил-ин-нән* вм. *тил-ин-дән* (от его языка).

б) *o > n* в аффиксе прошедшего времени, если корень глагола оканчивается на гласный. Примеры: *и-нә* вм. *и-дә* (он был), *баһла-ным* вм. *баһла-дым* (я начал), *таһла-ны* вм. *таһла-ды* (он бросил), *йшлә-нә* вм. *йшлә-дә* (он работал).

в) *o > z* после *з, р, у* (губо-губной согласный), *й*. Переход связан с категорией склонения и прошедших времен. Примеры: *каҙ-зан* вм. *каҙ-дан* (от гуся), *тау-зан* вм. *тау-дан* (с горы), *тай-зан* вм. *тай-дан* (от жеребенка), *яр-зан* вм. *яр-дан* (с крутого берега), *каҙ-за* вм. *каҙ-да* (у гуся), *тау-за* вм. *тау-да* (на горе), *тай-за* вм. *тай-да* (у жеребенка), *яр-за* вм. *яр-да* (на крутом берегу), *каҙ-зы* вм. *каҙ-ды* (он копал), *тай-зы* вм. *тай-ды* (он поскользнулся), *бар-зы* вм. *бар-ды* (он пошел).

г) *o > l* после предшествующего гласного. Переход связан с категорией местного падежа и с энклитическим аффиксом *да || дә*. Примеры: *кала-ла* вм. *кала-да* (в городе), *кала-ла* вм. *кала-да* (город тоже, и город), *булма-лә* вм. *булма-дә* (в комнате), *булма-лә* вм. *булма-дә* (комната тоже, и комната), *килдә-лә* вм. *килдә-дә* (пришел ведь он), *каһна-ла* вм. *каһна-да* (хотя он и останется).

д) *o > t* после *п, т, с, ш, к, ҡ, һ* (т. е. глухих). Примеры: *куп-тән* вм. *куп-дән* (из многого, с давних пор); *ат-та* вм. *ат-да* (у коня); *йш-тә* вм. *йш-дә* (в деле); *баһ-та* вм. *баһ-да* (в голове); *баһ-та* вм. *баһ-да* (голова тоже, и голова); *каҫ-ты* вм. *каҫ-ды* (он убежал); *сыҡ-ты* вм. *сыҡ-ды* (он вышел); *киләсәк-тә* вм. *киләсәк-дә* (в будущем).

Как видно из примеров, этот переход распространяется на следующие морфологические категории: местный и исходный падежи склонения, прошедшие времена, энклитический аффикс *да* || *дә*. Комбинации $h+t < h+d$ встречаются в некоторых башкирских говорах Аргаяшского района. Примеры: *биһ-тә* вм. *биһ-дә* (у нас), *кыһ-та* вм. *кыһ-да* (у девушки).

2. Изменения звука *л*

а) $л > т$ после глухих согласных (*п, т, ҕ, с, ш, к, ҡ*) в категории множественного числа. Примеры: *қап-тар* вм. *қап-лар* (кульки), *ағ-тар* вм. *ағ-лар* (коня), *ағ-тар* вм. *ағ-лар* (голодные), *таш-тар* вм. *таш-лар* (камня), *йш-тәр* вм. *йш-ләр* (дела, работы), *уҡ-тар* вм. *уҡ-лар* (стрелы), *тирәк-тәр* вм. *тирәк-ләр* (деревья).

б) $л > д$ после сонорных *л, м, н, ң* и *ж*. Переход связан с морфологической категорией множественного числа. Примеры: *корал-дар* вм. *корал-лар* (орудья, инструменты), *тил-дәр* вм. *тил-ләр* (языки), *киләй-дәр* вм. *киләй-ләр* (невесты, молодухи), *урам-дар* вм. *урам-лар* (улицы), *казан-дар* вм. *казан-лар* (котлы), *таж-дар* вм. *таж-лар* (венцы), *йиң-дәр* вм. *йиң-ләр* (рукава).

в) $л > ҙ$ после *р, ҙ, у* (губо-губной), *й*. Переход связан с морфологической категорией множественного числа. Примеры: *кыз-зар* вм. *кыз-лар* (девушки), *һыйыр-зар* вм. *һыйыр-лар* (коровы), *тау-зар* вм. *тау-лар* (горы), *тай-зар* вм. *тай-лар* (жеребята).

3. Изменения звука *н*

а) $н > т$ после глухих *п, т, ҕ, с, ш, к, ҡ, ф*. Переход связан с категориями родительного и винительного падежей. Примеры: *қап-ты* вм. *қап-ны* (кулёк — вин. п.), *қап-тың* вм. *қап-ның* (кулёк), *ағ-ты* вм. *ағ-ны* (коня — вин. п.), *ағ-тың* вм. *ағ-ның* (коня — род. п.), *сәс-тиң* вм. *сәс-нің* (волос), *сәс-ти* вм. *сәс-ни* (волосы — вин. п.), *баш-тың* вм. *баш-ның* (головы), *баш-ты* вм. *баш-ны* (голову), *бысаҡ-ты* вм. *бысаҡ-ны* (нож — вин. п.).

б) $н > д$ после сонорных *л, м, н, ң* и после *ж*. Переход связан с теми же падежными категориями. Примеры: *тел-де* вм. *тел-не* (язык — вин. п.), *урам-ды* вм. *урам-ны* (улицу — вин. п.), *он-до* вм. *он-но* (муку — вин. п.), *таң-ды* вм. *таң-ны* (зарю), *һәж-де* вм. *һәж-не* (хадж — вин. п.), *кул-дың* вм. *кул-ның* (руки), *урам-дың* вм. *урам-ның* (улицы — род. п. ед. ч.), *таң-дың* вм. *таң-ның* (зари), *һәж-дең* вм. *һәж-нең* (хаджа).

в) $н > ҙ$ после *р, ҙ, у* или *у* (оба в значении губо-губного *w* английского типа или же *у* и *й* неслогового), *й*. Переход связан с теми же категориями падежей. Примеры: *кар-зың* вм. *кар-дың* (снега), *кыз-зың* вм. *кыз-ның* (девушка — род. п. ед. ч.), *тау-зың* вм. *тау-ның* (горы), *әсеу-зең* вм. *әсеу-нең* (питья), *тай-зың* вм. *тай-ның* (жеребенка — род. п.), *кар-зы* вм. *кар-ны* (снег — вин. п.), *кыз-зы* вм. *кыз-ны* (девушку), *тау-зы* вм. *тау-ны* (гору), *әсеу-зе* вм. *әсеу-не* (питье — вин. п.), *ай-зы* вм. *ай-ны* (луну).

г) $n > m$ перед губными b, n, m . Это явление наблюдается или на стыке двух слов (случай sandhi), или между основой и аффиксом и не связано с какой-либо определенной грамматической категорией. Встречается исключительно в устной речи и, в противоположность пунктам a, b и c , на письме не отмечается. Примеры: *ум-бер*, пишется: *ум бер* (одиннадцать), *ум-бот* писалось: *ум бот* (десять пудов), *алдам-ма*, пишется: *алданма* (не обманывайся), *ышам-ма*, пишется: *ышанма* (не верь). Прежнее название г. Чкалова, т. е. Оренбург, башкиры обыкновенно произносили *ырымбур*.

д) $n > n$ перед заднеязычными $k, ɣ$ или среднеязычными $k, ɣ$. Так же, как и предыдущий случай, может наблюдаться или на стыке отдельных слов (явление sandhi), или между основой и аффиксом. Этот тип ассимиляции на письме также не отмечается. Примеры: *һиң-кем*, пишется: *һин кем* (ты кто?), *уң-ғыз*, пишется: *ун ғыз* (десять девиц), *һың-ған*, пишется: *һынған* (сломаный), *һуң-ған*, пишется: *һунған* (погасший, потухший).

Последние два случая ассимиляции, как видно из примеров, отличаются от предыдущих случаев некоторыми особыми условиями. Необходимо добавить еще одно такое условие: если оба перехода звуков совершаются на стыке двух соседних самостоятельных слов, произношение этих последних исключает какую-либо паузу между ними, т. е.: *һин кем* (ты кто?) произносится как *һиң-кем*, а не как *һин || кем*, *ун ғыз* (десять девиц) произносится *уң-ғыз*, а не *ун || ғыз* и т. д. В последнем примере наблюдается двойная ассимиляция: прогрессивная $k > ɣ$ под влиянием n и регрессивная, т. е. $n > n$, под влиянием k .

СИНГАРМОНИЗМ

Главной особенностью башкирской фонетики, взятой в ее динамике, является сингармонизм (дословно «согласование звуков»). Сингармонизм есть один из видов ассимиляции (уподобления) звуков. Законченный звуковой комплекс, обладающий определенным семантическим единством, должен быть выдержан и с формальной стороны, т. е. состоять из звуков, максимально близких в отношении артикуляции. Если этот звуковой комплекс уже дан исторически в виде цельной лексемы, его составные звуки должны быть унифицированы. Если этот комплекс формируется на наших глазах путем словообразования или словоизменения, то новые элементы, ныне входящие в его состав, должны согласоваться с его прежним составом. А так как этими новыми элементами в тюркских языках (и башкирском) могут быть только аффиксы (см. главу «Грамматическое развитие слова»), то, следовательно, звуковой состав аффиксов зависит от звуков корня и определяется ими. Следовательно, корень (основа) всегда имеет стабильный звуковой состав, аффиксы же такого состава не имеют и представляют собой ряд возможных для каждого отдельного случая звуковых вариантов. Например, идея «коня» выражается стабильным комплексом *ат*, а идея множественного числа — рядом вариантов:

$$- \frac{лар}{лар} \parallel - \frac{тар}{тар} \parallel - \frac{дар}{дар} \parallel - \frac{лар}{лар}$$

Этим подчеркивается самостоятельное положение отдельного слова и зависимое положение аффикса (см. стр. 48 сл.). Выбор отдельного варианта аффикса всецело определяется характером звуков корня (основы). Другими словами, звуки корня (основы) влияют на звуки аффикса в порядке ассимиляции. Об этом мы упоминаем также в отделе грамматического развития слова.

Сингармонизм делится на гармонию гласных и гармонию согласных.

Гармония гласных делится на нёбную и губную гармонию (иначе нёбное и губное притяжение). Нёбная гармония состоит в том, что после корня (основы) с нёбными гласными в аффиксах могут быть только нёбные гласные¹ и обратно. Этот принцип проводится строго. Примеры: *баш* (голова) — *баш-тың*, а не *баш-тең* (головы). *эш* (дело) — *эш-тең*, а не *эш-тың* (дела).

Исключения представляют только слова заимствованные, как старые арабско-персидские, так и новые интернационализмы и советизмы, в которых:

1) самый корень (основа) может иметь разнородные гласные, например: *китап* (книга), *директор* (директор). В этом случае прибавляемые аффиксы ориентируются на последний гласный слова, например: *китап-тың*, а не *китап-тең* (книги), *директор-зың*, а не *директор-зың* (директора);

2) прибавляемый аффикс практически реагирует на нёбную гармонию, а всегда берется только в одном, нёбном варианте. Примеры: *техник* — *техник-тар*, а не *техник-тэр*, *бензин* — *бензин-дын* (род. п.), а не *бензин-дин*, как мы ожидали, и мн. др. Это необычное явление, связанное уже с разрушением сингармонизма, объясняется следующим. Хотя слова типа *техник* имеют нёбные гласные, но конечный согласный *к* в русском произношении звучит «твердо», т. е. без палатализации, и это мешает башкирской фонетике квалифицировать данное слово как нёбное. Такова норма живой речи, на письме же здесь пока соблюдается гармония.

Губная гармония состоит в том, что после губных гласных корня (основы) в аффиксах должны следовать только губные и обратно. Как и во многих тюркских языках, в башкирском этот процесс имеет ограничения, а именно: губная гармония не соблюдается тогда, когда в 1-м слове корня (основы) мы имеем губной узкий, т. е. *у* и *ү*.² В остальных случаях она соблюдается строго, если, конечно, прибавляемый аффикс фактически

имеет губные варианты, например: аффикс - $\frac{һыҙ}{һиҙ}$, - $\frac{һоҙ}{һөҙ}$ их имеет, а аффикс множественного числа - $\frac{лар}{лар}$, - $\frac{тар}{тэр}$, - $\frac{дар}{дэр}$, - $\frac{зар}{зэр}$ их не имеет. Примеры: *кул* (рука) — *кул-ым* (моя рука), *һуз* (слово), — *һуз-им* (мое слово), но *тоҙ*

¹ Согласные *к* и *г* в чисто башкирских словах могут стоять только при гласных переднего ряда, а *к* и *г* — при гласных заднего ряда. Примеры: *кэрэк* (нужно), *ағас* (посев), *кармак* (удочка), *ағас* (дерево).

² То же после дифтонгов *оу* и *өү*, где конечный гласный узкий: *тоттоу* (ловля) — *тоттоу-сы* (ловец), *йөзөү* (плавание) — *йөзөү-се* (плвец).

(соль) — *тоз-ом* (моя соль), *йөз* (лицо) — *йөз-өм* (мое лицо); однако ср. *кул-дар* (руки), *һуз-зәр* (слова), *йөз-зәр* (лица).

В заимствованных из русского слова губная гармония в аффиксах имеет тенденцию изживаться, например: *Молоков* — род. п. *Молоков-тың*, не *Молоков-тоң*, *мотор* — род. п. *мотор-зың*, а не *мотор-зоң* и т. д.

Гармония согласных заключается в ассимиляции согласных по звонкости и глухости: после конечных звонких согласных корня (основы) должны следовать начальные звонкие согласные аффикса и наоборот. Примеры: *кул* (рука) — *кул-дың*, а не *кул-тың* (руки), *таш* (камень) — *таш-тың*, а не *таш-дың* (камень). Эта фонетическая особенность отражается и в орфографии: *кас-ты*, а не *кас-ды* (он убежал), *кал-ды*, а не *кал-ты* (он остался), *баш-та*, а не *баш-да* (в голове), *эш-тән*, а не *эш-дән* (с работы) и т. д.

Однако некоторые аффиксы литературного языка (в противоположность диалектам) не подчиняются этому правилу: сюда относятся такие, как *-лы* (*баш-лы* и *кар-лы*), *-һыз* (*кул-һыз* и *аш-һыз*) и т. д.

В диалектах, еще со времен Прёле, отмечены группы согласных *лт*, *рт* и *нт* вместо ожидаемых *лд*, *рд* и *нд*. Такие группы, которые известны и в архаичных тюркских языках, объясняются, очевидно, тем, что здесь мы имеем не *л*, *р* и *н*, а оглушенные звонкие: *з*, *р* и *н* (см. стр. 30).

Из сказанного выше следует, что аффиксы, реагирующие только на нёбную гармонию, имеют два варианта (например, $-\frac{са}{сә}$), а реагирующие на оба вида гармонии гласных, — четыре варианта (например, $\frac{һыз}{һез} - \frac{һоз}{һөз}$). И то, и другое число может быть удвоено, если начальный согласный аффикса подчиняется гармонии согласных.

В заключение отметим, что в самых «старых» башкирских словах встречаются параллельные формы с гласными заднего и переднего ряда.¹ Чередование *а* и *э* в корне мы отметили выше (см. стр. 13), а здесь приведем еще несколько примеров: *һымылдау* || *емелдәу* (мигать), *һалбырау* || *һәләберәу* (торчать), *тыкылдау* || *текелдәу* (тикать — о часах), *уйзырма* || *өйзөрмә* (выдумка), *акырыу* || *укереу* (рев), *соңгол* || *сөңгөл* (омут). Значительный процент таких случаев относится к звукоподражательным основам.

Кроме того, диалекты звают «агающие» формы отдельных местоимений и наречий (*шал* — тот, *шанан* — из того, *шанда* — там) в противоположность «укающим» формам литературной речи.

УДАРЕНИЕ

Ударение в башкирском языке экспираторное, т. е. основано на силе экспирации в момент произношения отдельных звуков. В отдельных словах ударение обыкновенно ставится на последнем слоге, например: *кулдәк* (рубашка), *уқыргá* (читать), *аксаһызлык* (безденежье), *китабыбыз* (наша

¹ Ср. Л. З а л и й. Татар диалектологиясе, 21.

книга), *алғандар* (они взяли). На словах ослабленного реального значения (служебные имена, послелог, модальные слова, частицы и некоторые наречия) ударение обыкновенно не ставится, и эти слова являются или проклитиками, если «присловены вперед», т. е. обслуживаются ударением следующего слова (*бик матур* = очень красиво), или энклитиками, если «присловены» к предыдущему слову и обслуживаются его ударением (*матур ғына* = довольно-таки красиво). Примеры на безударные слова: *тау өстендә* (на горé), *ағас астынан* (из-под дeрева), *бездән өсөн* (для нас), *ай шикелле* (как луна), *шулай икән* (такое, оказывается), *юк ите* (не было).

Башкирские аффиксы, как и отдельные слова, принципиально ударны, о чем см. на стр. 50—51. Позднейшие заимствования (из русского языка и через русский) сохраняют ударение оригинала. Примеры: *партня*, *трактор*, *фабрика*, *мастер*, *биохимия*, *аэропорт* и др.

В башкирских прилагательных нового типа на *ик* ударение фактически ставится на предпоследнем слоге: *экономик* (экономический), *социалистик* (социалистический).

Есть некоторые башкирские грамматические категории, аффиксы которых не принимают на себя ударения. Это прежде всего аффиксы сказуемости и категории, образованные при помощи их. Примеры: *башлайым* (я начинаю), *барайың* (ты идешь), *алсакмын* (я возьму), *килсәкһеңсә* (вы придете), *һатһанмын* (я продал).

Далее идут аффиксы глагольного отрицания - $\frac{ма}{мә}$, отличающиеся тем, что ударение ставится перед ними. Примеры: *алманым* (я не брал), *килмәһән* (он не приходил), *йҙәмәһә* (если он не напишет), *булмағас* (поскольку не было), *алмайынса* (пока не возьмет), *ашма* (не ешь).

В повелительном и желательном наклонениях (1-е и 2-е лица) ударение обычно ставится на предпоследнем слоге. Примеры: *ашағыҙ* (ешьте), *алайыҡ* (возьмем-ка), *уҡы* вм. *уҡы* (читай), *түктә* вм. *түктә* (подожди). Вероятно, это связано с тем, что слова такого типа произносятся с особым подъемом (эмпазой).

Аффикс - $\frac{са}{сә}$: *башкортса* (но-башкирски), *тубәндәһеңсә* (нижеследующим образом), *алғанса* (прежде чем взять). Частицы и модальные слова: *-да*, *-дыр*, *сы*, *кына*, *уҡ*. Примеры: *ул да* (он же), *алғандыр* (взял, должно быть), *ал сы* (возьми-ка), *ат кына* (лошадь только), *шулай уҡ* (так-то вот).

Арабские и персидские заимствования: *хәтта* (даже), *сөнһи* (потому что, так как) и другие одиночные слова.

В словах многосложных, кроме главного, могут быть и второстепенные (тоже экспираторные) ударения, которые мы обозначаем двойным или тройным знаком: *ал-ма-яһәк-һығыҙ* (вы не возьмете), *кил-мә-һән-дәр* (они не пришли).

Гласный, стоящий в безударном слоге, не редуцируется, как по-русски, а произносится вполне отчетливо. Ср. башк. *эрәмә* (перелесок) и происшедшее отсюда русское *урёма*.

Очень интересный материал по башкирскому ударению собран у Д. Кя-екбаева в его работе, посвященной башкирской орфоэпии.

Что касается башкирской диалектологии и ее изучения, то это является особой темой, и мы здесь ограничимся немногими словами. Старое деление на племенные говоры, или диалекты, имевшие хождение под названием юрматинского, куваканского, хальютского, эйзинского, и некоторые более мелкие, было известно давно, равно как и фонетические различия этих диалектальных единиц. В настоящее время имеется и совершенно новая величина, стоящая над диалектами и нивелирующая их: это — башкирский литературный язык. Он развился на базе диалектов, усвоив из них все понятное для трудящихся и откинув чисто местные специфические особенности, не имеющие перспектив дальнейшего развития. В настоящее время диалекты стираются под мощным влиянием единого литературного языка.

Научное изучение диалектов, как исторической базы литературного языка, велось в Башкирии неравномерно. Примерно с 1925 по 1928 г. производились кустарные изыскания местными силами. В 1928 и 1929 гг. на территории Башкирии работала языковая экспедиция Академии Наук СССР, которая принесла с собой новый метод и новые технические приемы работы, стоящие на уровне русской диалектологии. Таким путем были обследованы б. Тамьян-Катайский, Месягутовский и Аргаяшский кантоны. В 30-х годах был проведен ряд экспедиций более узкого масштаба для выполнения специальных заданий от местных органов. В настоящее время число проведенных экспедиций превышает 16, но собранные материалы еще не изданы, не считая кратких отчетов академического отряда и некоторых рукописных брошюр, составленных работниками местных экспедиций. Башкирская диалектология — большая тема, разработка которой стоит на очереди.

ОСНОВНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Состав слова

По морфологическим признакам башкирский язык, как и все тюркские, относится к языкам агглютинативного строя. Это положение сохраняется и теперь, хотя степень агглютинации в башкирском языке несколько меняется в результате обогащения словаря целым рядом терминов и выражений так называемого международного типа. Этот новый пласт словаря несет с собой новую морфологическую структуру, новый тип формантов. Несмотря на все это, новые слова, попадая в контекст башкирской речи, подчиняются нормам башкирской грамматики при всех своих дальнейших изменениях (склонение, спряжение). Таким образом, единый тип морфологического оформления и, в частности, единый тип склонения и спряжения продолжает сохранять свое монопольное положение в языке.

Башкирский язык не знает никаких «сильных», «слабых» и «смешанных» склонений, никаких «правильных» и «неправильных» глаголов; имеющиеся индивидуальные варианты всегда объясняются за счет фонетики, морфологические же показатели, присущие определенной категории, всегда остаются одни и те же.

С точки зрения морфологического состава башкирских слов в них следует различать: основу (корень) и аффикс. Основа представляет собой устойчивый фонетически звуковой комплекс, который характеризуется определенным семантическим единством и функционирует самостоятельно, как обозначение предмета, признака предмета, действия или грамматического отношения. Аффикс представляет собой звуковой комплекс, который фонетически зависит от основы и потому представляет не стандартное звуко-сочетание, а ряд фонетических вариантов. Не функционируя самостоятельно, аффикс приобретает семантическое единство только в соединении с основой.

Интересно отметить, что семантика некоторых башкирских аффиксов (например, *-лык*) столь многообразна, что только в индивидуальном конкретном слове приобретает одно определенное значение из нескольких возможных.

Эти семантические вариации во многих случаях существуют параллельно звуковым вариациям (сингармонизму).

Термин «аффикс» требует пояснения, поскольку в грамматиках употребляется противоречивая терминология. Нам кажется, что нет оснований

заменять его ни словом «суффикс», ни, тем более, словом «приставка». Понятие «суффикс» есть нечто противоположное «префиксу» и вполне уместное для тех языков, где есть префиксы, суффиксы и даже инфиксы. В башкирском же языке (и вообще в тюркских) существует только один путь морфологического развития слова: последовательное прибавление оформителей к концу основы, причем непосредственно за основой идет первый оформитель, за первым — второй, за вторым — третий и т. д. Например: *урман-дар-ыбыз-за-гы-лар-дан*, где *урман* есть основа (корень), *-дар* — первый оформитель, *-ыбыз* — второй оформитель, *-за* — третий оформитель, *-гы* — четвертый, *-лар* — пятый оформитель, *-дан* — шестой оформитель. Перевод этого одного слова: «из тех, которые находятся в наших лесах». Здесь, таким образом, мы имеем одну основу (корень) и 6 оформителей. Едва ли будет правильно называть эти оформители, прибавляющиеся к основе (корню) справа, суффиксами: суффиксы, действительно, тоже прибавляются справа, но они противопоставляются префиксам, которые прибавляются слева. Такая дробная терминология (префиксы, суффиксы) пригодна для языков, в которых имеются различные виды оформителей; в языках же такой типологии, как башкирский, мы по существу имеем один вид оформителя: оформитель, прибавляющийся к концу основы. При такой системе правильнее взять термин *аффикс*, который обычно употребляется в языкознании как родовое обозначение, включающее в себя три видовых: *префикс*, *инфикс*, *суффикс*. Но для тюркских языков такая номенклатура не имеет никакой ценности. Для них достаточно использовать один общий термин *аффикс*, поскольку оформители в них одного типа и других оформителей они принципиально не знают.

Сторонники термина «суффикс» привносят его из русской грамматики, мало считаясь со спецификой башкирского языка (и вообще тюркских). Мы же находили бы возможным применять термин «суффикс» только для тех башкирских оформителей нового типа, которые заимствованы из или через посредство русского языка и о которых говорится на стр. 73. Наша аргументация здесь такова. Преобладающий в башкирском языке тип оформителя — такой, который не имеет стандартного звукового вида, а представляет собой теоретическое единство конкретных звуковых вариантов. Это — *аффикс*. Для оформителей же иной типологии, которые обладают единством звукового состава, мы предлагаем термин «суффикс», поскольку в тех языках, откуда они заимствованы, они являются именно суффиксами.

Нам кажется, что при такой системе употребления терминов «аффикс» и «суффикс» мы подчеркнем их типологические различия, а кроме того, отметим и динамику развития башкирского языка.

Что касается термина «приставка», который употребляют некоторые грамматики, то он не подходит потому, что его иногда смещивают с префиксом, т. е. тем, что «ставится спереди»: если придерживаться этой точки зрения, то лучше было бы взять термин «подставка», т. е. то, что ставится сзади (sc. основы).

Заметим кстати, что, несмотря на старание некоторых найти в башкирском языке префиксы, попытки эти пока-что тщетны. Что касается международных префиксов (ср. конъюнктура, дискуссия, инфекция, реперкуссия, бифуркация, претензия, контрафакция и др.), то они, как и все эти слова, исторически возникли не в башкирском языке и новых башкирских образований на башкирской почве пока не дают. Что касается далее башкирских сочетаний типа *һип-һимез* (жирный-прежирный), то они никакими префиксами не снабжены, так как элемент *һип* и подобные ему употребляются с таким значением не при целой категории слова, а только при одном слове.¹ Едва ли можно назвать префиксом элемент, который «на пространстве всего языка» принципиально действителен только для одного слова и, что особенно важно, отнюдь не обнаруживает тенденции к дальнейшему расширению. Самый процесс образования форм *һип-һара* мы считаем грамматическим, но мы отрицаем, что технически он производится средствами морфологии (префикс + корень). Мы полагаем, что это — синтаксическое сочетание, которое возникло из полного повторения, и что первый элемент есть индивидуальный показатель второго слова, из которого он и образовался путем деформации. Нас не смущает и то обстоятельство, о котором говорится в примечании на этой же странице: по теории вероятностей вполне можно объяснить, что деформация первого слога одинаково начинающих слов дает и одинаковые результаты.

Процесс последовательного наращивания аффиксов к концу основы (агглютинация) неразрывно связан с процессом звуковой ассимиляции аффикса (т. е. величины несамостоятельной) предшествующей ему основе (т. е. величине независимой). Эта закономерность и проявляется в том, что обозначается термином «сингармонизм».

По своему содержанию башкирский аффикс чаще всего является показателем какой-нибудь одной категории (падежа, числа, времени, лица, склонения, залога и т. д.) и не может указывать сразу на несколько категорий, как, например, русское *луг-ов*, где *-ов* одновременно определяет падеж, число и род. С этой точки зрения в том порядке, с каким башкирские аффиксы прибавляются к основе, существует определенная закономерность: первым к основе прибавляется аффикс, указывающий на категорию максимально широкого объема, затем идет аффикс категории более узкого объема и т. д. Например, в слове *яз-ма-ясак-һығыз* (вы не будете писать) при основе *яз* стоят аффиксы: *-ма* (1-й степени), *-ясак* (2-й степени) и *-һығыз* (3-й степени). Дословная схема перевода: «писать + не + имеющий в будущем + вы». Здесь аффикс *-ма* стоит ближе всех к основе, так как обозначаемая им категория глагольного отрицания (не писать, не читать, не говорить и т. д.) по объему шире категории будущего времени (аффикс *-ясак*; *-ясак < й + асак*, где *й* возникло фонетическим путем; см. стр. 153), а она,

¹ Крайне редко при двух или трех, что объясняется фонетическим совпадением: ср. *һан-һары* (желтый-прежелтый), *һан-һай* (мелкий-премелкий), *һан-һаурай* (глухой-преглухой); *һан-һара* (черный-пречерный), *һан-һарт* (старый-престарый), *һан-һаты* (твердый-претвердый).

в свою очередь, шире категории 2-го лица (аффикс *-ныгыз*).¹ Ведь в категории отрицания может стоять не только будущее время, но и все другие времена, и притом не только 2-е лицо мн. ч., но и другие его лица, а в категории будущего времени также может стоять не только 2-е лицо мн. ч., но и другие его лица. Таким образом, постепенное наращение аффиксов основано на принципе постепенной конкретизации основы, точнее, понятия, которое она выражает. В результате такой последовательности сингармонизм может испытывать некоторые колебания. Например, в слове *коч-со-лар-ыбыз* (наши птицеводы; дословно: «птич-вик-и-наши») аффикс 1-й степени (*-со*) четырехвариантный, т. е. отражает и небную, и губную гармонию (см. в отделе фонетики, стр. 38), а аффикс 2-й степени (*-лар*) — двухвариантный, и после него губная гармония фактически прекращается, хотя идущий далее аффикс 3-й степени (*-ыбыз*) — четырехвариантный и теоретически мог бы отражать также и губную гармонию.

О диапазоне башкирских аффиксов, т. е. о числе вариантов каждого из них и о мотивировке этого числа см. выше в отделе фонетики, стр. 39.

Поскольку морфологическое оформление слова едино и каждый аффикс имеет только одну функцию, говорить о словообразовании и словоизменении для башкирского языка можно только в плане семантики. Правда, в процессе наращения аффиксов аффиксы словообразования предшествуют аффиксам словоизменения (например: *балык-сы-лар* — рыбаки, *урман-сы-ла* — у лесника и т. д.), но тем не менее типологического различия между теми и другими аффиксами нет, и различать их разной номенклатурой, как делают грамматики казахского языка, нет никаких оснований.

Итак, каждое башкирское слово может состоять: 1) из корня, т. е. осознаваться как неразложимое для современной стадии языка, например: *таш* (камень), *эш* (дело), *тел* (язык), *ут* (огонь), *бала* (ребенок), *ир* (мужчина), *һыу* (вода), *һуз* (слово), *бел* (знай), *кил* (приди), *кин* (уйди), *балык* (рыба), *һары* (желтый), *һабан* (соха), *суртан* (щука), *һаба* (кадка для кумыса) и т. д.; 2) из основы, т. е. неразложимого корня + аффикс (аффиксы) словообразования, например: *балык-сы* (рыбак), *һөт-лә* (молочный), *һөз-һөз* (несоленый), *эш-һөз-лек* (безработица), *акыл-лы-лык* (понятливость), *ал-ыр-ға* (брат); 3) из основы + аффикс (аффиксы) словоизменения, например: *кала-ға* (в город; городу), *балыксы-нан* (от рыбака), *бала-лар-ға* (детям, для детей), *уҡыусы-лар-ҙын* (учеников), *һүз-ҙәр-ебез-ҙән* (из наших слов).

Если ограничиться только сферой словообразования, башкирское слово,² как лексический элемент, бывает следующих типов: 1) слово, состоящее из корня (примеры выше, под пунктом 1), 2) слово, состоящее из корня и словообразовательного аффикса или аффиксов (примеры см. выше, под пунктом 2) и 3) сложное слово, состоящее из двух, а иногда и более

¹ Строго говоря, здесь можно различать две категории: лица (аффикс *һың > һыҫ*) и числа (аффикс — *ыҙ*). Однако они для современного языка слились в одну (см. стр. 57); иначе категория числа стояла бы перед категорией лица.

² Сюда, разумеется, не входят слова заимствованные.

корней. Примеры: *билбау* (пояс), что собственно слагается из двух элементов: *бил* (поясница) + *бау* (веревка), *тотьяк* (север), что состоит из *тот* (ночь) + *як* (сторона), *алкоми* (лебедь), что состоит из *ак* (белый) + *коми* (птица), *ташбаш* (пескарь), что состоит из *таш* (камень) + *баш* (голова), *Кондылыу* (Солнечная красавица — собственное имя), что состоит из *көн* (солнце, день) + *хылыу* (красавица), *Иркбай* (Свободный бай — собственное имя), что состоит из *ирк* (свобода, воля) + *бай*, *Уғатар* (Стреломёт — прозвище легендарного героя), что состоит из *уғ* (стрела) + *атар* (бросающий, мечущий).

Некоторые из этих сложных слов исторически представляют собой синтаксическое сочетание или так называемую определительную группу существительных (см. стр. 213 сл.). Таково сочетание *билбау* (*бил* + *бау*) — «поясничная веревка», подобно которому в языке существует целый ряд выражений.

Характерно, что эти выражения, как и само *билбау*, в диалектах сильно изменяются со стороны своей фонетики, откуда видно, что этимологический состав их для говорящего уже перестал быть ясным.

Так, вместо *билбау* в диалектах можно встретить формы *билгау* и *билмау*. Вместо *кашбау* (головная повязка у женщин) обычно слышится *кашмау*; этимология слова: *каш* (бровь) + *бау* (узел, завязка). Вместо *кунысбау* (подвязки у женщин) можно встретить форму *кунысмау*; этимология слова: *куныс* (голенщик) + *бау* (узел, веревка). Характерно, что здесь мы чаще всего встречаем наиболее архаичный тип определительной группы существительных (см. стр. 224), который особенно легко используется по линии словообразования.

О том, что *билбау* не одно слово, а сочетание слов, говорит не только его синтаксический анализ, но и фонетические данные. Ведь в старом башкирском языке (как и во всех тюркских) граница слова определялась прежде всего сингармонизмом. С этой точки зрения в *билбау* мы имеем, несомненно, два слова, граница между которыми проходит после *л*, так как *л* здесь произносится с палатализацией (смягчением).

Второй тип старых башкирских сложных слов может быть иллюстрирован примером *алкоми* (лебедь). Здесь мы по существу имеем определительную группу «прилагательное + существительное», т. е. определение-прилагательное + определяемое-существительное. Этимология слова: *ак* (белый) + *коми* (птица).

Особенно часто сложными словами выражаются собственные имена и притом как фольклорно-эпические, так и реальные. В настоящее время имеется тенденция писать такие двухсоставные имена вместе, откуда видно, что современное башкирское языковое мышление склонно рассматривать оба элемента собственного имени как одно целое. Что же касается предшествующих орфографий (в частности, старой башкирско-арабской), то там в этом отношении был разноречивой. Ныне же, несмотря на слитное начертание, сложный состав собственных имен вскрывается не только семантически, но и фонетически. См., например, *Тимербулат*, где сингармонизм устанавливает границу между двумя словами после *р*.

Грамматическое развитие слова

Для башкирского языка (как и вообще тюркских) весьма важное значение имеет грамматическое развитие слова, которое подчинено определенному закону. Общий процесс может быть формулирован так: от отдельного слова к аффиксу. Однако проследить этот процесс полностью можно только тогда, когда мы возьмем язык во всей его истории, которая для башкирского языка еще не изучена. Тем не менее отдельные черты этого процесса ясно различаются и в современном языке; мало того: сплошь и рядом они помогают разобраться в отдельных элементах этого современного языка. Прилагаемая ниже схема построена на характеристике отдельных типов грамматического слова, включая обе полярные противоположности (отдельное слово — аффикс) и типы, расположенные между ними. Вводя, таким образом, в башкирскую морфологию элементы историзма, настоящая схема поможет, кроме того, уяснить и соотношение между башкирскими частями речи, природу которых довольно трудно осознать, оставаясь на базе одной только современной морфологии башкирского языка.

1. Самостоятельное или отдельное слово в башкирском языке характеризуется следующими признаками:

1. Полновесная семантика или полное материальное содержание конкретного слова. Так, слова *ат* (конь), *китан* (книга) обозначают конкретные предметы, слова *якшы* (хороший), *һары* (желтый) обозначают конкретные атрибуты (признаки) предметов, слова *алдым* (я взял), *кылдем* (я пришел) указывают на действие предмета и т. д.

2. Возможность употребления вне контекста (например, в назывных или неполных предложениях), равно как, разумеется, и в контексте.

3. Наличие своего ударения.

4. Наличие стандартного звукового состава, т. е. неподчинение сингармонизму. Так, слово *ат* (конь) для того, чтобы сохранить свое значение «конь», может быть произнесено только *ат*, а не *ит* и не *ар* и т. д. Слово *алды* в значении «брать || взять» может быть произнесено только в форме *алды*, а не *улды*, не *улсы* и т. д.

5. Возможность словозменения по соответствующим морфологическим категориям (склонение, спряжение, сказуемость, принадлежность и др.).

6. Возможность образовывать новые слова при посредстве словообразовательных аффиксов. Например: *ат* (конь) — *атлы* (конный) — *атһыз* (бесконный); *яз* (пиши) — *язһыш* (перепишайся) — *язһусы* (пишущий) и т. д.

Из башкирских частей речи под категорию отдельного слова подходят следующие: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, междометие. Исторически, правда, эти группы не равноценны: все они сводятся к двум более крупным — имен и глаголов, причем прилагательные, числительные и местоимения являются более мелкими подразделениями имен и противопоставляются существительным, вместе с которыми составляют общую группу. Что касается наречий, то они комплекуются и из имен, и из глаголов. Между именами и глаголами в современном языке существуют определенные переходные формы. Что касается

междометий, то эта недифференцированная категория слов (по существу слов-предложений) стоит особо от имен и глаголов и исторически представляется более древней, чем эти обе категории.

II. Служебные слова отличаются от отдельных слов в том отношении, что они, сохраняя форму самостоятельного слова, уже утратили свое материальное смысловое содержание и выражают грамматические отношения разного рода, т. е. используются не в своем прямом значении, а в служебном. Примеры: *тау астында* — под горой (дословно: «внизу горы»), *агас артына* — за дерево (дословно: «в спину дерева»), *ятын тора* — он продолжает лежать (дословно: «лежа стоит»), *тәшә яззы* — он чуть не упал (формально: «падая, написал»), *йыр-лап ебәрзе* — он запел (дословно: «запев, послал») и т. д.

Приведенные примеры показывают, что понимать такие сочетания буквально никак нельзя (в некоторых случаях получится явная бессмыслица: *ятын тора* — он лежа стоит!), и потому такие слова, как *ас(т)*, *арт*, *тор*, *яз*, *ебәр* и др., приходится воспринимать в служебной функции.

Как и отдельные слова современного башкирского языка, служебные слова обычно происходят от имен и глаголов и потому распадаются на две более узкие группы: а) служебные имена (*ас(т)*, *арт* и т. д.) и служебные глаголы (*тор*, *яз*, *ебәр* и т. д.). Процесс выделения служебных слов из отдельных или самостоятельных слов связан также с тем, что служебные слова теряют свое собственное ударение и в смысле акцентуации прижимаются к предыдущему слову. Например, говорят *тау астында*, а не *тау астында́*, *язын тора*, а не *язын тора́*. Однако когда служебное имя выступает в качестве самостоятельного слова, оно имеет на себе полное ударение: *ул тора́* (он стоит), *тау өстө кар*, *асты ташлык* (вершина горы снеговая, а подножье каменистое).

Что касается возможности изолированного употребления, то служебное слово может стоять вне контекста только тогда, когда оно фигурирует не как служебное имя, например: *ас-ка* (вниз), *өс-кә* (вверх), *тор* (стой). В противном случае служебное слово всегда требует определенного контекста. Равным образом и словообразование допустимо только тогда, когда служебное слово выступает как отдельное слово. Таким образом, служебные слова сходны с отдельными словами по следующим признакам:

- 4) наличие стандартного звукового состава,
- 5) возможность словоизменения по соответствующим морфологическим категориям — и отличаются от них по следующим признакам:
  - 1) не имеют полновесной материальной семантики, так как указывают на грамматические отношения между словами,
  - 2) не могут употребляться вне контекста,
  - 3) не имеют своего ударения. Кроме того, они:
  - 6) не могут образовывать новые слова, поскольку остаются служебными словами.

III. Послелогии. Послелогии (*өсөн*, *шикелле*, *кечек*, *һымак*, *башка*, *күрә* и т. д.) характеризуются следующими признаками:

4 Грамматика башкир. языка

1. Не имеют полновесной материальной семантики и выражают грамматические отношения между словами. Этим послелогом отличаются от отдельных слов и сходны со служебными словами.

С другой стороны, в отличие от служебных слов, послелогом принципиально не употребляются в иных функциях, кроме служебной. Есть, однако, некоторые переходные случаи: *башка* (кроме) — послелог и *башка* (другой) — прилагательное, *курэ* (по, согласно) — послелог и *курэ* (видя) — дееспричастие и т. д. Эти немногочисленные переходные случаи указывают на процесс формирования послелогов, которые, очевидно, восходят к именам и глаголам и являются их окаменелыми формами (*башка* — дат. надеж от существительного *баш* — голова, *курэ* — дееспричастие от глагольного корня *кур* — видеть).

2. Вне контекста послелогом не употребляются, и это опять-таки сближает их со служебными именами.

3. Своего отдельного ударения послелогом, как и служебные имена, не имеют.

4. Послелогом имеют стандартный звуковой состав, совпадая в этом отношении с отдельными словами и служебными именами.

5—6. В отношении словообразования и словоизменения послелогом отличаются и от отдельных слов, и от служебных имен: на данной стадии языка они морфологически неизменяемы.

На ступени послелогов стоят еще следующие части речи: союзы и неизменяемые наречия (изменяемые наречия стоят на ступени отдельного слова). В качестве переходной группы неизменяемые наречия отличаются от типа послелогов по признаку первому: они имеют определенную материальную семантику. Во всех же остальных отношениях они по своему грамматическому развитию относятся к типу послелогов.

IV. А ф ф и к с ы. Они характеризуются следующими признаками:

1. Отсутствие полновесной материальной семантики. В этом отношении они отличаются от отдельных слов и примыкают к служебным словам и послелогам.

2. Невозможность отдельного употребления вне связи не только со словосочетанием (синтаксический контекст), но и с основой или корнем отдельного слова (морфологический контекст).

3. В отношении ударения аффиксы принципиально характеризуются ударностью. Тем не менее во всех современных тюркских языках, как и в башкирском, существует сравнительно небольшая группа безударных аффиксов (ср. *башкорт-са* — по-башкирски, *тәү-зай* — подобно горе, *алдыһың* — ты берешь и т. д.). Эту группу аффиксов (иначе: полуаффиксов) надлежит рассматривать как переходную от послелогов к аффиксам.

4. Вместо стандартного звукового состава аффиксы характеризуются наличием ряда звуковых вариантов, которые подчинены определенной закономерности. Таким образом, каждый аффикс есть теоретическое единство определенного числа звуковых вариантов, причем фактически в жизни встречается при конкретной основе слова какой-нибудь один конкретный вариант.

В некоторых тюркских языках существует группа аффиксов, сохраняющих единый звуковой состав и не подчиненных сингармонизму. Они составляют переходный тип от послелогов к аффиксам.

Служебные имена, послелог и аффиксы объединяются тем, что выражают грамматические отношения между словами, т. е. имеют абстрактную семантику в противоположность конкретной материальной семантике отдельных слов. Было бы весьма интересно наметить, чем отличается каждая из этих трех категорий «грамматических» слов в противоположность «знаменательным» (т. е. отдельным) словам. Служебные слова обозначают главным образом пространственные отношения, послелог — синтактико-морфологические отношения, т. е. такие, для выражения которых требуется синтаксический контекст, и, наконец, аффиксы — узко-морфологические отношения, для выражения которых достаточно морфологического контекста, т. е. рамок одного слова; признаки 5—6 (проблема словоизменения и словообразования) для аффиксов, естественно, отпадают.

Представленная выше схема последовательного развития слова в башкирском языке (и вообще в тюркских) дает общую, принципиальную картину процесса. Тем не менее она не предполагает, что буквально каждое слово прошло этот путь развития: в некоторых случаях слово могло миновать ту или иную фазу своего пути. С другой стороны, предположенная схема построена на принципе историзма, и потому в описательной грамматике современного языка чаще всего приходится наблюдать только смену двух соседних фаз, а не развитие одного и того же слова по всем фазам.

ОСНОВНЫЕ СИНТАКТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Категория сказуемости

С внешней стороны эта категория характеризуется специальными аффиксами сказуемости. Каждое имя (существительное, прилагательное, числительное, местоимение, именные формы глагола) для того, чтобы стать сказуемым, должно быть оформлено аффиксами сказуемости. Таким образом, морфологическая по существу категория сказуемости одновременно выполняет и синтаксическую функцию. Если в русском, немецком и других языках сказуемость имен выражается синтаксически (особым вспомогательным глаголом или специальным порядком слов и т. д.), то в тюркских языках здесь употребляется морфологический способ выражения, и такая фраза, как «я — ученик», в этих языках передается одним, а не несколькими словами (например башкирское *уҡыусымын*).

Аффиксы сказуемости в башкирском языке следующие:

	Ед. число
1-е л.	$\frac{мын}{мен} - \frac{мон}{мен}$
2-е л.	$\frac{һын}{һен} - \frac{һон}{һөн}$

3-е л. - $\frac{дыр}{дер} - \frac{дор}{дөр} \parallel \frac{тыр}{тер} - \frac{тор}{төр} \parallel \frac{зыр}{зер} - \frac{зор}{зөр} \parallel \frac{лыр}{лер} - \frac{лор}{лөр}$

Мн. число

1-е л. - $\frac{быз}{без} - \frac{боз}{бөз}$

2-е л. - $\frac{һығыз}{һеғез} - \frac{һоғоз}{һөғөз}$

3-е л. - $\left[\frac{дырзар}{дерзар} - \frac{дорзар}{дөрзар} \parallel \frac{тырзар}{терзар} - \frac{торзар}{төрзар} \right.$

$\left. \parallel \frac{зырзар}{зерзар} - \frac{зорзар}{зөрзар} \parallel \frac{лырзар}{лерзар} - \frac{лорзар}{лөрзар} \right]$

Аффиксы сказуемости не имеют на себе ударения. Личное местоимение, выражающее субъект, может быть налицо, а может и пропускаться; в первом случае часто отпадает и самый аффикс сказуемости. Примеры: я — ученик = 1) *мин укыусы* [мын] и 2) *укыусымын*.

В форме *языусы-мын* (я — писатель) различаются: именная часть сказуемого (*языусы*) и аффикс сказуемости (*-мын*). При аффиксах сказуемости ед. числа именная часть ставится также в единственном числе. Если же аффиксы сказуемости стоят во множественном числе, то имя сказуемого, коль скоро оно выражено существительным, может стоять и в том, и в другом числе. Так, в современном башкирском языке одинаково можно встретить и *без языусы-быз* (в смысле: «мы — писатели») и *без языусылар-быз* (в том же смысле). Множественное число употребляется здесь тогда, когда хотят дифференцировать понятие или придать ему больший акцент (*без языусылар-быз*). Употребление множественного числа в этом случае надо, повидимому, рассматривать как явление сравнительно новое. Это видно из того, что в таких несомненно старых выражениях, как «мы — башкиры», никогда не употребляется множественное число имени сказуемого: форму *без башкорт-тар-быз* нам нигде и никогда слышать не приходилось. Известное значение в этом вопросе имеет, несомненно, и влияние русского языка с его нормами согласования в числе.

Добавим, что если имя сказуемого является прилагательным, то оно сохраняет форму единственного числа даже при аффиксах множественного числа. Примеры: *мин тырыш-мын* (я прилежен), *без тырыш-быз* (мы прилежны).

Аффиксы сказуемости 1-го лица обоих чисел представляют собой личные местоимения (*мин* — я, *без* — мы), которые утратили характер самостоятельного слова и принимают обычные для тюркских аффиксов звуковые варианты (в башкирском литературном языке по линии гласных таких вариантов четыре, а в других, как, например, в татарском — два).

Аффикс 2-го лица ед. ч. восходит к местоимению 2-го лица ед. ч. *һин* (ты). Аффикс сказуемости 2-го лица мн. ч. в тюркских языках также развился из личного местоимения *сиз* > *сез* (вы). Что касается башкирского аффикса $\frac{һығыз}{һез}$ или $\frac{һоғоз}{һөгөз}$, то он, очевидно, разлагается на две части:

һығ+ыз, *һег+ез* и т. д. Первая часть есть видоизменение башкирского аффикса 2-го лица ед. ч. (*-һығ* || *-һег* < *-һың* || *-һең*), а вторая часть (*-ыз* || *-ез*) есть архаичный показатель множественности, по значению равный современному башкирскому *-лар* || *-тар* || *-дар* | *-зар* и т. д. Этот архаичный показатель множественности встречается как пережиток еще в некоторых категориях современного башкирского языка. Например, слово *мин* (я) разлагается на две части: *ми* || *би+н* (такой состав устанавливается путем сравнения соответственного материала ряда тюркских языков), а в связи с этим *без* < *биз* разлагается на *бе* - < *би* - + - *з* < - *з*. Таким образом, слово *без* формально представляет собой множественное число к слову *мин* || *бин*. Такое же соотношение мы имеем между *һин* (ты) и *һез* (вы) или, как в татарском, между *син* (ты) и *сез* (вы). Кроме того, формы *ат-ым* (мой конь) и *ат-ыбыз* [в других тюркских языках *ат-ымыз* (наш конь)] различаются также этими старинными показателями множественности.

Аффикс 3-го лица $\frac{дыр}{дер}$ - $\frac{тыр}{тер}$ - $\frac{зыр}{зер}$ - $\frac{мыр}{лер}$ и т. д. исторически вос-

ходит к глагольному корню «стоять» — башкирскому и татарскому *тор-*, а в других тюркских языках — *тур-* || *дур-*. Использование глагола «стоять» в смысле «быть» известно во многих языках мира (например, во французском, испанском, греческом, персидском и др.).

Поскольку 3-е лицо сказуемости возникло особо от первых двух, мы имеем здесь и особый аффикс не-местоименного происхождения. Кроме того, аффикс 3-го лица в современном башкирском языке почти всегда пропускается, а если и употребляется, то уже не при именах, а при глаголах, и тогда имеет особое значение (например, *ул килэн-дер* по смыслу отличается от *ул килэн*). Надо заметить, что в смысле аффикса сказуемости при именах весьма часто встречается личное местоимение 3-го лица *ул* (он), т. е., иначе говоря, здесь намечается тот же процесс, который давно уже реализован в отношении первых двух лиц. Пример: *Хәсан язмышы-ул* Хасан — писатель (дословно: «Хасан писатель он»). Характерно, что в этом случае *ул* осознается как отдельное слово, а не как аффикс; внешне это выражается в том, что слово *ул* сохраняет стабильность звукового состава, т. е. не подчиняется сингармонизму.

Вообще надо сказать, что категория сказуемости несомненно существует в языковом сознании башкир как реальная, но тем не менее фактически применяется редко. Теперь в живой речи при выражении сказуемого этими аффиксами почти не пользуются, а употребляют существительное или прилагательное, выражающее сказуемое, в их первоначальной форме. При этом лицо и число выражаются личным местоимением субъекта, постановка которого в данном случае обязательна. Примеры: *мин язмышы*

(я — писатель), *мин ызыусы* (ты — ученик) и т. д. Таким образом, в современном башкирском языке наблюдаются тенденции к замене категории сказуемости (морфологической) чисто синтаксическим сочетанием подлежащего и имени сказуемого, как это имеем, например, в русском языке.

Однако, судя по данным фольклора (а для татарского языка и по данным литературы), можно полагать, что в более старом башкирском языке употребление аффиксов сказуемости было нормативным. Другим доказательством является то, что многие личные формы башкирского глагола (главным образом настоящие и будущие времена) оформлены по типу категории сказуемости, т. е. посредством тех же самых аффиксов сказуемости, о которых мы говорили выше. К этому факту, который указывает на именной характер тюркского спряжения, мы вернемся в своем месте. Для того чтобы закончить вопрос о башкирской категории сказуемости, остается еще добавить, что во многих из современных тюркских языков постановка аффиксов сказуемости остается обязательной.

Отрицательная форма сказуемости образуется при помощи специального слова *тузел*, к которому и прибавляются аффиксы сказуемости. *Тузел* представляет собой самостоятельное слово и, следовательно, сохраняет стандартный звуковой состав.

Исторически слово *тузел* надо сопоставлять со словом *тежел* || *тецел* (всецело) = башк. *тецел*, тат. *тузел*. Значение «отрицательной связки» при именах *тузел* приобрело, очевидно, впоследствии так же, как, например, французское *pas du tout*. Характерно, что *тузел* в качестве отрицания употребляется только при именах; при глаголах же отрицание передается

специфическим аффиксом — $\frac{ма}{мэ}$, причем, однако, некоторые глагольные формы именного происхождения, если они не совсем еще сложились в качестве глагольных, могут также принимать и слово *тузел*. Подробнее об этом будет сказано в своем месте.

Равным образом здесь мы не будем указывать на то, что слово *тузел* может употребляться как наречие отрицания и даже как союз (см. стр. 128).

Прибавление аффиксов сказуемости к слову *тузел* является в значительной степени факультативным; при отсутствии их обязательно употребление личных местоимений субъекта. Примеры: *ызыусы тузелмен* или *мин ызыусы тузел* (я не писатель).

Категория принадлежности

Категорией принадлежности называется грамматическая категория, выражающая одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя, связанное с одним из трех лиц, которые обозначаются посредством личных местоимений. Таким образом, в башкирском *ат-ым* (мой конь) мы различаем два элемента: предмет обладания, выраженный основой *ат-*, и имя обладателя, выраженное аффиксом принадлежности *-ым* (мой). Форма *атым* выражает так называемую конкретную принадлежность, поскольку она дает понятие не только о самом отношении (мой), но и о том предмете,

на который это отношение распространяется. Соединение этих двух моментов в форме одного слова и составляет морфологическую категорию конкретной принадлежности.

Правда, кроме формы *ат-ым* конкретная принадлежность в тюркских языках может выражаться и другими способами (об этом см. ниже), однако тип *ат-ым*, очевидно, нужно считать основным типом этой категории.

Если сравнить тюркское *ат-ым* с соответствующим русским, немецким и другими выражениями (мой конь, mein Pferd и т. д.), то здесь выступает следующее различие: в русском и других языках понятие принадлежности выражается синтаксическим способом («мой» — определение, «конь» — определяемое), тогда как в тюркских языках это соотношение выражено морфологически, т. е. в рамках одного слова, оформленного соответствующими аффиксами (*ат-ым*).

Мы уже говорили, что такого рода отношение называется конкретной принадлежностью. Кроме того, существует так называемая абстрактная принадлежность, которая выражает идею принадлежности отдельно от того предмета, на который она могла бы быть направлена. Например, в предложении *был ат минеке* (этот конь — мой) слово *минеке* означает абстрактное понятие и в этом случае близко подходит к форме выражения русского или немецкого языков. Таким образом абстрактная принадлежность в тюркских языках выражается так же, как в русском, немецком и др. Поэтому здесь мы о ней говорить не будем, а сосредоточим все внимание на форме выражения конкретной принадлежности.

Поскольку и предмет обладания, и имя обладателя могут стоять и в единственном числе, и во множественном числе, здесь возможны четыре случая:

а) предмет обладания стоит в единственном числе, и имя обладателя тоже в единственном числе: *ат-ым, ат-ың, ат-ы* = мой конь, твой конь, его конь и т. д.;

б) предмет обладания (*ат*) стоит в единственном, а имя обладателя — во множественном числе: *ат-ыбыз, ат-ығыз, ат-тары* = наш конь, ваш конь, их конь и т. д.;

в) предмет обладания стоит во множественном, а имя обладателя — в единственном числе: *аттар-ым, аттар-ың, аттар-ы* = кони мои, кони твои, кони его и т. д.;

г) и предмет обладания, и имя обладателя стоят во множественном числе: *аттар-ыбыз, аттар-ығыз, аттары* (см. ниже о составе формы) = кони наши, кони ваши, кони их и т. д.

В дальнейших рассуждениях мы сперва будем исходить из того случая, когда предмет обладания стоит в единственном числе.

Перечислим сначала аффиксы принадлежности, которые бывают двух типов: аффиксы принадлежности для гласных основ и аффиксы принадлежности для согласных основ. Деление это основано на чисто фонетических моментах и несколько не опровергает того факта, что тип категории принадлежности (как, впрочем, и других морфологических категорий),

в башкирском языке единый, что наблюдается соответственно и в других тюркских языках.

Аффиксы принадлежности для согласных основ:

Ед. число	Мн. число
1-е л. - $\frac{ым}{ем} - \frac{ом}{ом}$	$\frac{ыбыз}{ебез} - \frac{обоз}{обоз}$
2-е л. - $\frac{ың}{ең} - \frac{оң}{оң}$	$\frac{ығыз}{егез} - \frac{оғоз}{өгөз}$
3-е л. - $\frac{ы}{е} - \frac{о}{ө}$	$\frac{тары}{тәре} \parallel \frac{дары}{дәре} \parallel \frac{зары}{зәре}$

Примеры:

Ед. число

1-е л. <i>ат-ым</i> (мой конь) <i>кош-ом</i> (моя птица)	<i>эт-см</i> (моя собака) <i>йөз-өм</i> (мое лицо)
2-е л. <i>ат-ың</i> (твой конь) <i>кош-оң</i> (твоя птица)	<i>эт-ең</i> (твоя собака) <i>йөз-өң</i> (твое лицо)
3-е л. <i>ат-ы</i> (его конь) <i>кош-о</i> (его птица)	<i>эт-е</i> (его собака) <i>йөз-ө</i> (его лицо)

Мн. число

1-е л. <i>ат-ыбыз</i> (ваш конь) <i>кош-обоз</i> (ваша птица)	<i>эт-ебез</i> (наша собака) <i>йөз-обөз</i> (наше лицо)
2-е л. <i>ат-ығыз</i> (ваш конь) <i>кош-оғоз</i> (ваша птица)	<i>эт-егез</i> (ваша собака) <i>йөз-өгөз</i> (ваше лицо)
3-е л. <i>ат-тары</i> (их конь) <i>кош-тары</i> (их птица)	<i>эт-тәре</i> (их собака) <i>йөз-зәре</i> (их лицо)

Ср. еще *юл-дары* (их путь), *кыз-зары* (их дочь) и т. д.

Аффиксы принадлежности для гласных основ:

Ед. число	Мн. число
1-е л. - м	$\frac{быз}{без} - \frac{боз}{бөз}$
2-е л. - н	$\frac{ғыз}{гез} - \frac{ғоз}{гөз}$
3-е л. - $\frac{һы}{һе} - \frac{һо}{һө}$	$\frac{лары}{ләре}$

Примеры:

Ед. число

- 1-е л. *бала-м* (мой ребенок)
 2-е л. *бала-ң* (твой ребенок)
 3-е л. *бала-һы* (его ребенок), *булма-һе* (его комната)
һоло-һо (его овес), *көзө-һө* (его зеркало)

Мн. число

1-е л. <i>бала-быз</i> (наш ребенок)	<i>булма-без</i> (наша комната)
<i>һоло-боз</i> (наш овес)	<i>көзө-бөз</i> (наше зеркало)
2-е л. <i>бала-ғыз</i> (ваш ребенок)	<i>булма-гез</i> (ваша комната)
<i>һоло-ғоз</i> (ваш овес)	<i>көзө-ғоз</i> (ваше зеркало)
3-е л. <i>бала-лары</i> (их ребенок)	<i>булма-ларе</i> (их комната)
<i>һоло-лары</i> (их овес)	<i>көзө-ларе</i> (их зеркало)

Относительно происхождения аффиксов принадлежности можно заметить следующее. Аффиксы 1-го и 2-го лица обоих чисел имеют отношение к личным местоимениям; однако эти местоимения отражены здесь в несколько ином виде, чем это мы наблюдаем в категории сказуемости. Аффиксы *-ыбыз* и *-ығыз* (в других тюркских языках *-ымыз* и *-ыңыз*) разлагаются, очевидно, на два элемента: **-ыб || -ым + -ыз || -ыз* и **-ығ || -ың + -ыз || -ыз*, где *-ыз || -ыз* является архаичным показателем множественности.

Что касается аффиксов *-лары*, *-тары*, *-дары*, *-зары*, *-лары*, *-лары*, *-лары*, *-лары*, то они,

очевидно, разлагаются на *-лар*, *-тар*, *-дар*, *-зар* + $-\frac{ы}{е}$. В силу того, что *-лар*, очевидно, является более новым показателем, чем архаичное *-ыз < -ыз*, можно предпологать, что аффикс $-\frac{лары}{лары}$ и т. д. образовался позд-

нее, чем другие аффиксы принадлежности. Этот факт стоит в связи с относительно редким употреблением башкирского множественного числа, о чем будет сказано в своем месте. Отсюда ясно, почему даже и теперь понятие «их конь» передается по-башкирски скорее формой *ат-ы*, чем формой *ат-тары*.

Происхождение аффикса $-\frac{һы}{һе} - \frac{һо}{һө}$ (татарское соответствие $-\frac{сы}{се}$)

надлежащим образом еще не выяснено; по некоторым соображениям представляется приемлемой гипотеза В. В. Радлова, который возводил этот аффикс к самостоятельному слову, существующему ныне в татарском языке в форме *сын* (образ, изображение).

Образование типа *аттары* (татарское соответствие *атлары*) в тюркских языках имеет несколько значений в зависимости от состава данной формы, что определяется ее анализом по контексту.

Здесь допустимы следующие возможности: 1) *аттары* = *аттар+ы* («кони его»), 2) *аттары* = *ат + тары* («кони их»), 3) *аттары* = *аттар + тары* («кони их»).

В последнем случае мы имеем фактическое выпадение 2-го слога = *тар* (т. е. из* *ат-тар-тары* получается *ат-тар-ы*), что, как известно, обозначается термином гаплогогия (явление, обычное во многих языках).

Благодаря существованию в тюркских языках другого типа категории принадлежности (ср. башкирское *минен атым*, *хинен атың* и т. д.), тройное значение формы *аттары* может быть сведено к двоякому. Поясним это примерами. Выражение *уның аттары* может обозначать только одно: «кони его», а *уларзың аттары* означает или: «кони их» (если *аттары* = *ат + тары*), или: «кони их» (если *аттары* равняется несуществующей реально, но теоретически предполагаемой форме *аттар + тары*).

Теперь остановимся подробнее на этих типах категории принадлежности. Как мы уже отметили, кроме основного типа (*ат-ым*, *ат-ың*, *ат-ы* и т. д.), существует два других для выражения той же самой категории: *минен атым* и *минен ат*; оба эти типа в основном имеют то же значение, что и первый тип.

Второй тип (*минен атым*) можно назвать морфологическо-синтаксическим, поскольку принадлежность выражается тут и средствами морфологии (аффикс *-ым*), и средствами синтаксиса (синтаксическое определение в виде слова *минен*). Эти самостоятельные слова-определения при втором типе принадлежности представляют собой не что иное, как родительные падежи личных местоимений: *минен* (мой) от *мин* (я), *хинен* (твой) от *хин* (ты), *унын* (его) от *ул* (он), *беззен* (наш) от *без* (мы), *һеззен* (ваш) от *һез* (вы), *уларзың* (их) от *улар* (они).

Третий тип (*минен ат*) можно назвать синтаксическим, поскольку принадлежность выражена здесь средствами синтаксиса (слово-определение *минен*). Этот тип по своей структуре стоит ближе всего к русской и немецкой форме выражения принадлежности (мой конь, mein Pferd). В 3-м лице обоих чисел этот тип фактически не употребляется. Вообще же вопрос о том, какой из этих трех типов наиболее употребителен и в каких случаях, относится не только к области грамматики, но и к области стилистики.

Форму *минен ат* неправильно считать формой, образованной под влиянием русского языка, так как этот тип встречается в одном из тюркских языков VIII в. В выражении *минен атым* (как бы «мой коньмой») подчеркивается понятие «мой», выраженное двояко (отдельным словом и аффиксом), тогда как в форме *атым* центр тяжести лежит, очевидно, на слове *ат*. Повторное обозначение понятия «мой» придает типу *минен атым* также известную эмоциональность.

Тип *минен ат* употребляется скорее в разговоре, чем в литературном языке. Он тоже связан с определенной эмоциональностью, но не личного, а, так сказать, коллективного характера; в этом смысле употребляется, например, такое выражение, как в фольклоре: *һеззен ерзәр ер тучел* (ваши земли — не земля) или *беззен Фаррах* (наш Фаррах). Наоборот, эмоциональность чисто личного характера выражает четвертый тип, который

структурно представляет собой перестановку второго типа: *атым минең*, что соответствует русской передаче: конь-то мой... (каков? а?). Для сравнения можно привести две фразы: *минен атым юғалды* (мой конь пропал) и *атым минең юғалды* (конь-то мой пропал!). В сочетании *атым минең* надо отметить особый порядок слов (определение после определяемого), что вообще бывает крайне редко и явно противоречит нормативному порядку слов башкирской фразы.

Если отдельные формы категории принадлежности служат в предложении подлежащим, то сказуемое, кроме глагола, может быть выражено также при помощи специальных модальных слов *бар* и *юк*. И обратно: слова *бар* и *юк*, о которых сейчас пойдет речь, употребляются в качестве сказуемого главным образом тогда, когда подлежащим является одна из форм принадлежности — реже существительное без аффиксов принадлежности. Предложения, сказуемым которых являются слова *бар* и *юк*, представляют собой второй тип башкирского простого предложения, если первым считать предложения с формой сказуемости, а третьим — предложения с глагольным сказуемым.

Сочетание форм принадлежности со словами *бар* и *юк* по своему смысловому содержанию соответствует тем конструкциям, которые в русском и в других языках связаны с глаголом «иметь» в положительном и отрицательном виде (т. е. «иметь» и «не иметь»). В тюркских языках глагол «иметь», как таковой, формально отсутствует, и понятие, выражаемое им, они передают совершенно другими средствами. Возьмем примеры. По-русски говорят: «я имею книгу», а по-башкирски: *минен kitabым бар* (дословно: «моя книга имеется»). В русском предложении подлежащим является слово «я», т. е. слово «я» как бы представляется действующим фактором, распространяющим свою активность на предмет, называемый «книга». С точки зрения русского языка выражение «я имею книгу» и «я читаю книгу» в основном представляет одну и ту же конструкцию. Для башкирского же языка в предложении *минен атым бар* подлежащим является слово *атым*, которое и находится в центре внимания говорящего, а понятие «мой», логически соответствующее понятию «я» русского предложения, здесь является своего рода атрибутом (определением), т. е. во всяком случае второстепенным моментом. Таким образом, предложение *минен атым бар*, если его перевести в план русского языка, собственно означало бы: «мой конь имеется || существует». С этой точки зрения башкирское *минен атым бар* в качестве так называемого пассивного оборота скорее соответствует другому русскому выражению: «у меня есть конь». Однако следует заметить, что это соответствие неполное: русское выражение «у меня есть» может соответствовать не только башкирскому *минен бар* (у меня есть = мне принадлежит), но и *минде бар* (у меня есть = при мне находится), причем последняя форма, передающая временное местонахождение предмета, к категории принадлежности отношения не имеет.

Что касается происхождения слов *бар* и *юк*, то из сравнительного материала по разным тюркским языкам можно заключить, что эти слова первоначально были существительными, причем *бар* означало «нахождение

налицо» или «наличие чего-либо», а основа *юк* обозначала «ненахождение» или «отсутствие» чего-либо. На именной характер слов *бар* и *юк* указывают сохранившиеся отдельные случаи словообразования, например, *бар-лык* (наличность, реальность), *юк-лык* (отсутствие), *юк-һыл* (неимущий), *юг-ал-ыу* (теряться), *бар-ла-у* (обследовать), *бар-ы-һы* (все они), а также отдельные моменты словоизменения: *юк-ка сыкты* (он пошел впустую, т. е. как бы в «отсутствии»), *юк-тан бар булган* (из отсутствующего стал наличным), *юк нэмэ* (пустяк), *юк сэфэр* (ненужное путешествие).

Как и всякое существительное в тюркских языках, слова *бар* и *юк* могли функционировать в качестве прилагательных по следующей схеме: *бар* (наличие → имеющийся в наличии, наличный) и *юк* (отсутствие → отсутствующий).

Первоначально *бар* и *юк*, повидному, употреблялись как именная часть категории сказуемости, т. е. в виде *барзыр* и *юктыр*. Эти формы существуют и теперь во многих тюркских языках; тем не менее в целом ряде других тюркских языков они могут утрачивать аффикс *-дыр* и употребляться в виде основы *бар* и *юк*. Таким образом, если исторически употребление *бар* и *юк* оформлялось по типу сказуемости, то для современных тюркских языков *бар* и *юк* сами создали особый тип сказуемого наряду с собственно-именным и собственно-глагольным.

В плане перевода и стилистического анализа важно различать смысловые оттенки двух рядов: 1) *бар* и *-дыр* (по-русски оба передаются одинаково: «есть»), 2) *юк* и *түгел* (по-русски оба иногда могут переводиться словами «не» или «нет»).

Слова *бар* и *юк* выражают наличие или отсутствие чего-либо и в основном связаны с понятиями количественного порядка. Таким образом, *бар* есть как бы форма утверждения количества, а *юк* — форма его отрицания. В противоположность этому элементы *-дыр* и *түгел* являются показателями качественного порядка. Они утверждают или отрицают известную квалификацию за предметом, наличие которого не подвергается сомнению. Отсюда понятно, что конструкции с *бар* и *юк* выступают первыми в ходе выражения мысли (т. е. устанавливают наличие или отсутствие предмета), а конструкции с *-дыр* или *түгел* употребляются тогда, когда о наличии (или отсутствии) предмета речь уже была и теперь требуется квалифицировать этот, уже известный слушателю (читателю), предмет. Предположим, что кто-нибудь, рассказывая о своем хозяйстве, хочет сообщить своему слушателю о том, что у него есть лошадь. Очевидно, он скажет: *минен атым бар* или *миндэ ат бар*. В отрицательном случае он выразит свою мысль так: *минен атым юк* или *миндэ ат юк*. Если же этот человек заводит беседу о качествах разных лошадей, которые слушателю известны, то он, очевидно, скажет так: *минен атым бик якшы* [исторически: *якшы-лыр*] (мой конь очень хорош), или: *минен атым бик шэт түгел* (мой конь не очень резвый) и т. д.

К особенностям употребления слова *юк* нужно отнести его функцию в качестве наречия отрицания, т. е. оно равняется русскому «нет» в противо-

положность «да»: *юк, ул килмәги* (нет, он не приходил). В некоторых же тюркских языках такое употребление слова *юк* недопустимо, и там в этом случае ставятся другие слова — например, в азербайджанском заимствованное из арабского слова *хейир*: *хейир, қәлмәми* (нет, он не приходил).

Категория склонения

В противоположность языкам других групп, тюркские языки имеют единый тип склонения. Иначе говоря, в тюркских языках нет первого, второго, третьего и т. д., как в русском языке, или слабого, сильного и смешанного склонения, как в немецком языке, а есть один тип склонения, применяющийся во всех случаях. При этом нужно заметить, что склонение множественного числа морфологически не отличается от склонения единственного числа, т. е. производится при помощи тех же самых падежных аффиксов. Таким образом, если в других языках формы склонения имеют морфологические варианты, то в тюркских языках формы склонения могут иметь только фонетические варианты, но отнюдь не морфологические.

В башкирском языке существует следующая система падежей: 1) неопределенный (*тәп килеш*), родительный (*эйәлек килеш*), дательный (*төбәү килеш*), винительный (*төшәм килеш*), местный (*урын-вакыт килеш*), исходный (*сығанаҡ килеш*).

Исторически самым молодым является, очевидно, исходный падеж. Его еще не было в орхонских надписях VIII в., где его функции выполнял местный падеж; он появляется позднее — в эпоху классической уйгурской литературы.

Падежи башкирского языка (и других тюркских) удобно делить на две группы: 1) пространственные, или обозначающие пространственные отношения (дательный, местный, исходный), 2) грамматические, или падежи, обозначающие грамматические отношения (все остальные падежи).

Пространственные падежи означают: исходный пункт в действии или движении (исходный падеж), конечный пункт действия или движения (дательный падеж), отсутствие движения или нулевое движение (местный падеж). Таким образом, из трех пространственных падежей два (исходный и дательный) связаны с выражением динамики, поскольку показывают движение в его начальной и завершительной стадии, а один (местный) — с выражением статики (отсутствия движения).

Грамматические падежи указывают следующие отношения: 1) положение подлежащего (*тәп килеш*), 2) принадлежность (родительный падеж), 3) прямой объект действия (винительный падеж). Падеж, называемый в башкирской грамматике *тәп килеш*, имеет, кроме указанной, еще ряд функций, о которых будем говорить несколько ниже.

Тем не менее, между группой пространственных и грамматических падежей полного разобщения нет, и потому деление падежей на две группы нужно считать условным. Пространственные падежи можно назвать

пространственными только по преимущественному их употреблению. Вместе с тем дательный падеж, например, может обозначать не только пространство (на вопрос: куда?), но и косвенный объект (на вопрос: кому, чему?). Поэтому некоторые авторы называют его дательно-направительным или просто направительным. Однако можно сохранить и прежний термин, если только помнить о двойной функции этого падежа. Таким же образом местный и исходный падежи могут означать не только пространство, но и косвенный объект.

Особого внимания заслуживает первый падеж башкирского склонения, который обычно переводят по-русски термином «именительный». Дело в том, что функция этого падежа гораздо шире, чем у русского именительного. Если русский именительный падеж есть только падеж подлежащего, то башкирский *тәң килеш* не только выражает подлежащее, но и употребляется параллельно целому ряду других падежей (винительному, родительному, а иногда даже местному, исходному и дательному). Кроме того, этот же падеж означает время: *был ай* (в этом месяце — дословно: «этот месяц»), *бер заман* (в одно время, однажды — дословно: «одно время») и т. д.

В научной литературе, начиная со времени Бётлингга и Гадлова, первый падеж склонения тюркских языков называется неопределенным падежом. Это название оправдывается и с внешней, и с внутренней стороны. С внешней стороны неопределенный падеж характеризуется тем, что он не определяется какими-либо особыми аффиксами, как другие падежи, а совпадает с основой имени. С внутренней стороны, или со стороны содержания, неопределенный падеж указывает на особую категорию неопределенности, которая в русском языке отсутствует, а в западных языках реализуется при помощи неопределенного члена (артикла).¹ Например, разница между двумя выражениями: *китан укырга* (собственно: «книга читать») и *китанты укырга* (собственно: «книгу читать»), — сводится к тому, что под словом *китан* говорящий понимает какую-то неопределенную книгу или даже какие-то неопределенные книги, как известный коллектив, а под словом *китанты* — только одну определенную книгу. Такая же разница между двумя выражениями: *кала баксаһы* (сад какого-то || всякого вообще города = городской сад) и *калань баксаһы* (сад данного города), — точнее: между неопределенным падежом *кала* и родительным *калань*.² Кроме категории неопределенности, этот падеж обозначает и подлежащее; но это только один частный случай в употреблении неопределенного падежа.

Перечислим аффиксы отдельных падежей с их фонетическими вариантами.

Неопр. п. (специальных аффиксов нет).

Род. п. $\frac{дың}{дең} - \frac{доң}{дөң} \left\| \frac{тың}{тең} - \frac{тоң}{төң}$

$\left\| \frac{зың}{зең} - \frac{зоң}{зөң} \left\| \frac{һың}{һең} - \frac{һоң}{һөң}$

¹ См. стр. 217—218.

² См. стр. 226—227.

Дат. п. $\frac{га}{га} \left\| \frac{ка}{ка} \right.$

Вин. п. $\frac{ды}{де} - \frac{до}{до} \left\| \frac{ты}{те} - \frac{то}{то} \right.$

$\left\| \frac{зы}{зе} - \frac{зо}{зо} \right\| - \frac{ны}{не} - \frac{но}{но}$

Местн. п. $\frac{да}{да} \left\| \frac{та}{та} \right\| - \frac{за}{за} \left\| \frac{ла}{ла} \right.$

Исходн. п. $\frac{дан}{дан} \left\| \frac{тан}{тан} \right\| - \frac{зан}{зан} \left\| \frac{нан}{нан} \right.$

Как уже было отмечено, исходный падеж в некоторых тюркских языках не существовал: например, в орхонском языке его не было, и функцию его выполнял местный падеж. (Отголоском такого положения можно считать то, что в некоторых тюркских языках и сейчас местный падеж употребляется вместо исходного (например, в формуле дробей).

Кроме того, к вопросу об истории падежей тюркского склонения имеют отношение следующие факты. В якутском языке — в современной его стадии — родительный падеж, как таковой, отсутствует; имеются попытки установить его существование исторически, но окончательно вопрос еще не разрешен. В некоторых тюркских языках (кумыкский, карачаево-балкарский, отдельные говоры узбекского языка и т. д.) родительный и винительный падежи формально совпали: форма *баш-ны* означает здесь и «головы» и «голову». В некоторых тюркских языках (например, алуштинское наречье крымско-татарского языка и др.) происходило смещение функций дательного и местного падежей, т. е. дательный падеж употреблялся в роли местного и обратно. Например, в Алуште говорили: *мен өйде бардым* (я пошел домой) и *мен өйгө калдым* (я остался в доме). В якутском языке оба эти примера передаются одним (дательным) падежом: *мин эмигэ бардым* и *мин эмигэ каллым*. Из башкирского языка можно привести такое выражение: *бер бэлгә калым*¹ (я попал в беду); оно характерно в том смысле, что вообще глагол *калым* управляет местным падежом.

В более древних тюркских языках существовал еще орудийный (инструментальный) падеж с аффиксами $\frac{ын}{ын} - \frac{он}{он}$. В современных тюрк-

ских языках эти формы сохранились в качестве пережитка и относятся к категории наречий: ср. башкирские слова *кыш-ын* (зимой), *яз-ын* (весной), *йәй-ен* (летом), *көз-он* (осенью).²

При общем положении о единстве склонения в тюркских языках все же можно говорить о некоторых фонстических чередованиях в форме

¹ Подробное см. в главе о падежах, стр. 239 сл.

² Подробное см. в главе о наречиях, стр. 115.

отдельных аффиксов (ср. башкирские аффиксы родительного и винительного падежей).

В этом же плане нужно смотреть на так называемые северно-тюркский и южно-тюркский типы склонения, которые наблюдаются в различных тюркских языках. Южный тип отличается тем, что в нем аффиксы всех грамматических падежей начинаются с гласного; в северном же типе (например, в башкирском склонении) все падежные аффиксы начинаются с согласного. Таким образом, в родительном падеже параллельно с северным аффиксом *-ның* существует южный *-ың*, в дательном падеже наряду

с $\frac{ға}{гә}$ и $\frac{ка}{кә}$ существует южный вариант $\frac{а}{ә}$, а в винительном наряду

с северным *-ны* — южный вариант *-ы*. Любопытно, что эти типы не существуют в чистом виде, а своеобразно контаминируются: так, в языках южного типа родительный падеж гласных основ оканчивается на *-ның* (т. е. аффикс северного типа); есть и обратные примеры, о которых скажем несколько ниже.

Приведем примеры склонения, учитывая все звуковые варианты аффиксов:

Неопр. п.: *юл* (дорога), *тел* (язык), *болон* (луг), *көн* (день), *баш* (голова), *эш* (дело), *кош* (птица), *йөк* (вьюк), *каз* (гусь), *эз* (след), *боз* (лед), *йөз* (лицо), *дала* (степь), *эсә* (мать), *һоло* (овес), *төлжә* (лиса).

Род. п.: *юл-дың* (дороги), *тел-дең* (языка), *болон-доң* (луга), *көн-дөң* (дня), *баш-тың* (головы), *эш-тең* (дела), *кош-тоң* (птицы), *йөк-төң* (вьюка), *каз-зың* (гуся), *эз-зең* (следа), *боз-зоң* (льда), *йөз-зең* (лица), *дала-ның* (степи), *эсә-нең* (матери), *һоло-ноң* (овса), *төлжә-нең* (лисы).

Дат. п.: *юл-ға* (на дорогу), *тел-гә* (на язык, языку), *баш-ка* (голове, на голову), *эш-кә* (работе, на работу) и т. д.

Вин. п.: *юл-ды* (дорогу), *тел-де* (язык), *болон-до* (луг), *көн-дө* (день), *баш-ты* (голову), *эш-те* (дело, работу), *кош-то* (птицу), *йөк-тө* (вьюк), *каз-зы* (гуся), *эз-зе* (след), *боз-зо* (лед), *йөз-зе* (лицо), *дала-ны* (степь), *эсә-не* (мать), *һоло-но* (овес), *төлжә-нө* (лису).

Местн. п.: *юл-да* (на дороге), *тел-дә* (на языке, в языке), *баш-та* (в голове), *эш-тә* (в деле), *каз-за* (у гуся), *эз-зә* (на следу), *дала-ла* (в степи), *эсә-лә* (у матери) и т. д.

Исх. п. *юл-дан* (с дороги), *тел-дән* (с языка), *баш-тан* (с головы), *эш-тән* (с работы), *каз-зан* (от гуся), *эз-зән* (от следа), *дала-нан* (из степи), *эсә-нән* (от матери).

Особенности склонения слов с аффиксами принадлежности

В дательном падеже слов с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица ед. числа мы имеем аффикс $\frac{а}{ә}$ вместо ожидаемого теоретически

- $\frac{га}{га}$ (т. е. южный вариант аффикса вм. северного): *атым-а* (моему коню), а не: *атым-га*, *атың-а* (твоему коню), а не: *атың-га*; ср., однако, формы мн. числа: *атыбыз-га* (нашему коню) и *атыгыз-га* (вашему коню).

Так обстоит дело в башкирском и татарском литературном языке. Однако в других тюркских языках, а также в отдельных диалектах башкир-

ского и татарского встречаем последовательное употребление - $\frac{га}{га}$: *атым-га* (моему коню), *этем-га* (моей собаке).

При склонении слов с аффиксом принадлежности 3-го лица обоих чисел мы встречаем такие формы, как *атында* (у его коня) вместо ожидаемого *атыда*. Их, очевидно, нужно разлагать на составные части так: *ат + ын + да*, а не *ат + ы + нда*, как делают школьные грамматки.

Для объяснения аффикса *-ын*, параллельного аффиксу *-ы* в значении «его» или «ее», можно предложить одну гипотезу. Повидимому, аффикс принадлежности 3-го лица существовал первоначально в форме *-ын* и т. д. параллельно с *-сын* || башкирское *-һын* и т. д. Конечное «н» является элементом фонетически неустойчивым не только в монгольских, но и в тюркских языках (ср. отдельные моменты из уйгурского, балкарского и др.) и, следовательно, могло отпадать; в результате этого форма *-ын* и *-сын* могла превратиться в *-ы* и *-сы* || башк. *-һы*, оказавшись на конце слова (т. е. в неопределенном падеже). Таким образом, при первом варианте аффиксов *-ын* и *-сын* мог возникнуть второй вариант: *-ы* и *-сы* || башкирское *-һы*. Некоторые тюркские языки (из старых чагатайский, а из современных — узбекский и уйгурский) усвоили для всех падежей один (второй) вариант: *-ы* и *-сы* (*атыда* — у его коня и *атасыда* — у его отца). Большинство же тюркских языков использовало оба варианта: второй вариант (*-ы* и *-сы*) для неопределенного падежа, а первый вариант (*-ын* и *-сын*) — для всех остальных. Для винительного падежа большая группа тюркских языков использовала неопределенный падеж с первым вариантом аффикса (*атын* — его коня — и т. д.). Форму *атына* (его коню) следует разлагать на части следующим образом: *ат* (конь) + *ын* (его) + *а* (южный вариант аффикса дательного падежа); родительный падеж *атының* (его коня) = *ат* (конь) + *ын* (его) + *ың* (южный вариант аффикса родительного падежа). Башкирский исходный падеж типа *атынан* (от его коня) происходит, повидимому, из *атынан* (ср. татарский язык), что, в свою очередь, сводится к *ат* (конь) + *ын* (его) + *дан* (аффикс исходного падежа).

Относительно происхождения первого варианта аффиксов принадлежности *-ын* || *-ен* < *-ин* и т. д. существует мнение, что он восходит к указательному и личному местоимению *ин-у*, которое сохранилось в таком виде в монгольских языках, но могло быть свойственно также и тюркским языкам в их древнейшей стадии.

Относительно формы *-сын* || башк. *-һын* и т. д. академик Радлов высказал мнение, что этот аффикс в таком виде происходит от отдельного слова *сын* (см. выше, стр. 57).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Словообразование имен

В этом отношении все именные части речи башкирской грамматики (т. е. существительное, прилагательное, числительное, местоимение и именные формы глагола) особенно слабо дифференцированы. В очень малой степени можно выделить аффиксы, которые образуют только прилагательные (см. стр. 73—74); большинство же аффиксов дает производные по всем частям речи, которым так или иначе свойствен характер именных форм. При этом семантика производных слов определяется в значительной степени семантикой основы, к которой прибавляется аффикс.

Как будет видно дальше из примеров, одна и та же основа может принимать одновременно несколько словообразовательных аффиксов близкой функции.

Перечислим словообразовательные аффиксы башкирских имен, располагая их в определенном порядке: сперва наименее дифференцированные по значению, потом — имеющие определенную дифференциацию по частям речи.

1) $\frac{лык}{лек} - \frac{лок}{лек}$. Этот аффикс образует производные слова четырех

типов в зависимости от первоначального значения исходного слова. Перечислим эти типы:

а) Если аффикс прибавляется к именам конкретного значения, то он образует имена (существительно-прилагательные), означающие концентрацию отдельных конкретных предметов в каком-либо месте. Примеры: *таш* (камень) — *таш-лык* (каменистое место, каменный); *ағас* (дерево) — *ағас-лык* (место, где много деревьев; древесный), *утын-лык* (дровяной сарай), *южә-лек* (липняк), *йәшелсә-лек* (огород), *баткак-лык* (топь).

б) Если аффикс прибавляется к именам, означающим людей или их качества, то в результате получается обозначение абстрактных понятий (т. е. положение, свойство или абстрагированное качество такого-то человека). Примеры: *карт* (старый, старик) — *карт-лык* (старость), *йәш* (молодой) — *йәш-лек* (молодость), *батыр* (богатырь, герой) — *батыр-лык* (богатырство, геройство), *ударсы* (ударник) — *ударсы-лык* (ударничество), *сәет* (молодец) — *сәет-лек* (молодечество), *нормаль тугел-лек* (испормальность).

Примечание. Этот же аффикс образует такие имена, которые выражают как бы опредмеченное качество; при этом в исходном пункте могут быть не только качественные, но и относительные прилагательные. Примеры: *матур* (красивый) — *матур-лык* (красота), *һары* (желтый) — *һары-лык* (желтизна), *эшһез* (безработный) — *эшһез-лек* (безработица), *акыллы* (умный) — *акыллы-лык* (понятливость, разумность), *аклы* (беловатый) — *аклы-лык* (свойства беловатого, «беловатость»).

в) Прибавляясь к отдельным конкретным предметам, этот аффикс означает прибор, инструмент или приспособление, связанное с этим конкретным предметом. Примеры: *куз* (глаз) — *куз-лек* (очки, буквально: «приспособление для глаз»), *баш* (голова) — *баш-лык* (башлык, наголовник, капюшон), *бит-лек* (маска), *туш-лек* (нагрудник), *батыр-лык* (краги).

Разумеется, это значение аффикса *-лык* может принять тогда, когда исходное слово по своему содержанию допускает существование специально связанного с ним прибора или инструмента.

г) Присоединяясь к названиям таких предметов, которые допускают изменение по протяженности или времени, аффикс *-лык* образует имена (прилагательно-существительные), которые указывают известную целеустремленность или направленность. Примеры *ай* (месяц) — *ай-лык* («рассчитанный на месяц, месячный», т. е. жалованье), *көн* (день) — *көн-лек* (дневной, рассчитанный на день), *кейем* (одежда, платье) — *кейем-лек* (годный, предназначенный на платье), *беш* (пять) — *беш-лек* (пятеричный, рассчитанный на пять), *бала* (ребенок) — *бала-лык* (детский, рассчитанный на детей), *беш йыл* (пять лет) — *бешйыл-лык* (пятилетний, пятилетка). Ср. еще *барлык малын хатты* (он продал все свое богатство). Особое употребление аффикса *-лык* при отрицательном причастии будущего времени (напр. *тойолмас-лык* — неосуществимый) будет рассмотрено ниже, в разделе глагола: см. стр. 148 и 266.

Несомненно, что при всем разнообразии функций природа аффикса *-лык* едина. Какие же линии значений этого аффикса надо считать основными и какие производными? Нам кажется, что основным содержанием аффикса является идея концентрации или объединения чего-либо: сперва конкретных предметов (*агас-лык* есть объединение отдельных предметов, называемых *агас*), а потом и абстрактных (ведь «дружба» *душ-лык* есть такое понятие, которое выливается при объединении друзей, а качество «молодости», как категория, устанавливается не по одному «молодому», а при объединении молодых). Переход же от конкретного к абстрактному вполне обычен как характерный этап в развитии языкового мышления, и конкретное содержание, надо полагать, предшествовало абстрактному.

Любопытно, что образованные в этом направлении производные имена осознаются преимущественно как существительные, хотя этого и нельзя выдвинуть в форме абсолютного правила.

Что касается третьей и четвертой функций аффикса *-лык*, то они объединяются идеей цели или функциональной направленности (примеры см. выше). При этом третья функция выражает этот оттенок в более конкретной форме и осознается как существительное; четвертая функция выражает более отвлеченную или косвенную цель, и образованные таким образом имена скорее осознаются как прилагательные. Таким образом, все функции этого аффикса распределяются в рамках концентрации и целевой направленности предмета. Вторая часть этой формулы, очевидно, более поздняя, как это характерно для закономерного развития языкового мышления.

Аффикс *-лык* известен не только всем тюркским языкам, но и монгольским. В форме *лык* он существует в уйгурском¹ языке, как самостоятельная величина, со значением «полный, наполненный».

Форма $\frac{лык}{лек} - \frac{лок}{лок}$, приводимая нами, характерна для литературного языка и усвоена им из так называемого «юрматинского» диалекта;

в других же диалектах (главным образом «куваканском») аффикс *-лык* имеет различные звуковые варианты по линии согласных (в порядке общей закономерности изменения согласных, о чем см. стр. 36 сл.).

2) $\frac{лы}{ле} - \frac{ло}{ло}$. В современной стадии языка этот аффикс осознается

в двух аспектах:

а) в значении «имеющий что-либо, обладающий чем-либо». Образованные посредством его имена (прилагательно-существительные) переводятся различно. Приведем примеры: *ат-лы* (имеющий коня > конный > всадник), *акыл-лы* (имеющий ум > умный > умник), *тоз* (соль) — *тоз-ло* (имеющий соль > заключающий в себе соль > соленый).

Иногда этот аффикс присоединяется к целому сочетанию слов, например: *озон сәс* (длинные волосы) — *озон сәс-ле* (длинноволосый), *кара куз* (черный глаз) — *кара куз-ле* (имеющий черные глаза, т. е. черноглазый), *ак йәз-ле* (имеющий белое лицо, белолицый).

По-русски подобные слова переводятся или графической формулой «имеющий то-то, обладающий тем-то», или же, где требует стиль, единой формой прилагательного, которая может переходить и в существительное (имеющий коня > конный > всадник). Иногда, по требованию стиля, такие слова можно передавать русскими адвербиальными выражениями: *ат-лы* (с конем), *китап-лы* (с книгой).

Образования с аффиксом *-лы* по существу являются одной из форм принадлежности (обладания). Классификацию этих форм принадлежности в башкирском языке мы даем в главе о категории принадлежности (см. стр. 54—58). Здесь укажем, что выражение типа *ат-лы* (имеющий коня), очевидно, более древняя форма конкретной принадлежности, чем, например, *ат-ым* (мой конь), *ат-ығыз* (ваш конь) и т. д. Из общего языкознания известно, что оформление личных местоимений и вообще понятия лица, выраженного формантом, произошло сравнительно поздно, а до того лицо как грамматическая категория не выражалось вовсе.

Комплекс *ат-лы* состоит из двух элементов: предмета обладания (*ат*) и показателя обладания (*лы*) в самой, как мы только что видели, общей форме без какого-либо намека на одно из трех грамматических лиц. Таким образом, *ат-лы* есть «неличная» форма конкретной принадлежности. Фактически же она, как и всякая «неличная» форма, может быть отнесена к любому из трех грамматических лиц.

¹ См. словарь Н. А. Баскакова и В. М. Насилова, стр. 91.

б) В других тюркских языках (а отчасти и в башкирском) известна другая функция аффикса *-лы*, состоящая в том, что он указывает на органическую связь одного предмета с другим, на вхождение его в орбиту другого предмета (других предметов). Сперва приведем пример: *казан-лы* (относящийся к Казани, т. е. уроженец или житель Казани, казанец).

Этот случай нельзя трактовать одинаково со словами типа *ат-лы*. *Казан-лы* означает во всяком случае не «владеющий Казанью», а наоборот: «сам, принадлежащий Казани» или «входящий в состав того, что называется Казанью». Таким образом, понятие принадлежности здесь представлено как бы в обратном виде: человек является не субъектом, а объектом владения, т. е. сам входит в какой-то коллектив, является «составной частью чего-то». Характерно, что ту и другую форму обладания язык выражает одними и теми же средствами. М. Г. Долобко объяснял этот известный для тюркских языков факт таким образом, что семантика *-лы* менялась в зависимости от общественного строя и, в частности, взгляда на собственность: человек как «собственность» рода, сам входящий в состав коллектива (*казан-лы*), и человек как субъект частной собственности (*ат-лы*).¹

$$3) \begin{array}{c} \text{ык} \quad \text{ок} \\ \text{ек} \quad \text{ок} \end{array} \parallel \begin{array}{c} \text{ак} \\ \text{эк} \end{array} \parallel \begin{array}{c} \text{к} \\ \text{к} \end{array} \text{ (после гласных).}$$

В отличие от двух предыдущих, этот аффикс образует имена (прилагательно-существительные) от глагольных корней. Второе отличие его в том, что он относится к таким аффиксам, которые сохранились как пережиток в ограниченном числе слов и новых образований от новых корней не дают. Слова, образованные с помощью этого аффикса, дифференцировались в порядке лексических единиц на прилагательные и существительные. Приведем примеры: *ват-ык* (разбитый, сломанный), *боз-ок* (испорченный, разрушенный), *югер-ек* (ходкий, быстроходный), *тара-к* (гребень), *кайра-к* (брусок, точильный камень), *көрә-к* (весло, лопатка), *ур-ак* (серп), *кис-эк* (кусок), *яр-ык* (расколотый), *тиш-ек* (дыра), *бозлау-ык* (ледник), *кыскыр-ык* (выкрик).

Как видно из приведенных выше отдельных слов, семантика их едва ли поддается объединяющей формулировке. Основной чертой ее, пожалуй, надо считать пассивное значение («разбитый, сломанный»), которое при переходе слова из рамок прилагательного в рамки существительного присваивает себе значение орудия или инструмента действия (например, «отточенный — то, чем точат»).

Характерно, что имена, «застывшие» в значении существительного, чаще имеют варианты аффикса с широкими гласными, т. е. $\frac{ак}{эк}$, а имена,

¹ В языке сохранилось архаичное употребление двойного аффикса — *лы* (в значении союза «и») от имен родства, ср. *ирле-катынлы* (муж и жена), *аталы-уаллы* (отец с сыном), *элле-кызлы* (мать с дочерью), *кэйнэле-киленле* (свекровь с невесткой), *агалы-инеле* (старший брат с младшим), *аналы-һеңгеле* (старшая сестра с младшей)

«застывшие» в значении прилагательных — вариант аффикса с узкими гласными, т. е. $-\frac{yk}{ek} - \frac{ok}{ok}$.

Исторически все эти аффиксы сводятся, естественно, к одному. Мало того: в историческом плане определяется их более древний вариант, а именно: $-\frac{kak}{kək} \parallel -\frac{gak}{gək}$ (а теоретически также и $-\frac{ɣyk}{ɣek}$), который сохранился в очень немногих, для современного языка часто уже неразложимых словах. Примеры: *бат-как* (болото, вязкое место), *ши-кək* (весло), *йом-гак* (клубок, загадка), *тай-гак* (скользкий), *йэбеш-кək* (липкий), *төр-гək* (сверток). В дальнейшем, как показывает история других тюркских языков, начальный согласный звук аффикса, т. е. $-\frac{k}{k} - \frac{ɣ}{ɣ}$, давал «нуль звука», т. е. отпадал, и получался второй, более поздний вариант аффикса.

4) $-\frac{ma}{mə}$. По линии существительного этот аффикс отлагольного обра-

зования означает процесс действия или результат действия, а по линии прилагательного приближается к пассивному причастию. Основное значение все же первое, а второе приходится признавать производным. Примеры: *яр-ма* (крупа), *бул-мэ* (комната), *ойош-ма* (организация), *һалма* (лапша), *һайланма* (избранный), *кәңәшмэ* (совещание), *кусермэ* (копья), *берекмэ* (объединение), *тазма* (тесьма), *иретмэ* (сила).

К аффиксам словообразования принадлежат показатели ласкательно-уменьшительной формы имен. В первую очередь они прибавляются к строго определившимся существительным, но могут обслуживать и прилагательные. Последние, правда, реже, поскольку у них есть особые аффиксы, выражающие ослабленную степень качества (см. стр. 84).

Аффиксы ласкательно-уменьшительной формы встречаются особенно часто в фольклорных песнях, где лишние слоги, необходимые по метру, обычно заполняются этими аффиксами или аффиксом множественного числа. Пример: *франсуз-кай-ларзың эй калалары* (эх, французские города!).

Аффикс ласкательной формы звучит $-\frac{kay}{kəy}$. Примеры: *ил-кəй* (сторонка), *әсә-кəй* (матушка), *ер-кəй* (землица), *дус-кай* (другок), *Агидел-кəй* («реченька Белая» или, точнее, «Белореченька», как она любовно называется в народных песнях), *мал-кай-ым* («скотинка моя»).

Вместо $-\frac{kay}{kəy}$ встречается также $-\frac{kynay}{kənəy}$. Примеры: *ат-кынай-ым* (лошадка моя), *баш-кынай-ым* (головушка моя).

Аффикс уменьшительной формы имен звучит: $-\frac{sak}{sək} \parallel -\frac{syk}{sek} - \frac{sok}{sok}$.

Примеры: *колон-сак* (жеребеночек), *уйын-сак* (игрушечка), *төйөн-сөк* (узелок), *тау-сык* (горка).

Перейдем теперь к аффиксам, которые уже стабилизировались как показатель существительного:

1) $-\frac{сы}{се} - \frac{со}{сө}$. Образует от именных, а исторически и от глагольных

корней имя действующего лица или профессионала. Примеры: *балык-сы* (рыбак), *эти-се* (рабочий), *тимер-се* (кузнец), *колхоз-сы* (колхозник), *хунар-сы* (охотник), *кочи-со* (птичник), *языгу-сы* (писарь, писец), *хатгыу-сы* (продавец). См. также стр. 130 и 164.

В других тюркских языках, а также и в монгольском, аффикс имеет звуковой вариант с начальным *ч*.

2) $-\frac{даш}{дәш} \parallel -\frac{таш}{тәш} \parallel -\frac{заш}{зәш} \parallel -\frac{лаш}{ләш}$. Обозначает спутника или компаньона по совместному местонахождению или совместному действию.

Примеры: *ул-даш* (спутник; дословно: «товарищ по пути»), *ил-дәш* [земляк; дословно: «товарищ по (родной) земле»], *як-таш* (сторонник; дословно: «имеющий с кем-нибудь общую сторону»), *шешә-ләш* (собутыльщик), *фамилия-лаш* (однофамилец), *мәк-тәп-тәш* (товарищ по школе), *сер-зәш* (интимный друг; дословно: «имеющий одну тайну с кем-нибудь»).

По этому же типу образовано и слово *ит-тәш* (товарищ), хотя точная этимология его недостаточно выяснена.

3) $-\frac{ым}{ем} - \frac{ом}{өм} \parallel -м$ (после гласных). Употребляется как пережиточный

аффикс в ограниченном числе слов. Значение его, очевидно, складывалось из двух моментов: а) результат действия, б) определенное количество или порция чего-либо, послужившего объектом для действия. Примеры: *ат-ым* (выстрел; также и «то, что полагается для одного выстрела», например кучка пороха), *бел-ем* (знание), *кей-ем* (одежда), *сығ-ым* (выход), *бөз-өм* (изгиб), *тушә-м* (настил), *эйт-ем* (выражение), *ағ-ым* (течение).

4) $-\frac{ыш}{еш} - \frac{ош}{өш} \parallel -ш$ (после гласных). Употребляется как пережиточный

аффикс в ограниченном числе слов. Основное значение было таково: форма (манера) процесса или действия. Примеры: *ал-ыш* (взятие; первоначально: «манера или способ брать»), *бир-еш* (давание; манера или способ давать), *кара-ш* (взгляд; манера смотреть), *тор-ош* (положение), *бәт-өш* (исход).

5) $-\frac{ымта}{емтә} - \frac{омта}{өмтә}$. Повидимому, разлагается на две части, первая

из которых совпадает с аффиксом № 3. Значение — абстрактное действие. Весьма ограниченная сфера употребления этого аффикса за последнее время расширена в процессе создания новых терминов. Примеры: *һөз-өмтә* (результат, первоначально: «выжимки, осадок»), *эл-өмтә* (смычка), *өз-өмтә* (отрывок), *куш-ымта* (приложение), *киç-өмтә* (вырезка).

6) $-\frac{ыс}{ес} - \frac{ос}{өс}$. Существует как пережиточный аффикс в ограничен-

ном числе слов; означает абстрактное действие. Примеры: *кыуан-ыс* (радость), *таян-ыс* (опора), *умен-ес* (просьба).

Исторически более древний вариант этого аффикса имел, наоборот, конкретное значение, а именно указывал на орудие действия. Здесь, таким образом, мы опять имеем переход от конкретной семантики к абстрактной.

Звучал этот древний вариант: $-\frac{кыс}{кес} - \frac{кос}{көс} \parallel -\frac{гыс}{гес} - \frac{гөс}{гөс}$. В дальней-

шем, очевидно, начальный согласный, дойдя до «нуля звука», отпал, и аффикс принял свой нынешний вид. Семантическое изменение и на этот раз сопровождалось фонетическим. Примеры на старый вариант аффикса: *ас-кыс* (ключ; дословно: «то, чем отпирают»), *эл-ес* (вешалка), *тиш-кес* (сверло; «то, чем дырявят»), *һөрт-көс* (тряпка; «то, чем вытирают»), *ур-гыс* (то, чем жнут, жнейка), *тикшер-гес* (исследователь; тот, кто разбирает что-нибудь), *тот-кос* (рукоятка), *емәр-гес* (везка), *боз ват-кыс* (ледокол), *радио ал-гыс* (радиоприемник). Формы изменения аффикса отражены в таких примерах: *урагыс* || *урауыс* (повязка), *улсэгес* || *улсәуес* (измеритель, мерка). Здесь т. о. $г > у$, а $э > у$.

7) Аффикс $-\frac{ды}{де} \parallel -\frac{ты}{те}$ образует от возвратно-страдательной основы

глагола имена, обозначающие процесс или результат действия: *карал-ды* (постройка, здание), *цәен-де* (отпрыск), *һызын-ты* (набросок), *киҫен-те* (вырезка), *сығын-ты* (выступ).

8) $-\frac{мак}{мәк}$. Встречается, как пережиточный аффикс, в изолированных

словах различного значения. В некоторых тюркских языках широко развит как показатель инфинитива, но для башкирского абсолютно не характерен. Примеры: *кай-мак* (сливки), *эл-мәк* (петля), *һук-мак* (тропинка), *арт-мак* (вьюк), *кой-мак* (оладья), *уҫ-мак* (рукопашный бой). Ср. также *йәшән-мәк* (прятки), *әйлән-мәк-тә булмы* (вращаться), *йәшә-мәк-тә булған хәл* (status quo), *нишлә-мәк кәрәк* (что теперь делать?).

9) $-\frac{мыш}{меш} - \frac{мош}{мош}$. Еще более редкий пережиточный аффикс,

который встречается в изолированных словах различного значения. Для башкирского языка не характерен. Примеры: *тор-мош* (жизнь, быт; собственно: «устой»), *яз-мыш* (судьба, собственно: «написание, предначертание»), *тара-мыш* (сухожилие), *тыу-мыш* (рождение), *бул-мыш* (призвание), *ялған-мыш* (подвой), *кырк-мыш* (жеребенок-стригунок).

В других тюркских языках (тех же, где распространен предыдущий аффикс) широко применяется как показатель причастия прошедшего времени (т. е. соответствует башкирскому аффиксу *-ған*). Из истории тюркских языков выясняется, что более древнее значение этого аффикса — отглагольное имя, т. е. та самая функция, которая в виде пережитка сохранилась в башкирском языке. См. также стр. 201.

Отметим также пережиточные аффиксы ж. рода, каковой вообще не выражается; *дунә-жен* (кобылица 4-х лет), *кона-жын* (то же 3-х лет) при м. р. *дунән* и *конан*; *коза-ғый* (сватья) при *коза*, *ейән-сәр* (внучка) при *ейән*, *тыуа-сар* (правнучка) при *тыуа*, *булә-сәр* (двоюродная сестра) при *булә*. См. также стр. 204—205.

Среди аффиксов, значение которых стабилизировалось в рамках существительного, особое место занимают те, которые усвоены башкирским языком в революционную эпоху как результат обогащения языка новыми терминами, воспринятыми из или через посредство русского языка. Правда, большинство из них еще не дает образований от башкирских корней, тем не менее они ясно выделяются в сознании говорящих, поскольку число вновь усвоенных терминов с этими показателями весьма значительно.

Эта группа формантов отличается от обычных башкирских аффиксов с фонетической стороны: они усвоены в стабильной звуковой форме, сингармонизму не подчиняются и, следовательно, имеют только один фонетический вариант, а потому вносят в башкирскую морфологию нечто типологически новое.

Для того чтобы отличить их от старых башкирских формантов с их характерной спецификой (см. выше, стр. 44—50), мы называем их уже не аффиксами, а суффиксами. Вот перечень этих суффиксов:

- ист. Примеры: *коммун-ист*, *маркс-ист*, *социал-ист*, *материал-ист*.
- изм. Пример: *коммун-изм*, *социал-изм*, *маркс-изм*.
- ер. Примеры: *революцион-ер*, *комбайн-ер*.
- ор-ёр. Примеры: *коррект-ор*, *директ-ор*, *шахт-ёр*.

Перейдем теперь к аффиксам, которые стабилизировались в качестве показателей прилагательного. Беглый перечень их мы даем на стр. 82; здесь же охарактеризуем их подробнее со стороны семантики.

- 1) $-\frac{һыҙ}{һез} - \frac{һоҙ}{һөҙ}$. По значению противоположен аффиксу *-лы*. Указывает

на отсутствие или недостаток какого-либо предмета и соответствует, таким образом, немецкому суффиксу *-los* и английскому *-less*. Примеры: *кул-һыҙ* (безрукий), *эш-һез* (безработный), *тоҙ-һоҙ* (не имеющий в себе соли, несоленый), *йөз-һөҙ* (нахальный; дословно: «не имеющий лица *sc.* настоящего»).

- 2) $-\frac{сыл}{сел} - \frac{сол}{сөл}$. Указывает на тяготение или склонность одного предмета

к другому. Примеры: *кунак-сыл* (гостеприимный, любящий гостей), *ункә-сел* (подающийся гневу, вспыльчивый), *талап-сыл* (строгий), *дин-сел* (набожный), *вак-сыл* (мелочный).

- 3) $-\frac{сан}{сән}$. Указывает на повышенную склонность одного предмета

к другому, на страстное влечение кого-нибудь к чему-нибудь. Примеры: *кызығыу-сан* (любопытный, жадный до чего-нибудь), *эш-сән* (работающий), *буй-сан* (рослый), *һүз-сән* (словоохотливый), *оял-сан* (стыдливый), *тартылыу-сан* (стеснительный), *көрләнеу-сән* (маркий), *көлөү-сән* (смешливый), *һыныу-сан* (ломкий).

4) $\frac{\text{дык}}{\text{дек}} - \frac{\text{тык}}{\text{тек}}$. Образует от ограниченного числа корней пережиточные формы со значением пассивного причастия или прилагательного.

Примеры: *ташлан-дык* (брошенный), *табыл-дык* (найденный), *кал-дык* (оставшийся, остаток), *казыл-дык* (ископаемое), *ташыл-дык* (паносный), *ташлан-дык* (опустелый), *кушыл-дык* (смешанный, гибрид), *хайлан-дык* (отборный, выборка), *булен-дек* (выделенный, выделение), *йыуым-дык һыу* (помощь). Любопытно образование *йыуым-тык* (сборщик).

В южных тюркских языках этот аффикс распространен очень широко. См. также стр. 201.

5) $\frac{\text{кыр}}{\text{кер}}$ - $\left\| \frac{\text{җыр}}{\text{җер}}$. Образует от глаголов прилагательные, обозначающие склонность или способность к чему-либо.

В противоположность № 3, к существительным не прибавляется. Примеры: *тан-кыр* (паходчивый; раз), *һиз-җер* (чуткий), *ут-кер* (проницательный).

Парные словосочетания имен

Во всех тюркских языках весьма часто употребляются парные словосочетания типа русских «стары-бары», «шурь-мурь» и т. д. Такой тип словообразования здесь необычайно продуктивен, и наличие подобных слов отнюдь не является признаком особой эмоциональной или специфически экспрессивной речи, а встречается в произведениях самых разнообразных стилей. Между тем в русском и других европейских языках подобная категория слов осознается в качестве своего рода пережитка и ограничивается чисто разговорной речью или областью так называемого «детского языка». Заметим кстати, что развитие таких словосочетаний особенно характерно для тех языков, где часто применяется способ повторения (хотя бы одного и того же слова). В этом отношении башкирский язык опять-таки противопоставляется русскому.

Парные словосочетания существительных поддаются классификации с различных точек зрения: семантической, фонетической, синтаксической. Существуют такие типы словосочетаний, когда оба компонента имеют реальное значение и относятся друг к другу как синонимы (ср. русское «тоска-кручина»). Иногда в основе словосочетания лежат такие синонимы, из которых первый относится ко второму как часть к целому или целое к части. Пример на такие синонимы, расходящиеся только в количественном отношении (объем понятия): «ни кола, ни двора», «с бору да с сосенки». Этим двум типам парных словосочетаний принципиально противопоставляется третий тип. Он характеризуется следующими признаками.носителем материального значения является здесь одно (чаще всего первое) слово, а второе, рифмующее с ним, является как бы его отзвуком, «словом-эхо», и употребляется не иначе как в соединении с первым (ср. русское «сахар-махар»). Тем не менее второй, семантически невесомый, элемент все же осознается как некий синонимический придаток первого, значащего,

элемента словосочетания. Наконец, последний тип основан на сочетании антонимов, или контрастных понятий (ср. русские «туда-сюда», «взад и вперед» и т. д.).

Приведем башкирские примеры на все разобранные типы словосочетаний.

Тип 1-й: *дус-иш* — друг-приятель (*дус* — друг, *иш* — товарищ, советник), *асык-тишек* — разодранный, весь в дырах (*асык* — открытый, *тишек* — дыра), *куй-һарык* — овцы (*куй* — овца, баран, *һарык* — овца, баран), *сыуал-усаҡ* — печки всякого рода (*сыуал* — башкирская печь особого рода, *усаҡ* — очаг), *зыян-зарар* — вред, ущерб, убыток (*зыян* — вред, *зарар* — ущерб).

Тип 2-й: *тау-таш* — камни и горы, гористо-каменистая местность (*тау* — гора, *таш* — камень), *һау-сәләмәт* — жив и здоров (*һау* — живой, *сәләмәт* — здоровый), *катын-кыз* — женщины и девушки, женская часть населения (*катын* — женщина, *кыз* — девушка), *һауыт-һаба* — всякая посуда (*һауыт* — посуда, *һаба* — сосуд для кумыса), *йөзөк-беләзек* — кольца и прочие украшения (*йөзөк* — кольцо, *беләзек* — браслет).

Тип 3-й: *ыласын-һыласын* — соколы и тому подобное; по-русски было бы «сокол-мокол» (*ыласын* — сокол + *һыласын* — слово, в отдельности не имеющее никакого значения), *һирәк-мирәк* — редкий (*һирәк* — редкий + *мирәк*), *акса-муҡса* — разные деньги (*акса* — деньги + *муҡса*), *һарык-марык* — овцы вообще, разные овцы (*һарык* — овца, баран + *марык*), *каз-маз* — гуси и пр. (*каз* — гусь + *маз*), *сәй-мәй* — чай и т. п. (*сәй* — чай + *мәй*).

Тип 4-й: *ағай-эме* — братья (*ағай* — старший брат, *эме* — младший брат), *аяк-кул* — конечности (*аяк* — нога, *кул* — рука), *алай-былай* — так и этак (*алай* — так, *былай* — этак), *алтын-көмөш* — драгоценности (*алтын* — золото, *көмөш* — серебро), *атай-инәй* — родители (*атай* — отец, *инәй* — мать), *ер-күк* — небо и земля, весь мир (*ер* — земля, *күк* — небо), *килеу-китеу* — приход и уход (*килеу* — приход, *китеу* — уход), *сәй-шәкәр* — чай и сахар (*сәй* — чай, *шәкәр* — сахар), *тау-урман* — леса и горы (*тау* — гора, *урман* — лес).

В отношении порядка слов исследователи этих оборотов на материале других тюркских языков пришли к следующим выводам, которые, очевидно, подтверждаются и на башкирских примерах:

1. Слово с меньшим числом слогов предшествует слову с большим числом слогов, например: *хәл-әхуәл* — всякого рода дела (*хәл* — дело, *әхуәл* — дела), *йөзөк-беләзек* — кольца и прочие украшения (*йөзөк* — кольцо, *беләзек* — браслет), *мал-тыуар* — всякий скот (*мал* — скот, богатство, *тыуар* — крупный рогатый скот), *тау-урман* — леса и горы (*тау* — гора, *урман* — лес).

2. При одинаковом числе слогов слово с начальным гласным ставится на первом месте, например: *алтын-көмөш* — драгоценности (*алтын* — золото, *көмөш* — серебро), *алын-биреш* — торговля (*алын* — взятие, *биреш* — отдача), *унан-бынан* — о том и о сём (*унан* — о том, *бынан* — об этом), *алай-былай* — так и сяк (*алай* — так, *былай* — этак), *аяк-тояк* — подпорки (*аяк* — нога, *тояк* — копыто), *асык-тишек* — разодранный, весь в дырах (*асык* — открытый, *тишек* — дыра).

3. Если оба слова начинаются на согласный, на первом месте ставится такое, которое начинается на спирант или звонкий взрывной, например: *ер-кук* — небо и земля, весь мир (*ер* — земля, *кук* — небо), *бала-сага* — детвора (*бала* — ребенок + *сага*), *хирэк-мирэк* — редкий (*хирэк* — редкий + *мирэк*), *сэй-мэй* — чай и пр. (*сэй* — чай + *мэй*), *шорт-морт* — рвань (*шорт* + *морт*).

Какое же общее понятие дают два составных элемента, которые объединяются в нечто целое согласно четырем способам, о которых говорилось выше? Первый смысловой тип¹ можно обозначить формулой $a + b$, где a и b — слова реального значения, которые могут употребляться и отдельно, но, взятые вместе, создают новое, третье значение. Второй смысловый тип может быть выражен схемой $a + a_1$, где a_1 есть фонетический комплекс, отдельно не употребляемый и не связанный ни с каким реальным значением. Иначе говоря, это — сколок с первого слова или его отзвук.

Сочетания первого типа слагаются из слов синонимического значения, контрастов и слов, выражающих понятия однородные, но различные по своему объему. Ср. приведенные выше *дус-ши* (друг-приятель), *аяк-кул* (конечности), *тау-таш* (камни и горы). Все они в конечном результате дают новое понятие, представляющее синтез двух частных понятий. В случае *дус-ши* синтез выражается в качественном усилении двух частных, а по существу единого частного понятия. Это можно выразить примерно такой схемой: $a + b = N(a + b)$, где N есть коэффициент «усиления» частного понятия. В случае *аяк-кул* мы имеем как бы механическую сумму противоположных понятий (контрастов), что можно выразить формулой: $(a) + (-b) = a - b$. Таким образом, новое понятие вмещает здесь оба частных понятия с различными алгебраическими знаками. Наконец, в случае *тау-таш* оба компонента, хотя и противоположные по индивидуальному значению, принадлежат к одной и той же родовой категории, различаясь между собой количественно, но отнюдь не качественно: взятые вместе, они ассоциируются с обобщающим понятием по схеме: $a + b = ab$.

Второй смысловый тип, резко отличный от первого со всеми его только что описанными оттенками, можно передать такой формулой: $a + *a_1 = A$; при этом $*a_1$, как не имеющее самостоятельного значения, отдельно не встречается. Конкретно это сочетание имеет вид *ыласын-һыласын*, где *ыласын* значит «сокол», а *һыласын* ничего не значит, а служит своеобразной рифмой к слову *ыласын*, т. е. по-русски было бы: «сокол-мокол». Настоящие формы употребляются от существительных (*ыласын-һыласын*), прилагательных (*кыйык-мыйык* = «кривой-кривой»), глаголов (*эсен-һэсен* = «пьянствуя-мьянствуя»). Значение основного слова расширяется: *китан-митан* значит: «книги и тому подобное», «книги и все остальное в том же роде». Иногда это значение коллективности и неопределенного множества принимает особую эмоциональную окраску: понятие неопределенности, чего-то чуждого вызывает у говорящего пренебрежительное отношение к предмету: «книги и прочее» → «разные там книги» → «эти ваши там книги-м и г и».

¹ В отличие от лексических, которые охарактеризованы выше.

Таким образом, здесь намечаются две линии: 1) объективная, т. е. форма неопределенного множества, параллельная аффиксу *-лар*, 2) субъективная, т. е. форма для выражения эмоциональной окраски с тоном презрения и пародирования.

«Отзвучие», или «слово-эхо», в башкирском языке обычно начинается с *м* или *һ*. Звук *м* встречается в этой роли во всех тюркских языках. Что же касается *һ*, то оно возникает фонетически из *с*, что встречается в других тюркских языках (например, в казахском), хотя и в более ограниченных размерах. В башкирских примерах *м* и *с* (> *һ*) дифференцируются по диалектам: *м* типично для центральной Башкирии, *һ* — для северной. Таким образом, для одного и того же слова мы часто имеем диалектальные дубликаты: *ыласын-һыласын* и *ыласын-мыласын*. Однако если первое слово начинается на *м*, в «отзвучии» встречается *һ* как обязательный звук во всех районах. Пример: *малай-һалай* («парни-марни»).

Особо стоит вопрос о схеме $a + x = A$. Примеры: *бала-саға* («дети-мечи») и *кыз-кыркын* («девицы-мевницы»). Здесь слова *саға* и *кыркын* для современного башкирского языка являются своего рода йксом. Тем не менее характерно, что более понятные теоретически формы *бала-мала* и *бала-һала* в сущности не употребляются; при обычном *кыз-мыз* упорно держится дублет *кыз-кыркын*. Во всяком случае слова *саға* и *кыркын* являются чем-то иным по сравнению с обычными «отзвучиями» типа *мала* и *мыз*. В свете истории тюркских языков истинное значение слов *саға* и *кыркын* выясняется. Это — отдельные слова, когда-то имевшие самостоятельное значение. Слово *саға* (с фонетическими вариантами *чаға* и *шаға*) в чагатайском означало «вороненок», а в современном туркменском означает «ребенок». Слово *кыркын* в древности означало «рабыня», «невольница», как об этом можно судить по словарю Махмуда Кашгарского. Таким образом, на очереди стоит вопрос об этимологизации непонятных для современного языка вторых компонентов, которые в ряде словосочетаний не являются простым «слепком» с первого элемента. Примеры: *азык-тулек* — всякое продовольствие (слово *тулек* для современного языка непонятно), *аркыс-торкос* — кривой-прекривой (слово *торкос*), *вак-төйөк* — мелкий-премелкий (слово *төйөк*), *яуын-сәсен* — дождь, слякоть (слово *сәсен*), *йәш-йәлкән-сәк* — «молодо-зелено» (слово *йәл-кәнсәк*), *сәт-елән* — молодцы, парни (слово *елән*), *мулла-мунтағай* — муллы и подобные им (слово *мунтағай*), *карт-камкы* — «старик-мтарик» (слово *камкы*), *кытай-саттай* — «китайцы-митайцы» (слово *саттай*), *койма-һанка* — разные заборы (слово *һанка*), *кунак-тошом* — гости и знакомые (слово *тошом*), *тай-тулак* — разные жеребята (слово *тулак*), *тана-турны* — «телята-мелята» (слово *турны*), *тимер-тумыр* — железо и пр. (слово *тумыр*), *уғал-уңкағай* — жульён, воровская шайка (слово *уңкағай*) и т. д.

Иногда второй компонент подобных сочетаний внешне совпадает с таким словом, которое употребляется отдельно, но в совершенно ином значении. Примеры: *татар-һатар* — татары и подобные им. Здесь *һатар* едва ли имеет отношение к употребляемому отдельно и значимому слову *һатар* (он продаст), тем более, что в южной Башкирии встречаем дублет

татар-матар. Ср. еще *кейем-һалым* — разные одежды, где *һалым* не имеет отношения к существующему отдельно, значащему слову *һалым* (налог), *ир ат* — мужья, мужчины, где второе слово *ат* не имеет отношения к существующим реально словам: *ат* (бросай) и *ат* (конь).

Второй «отзвучный» элемент парного словосочетания в подавляющем большинстве случаев рифмуется с первым. Примеры: *аяк-тояк* — подпорки, *алай-былай* — так и сяк, *уртан-бынан* — о том и о сем, *алам-һалам* — разная ерунда, хлам, *ат-һат* || *мат* — разные лошади, лошади и пр., *һалкын-һолкон* — холодный-прехолодный, *эсен-һэсен* — «пьянствуя-мьянствую», *карсык-һорсок* — «старухи-мтарухи», *кытай-сатай* — «китайцы-митайцы», *тимер-тумыр* — «железо-мелезо» и т. д.

Часто встречается прием аллитерации. Примеры: *һауыт-һаба* — всякая посуда, *тау-таи* — горы и камни, *катын-кыз* — женщины и девичьи, *кош-һорт* — все живое, *карсык-һорсок* — «старухи-мтарухи», *ест-слэн* — «парни-марни», *йли-йленсэк* — молодо-зелено, *мулла-мунтагай* — муллы и подобные им, *кыз-кыркын* — «девичьи-мевичьи», *тай-тулак* — «жеребята-меребята», *тимер-тумыр* — «железо-мелезо», *усал-уңкагай* — жульё, воровская шайка. Интересно, что аллитерация обычно связана с такими типами словосочетаний, в которых оба элемента являются значащими словами. Наоборот, рифма скорее встречается там, где второй компонент не имеет самостоятельного значения и является только фонетическим сколком с первого. Примеры: *аз-маз* — мало, *ағас-моғас* — разные деревья, *акса-мукса* — разные деньги, *ат-һат* — лошади и пр., *бысак-һысак* — ножки и т. п., *һалкын-һолкон* — холодный-прехолодный, *һарык-марык* — разные бараны, овцы вообще, *һирәк-мирәк* — редкий-прередкий, *китап-митап* — разные книги, *каз-маз* — «туси-муси», *кашык-машык* — разные ложки, *сэй-мэй* — чай и т. п., *шәкәр-мәкәр* — «сахар-махар», *туғай-һағай* — мелкий лесок у излучин реки.

Отметим также, что иногда встречаются такие типы словосочетаний, которые по своему составу противоречат описанной выше композиции парных словосочетаний. В некоторых случаях многосложный элемент предшествует односложному. Примеры: *аяк-кул* — конечности, *катын-кыз* — женщины и девичьи, *һәрәндәш-ырыу* — свойственники. Кроме того, слово с начальным гласным иногда ставится на втором месте, например: *дус-иш* — друг-приятель, *һатыу-алыу* — купля-продажа, *хәл-эхүл* — всякие дела, *тау-урман* — горы и лес, *сыуал-усак* — разные печки, *һәрәндәш-ырыу* — свойственники.

Что касается словоизменения описанных образований, то аффиксы склонения обычно ставятся только при их второй части: *бала-саға* — дети, *бала-сағаға* — детям и т. д. Другие аффиксы могут стоять факультативно при одном компоненте или же при обоих. Примеры: *бала-ң саға-ң* или *бала-саға-ң* — твои дети, *бала-саға-һыз* или *бала-һыз саға-һыз* — бездетный, *бала-саға-һы куп кеше* — человек, у которого много детей.

Кроме разобранных основных типов парных словосочетаний, в башкирском языке, как и в других тюркских, встречаем еще одну группу, которая всегда употребляется в морфологизованном виде. Здесь различаются три

подгруппы. Во-первых, асиндетическое сопоставление именной основы будущего времени в положительной и отрицательной форме. Примеры: *ашар-ашамас* — «ел и не ел», «не то ел, не то нет» (*ашар* — он съест, *ашамас* — он не съест), *эсер-эсмас* — «пил и не пил», *йоклар-йокламас* — «спал и не спал», *туйыр-туймас* — «наелся и не наелся». Во-вторых, это — рифмующее сочетание разных глаголов в отрицательной форме настоящего времени, в деепричастии на *-ып* и в именной форме на *-ған*. Примеры: *арымай-талмай* — «неустанно и неутомимо» (*арымай* — не уставая, *талмай* — не утомляясь), *йырттып-ташлан* — изорвав и бросив (*йырттып* — разорвав, *ташлан* — бросив), *узған-барған* — проезжий, путник (*узған* — обогнавший, *барған* — ходивший).

Считать эти формы образованиями первого типа мешает то обстоятельство, что они застыли в этой морфологизованной форме и с другими аффиксами не употребляются. Здесь, таким образом, мы имеем дело с окаменелой, статической морфологизацией. Есть еще другие примеры таких же морфологизованных словообразовательных групп: *аслы-туклы* — не сыт и не голоден (*ас* — голодный, *тук* — сытый), *урымлы-урымсыз* — уместный, ни с того, ни с сего (*урымлы* — уместный, *урымсыз* — неуместный), *тейсиль-тейсильсиз юлдар менен* (правдами и неправдами).

Последнее место занимает особая группа: $x + y = a$. Она выделяется по семантическим признакам: здесь оба элемента, обозначенные через *x* и *y*, в отдельности не имеют никакого значения. Примеры: *эля-һөллә* — поне-много, мало-помалу, *тен-төпөн* — в развалку, переваливаясь, *ыбыр-сыбыр* — мелочи, пустяки, *ылам-шалам* и *ябыр-юлбор* (лохмотья), *ут-тут* — самочинно, своевольно, *урьк-һурьк* — по частям, мелкими кусками. Эта группа обычно не морфологизуется. По значению она близка к развитым в тюркских языках звукоподражательным основам, которые конструируются по типу парных словосочетаний.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Прилагательные

Прилагательное характеризуется тем, что оно по своему смысловому содержанию выражает статический признак предмета. В синтаксическом плане оно обычно выступает как определение. Если говорить о морфологическом оформлении прилагательного, то здесь можно отметить две категории из области словоизменения: степени сравнения и так называемую интенсивную форму прилагательных (типа *кан-кара*). По части словообразования прилагательные в башкирском, как и во всех тюркских, почти не имеют формальных показателей: чуть ли не единственным исключением являются формы типа *кыш-кы* (зимний) и *калала-ғы* (находящийся в городе), которые характеризуют особую группу прилагательных (относительные). Вообще же говоря, категория относительных прилагательных (морской, горный и т. д.), а также притяжательных (волчий, дядин, отцовский и т. д.)

в башкирском языке, как и в других тюркских, до последнего времени отсутствовала. Например, в башкирском языке есть слова: «гора, лес, поле, море, птица, рыба» и т. д., но формально нет слов: «горный, лесной, полевой, морской, птичий, рыбный, рыбий» и т. д. Такие соотношения, когда вместо качественной оценки (квалификации) предмета дается только указание на его связь (отношение) с другим предметом, по-русски передаются сочетанием «относительное прилагательное + существительное» (железная дорога, морская вода и т. д.), а по-башкирски (и вообще в тюркских языках) сочетанием двух существительных («железо дорога», «море вода» и т. д.), т. е. *тимер юл, диңгез һыуы* и т. д. Однако такого рода конструкции относятся к синтаксису в гораздо большей мере, чем к морфологии. Поэтому мы подробно останавливаемся на них в разделе определительной группы существительных. Там же мы указываем, что для школьной практики (в процессе «разбора») оба первые слова (*тимер* и *диңгез*) надлежит рассматривать как существительные, хотя бы их синтаксическая функция и равнялась функции русского прилагательного. Надо иметь в виду, что в тюркских языках одно и то же слово в зависимости от контекста может осознаваться, как различные части речи. Башк. *аркыры* может значить: «поперек» (*юлга аркыры* — поперек дороги), «поперечный» (*аркыры быскы* — поперечная пила), «поперечник» или «диаметр» (*аркырыһы 60 сантиметр булған ағас* — дерево в 60 см в диаметре). Слово *йәшерен* может значить: 1) тайком, 2) тайный, 3) инкогнито; *кусмә*: 1) кочевка, 2) кочевой; *тишкәре*: 1) наизнапку, 2) изнанка, 3) упрямый; *сырғау*: 1) немощь, 2) больной и т. д.

Итак, с точки зрения морфологии, в башкирском языке (как и в других тюркских) нельзя провести твердой границы между существительным и прилагательным. Нельзя ее провести и в сфере синтаксиса, поскольку синтаксические функции существительных и прилагательных часто совпадают. Хотя переход существительных в прилагательные и обратно есть явление, обычное для языков, но в тюркских языках эти переходы совершаются особенно легко. Формальное разграничение между существительным и прилагательным намечено здесь весьма слабо. Так, между словами *таш* (камень) и *йәш* (молодой) никакой морфологической разницы нет; нет ее и между такими словами, как *бал* (мед) и *ал* (розовый, светлокрасный). Из истории вопроса отметим некоторые моменты, которые проводят морфологическое различие между существительным и прилагательным. Кроме указанных выше показателей *-һы* || *-ғы*, сюда относится исторически арабский аффикс *-ий* < *-и* (пишется теперь, как *и*), который характеризует только относительные прилагательные. Примеры: *мәдәний*, пишется: *мәдәни* (культурный), *ғилмий*, пишется: *ғилми* (научный) и т. д.¹ Кроме того, в революционную эпоху в Башкирии (как и в других наших республиках) была сделана попытка ввести новый тип относительных прилагательных с суффиксами (а не аффиксами, см. стр. 44 и 81) международного типа: *-ик*, *-аль*, *-ар*, *-ив*, *-ион* и т. д.

¹ Слова такого происхождения частично сохраняются и в современном языке.

После всего сказанного понятно, что каждое башкирское существительное, стоя в определенном контексте, может выполнять синтаксическую функцию прилагательных (например, слово *башкорт теле* — башкирский язык) и обратно (например, слово *карт* в выражении: *карт килде* — старик пришел). Таким образом, существительное и прилагательное в тюркских языках представляют собой своего рода единую недифференцированную категорию. При квалификации каждого отдельного слова следует исходить из его семантики, или смыслового содержания. Например, слово *ат* (конь), взятое как исходный пункт, является прежде всего существительным и выполняет синтаксические функции существительного и только во вторую, так сказать, очередь может выполнять синтаксическую функцию прилагательного. Таким образом, слово типа *ат* можно было бы назвать условным термином «существительно-прилагательное» для того, чтобы рельефнее выразить динамику его развития. Другими словами, эту формулу можно выразить так: слово *ат* семантически является существительным, а в синтаксическом плане может быть: а) существительным, б) прилагательным. С другой стороны, слова типа *карт* (старый) первоначально являются прилагательными, поскольку обозначают признак предмета; в синтаксическом же плане они могут выступать и как а) прилагательные, и как б) существительные: ср. такие выражения, как *карт кеше* (старый человек) и *карт килде* (старик пришел). Таким образом, по признакам семантической и синтаксической характеристики (морфологические показатели здесь отсутствуют) слово типа *карт* можно было бы назвать условным термином «прилагательно-существительное».

Кроме того, качественное прилагательное может употребляться как глагольный определитель, т. е. выполнять синтаксическую функцию наречия. В этом случае тюркское (и башкирское) прилагательное, выступая в качестве обстоятельства, соответствует русскому наречию. Пример: *якшы язды* (он хорошо написал). Поэтому качественные прилагательные тюркских языков, строго говоря, можно было бы обозначить такой формулой: «прилагательно-существительно-наречие». Само собой разумеется, что в таком виде эта формула приемлема только для отдельного слова, стоящего вне предложения (например, слово *яман* по-башкирски может обозначать: а) плохой, б) негодяй, в) плохо); в предложении же это слово осознается по какой-нибудь одной из трех указанных выше возможностей.

Из всего изложенного выше следует, что в башкирском языке (как и в других тюркских) категории качественных и относительных прилагательных являются неграмматическими категориями. Говорить об этих двух категориях можно главным образом в плане семантики; в плане же морфологии и особенно синтаксиса различие между ними стирается.

С морфологической стороны, правда, качественные прилагательные имеют особые формы словоизменения, а относительные (и притяжательные) — некоторые особые формы словообразования. Начнем с последнего пункта. Здесь можно назвать упомянутые уже суффиксы интернационального типа (*-ик, -аль, -на, -ном* и др.), которые могут образовать только относительные прилагательные, но ни в коей мере не качественные.

Примеры: *педагог-ик* (педагогический), *форм-аль* (формальный), *объект-ив* (объективный), *революц-ион* (революционный). Равным образом и старые заимствованные слова с арабским суффиксом *и* принципиально¹ относятся также к относительным прилагательным, но не к качественным. Примеры: *хәрби* (военный), *әдәби* (литературный), *ғилми* (научный). Наконец, только относительными по значению могут быть такие прилагательные, которые образованы с помощью аффикса, способного параллельно образовывать и существительные. Аффиксы эти следующие:

$$1) -\frac{мы}{ле} -\frac{ло}{лө}, 2) -\frac{лык}{лек} -\frac{лок}{лөк}, 3) -\frac{ак}{эк} \parallel -\frac{ык}{ек} \parallel -\frac{ок}{өк} \parallel -\frac{к}{к} \text{ (после гласных)}, 4) -\frac{кыр}{кер} -\frac{гыр}{гер}, 5) -\frac{кы}{ке} -\frac{гы}{ге} \parallel -\frac{ко}{кө} -\frac{го}{гө}.$$

Примеры: *ат-лы* (в значении «конный», но не в значении «всадник», каковое форма *ат-лы* также может иметь); *акыл-лы* («умный», но не «умник!»); *ай-лык* (в значении «месячный», но не в значении «жалованье», каковое форма *ай-лык* также может иметь); *таш-лык* (в смысле «каменистый», но не «каменистость»);² *ват-ык* (в смысле «разбитый»); *боз-ок* (в смысле «испорченный, нарушенный»); *тап-кыр* (в смысле «ловкий, находчивый»); *һиз-гер* (в смысле «чуткий»); *борон-го* (древний); *кыш-кы* (в значении «зимний»); *йәт-ге* (в значении «летний»); *алыф-та-ғы* (дальний); *куңел-дә-ге* (находящийся в сердце, интимный); *сит ил-дә-ге* (поземный); *минен йәшәмдәге сестәр* (молодые люди моих лет); *сул-ге* (прежний).

Некоторые башкирские аффиксы образуют уже только прилагательные, но не существительные. Сюда относятся:

$$1) -\frac{һыз}{һөз} -\frac{һоз}{һөз}, 2) -\frac{сыл}{сел} -\frac{сол}{сөл}, 3) -\frac{сан}{сән}.$$

Примеры: *кул-һыз* (безрукий), *эш-һөз* (безработный), *кунак-сыл* (гостеприимный), *улак-сел* (раздражительный); *кызығыу-сан* (любопытный), *эш-сән* (работающий).

Наконец, пережиточный аффикс $-\frac{дык}{дек} -\frac{док}{дөк}$ сохранился главным обра-

зом в таких словах, которые по своему значению относятся к прилагательным. Примеры: *ташлан-дык* (покинутый), *табыл-дык* (найденный).

Что касается формальных отличий качественных прилагательных, то эти отличия, как уже было сказано, связаны с отделом словоизменения. Речь идет о том, что в грамматиках обычно называется степенями сравнения. Прежде чем перейти к ним, необходимо сделать одну оговорку. В башкирском языке (как и почти во всех тюркских) степени сравнения еще не сло-

¹ Поскольку во всех языках относительные прилагательные, меняя значение, могут переходить в качественные и получать формы степеней сравнения (ср. русское «объективнее, культурнее» и др.), та же оговорка применима и к отдельным башкирским прилагательным с перечисленными суффиксами.

² Этот аффикс в известной мере дифференцирует свои дериваты в зависимости от того, к каким корням он прибавляется: от основ одного значения он образует только существительные, от основ другого значения — прилагательные.

жились в одну стандартную схему, в одну общую нормализованную парадигму. Они, как обычно бывает в молодых и недавно сформировавшихся литературных языках, хранят на себе следы того разнообразия и факультативного употребления, которые столь характерны для диалектов. Выражается это в том, что наряду с, так сказать, «собственными» степенями сравнения существуют «внесобственные» степени сравнения.

Что представляют собою степени сравнения как грамматическая категория? Как известно, степени сравнения показывают различие в потенциале одного и того же качества, конкретно проявляющегося в различных предметах. Так, в примере *кала ауылдан зуррак* (город больше деревни) одно и то же качество (способность быть большим) проявляется в двух предметах (город и деревни), но в различной степени (в одном больше, в другом меньше). Таким образом, здесь надо учитывать два момента: 1) изменение в потенциале качества и 2) момент сравнения тех предметов, которым это качество присуще. Но первый момент может быть выражен и без второго. Только тогда наше суждение примет более абстрактный характер: мы будем сравнивать данное проявление конкретного качества с каким-то теоретически предполагаемым образцом или нормой. Возьмем башкирское слово *йәш-келт* и его русское соответствие «зелено-оватый». «Зелено-оватый» — это слабее, чем «зеленый»: в «зеленоватом» качества «зелености» меньше, чем в «зеленом». Итак, здесь налицо различие в потенциале качества. Мы имеем перед собой нечто «зеленоватое» и, употребляя слово «зеленоватый», самой его формой подчеркиваем, что здесь проявляется ослабленное качество. Какой-то элемент сравнения с нормой, которая выражается формой «зеленый», здесь, конечно, налицо, но этому сравнению придан абстрактный характер: оно не связано с конкретными предметами, которые обладают сравниваемым качеством. Итак, существуют два типа сравнения: 1) конкретный, где сравнение качества связано с сопоставлением предметов, и 2) абстрактный, где сравнение качества проводится не при помощи предметов, а при помощи теоретически подразумеваемой идеальной нормы. Грамматики относят к степеням сравнения только первый тип, а второй помещают в отдел словообразования. Тем не менее и логически, и грамматически эти оба типа нельзя изолировать друг от друга. Особенно трудно сделать это в тюркских языках, где формальные показатели (например, *-рак* или *-жа*) могут относиться и к тому, и к другому типу. Поэтому мы считали бы целесообразным рассматривать все формы сравнения прилагательных сообща, но строго дифференцировать их по двум типам.

Вторая предварительная оговорка, которую здесь надо сделать, такова: отдельные формы сравнения качества выражаются в башкирском языке (как и во всех тюркских) не только средствами морфологии, но и средствами синтаксиса. Иначе говоря, надо различать синтетические и аналитические формы сравнения.

Абстрактные формы сравнения

По существу и абстрактные, и конкретные формы сравнения (т. е. степени сравнения в собственном смысле) исходят от одной нормативной сте-

пени качества, которую грамматики называют положительной степенью. Логически это есть полностью проявленное качество, которое условно принимается за норму, а грамматически — основная форма прилагательного, от которой образуются все остальные. С внешней стороны положительная степень характеризуется отсутствием какого-либо специфического аффикса. Примеры: *кызыл* (красный), *һары* (желтый), *йәш* (молодой), *зур* (большой).

Абстрактные формы сравнения включают в себя две формы: форму ослабления качества и форму усиления качества. Форма ослабления качества выражается синтетическим путем. Ее показателем служит довольно богатый подбор параллельных аффиксов, который, очевидно, связан с развитой системой башкирских диалектов.

Перечислим важнейшие из них, оговорившись, что в литературной речи отдельные аффиксы могут быть прибавлены только к определенным, строго ограниченным основам прилагательных, а отнюдь не к каждому качественному прилагательному.

1) $\frac{\text{кылт}}{\text{келт}} - \frac{\text{һылт}}{\text{һелт}}$, например: *кыз-һылт* (красноватый) от корня *кыз-*,

входящего в состав слова *кыз-ыл* (красный), *йәш-келт* (зеленоватый) от корня *йәш*, входящего в состав слова *йәш-ел* (зеленый). В слове *һар-һылт* (желтоватый) вм. *һары-һылт* мы имеем отпадение конечного гласного основы.

2) $\frac{\text{һыл}}{\text{һел}}$ и 3) $\frac{\text{һыу}}{\text{һеу}}$ (очевидно, варианты одного и того же

аффикса). Примеры: *ак-һыл* (беловатый), *кара-һыу* (черноватый).

Интересно отметить, что все эти аффиксы приложимы главным образом к таким прилагательным, которые обозначают цвет.

В новой языке эта грамматическая категория (форма ослабления качества, выраженная синтетическими средствами), очевидно, отмирает.

Что касается формы усиления качества, то здесь можно отметить две ее разновидности: аналитическую и синтетическую. При этом аналитическая широко применяется в современном языке и, очевидно, имеет за собой будущее, синтетическая же ограничена рамками семантики (применяется для прилагательных, обозначающих цвет) и носит характер пережиточной категории.

Аналитическая разновидность формы усиления качества по своей структуре буквально та же, что в русском и других языках. Иначе говоря, мы имеем здесь синтаксическое сочетание основной формы прилагательного с наречиями степени или другими словами-усилителями (ср. русские выражения: очень хорошо, весьма ловко, чрезвычайно смело и т. д.). В башкирском языке эти усилители следующие: *бик* (очень), *үтә* (чрезвычайно), *биғерәк* (в особенности, особенно), *сом* (крайне), *ғәжәт* (изумительно) и т. д. Примеры: *бик аҡшы* (очень хороший), *үтә тырышкан* (крайне прилежный), *биғерәк матур* (особенно красивый), *ғәжәт бәләкәй* (изумительно маленький), *сом кара* (слишком черный) и т. д.

По своему происхождению *бик* — прилагательное с первоначальным значением «крепкий», *бигерэк* — сравнительная степень от этого же слова, *чтә* — деепричастие от глагола *чт-* (проходить, мновать, переходить), т. е. дословно «переходя (через)», *ғажэп* — заимствованное из арабского слово. Этимология *сом* неясна.

Одно из таких слов-усилителей — *иң* (самый, всего), этимологически обозначавшее «ширь» или «широкий», в нормативной речи литературного языка вытеснило все другие и осознается как основной признак превосходной степени аналитического типа, т. е. такой же, как русское «самый большой, больше всего». Примеры: *иң зур* (самый большой), *иң яҡшы* (самый хороший), *иң алыс* (самый далекий), *иң бәләкәй* (самый маленький). Морфологически слово *иң*, стоя перед прилагательным,¹ не изменяется; это слово и другие, подобные ему, естественнее всего рассматривать как наречия.

Что касается синтетической разновидности усилительной формы, то здесь мы встречаемся с любопытным явлением, которое широко известно во всех тюркских языках. Этот старинный оборот возник, очевидно, из синтактико-стилистического приема повторения, которое в числе своих функций имеет и одну специальную, а именно усиление потенциала качества. Так же, как по-русски «большой-большой» означает нечто более высокое по качеству, чем просто «большой», башкирское *зур-зур* представляет собою основное слово *зур* как бы с коэффициентом 2. Разница только в том, что употребление русских повторенных слов ограничено рамками стиля и потому встречается в разговорной речи, в детском языке и, реже, в литературе, тогда как башкирский повторенный комплекс допускается во всех жанрах письма и речи. Ср. еще такие примеры, как *һары-һары* (желтый-желтый, т. е. очень желтый), *йәшел-йәшел* (зеленый-зеленый, т. е. очень зеленый), *һимез-һимез* (жирный-жирный, т. е. очень жирный). Из такого способа полного повторения, очевидно, возникло неполное повторение и получились те усилительные формы, которые мы имеем теперь и которые употребляются параллельно с первоначальными формами полного повторения. Приведем несколько примеров: *һан-һары* (желтый-прежелтый; по-русски точная копия башкирского комплекса звучала бы: «жел-желтый»), *йәм-йәшәл* (зеленый-презеленый; дословно: «зел-зеленый»), *һип-һимез* (жирный-прежирный; дословно: «жир-жирный»). Семантически мотивировка этого неполного повторения достаточно ясна. Ведь в комплексе *һары-һары* (желтый-желтый) основное понятие в достаточной мере выражается уже одним из двух *һары*. Двойное нагромождение слова *һары* ничего не меняет в качественном отношении: прием удвоения имеет в виду только количественную модификацию понятия или же привнесение некоего эмоционального оттенка в общий тон повествования. Для этих (по существу побочных) целей достаточно будет придать слову *һары* какой-либо сокращенный коэффициент.

¹ Иногда ставится и перед существительным в значении русского «самый». Пример: *иң башына* (к самому краю || концу).

Поскольку, однако, исторически коэффициент этот развился из основного слова, оставался один способ: сократить основное слово, слегка деформировать его и использовать в виде коэффициента. Здесь, таким образом, утрата первым словом своей прямой смысловой функции сопровождается внешним (звуковым) изменением этого первого слова. Мы говорим «первого слова» не только потому, что этот коэффициент фактически предшествует основной величине, т. е. говорят *һан-һары*, а не *һары-һан*: во всех тюркских языках наиболее значимая, весомая величина всегда ставится после такой, которая имеет сравнительно второстепенное значение. Каким же путем происходит деформация первого слова, переходящего в «коэффициент» при втором? Прежде всего сокращается число слогов (там, где это, разумеется, возможно): из *һары* образуется *һан*, из *йәшәл* — *йәм*, из *һимез* — *һин*. Таким образом, коэффициент всегда односложен. Он возникает в результате двойного процесса: 1) сокращение слогов основы, если, конечно, основа имеет минимум два слога, и 2) оформление коэффициента особым замыкающим согласным. Как нетрудно заметить из приводимых ниже примеров, коэффициент, во-первых, буквально совпадает с первым (открытым) слогом основного слова, а во-вторых, он замыкается специфическим согласным, в результате чего образуется закрытый слог.¹ В качестве специфических согласных, замыкающих коэффициент, по-башкирски фигурируют главным образом *п*, реже *м* и еще реже *с*.

Приведем примеры (по списку, подобранному Медж. Бурангуловым): *кыт-кызыл* (красный-прекрасный, т. е. необычайно красный), *һан-һара* (черный-пречерный), *һан-һак* (белый-пребелый), *һан-һары* (желтый-прежелтый), *һин-һин* (серый-пресерый),² *һан-һай* (мелкий-премелкий, т. е. совершенно мелкий), *һан-һакыр* (ровный-преровный), *һин-һин* (круглый-прекруглый), *һан-һакере* (кривой-прекривой), *һин-һимез* (жирный-прежирный), *һан-һарык* (худой-прехудой), *һан-һанғырай* (глухой-преглухой), *һан-һара* (прямой-препрямой), *һан-һанғыс* (голый-преголый), *һан-һарт* (старый-престарый), *һан-һар* (узкий-преузкий), *һан-һәс* (горький-прегорький), *һан-һәсә* (пресный-препресный), *һан-һылы* (теплый-претеплый), *һан-һыуык* (холодный-прехолодный), *һан-һәбләк* (низкий-пренизкий), *һан-һәкере* (горбатый-прегорбатый), *һан-һумалак* (круглый-прекруглый), *һан-һоро* (серый-пресерый), *һан-һомшак* (мягкий-премягкий), *һан-һаты* (твердый-претвердый), *һан-һәләкәй* (маленький-премаленький), *һан-һур* (большой-пребольшой), *һан-һәсә* (маленький-премаленький), *һан-һығыз* (ровный-преровный), *һан-һуш* (пустой-препустой), *һан-һәләк* (низкий-пренизкий), *һан-һәшәл* (зеленый-презеленый).

¹ В редких сравнительно случаях, когда 1-й слог основного слова — закрытый, коэффициент образуется из него в результате одной только деформации конечного согласного. Пример: *һанғырай* (глухой), *һан-һанғырай* (совершенно глухой).

² В тюркских языках понятия отдельных цветов (красок) не всегда совпадают с русскими. В частности, слово *күк* (первоначально синий или небесный цвет < *күк* небо) относится также к траве (по-русски зеленая) и к животным (по-русски серые). Ср. башкирское *күк буға* (серый бык — дословно: «синий бык»).

Конкретные формы сравнения

Эти формы, иначе: степени сравнения в обычном понимании грамматики, развиваются на основе той первоначальной формы прилагательного, которой присвоено название положительной степени и о которой мы говорили выше (см. стр. 83—84).

Что касается сравнительной степени, по существу основной из конкретных форм сравнения, то аффиксом ее грамматики считают

$\frac{\text{ырак}}{\text{ерэк}} - \frac{\text{орак}}{\text{ерэк}}$ (после согласных) || $\frac{\text{рак}}{\text{рэк}}$ (после гласных). Примеры: *тар* (узкий) — *тар-ырак* (уже), *йзел* (зеленый) — *йзел-ерэк* (зеленее), *озон* (длинный) — *озон-орак* (длиннее), *кесле* (сильный) — *кесле-рэк* (сильнее), *котло* (счастливый), — *котло-рак* (счастливее), *якшы* (хороший) — *якшы-рак* (лучше).

Однако вопрос о подлинном значении аффикса *-рак* нельзя еще считать окончательно решенным. Это во всяком случае не такая бесспорная величина, как русский суффикс *-е-е*, *-е-й*. Это прежде всего один из многих «кандидатов» на аффикс сравнительной степени. Во-вторых, семантика *-рак* в отдельных тюркских языках подлежит тщательному изучению. Пока что можно только сказать, что *-рак* является количественным модификатором основного понятия. Направление же этой модификации может быть обращено и в ту, и в другую сторону, т. е. в одних случаях *-рак* может усиливать основное понятие, а в других — ослаблять его. Например, в туркменском языке *-рак* выражает ослабление основного качества прилагательного и соответствует русскому *-оватый*. Ср. такие башкирские примеры, как: *эсе-рэк* (кисловатый), *ары-рак* (поодаль), *тегенде-рэк* (подалее туда), *якында-рак* (поблизости). В татарском языке одни считают *-рак* усиливающим элементом, другие расценивают его так же, как туркменское *-рак*. Кроме того, употребляясь также при деепричастиях, *-рак* в некоторых тюркских языках (например, крымско-татарском) усиливает действие деепричастной формы, а в других (поволжско-татарский) его ослабляет.

Таким образом, башкирское *-рак* в лучшем случае имеет тенденцию превратиться в обычный показатель сравнительной степени, но пока (особенно в разговорной речи) дело еще не дошло до этого.

Если, таким образом, синтетическая форма сравнительной степени в башкирском языке не сложилась окончательно, то аналитическая форма конкретного сравнения должна быть призвана основной и доминирующей. Эта форма состоит в следующем: само прилагательное может остаться и в положительной степени, может и принять аффикс *-рак*, но главное — то, что перед ним ставится второй предмет и притом в исходном падеже.

Приведем примеры: *ат эттан зурырак* || *зур* (лошадь больше собаки; дословно: «лошадь от собаки большая || ббольшая»), *Вали Керимден картырак* (Вали старше Керима), *ағас такманан озонорак* (дерево длиннее доски).

Как видно из примеров, второй предмет сравнения ставится в исходном падеже, который указывает на всякого рода исходный пункт не только в прямом, но и в переносном смысле.

Числительное

Числительное — это такая категория, которая является количественным определителем к существительному, тогда как прилагательное является его качественным определителем. Такова семантическая характеристика числительного как особой языковой формы, выражающей идею числа в ее различных аспектах.

С морфологической стороны числительное в башкирском языке, как и во всех тюркских, характеризуется некоторыми специальными категориями, имеющими свои формальные показатели: 1) категория, выражающая порядковое соотношение предметов, которое построено на абстрактной системе чисел (иначе: порядковые числительные, см. ниже); 2) категория, выражающая разделительность, опять-таки основанную на системе абстрактного счета (разделительные числительные); 3) категория, выражающая «собирательность» или классификацию предметов по группам на основании опять-таки абстрактных чисел (собирательные числительные); 4) категория, выражающая приблизительность подсчета или, иначе, адвербиализованная форма числительного.

В синтаксическом отношении числительные характеризуются тем, что они допускают возможность тройного сочетания с другими словами: 1) самостоятельное употребление в качестве определяемого; этим они сближаются с категорией существительного.

Из подразделений числительного в этой функции чаще всего выступают числительные количественные, реже — порядковые и собирательные; 2) несамостоятельное употребление в качестве определения. Это — типичная функция для числительных порядковых и собирательных и — несколько реже — для количественных; 3) несамостоятельное употребление в качестве обстоятельства. В этой функции чаще всего выступают числительные приблизительного обозначения и реже — собирательные.

Кроме того, числительные характеризуются наличием особого сочетания, выражающего дробность (дробные числительные). Сравнительно с другими видами числительных дробные не являются самостоятельной категорией: по существу это частный случай количественных числительных, поскольку числитель и знаменатель дроби выражены именно в форме количественных.

Школьные грамматики башкирского и других тюркских языков часто относят к числительным так называемые «слова, обозначающие число», т. е. *кун* (много), *аз* (мало), *бер нисә* (несколько), *нисә* (сколько) и т. д. Но это явное недоразумение. Такие слова сближаются с числительными только по признаку семантики; в прочих же отношениях они явно тяготеют к иным частям речи, куда их и следует отнести, несмотря на их переходную семантику. Так, слова *кун* и *аз* относятся к прилагательным и имеют степени сравнения, а *нисә* и *бер нисә* — к местоимениям, с которыми они органически связаны по своей этимологии.

Числительные количественные

Морфологически это простейшая форма числительного, которая не связана ни с какими специфическими аффиксами.¹ Этот тип числительных может употребляться самостоятельно и независимо от других слов; в этом случае он приближается к категории существительного, но только выражает не предметность, а идею числа, осознаваемую как предмет, иначе — опредмеченное число. Поэтому количественные числительные можно назвать максимально абстрактной формой для выражения чисел средствами языка.

В качестве примера на подобное употребление числительных количественных можно привести такие: *ике икең дурт* (дважды два четыре), *ун биш өскә буленә* (пятнадцать делится на три) и т. д.

Кроме того, числительные количественные могут осознаваться и как количественный определитель предмета. В этом случае они являются определением для существительного и, таким образом, синтаксически сочетаются с ним. Примеры: *алты ат* (шесть копей), *туғыз көн* (девять дней). В этом смысле числительные приближаются к прилагательному как в отношении семантики, так и особенно синтаксической роли последнего. Эта функция числительных и прилагательных совпадает абсолютно, тогда как в семантике этих двух частей речи сохраняется различие, связанное с философским соотношением двух категорий: количества и качества.

Синтаксическое сочетание «числительное количественное + существительное» связано с одной особенностью, которая характеризует не только башкирский, но и все тюркские языки. Мы имеем в виду тот факт, что после числительных количественных существительное по общему правилу сохраняет форму единственного числа. Примеры: *утыз китап* (тридцать книг), *алтмыш өй* (шестьдесят домов), *йөз бала* (сто детей). Дословно здесь сказано: «тридцать книга», «шестьдесят дом», «сто дитя». Поскольку числительное уже дает количественную характеристику предмета, язык как бы считает излишним подчеркивать тот же момент формальным показателем множественности (т. е. аффиксом *-лар* и его фонетическими вариантами). Об этой особенности, которая, кроме тюркской, встречается и в других языковых группах (например, монгольской) или отдельных языках (например, персидском), мы говорим также в отделе о согласовании подлежащего со сказуемым (см. ниже).

Перечислим количественные числительные башкирского языка. Единицы первого разряда: *бер* (1), *ике* (2), *өс* (3), *дурт* (4), *биш* (5), *алты* (6), *ете* (7), *һиҗез* (8), *туғыз* (9).

Сравнительно с другими тюркскими языками все эти слова, кроме *алты*, требуют комментариев, но комментариев чисто фонетического порядка: со стороны гласных (*бер, ике, өс, дурт, биш, ете, һиҗез, туғыз*) и со сто-

¹ По крайней мере такими, которые отчетливо выделяются в сознании говорящего на современном языке. О некоторых исторических соображениях на этот счет см. несколько ниже.

роны согласных (*ес, дурт, ете, һилез, тугыз*). Характерно, что в этой группе числительных мы, кроме того, не встречаем удвоения согласных, которое наблюдается в некоторых тюркских языках в отношении корней *ике, ете, һилез* и *тугыз*. Слово *дурт* интересно еще и в том отношении, что в начале имеет звонкий *д*, что, как мы знаем, отнюдь не типично для старых башкирских слов. Любопытно, что в поволжско-татарском языке глагол «сказать, говорить» — *ди-* и «четыре» — *дурт* (оба, очевидно, весьма старые элементы словаря) сохранились с начальным *д*, тогда как в башкирском языке здесь произошла дифференциация: *ти-* (говорить, сказать) и *дурт* (четыре).

О синтаксических функциях слова *бер* мы говорим ниже, в соответственных отделах. Единицы второго разряда: *ун* (десять), *егерме* (двадцать), *утыз* (тридцать), *кырк* (сорок), *илле* (пятьдесят), *алтмыш* (шестьдесят), *етмеш* (семьдесят), *һикһән* (восемьдесят), *туһан* (девяносто). Фонетические комментарии вызывают все слова, кроме *кырк* и *алтмыш* (это в том случае, если бы мы попытались сопоставить отдельные слова с соответствующими формами других тюркских языков). За подробностями отсылаем в раздел фонетики.

Что касается этимологии отдельных слов, то можно считать установленным, что *алтмыш* и *етмеш* происходят от *алты* и *ете* при посредстве аффикса $\frac{\text{мыш}}{\text{меш}}$ (теоретически предполагаются и варианты $\frac{\text{муш}}{\text{муш}}$ $\frac{\text{мош}}{\text{мош}}$), каковой, очевидно, обозначал «десять». Подробные формы числительных характерны для многих тюркских языков. Слова *һикһән* и *туһан* связаны с простыми *һилез* и *тугыз*; второй элемент, как можно предполагать по тюркским языкам Сибири, представляет собой не что иное, как видоизмененное *ун* «десять» (в других тюркских языках *он*).

При образовании смешанных чисел из единиц первого и второго разряда в башкирском языке применяется та же схема словосочетания, что и в других тюркских, а именно: единицы высшего разряда ставятся перед единицами низшего разряда, причем связь осуществляется без каких-либо формальных элементов (т. е. асиндетически), единственно за счет порядка слов. Примеры: *ун ике* (двенадцать), *ун биш* (пятнадцать), *ун һилез* (восемьнацать).

При такой комбинации большая величина всегда предшествует меньшей. Этим данная комбинация принципиально отличается от другой, которая также основана на порядке слов (т. е. асиндетична), но при которой меньшая величина предшествует большей. Такое сочетание употребляется для приблизительного подсчета. Примеры: *биш-алты* (пять-шесть), *ун өс-ун дурт* (тринадцать-четырнадцать). Такого рода аналитическая конструкция имеет особые линии разграничения с синтетической формой числительных приблизительного обозначения, о чем будет сказано несколько ниже.

Единицы третьего разряда (сотни) строятся также по асиндетическому принципу и структурно сближаются с двумя только что разобранными комбинациями, особенно со второй. Но прежде чем говорить об этом соотношении, приведем примеры на обозначение сотен в башкирском языке: *йөз*

(сто), *ике йөз* (двести), *өс йөз* (триста), *дурт йөз* (четыреста), *беш йөз* (пятьсот), *алты йөз* (шестьсот), *ете йөз* (семьсот), *һиҫ йөз* (восемьсот), *туғыз йөз* (девятьсот). Как видно из примеров, по-башкирски, как и во всех тюркских языках, собственно говорят: «два сто», «три сто», «четыре сто» и т. д., т. е. то же, что мы имеем и в русских «двести, триста, четыреста» и т. д. Таким образом, сотни башкирских числительных обозначаются словом *йөз* (сто), перед которым в качестве коэффициента ставятся названия единиц. Но если в русском языке такие сочетания, как «двести» и «семьсот», давно уже слились в одно понятие и одно слово, которое противоплагается аналитическим формам «две сотни» и «семь сотен», где имеем два понятия и два слова, то в башкирском такого слияния не произошло. Это очень уместно подчеркивается орфографией, которая рекомендует раздельное начертание составных частей: *ике йөз* (двести), *ете йөз* (семьсот).

Какова же разница между двумя башкирскими сочетаниями: *беш-алты* (пять-шесть) и *беш йөз* (пятьсот)? Разница по значению уже известна, а формальная разница сводится к следующему. В первом случае асиндетически сочетаются смежные единицы одного и того же разряда, а во втором — единицы различных разрядов. Поэтому, говоря арифметически, в первом случае получается нечто вроде суммы двух слагаемых, а во втором — нечто вроде произведения двух множителей.

Слово «тысяча» по-башкирски звучит *мең* (в других тюркских языках возможны фонетические варианты: *бен, бин, бин, мин*). Прибавляя к этому слову обозначения единиц (в качестве коэффициента), т. е. пользуясь третьей асиндетической формулой, получаем разряд тысяч: *ике мең* (две тысячи), *өс мең* (три тысячи), *дурт мең* (четыре тысячи), *беш мең* (пять тысяч), *алты мең* (шесть тысяч), *ете мең* (семь тысяч), *һиҫ мең* (восемь тысяч), *туғыз мең* (девять тысяч) и т. д. до миллиона. Слова «миллион» и «миллиард» обозначаются теми же международными словами: миллион и миллиард. Сложные числительные от них с трехзначным цифровым диапазоном (миллионы — десятки миллионов — сотни миллионов и т. д.) образуются так же, как сложные числительные от единиц (единицы — десятки — сотни) и тысяч (тысячи — десятки тысяч — сотни тысяч).

В старом башкирском языке известно было еще слово *туман*, восходящее к монгольскому корню и обозначавшее «десять тысяч», а также и всякое «бесконечно большое число». В обиходе старой Башкирии это было предельной величиной счета. Нечто подобное наблюдается и в других тюркских языках, как об этом можно судить, в частности, по данным фольклора.

Что касается сложных числительных, выходящих за рамки одного разряда, то структура их подчиняется следующему принципу: отдельные основные разряды (единицы, тысячи, миллионы и т. д.) идут в нисходящем порядке (т. е. сперва миллионы, потом тысячи, потом единицы); в пределах же каждого из основных разрядов наблюдается такой же порядок (т. е. сперва сотни миллионов, потом десятки миллионов, потом миллионы и т. д.) Иными словами, здесь мы имеем ту же систему, что и в русском языке.

Примеры: *бер мең туғыз йөз кырк ете* (1947), *өс йөз мең ете йөз ике* (300 702), *ун биш миллион һизәз йөз егерме туғыз мең алты йөз утыз дурт* (15 829 634).

Так же, как и в русском языке, при склонении (и вообще всяком изменении) сложных числительных изменяется только последняя часть. Примеры: *бер мең туғыз йөз кырк биш* (тысяча девятьсот сорок пять), *бер мең туғыз йөз кырк биштең* (тысяча девятьсот сорока пяти), *бер мең туғыз йөз кырк бишкә* (тысяча девятьсот сорока пяти) и т. д.

К вопросу о числительных количественных имеют отношение так называемые *нумеративные* слова. Так называются слова, которые обозначают не конкретный предмет, являющийся объектом исчисления, а ту счетную категорию, к которой этот предмет относится. Нумеративные слова (как и в русском языке) ставятся между числительным количественным и конкретным исчисляемым предметом. Примеры: *егерме баш һарык* (двадцать голов овец), *биш берток бойзай* (пять зёрен пшеницы), *бер кейем беме* (шара, комплект белья).

Нумеративные слова соотносятся с качеством исчисляемого предмета, и, таким образом, для отдельных категорий слов употребляются только им одним свойственные нумеративные обозначения:¹ скот исчисляется по «головам», кавалерия по «саблям», мелкие предметы по «штукам» и т. д. С исторической точки зрения интересно было бы учесть все башкирские нумеративные слова и сферу их употребления. Можно предполагать, что в старом языке они встречались чаще, чем теперь, и что в башкирских диалектах можно найти дополнительные материалы по этому поводу.

Сочетание «числительное + нумеративное слово + существительное» (т. е. $a + b + c$), а когда числительное, т. е. a , равно нулю, то «нумеративное слово + существительное» представляет интерес и с точки зрения синтаксиса. Это сочетание, выражающее в основном идею количества, структурно противопоставляется тем синтаксическим сочетаниям, в которые входит какой-либо качественный определитель. Подробнее о последнем см. в отделе определительной группы существительных (*изафета*). Что же касается синтаксических сочетаний с нумеративными словами, то они построены на следующем принципе: «целое + часть» или «большее + меньшее». В самом деле: в сочетании *егерме баш һарык* (двадцать голов овец) категория *һарык* (овца) входит в счетную категорию *баш* (голова) и относится к ней как часть к целому, поскольку «головами» измеряются не только овцы, но и целый ряд других предметов (хотя бы все виды скота). И вот слово *баш* должно стоять перед словом *һарык*. Это будет обозначать: «одна счетная единица (= голова) овцы». Обозначим эту величину алгебраическим знаком A . Тогда «двадцать голов овец» = $20A$, т. е. это будет *егерме (баш һарык)*. Таким образом, формула нумеративных сочетаний может быть изображена таким образом: bA , где b — конкретное число, а A представляет собой комплекс, охарактеризованный выше, т. е. $A = x \cdot y$, где

¹Интересно, что в старину мерой служил даже верблюд: «верблюд дров». ср. рус. «вагон дров».

x — нумеративное слово, а y — конкретный нечисляемый (измеряемый) предмет. Таким образом, нумеративное сочетание $=bA=b(xy)=by$. Если $b=0$, то мы имеем xy , т. е. такие сочетания, как *хаба кымыз* («кадка кумыс») = кадка кумысу), *телем икмэк* («кусочек хлеба») = кусочек хлеба) и т. д.

Но стоит только нам переставить составные элементы этой формулы, т. е. принять порядок yx , как у нас получится качественное определительное сочетание: *харык баш* (в современном языке с морфологическим оформлением — *харык баш-ы*) будет означать «баранья голова», а *кымыз хаба* (в современном языке с морфологическим оформлением — *кымыз хаба-ны*) будет означать «кумысная кадка» или «кадка для кумыса».

Числительные дробные

Дробные числительные представляют собой частный случай количественных — иначе говоря, особое синтаксическое сочетание двух количественных, первое из которых обозначает числитель, а второе — знаменатель.

Для всех тюркских языков (и башкирского) характерно то, что название знаменателя ставится перед названием числителя. При этом название знаменателя ставится по-башкирски в исходном падеже, а название числителя — в неопределенном (если, конечно, мы имеем в виду первоначальную форму дроби, т. е., с точки зрения русской грамматики, ее именительный падеж). Примеры: *биштан өс* (три пятых), *егерменән ун ете* (семнадцать двадцатых), *утызган ун туғыз* (девятнадцать тридцатых).

Что касается падежа знаменателя, то в одних тюркских языках мы имеем здесь исходный падеж, а в других — местный. Последняя конструкция, очевидно, более древняя, так как отражает тот период в истории тюркских языков, когда местный падеж выполнял также функции возникшего позднее исходного.

Обозначение процентов строится по общей схеме дробных числительных, например: *йөзгән ун ике* (двенадцать процентов), *йөзгән йөз* (сто процентов).

Кроме того, употребляется также и слово процент, перед которым в обычном порядке ставятся количественные числительные: *йөз процент* (сто процентов).

При склонении дробей знаменатель сохраняется в форме исходного падежа, а числитель принимает все падежные аффиксы. Иначе говоря, получается нечто обратное схеме русских дробей, где склоняется первая часть (числитель), а вторая (знаменатель) сохраняется в одной как бы застывшей форме.

В народной речи и диалектах вместо приведенной выше формулы дробей, которая характеризует скорее литературный язык, имеют хождение описательные обороты, например: *нәмане утызга булган унан егерме берзе алып* (двадцать одна тридцатая).

Наиболее ходовые из дробей с числителем «единица» в башкирском, как и в других языках, переходят в особые существительные (ср. русские

«половина, треть, четверть» и новообразование «шестая» вместо «одна шестая»).

Для понятия «половина» употребляются *ярым* и *ярты*. При выражен и смешанных чисел *ярым* ставится асиндетически после названия целых чисел, например: *ике ярым* (два с половиной — дословно: «два половина»), *бичи ярым* (пять с половиной) и т. д. Второе, стоя перед существительным, означает как бы «половинный» и соответствует русской приставке *пол-*. Примеры: *ярты юл* (полдороги — дословно «половинная дорога»), *ярты сәгән* (полчаса), *ярты көн* (полдня).

В некоторых случаях допустимы сочетания слова *ярты* с другим существительным в порядке определительной группы имен (*изабета*), например, *кисә яртыны* (полночь). Ср. еще *яртыны көйгән*, *яртыны көймәгәйне* (половина его сгорела, половина не сгорела).

Таким образом, из этих двух форм *ярым* чаще стоит именно перед существительным. Этимологически *ярты* и *ярым* происходят от глагольного корня *яр-* (рубить, рассекать): *ярты* или *ярым* это то, что получается в результате разруба или рассечения чего-либо топором; сюда же относится и существительное *яр* (крутой берег, отвес, откос).

«Четверть» выражается словом *сирек*, исторически восходящим к персидскому языку.

Заканчивая обзор числительных количественных и того, что с ними связано, отметим еще одну подробность. Для приблизительного обозначения дней и часов числительные количественные ставятся во множественном числе. Примеры: *сәгән һигездәрҙә* (часов в восемь) *айһын үн өстәрәндә* (числа тринадцатого). Об этом см. ниже, в главе о множественном числе.

Числительные порядковые

Как уже было сказано, числительные порядковые выражают идею числа в более конкретном виде, чем количественные. Другими словами, порядковые числительные выражают уже не абстрактную идею числа, а последовательность предметов (существительных), расположенных в естественном числовом порядке. Эта последовательность предметов осознается как их признак, и с этой точки зрения числительные порядковые приближаются к категории прилагательных.

Формальной характеристикой числительных порядковых служит аффикс

$\frac{ынсы}{енсе} - \frac{онсо}{өнсо}$ (после согласных) и $\frac{нсы}{нсе} - \frac{нсо}{нсе}$ (после гласных). Так

как ввиду строго ограниченного подбора количественных числительных они представляют не все допустимые фонстические комбинации, а только некоторые из них, варианты *-онсо*, *-нсо* и *-нсе* фактически не применяются. Примеры: *ун-ынсы* (десятый), *бер-енсе* (первый), *өс-өнсе* (третий), *алты-нсы* (шестой), *егърме-нсе* (двадцатый).

При образовании порядковых от сложных количественных аффиксом снабжается последний элемент: *ун-алты* (шестнадцать) — *ун алты-нсы*

(шестнадцатый); *мен туғыз йөз кырк биш* (тысяча девятьсот сорок пять)—
мен туғыз йөз кырк биш-енсе (тысяча девятьсот сорок пятый).

Синтаксически числительное порядковое чаще всего выступает как определение и в этом случае не склоняется: *беренсе йыл* (первый год), *беренсе йылдың* (первого года), *беренсе йылға* (первому году) и т. д.

Слово *элек*, которое в некоторых тюркских языках означает «первый» параллельно «*беренсе*», по-башкирски употребляется как послелог со значением «прежде, раньше».

Числительные разделительные

Эта группа числительных использует идею абстрактных чисел для разбивки предметов по однородным группам. С внешней стороны характеризуется

аффиксом: $-\frac{ар}{эр}$ (после согласных) и $-\frac{шар}{шэр}$ (после гласных). Примеры: *ун-ар* (по десять), *бер-эр* (по одному), *алты-шар* (по шесть), *ике-шэр* (по два).

В разговорной речи встречается также форма *-ышар*, например: *кырк-ышар* (по сорок, по сорока), *түкһан-ышар* (по девяносто), *һижһән-сешэр* (по восемьдесят).

При образовании разделительных от сложных числительных аффикс прибавляется только к последнему слову: *ун алты-шар* (по шестнадцати), *йөз илле һигез-эр* (по сто пятьдесят восемь).

Числительные разделительные, если они образованы от количественных первого десятка, часто употребляются в повторном виде. Примеры: *бер-эр-бер-эр* (по одному), *унар-унар* (по десяти).

Числительные собирательные

Подобно предыдущей группе, числительные собирательные показывают определенную классификацию предметов, которая, однако, проводится путем концентрации отдельных единиц, а не путем раздробления общего целого. С внешней стороны числительные собирательные характеризуются

аффиксом: $-\frac{ау}{эу}$, перед которым основа числительного теряет свой конечный гласный. Примеры: *өс-эу* (втроем), *бер-эу* (в одиночку), *ун-ау* (вдесятером), *ик-эу* вм. *ик-эу* (вдвоем), *алт-ау* вм. *алты-ау* (вшестером).

При сложных числительных аффикс прибавляется только ко второму слову, например: *йөз егерме биш* (сто двадцать пять), *йөз егерме биш-эу* (в сто двадцать пять).

Подобно разделительным, собирательные числительные часто употребляются в повторном виде: *икэу-икэу* (вдвоем), *бишэу-бишэу* (впятером).

Числительные приблизительного счета

Эта группа с внешней стороны характеризуется аффиксом $-\frac{лан}{лэн}$, например: *ун-лан* (примерно вдесятером), *утыз-лан* (примерно втридцатером), *йөз-лэн* (примерно в сто).

Исторически аффикс $-\frac{лан}{лэн}$ восходит к деепричастию на *-н* от глаголов именного образования с аффиксом $-\frac{ла}{лэ}$. Иными словами, теоретически можно допустить существование глаголов *ос-лэ* (утрой), *ун-ла* (удесятери) и т. д., от которых в дальнейшем и произошли деепричастные формы *ос-лэ-н*, *ун-ла-н* и т. д.

В современном языке значение этой группы числительных приближается к аналитической конструкции типа *бичи-алты*, о которой мы говорили выше (см. стр. 90).

Однако форма *бичи-лэн* передает число все-таки более точно и, во-вторых, представляет это приближенное число как результат какого-то процесса концентрации (ср. деепричастный аффикс $-\frac{лан}{лэн}$). Иногда обе формы употребляются более или менее безразлично: так, наряду с *утыз-кырк* «тридцать-сорок» можно встретить комбинированную форму *утыз-кырклан* в том же самом общем значении «примерно сорок».

Поскольку можно наблюдать, в современном языке происходит семантическое сближение собирательных числительных (*бичиэч*) и числительных приблизительного счета (*бичилэн*). Однако подробности этого процесса еще подлежат изучению.

В заключение, возвращаясь к классификации башкирских числительных, отметим, что, строго говоря, числительные распадаются на две группы: а) числительные количественные и б) все остальные. Как уже неоднократно отмечалось нами, количественные числительные выражают идею числа в максимально абстрактной форме, какая только может быть передана средствами языка. Все же остальные группы числительных передают идею числа в конкретизированной форме: они передают число не как предметность, а как некий атрибут и в этом отношении приближаются к категории прилагательного. Они переводят число из положения предмета в положение его признака при помощи различных способов. Порядковые числительные выражают последовательность предметов, как бы снабженных номерами в порядке естественного числового ряда. Числительные разделительные выражают такой признак, который по существу является группировкой предметов, причем эта группировка идет от большего к меньшему (т. е. весь объем понятия делится на группы). Числительные собирательные также передают признак, основанный на группировке предметов, но только эта группировка возникла в результате синтета, а не анализа. Наконец, числительные приблизительного счета (как некая синтетическая категория), т. е. *алтылан*, *бичилэн* и т. д., передают идею числа, претворенную в обстоятельство: это адвербиализованная форма числительных, а потому *ос-лэ-н* собственно могло означать «утроившись,

приняв форму трех [утроив,¹ придав форму трех», откуда в дальнейшем и современное значение «примерно втроем».

Местоимения

Личные местоимения

Эта группа местоимений представлена в башкирском языке следующими словами: *мин* (я), *һин* (ты), *ул* (он, а, о), *без* (мы), *һез* (вы), *улар* (они).

Склоняются эти местоимения следующим образом:

Ед. число

Неопр. п.	<i>мин</i> (я)	<i>һин</i> (ты)	<i>ул</i> (он)
Род. п.	<i>минен</i>	<i>һинен</i>	<i>унын</i>
Дат. п.	<i>миңә</i>	<i>һиңә</i>	<i>уға</i>
Вин. п.	<i>минә</i>	<i>һинә</i>	<i>уны</i>
Исх. п.	<i>минән</i>	<i>һинән</i>	<i>унан</i>
Местн. п.	<i>миңдә</i>	<i>һиңдә</i>	<i>урда</i>

Мн. число

Неопр. п.	<i>без</i>	<i>һез</i>	<i>улар</i>
Род. п.	<i>безден</i>	<i>һезден</i>	<i>улардын</i>
Дат. п.	<i>безгә</i>	<i>һезгә</i>	<i>уларға</i>
Вин. п.	<i>безде</i>	<i>һезде</i>	<i>уларды</i>
Исх. п.	<i>бездән</i>	<i>һездән</i>	<i>улардан</i>
Местн. п.	<i>бездә</i>	<i>һездә</i>	<i>уларда</i>

По своему происхождению *мин* и *һин*, очевидно, разлагаются на *ми-* и *һи-*+*н*; это видно из соотношения *без* : *һез*, т. е., в конце ковцов, *бе* : *һе*. Очевидно, элементы *би* и *һи*, с одной стороны, и *бе* и *һе* — с другой, представляют собой одно и то же с незначительными фонетическими отличиями, мотивировка которых для нас пока недостаточно ясна. Теми же фонетическими чередованиями объясняются: форма *һи* при *си* < *се* других тюркских языков и форма *ми* при *би* < *бе* других тюркских языков; в данном случае тип этих чередований представляется нам более ясным, поскольку переходы *с* > *һ* и *б* > *м* могут считаться более или менее установленными и объясненными явлениями. Относительно последнего перехода *б* > *м* мы можем говорить со значительной долей вероятия, так как понятия *мин* и *без*, очевидно, должны быть соизмеримы. Что же касается аффикса *-з*, то, как об этом уже приходилось говорить, он является архаичным показателем множественности, который ныне сохранился в форме принадлежности, ближайшим образом связанной с личными местоимениями.

О том, что родительные падежи личных местоимений выражают притяжательность, см. на стр. 58.

Как мы уже указывали в своем месте, личные местоимения, означающие субъект, обычно пропускаются в предложениях и ставятся только

¹ Различие переходных и непереходных глагольных форм в башкирском языке часто не было связано с морфологическими различиями.

тогда, когда налицо имеется момент противоположения. Пример: *мин язам, а һин укыйһын* (я пишу, а ты читаешь).

Рассматривая категории сказуемости и принадлежности, мы имели случай отметить, что личные местоимения послужили источником формирования аффиксов. При этом аффиксы сказуемости представляют собой форму, более близкую к местоименному оригиналу, чем аффиксы принадлежности. В отношении типа местоимения 3-го лица обоих чисел башкирский язык относится к «окающим» языкам (*ул-унын-улар*), а татарский — к «акающим» (*ул-анын-алар*).

Указательные местоимения

Среди башкирских указательных местоимений выделяются два ряда: 1) *был-ошо*, который в общем соответствует русскому «этот», и 2) *шул-теге*, который в общем соответствует русскому «тот». Такую же примерно схему мы имеем в татарском и некоторых других тюркских языках. В пределах каждого из названных выше рядов мы имеем по два элемента, причем первый и второй имеют совершенно особую семантику.

Ошо отличается от *был* прежде всего тем, что указывает на такой предмет, который уже знаком говорящему из личного опыта. Таким образом, *ошо* (= этот самый) выражает более конкретное понятие, чем *был*, которое указывает только на внешнюю близость предмета говорящему. Приведем несколько примеров. *Кисә мин һойләгән кеше ошо була ине* (это и есть тот самый человек, о котором я говорил вчера). *Без ошо кеше менән бергә Мәскәүгә баргайнык* (вот с этим-то человеком мы вместе ездили в Москву). *Мин бына ошоно¹ әйтәм* (вот это самое я и говорю). *Бына мин ошоно ғына әйтәрә теләгәнем* (вот я только это самое и хотел сказать). *Тап ошо китәпте бирегез* (дайте именно эту книгу).

Если двое (*A* и *B*) идут по улице и какой-то прохожий приветствует *B*, то *A* спросит у *B* в такой форме: *был кем?* (кто это?), на что *B* ответит: *был минең укытыусы* (это мой учитель). Но если *A* предупрежден, что по дороге им может встретиться учитель, у которого занимался *B*, то *B* на вопрос со стороны *A* может ему ответить: *ошо инде минең укытыусы* (вот этот самый и есть мой учитель). В этом же смысле *B* может ответить на вопрос *A* и таким способом: *минең укытыусы ошо инде* (мой учитель вот этот и есть).

Необходимость предварительного знакомства с предметом, которая, так сказать, дает право называть его местоимением *ошо*, связана не только с категорией времени, но и с категорией пространства. Последний случай, вероятно, более древний, и первый возник из него по тому же принципу перехода грамматических категорий пространственного значения в грамматические категории временного значения, как это мы имеем, например, в наречиях: *унда* (там → тогда), *ушан* (оттуда → затем).

В пространственном отношении *ошо* понимается как местоимение

¹ В этом примере специфический оттенок значения *ошо* подчеркивается особым словом *бына*.

инклюзивного (включительного) типа, т. е. указывает на такой предмет, территория которого «включает в себя» и самого говорящего. Пример: *мин ошо мжтэттэ укыйым* (в этой самой школе я и учусь).

Эту фразу можно произнести при двух условиях:

1) или говорящий вместе со своим собеседником находится в данный момент на территории школы, 2) или об этой школе как слушатель, так и, разумеется, рассказчик были достаточно хорошо осведомлены до начала беседы. Эта же оговорка относится и к следующим примерам: *узган йылда мин ошо айза куннып киттем* (в прошлом году я останавливался в этом самом доме). *Мин узем ошо юдан йөрөй торгайным* (я сам ходил по этой дороге). *Ошо биттэн укыргамы?* (с этой самой страницы и читать?).

Таким образом, *ошо* в противоположность *был*, всегда указывает на личную связь говорящего с предметом независимо от того, выражается ли эта связь по принципу места или по принципу времени.

Между *теге* и *шул* наблюдается то же различие, что между *ошо* и *был*. *Теге* является более конкретным, чем *шул*, т. е. указывает на предмет, о котором мы что-то знаем из предыдущего опыта (временное соотношение) или на территории которого мы в настоящее время находимся (пространственное соотношение). По-русски *теге* удобнее всего переводится словами «тот самый»: *һин теге журналды бир элэ* (дай-ка тот самый журнал). *Теге кендә мин ауылға баргайным* (в тот самый день я ездил в аул). *Теге яктанмы, ошо яктанмы?* (с той стороны или с этой стороны?). Когда говорят *теге якта* (в той стороне), то всегда показывают на нее рукой; когда же говорят *шул якта* (в той стороне), то никаких жестов не требуется. Таким образом, жест подчеркивает личную связь говорящего с тем предметом, который он обозначает местоимением *теге*.

Общее соотношение между четырьмя рассмотренными словами можно выразить следующими двумя пропорциями:

$$\begin{array}{l} \text{ошо} : \text{был} = \text{теге} : \text{шул} \text{ (I)} \\ \text{(близкое)} \quad \quad \quad \text{(далекое)} \\ \text{ошо} : \text{теге} = \text{был} : \text{шул} \text{ (II)} \\ \text{(знакомое)} \quad \quad \quad \text{(незнакомое)} \\ \text{прежде} \quad \quad \quad \text{прежде} \end{array}$$

Что касается местоимения *ул* (= русскому «тот»), то оно всегда абстрактно и не связано с личным опытом говорящего, т. е. не предполагает обязательного знакомства с предметом. Ср. *ул вакыт* (то время, в то время, тогда). *Была белә, ә ул белмәй* (этот знает, а тот не знает).

Как и в большинстве языков мира, первоначально указательное местоимение *ул* (тот) впоследствии было использовано в качестве личного (он). Башкирский тип местоимения *ул*, как уже сказано, относится к «окающей» форме ($ул < ол \parallel у < о$); параллельная основа с гласным *а* (т. е. «акающая» форма) встречается во многих тюркских языках и отражена в самом башкирском в виде указательного местоимения *ауау*. Часто основа $ул \parallel ол$ выступает только в неопределенном падеже, а в остальных имеем основу *ан-* (ср. тат. яз., Аргаяшский диалект башкирского языка и киргизское *ал*).

Кроме того, форма *ул* || *ол* часто используется как некий конструктивный элемент для образования сложных указательных местоимений. Башкирское *был*, которому соответствует киргизское и узбекское разговорное *бул*, повидимому, тоже восходит к *бул*, а само *бул*, очевидно, распадается на *бу* + *ул*, где *бу* и означает «этот» (такую форму имеем в очень многих тюркских языках).

Местоименные *шул*, очевидно, тоже разлагается на *шу* (форма, реальная для многих тюркских языков) + *ул*. Характерно, что, например, в киргизском языке существуют параллельно формы *ушул* и *ушу*, соответствующие башкирскому *ошо*, а также *ошол* и *ошо*. Таким образом, башкирское *ошо*, очевидно, состоит из архаичного указательного местоимения *ош* || *уш* (имеется, например, в чагатайском языке) + *ул*. Равным образом башкирскому *теге* в киргизском языке соответствуют две формы *тиги* и *тигил*, причем *тиги* употребляется в разговоре только о таких предметах, которые находятся на виду. Формы с *л* и без *л* в киргизском разговорном языке вообще употребляются безразлично.

Местоименные *был*, *ошо*, *шул* склоняются, если стоят не перед существительным: *бынын*, *ошонон*, *шунун*; *быга*, *ошога*, *шуга*; *быны*, *ошоно*, *шуну*; *бынан*, *ошонан*, *шунан*; *бында*, *ошонда*, *шунда*. Местоименные *анау* и *бынау* (см. ниже) склоняются как существительные типа *тау* (гора); *теге* — как существительное на *е*; местн. п. *тегендэ*.

К указательным местоимениям в башкирском языке относятся также *бынау* (этакий, такого качества) и *анау* (такой, такого качества). Они восходят, очевидно, к *бын-даг* и *ан-даг*, как мы имеем в других тюркских языках, через ступень *бын-наг* и *ан-наг* и, далее — *бын-нау* и *ан-нау*. *Бын-* и *ан-* здесь основы местоимений *был* || *бу* и *ул*, а *-даг* — аффикс сравнения. Параллельные формы *бындай* и *ундай* имеют другой фонетический вариант аффикса сравнения *-дай*. Оба ряда (*бынау* и *анау*, *бындай* и *ундай*), стоя перед существительными, не изменяются и по этому признаку относятся к местоимениям-прилагательным. Ко второму из них примыкают (разумеется, при сохранении всех взаимных семантических различий) аналогичные с ним по составу: *ошондай*, *тегендэй*, *шундай* и даже двухстепенное *анаузай* (из местоимения первого типа *анау* + *-зай*). Имеется еще и третий тип: *былай*, *шулай*, *тегелэй*, *улай*. В его состав входит третий вариант аффикса сравнения: $-\frac{\text{лай}}{\text{лэй}}$. По своему употреблению (сочетаемость с глаголом) этот ряд для современного языка относится к разряду наречий; см. стр. 115.

Вопросительные местоимения

Основные вопросительные местоимения в башкирском языке следующие:

1) *кем* ? (кто?). Слово *кем* склоняется по образцу существительных и принимает аффиксы принадлежности. Родительный падеж¹ *кемдең* ? упо-

¹ В фольклоре (и отчасти в разговоре) иногда вместо родительного падежа сохраняется неопределенный: *кем йорто акымырак*, *шуга барабыз* (чей дом ближе, туда и пойдем).

требуется отдельно в значении «чей?» В том же русском значении, но с определенной грамматической разницей, о которой см. стр. 109; встречается и производная отсюда форма. *кемдеке?* Отметим также, что, в отличие от русского языка, *кем* употребляется и во мн. ч.: *кемдэр* (кто такие?).

2) *нэмэ?* (что?). Склоняется и принимает аффиксы принадлежности. Вообще может рассматриваться, как так называемое «местоимение-существительное». По своему употреблению — одно из самых распространенных вопросительных местоимений. Исторически было, повидимому, существительным со значением «предмет, вещь» и потом уже превратилось в вопросительное местоимение. Иными словами, оно изменило свою старую семантику так же, как франц. *choses*, итал. *cosa* (дословно «вещь», а в современном языке сплошь и рядом «что?») или араб. *зат*, которое в ряде тюркских языков теперь означает «что»? В башкирских диалектах вместо *нэмэ* существуют параллельные формы: *нәрһә*, *нәрсә* (обе из *нйй ирсә*), *нәстә*. Характерно (для разговорного языка и диалектов) выражение *нйй нэмэ?* (что такое?; дословно: «какая вещь» — ср. итал. *che cosa?*), из которого видно первоначальное значение *нэмэ*. Этимологически *нэмэ*, возможно, разлагается на два элемента, первый из которых мы рассматриваем в следующем пункте. На эту мысль наводит то обстоятельство, что в некоторых тюркских языках *нэмэ* звучит, как *нимэ*.

3) *ни* — произносится: *нйй* (что? что за? какой? как?). Несмотря на то, что для башкирского языка характерно именно такое произношение, действующая орфография узаконила совпадающее с поволжско-татарским начертание *ни*; с этой оговоркой мы сохраняем и в дальнейшем свое фонетическое начертание *нйй*.

По своему употреблению *нйй* — вопросительное местоимение наиболее широкого диапазона. Исторически оно одно из самых древних вопросительных местоимений, поскольку даже *нэмэ*, повидимому, разлагается на *нә* || *ни* + *мә*. Первоначально *нйй*, как обозначение предмета, противоплагается слову *кем*, выражающему лицо. Как «местоимение-существительное», *нйй* склоняется по типу *ай*. Особенно употребительны дательный и исходный падежи, которые в современном башкирском языке по существу оторвались от местоимений и функционируют как вопросительные наречия: *нййгә?* (орфографически: *нигә?*) — для чего? зачем? — и *нййҙән?* (орфографически *ниҙән?*) — отчего? почему?

Кроме того, *нйй* может употребляться как местоимение-прилагательное в значении «какой?» и даже как вопросительное наречие в значении «как?» *Нйй* в смысле «какой?» может относиться и к качеству, и к количеству предмета.

Нйй встречается, далее, в ряде сложных вопросительных слов (местоимений и наречий). Сюда относятся такие, как: *нйй саклы*, *нйй хәтле* и *нйй тиклем* (в степени чего? в какой мере?); *нйй өсөн* (для чего? зачем? почему? отчего?), показывающее и цель, и причину, как и простое *өсөн*; *нйй сәбәптән* (отчего? почему? — дословно: «по какой причине?»). Ср. еще *нйй-лек-тән* (только в исх. п.) почему?

Наконец, *ний* входит в состав таких вопросительных местоимений и наречий, которые для современного языка представляют уже одно слово; из них *намэ* мы характеризовали выше, а *ниндэй*, *нисек* и *нисэ* будем описывать в дальнейшем. Приведем некоторые примеры на употребление *ний*: *ний бар?* (что такое? — дословно: «что имеется?»). *Ний ишеттем, дустар, ний курзем?* («что только я слышал, друзья, что только видел?»). В русской стилистической обработке: «Чего только я не слышал, друзья, чего только не видел?» — фраза взята из народной песни). *Ний теһен?* (что ты говоришь?).

Между тем в смысле русского «что?» (без последующего глагола) можно употребить *намэ*, но *ний* — нельзя: после *ний* всегда требуется или сказуемое, или хотя бы управляющий глагол. Ср. *ний бар?* или *ний теһен?*, которые иногда можно переводить одним русским словом «что?».

4) *ниндэй?* (какой? что за? ср. нем.: was für ein?). Этимологически состоит из *ний* и аффикса *-дэй*, который ныне употребляется как словообразовательный аффикс наречий уподобления (см. стр. 115). Таким образом, *ниндэй* первоначально значило «подобный чему, в роде чего?».

По сравнению с *ний* слово *ниндэй* более конкретно: в то время как *ний* указывает и на качество (какого рода?), и на количество (какой по порядку?), *ниндэй* указывает только на качество; поэтому вопрос, выраженный в форме *ниндэй*, предполагает такой ответ, который давал бы квалификацию предмета.

Ниндэй представляет собой типичное «местоимение-прилагательное»: не принимает аффиксов принадлежности и не склоняется.

Ниндэй может употребляться не только в функции вопроса, но и в функции восклицания. Пример: *ниндэй зур ауыл* (какой большой аул)!

Попутно заметим, что подобное использование вопросительного местоимения в восклицательных предложениях представляет редкое для тюркских языков явление, а именно постепенный переход вопросительных местоимений в относительные.

Если *ниндэй* обычно фигурирует как определение при существительном, то в качестве глагольного определителя выступает слово *нисек*, к анализу которого и обратимся.

5) *нисек?* (какой? каков? как?). Указывает на качество, как и *ниндэй*, но сочетается не с существительным, а с глаголом и потому часто оказывается в составе сказуемого. Для того чтобы иллюстрировать сравнительное употребление *ниндэй* и *нисек*, приведем два примера: *ниндэй эш?* (какое дело?), *эш нисек бара?* (как идет дело?).

В других тюркских языках *нисек* звучит *ничек* || *нэчик* и состоит, очевидно, из двух элементов: $ний + \begin{matrix} чак \\ чэк \end{matrix} \parallel \begin{matrix} ча \\ чэ \end{matrix} \parallel \begin{matrix} са \\ сэ \end{matrix}$. Таким образом, башкирские слова *нисек* и *нисэ* (см. ниже) представляют собой, вероятно, две разновидности одного и того же прототипа. Как «местоимение-прилагательное» *нисек* не склоняется и не принимает аффиксов принадлежности.

В современном литературном языке синонимом *нисек* является слово *калай* (см. ниже).

6) *нисэ?* (сколько?). Этимология слова, очевидно, такова: *ний* + аффикс *-сэ*. Как «местоимение-существительное», может склоняться и принимать аффиксы принадлежности. Однако может стоять и как определение перед существительным и в этом случае морфологически не изменяется.¹ Пример: *нисэ нум?* (сколько рублей?), *нисэ нумга* (за сколько рублей?).

Как видно из примера, существительное, стоящее после *нисэ*, сохраняет форму единственного числа.

Подобно местоимению *шидэй*, слово *нисэ* также может передавать не вопрос, а удивление говорящего и стоять в восклицательных предложениях. Примеры: *нисэ кен* (сколько дней!), *нисэ китан* (сколько книг!).

По своей семантике *нисэ* приближается к английскому *how many*, т. е. предполагает точный ответ, перечисляющий предметы по их индивидуальным единицам. Поэтому в ответ на слово *нисэ* обычно слышится или одно числительное, или числительное с существительным. Когда же вопросительное «сколько?» относится к предметам вещественным, в которых не выделяются индивидуальные единицы (ср. вода, мука, воздух и т. д.), или когда требуется суммарный, общий ответ, то вместо *нисэ* ставится:

7) *кунме?* (сколько? — дословно: «много ли?»). Этимологически, как это легко установить, состоит из *кун* (много) и вопросительного аффикса *-ме* (= русскому «ли»). По значению соответствует английскому *how much*. Ответом на него может служить не только числительное, но и прилагательное, означающее количество (*кун* — много, *аз* — мало). Существительное после *кунме* обычно не ставится: например, нельзя сказать «*кунме нум?*» (сколько рублей?).

Хотя в синтаксическом отношении *кунме* примыкает к местоимениям-существительным, оно обычно не склоняется и не принимает аффиксов принадлежности.

Если самым продуктивным среди вопросительных местоимений является слово *ний*, которое, как мы видели выше, даст очень много производных образований, то на втором месте в этом же отношении стоит местоимение *кайһы*.

8) *кайһы?* (какой? который?). Указывает на количество, т. е. собственно означает «какой по порядку?». Употребление этого слова очень широкое (ср. *ний*): оно может стоять перед существительным и тогда не изменяется, выполняя функцию местоимения-прилагательного, а, кроме того, может выступать и как местоимение-существительное, оформленное аффиксами падежей и принадлежности. Примеры: *кайһы урам?* (которая улица?), *кайһы-гыз?* (который из вас?), *кайһы-гыз-га* (которому из вас?).

Этимологически *кайһы* состоит из более древнего вопросительного элемента *кай* (нечто соответствующее слову *ний*) и аффикса принадлежности 3-го лица *-һы* (его). Прибавление именно формы *-һы* заставляет предполагать здесь два аффикса принадлежности 3-го лица: *-ы* и *-һы*, т. е. *кайһы* первоначально звучало *кай-ы-һы. Двойное наращение аффикса

¹ Иногда же своеобразно сочетается в себе формальные особенности числительных и образует формы *нисэ-нисэ* («сколькокий?») и *нисэ-шэр* («поскольку?»).

принадлежности 3-го лица в тюркских языках наблюдается часто (именно в таких местоимениях), с фонетической же стороны первый аффикс *-ы*, как безударный, редуцировался и выпал. Есть и форма: *кайныны* (смысл тот же), а иногда и просто *кайны*.

Слово *кай* довольно часто употребляется в разговорном языке как местоимение-прилагательное, например: *кай яктан?* (с какой стороны? откуда?). Реже встречается и как местоимение-существительное с аффиксом *надежа*. С современной точки зрения такие формы превратились уже в вопросительные наречия, и башкирские грамматики, игнорируя современное языковое мышление, напрасно помещают их в разряд местоимений. Примеры на такие вопросительные наречия, образованные от корня *кай*: *кай-за?* (где? куда?), *кай-зан?* (откуда?).

От корня *кай* происходит и слово *касан?* (когда? первоначально *кай саг-ын?* в какую пору?), которое тоже для современного языка является вопросительным наречием. Корень *кай* и его различные дериваты встречаются во всех тюркских языках.

Указывая на количество, *кайны* по своему значению противоположно местоимению *ниндэй* (см. выше).

9) *калай?* (какой? каков? как?). По употреблению, как мы уже говорили, синонимично слову *ниндэй*. По составу разлагается, очевидно, на *кай* и аффикс сравнения *-лай* < *-дай*, который ныне употребляется для оформления наречий (см. стр. 115). Из наречий, образованных от указательных местоимений, ему аналогичны формы *былай* и *улай*. Как и они, *калай* все же чаще всего имеет в современном языке адverbиальное употребление и морфологически не изменяется. Часто стоит как глагольный определитель, например: *калай эшлэй?* (как он работает?).

Определительные местоимения

Сюда относятся следующие слова: 1) *һәр* (каждый, всякий). По своему происхождению заимствовано из персидского большинством тюркских языков. Употребляется как местоимение-прилагательное, т. е. ставится перед существительным как его определение и морфологически не изменяется. Примеры: *һәр көн* (каждый день), *һәр көндөн* (с каждого дня), *һәр көнгә* (каждому дню).

Если слово *һәр* должно быть употреблено как местоимение-существительное, то к нему прибавляется слово *бер* (один, некий) или *бер-е* (один из них), и тогда этот комплекс может склоняться и вообще изменяться. Получаемое таким образом сочетание *һәр бере* по-русски переводится словом «каждый», как и простое «һәр».

Однако между *һәр* и *һәр бере* в их употреблении есть значительная разница: первое стоит, как определение, перед существительным и вполне соответствует русскому «каждый» или «всякий», а второе употребляется без существительного, самостоятельно и точно могло бы быть переведено: «каждый таковой». Точное соответствие башкирскому *һәр бере* представляет французская форма *chacun* и итальянская *ciascuno*.

2) *бәтә* (весь, целый). Этимологически происходит от глагольного корня *бәт-* (расти, вырастать, проявляться до конца, кончатся). В других тюркских языках ему соответствуют формы: *бәтән* (поволжско-татарская) или *бүтүн* (например, азербайджанская). Форма *бәтә* считается типично башкирской. Форма же *бәтән* здесь означает «цельный, неповрежденный»; ср. *уның кейеме бәтән* (одежда на нем неповрежденная). Слово *тотом* значит «цельный, сплошной»; ср. *тотом халык* (весь народ), *тотом колхоз* (цельный колхоз).

Местоимение *бәтә* употребляется в двойной функции: а) как местоимение-существительное и тогда изменяется (по формам принадлежности и по падежам): ср. *бәтә-һе* («все из них», т. е. все они), *бәтә-без* («все из нас», т. е. мы все); б) как местоимение-прилагательное, т. е. ставится перед существительным и само не изменяется. Пример: *бәтә, урман* (весь лес), *бәтә урманда* (во всем лесу), *бәтә урмандан* (со всего леса).

Различные по семантике русские местоимения «весь» и «цельный» по-башкирски покрываются обычно словом *бәтә*, которое само по себе скорее значит именно «цельный».

3) *уз*. Это местоимение имеет весьма широкую семантику, и его можно рассматривать не только в отделе определительных местоимений. Первоначально слово *уз*, стоя в функции определения как местоимение-прилагательное, означает «свой» или «собственный» и относится тогда к группе притяжательных местоимений.¹ Примеры: *уз kitab-ым* (моя собственная книга), *уз баһса-ғыз* (валл собственный сад).

Но, с другой стороны, *уз* может употребляться самостоятельно, т. е. как местоимение-существительное. В этом случае оно обязательно принимает аффиксы принадлежности. Значение его в этом случае С. Б. Малов удачно передает искусственным русским словом «самость». Исторически, действительно, *уз < өз* означает «сущность, сердцевина, самая основа». Приведем схему сочетания местоимения *уз* с аффиксами принадлежности: *уз-ем* («самость моя» = я сам), *уз-ең* («самость твоя» = ты сам), *уз-е* («самость его» = он сам), *уз-ебез* («самость наша» = мы сами), *уз-егез* («самость ваша» = вы сами), *уз-эре* («самость их» = они сами).

Поскольку слово «сам» относится к определительным местоимениям, формы типа *узем* естественно рассматривать именно в этом разделе. Мы сочли уместным говорить здесь об *уз* во всех его функциях, поскольку при детальном изложении по разным отделам цельность картины пропадает и к тому же ни один вид местоимений не может полностью покрыть функции слова *уз* (о его третьей функции будет сказано через несколько строк).

Между русским «сам» и башкирскими *уз-ем*, *уз-ең*, *уз-е* и т. д. есть некоторая разница. Русское «сам» есть понятие более абстрактное: оно не связано с идеей грамматического лица, тогда как башкирское *уз* в значении «сам» неотделимо от аффиксов принадлежности.

¹ Нам известно, что русским притяжательным местоимениям по-башкирски соответствуют: 1) аффиксы принадлежности, 2) родительные падежи личных местоимений (следовательно ближе всего и подойдет слово *уз*), 3) собственно притяжательные, о которых см. стр. 108.

Таким образом, по-башкирски (как и в других тюркских языках) невозможно сказать «сам», а можно сказать только: «я сам», «ты сам», «он сам» и т. д.

Косвенные падежи от слова *уз* с аффиксами принадлежности соответствуют русскому местоимению «себя» в родительном и других косвенных падежах. Таким образом, слово *уз* приобретает свою третью функцию (возвратного местоимения).

В трактовке возвратного местоимения, происходящего от корня *уз*, башкирский язык стоит ближе к западным языкам, чем к русскому. В самом деле, по-русски говорят: «я берегу себя», «ты бережешь себя», «он бережет себя» и т. д. (т. е. грамматические лица здесь не различаются), по-башкирски же (как во всех тюркских и во всех западноевропейских языках) надо сказать: «я берегу меня самого», «ты бережешь тебя самого», «он бережет его (= себя) самого», «мы бережем нас самих», «вы бережете вас самих», «они берегут их самих». По-башкирски все это звучит так: *мин үземде һаҡлаймын, һин үҙеңде һаҡлайһың, ул үҙен һаҡлай, без үҙебеҙҙе һаҡлайбыҙ, һез үҙегеҙҙе һаҡлайһығыҙ, ular үҙҙәрен һаҡлайҙар*.

Местоимение *уз* с аффиксом 3-го лица, т. е. *үзе*, ближе всего подходит к русскому «сам», но все же, как мы видели, не вполне совпадает с ним.

Русскому «тот же самый» соответствует башкирское *шул үзе*.

Неопределенные местоимения

Этот тип местоимений, соответствующий трем русским рядам: а) кто-то, что-то, какой-то, б) кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь, сколько-нибудь и в) нечто, нечто, некоторый, — в башкирском языке передается двумя рядами, которые так же, как и русские, восходят к вопросительным местоимениям.

При этом первый ряд слагается из вопросительных местоимений *кем*, *нәмә*, *нэй* (орфографически *ни*), *ниндэй*, *нисек* в предшествии неизменного слова *әллә*, т. е. получается так: *әллә кем* (кто-то, кто-нибудь), *әллә нәмә* (что-то, что-нибудь), *әллә нэй* (что-то, что-нибудь), *әллә ниндэй* (какой-то, какой-нибудь), *әллә нисек* (какой-то, какой-нибудь).

Происхождение слова *әллә* (см. стр. 119) недостаточно ясно; может быть, оно восходит к арабскому *illā*. Его не надо путать со словом *әле* «еще не» (при глагольных формах, например: *әле бармаған* — он еще не ходил).

Второй тип башкирских неопределенных местоимений слагается из тех же вопросительных в соединении с безударным аффиксом *-дыр*, т. е. имеет такой вид: *кемдер* (кто-то, кто-нибудь), *нәмәлер* (что-то, что-нибудь), *нэйзер*, графически: *низер* (что-то, что-нибудь), *нисектер* (какой-то, какой-нибудь), *ниндэйзер* (какой-то, какой-нибудь), *кайһылыр* (некий). Ср. еще *кем дә буһа ла* (кто бы то ни был), *ни зә буһа ла* (что бы то ни было).

В противоположность другим тюркским языкам, аффикс *-дыр* || *-тыр* || *-зыр* || *-лыр* (и его гласные варианты) указывает на неопределенность

и недостоверность, как турецкое *имти*; употребляется он и при глагольных формах (см. стр. 130), и в местоимениях.

Между употреблением слов типа *элла кем* и *кемдер* по-башкирски есть тонкая стилистическая разница. Однако она никем не изучена, и потому трудно сказать, какому из трех русских вариантов неопределенных местоимений соответствует каждый из башкирских типов.

Русским «некто» и «нечто», повидимому, ближе всего соответствует *бере* (дословно: «один из них») и *бер нэмэ* (ср. франц. *quelque chose*). *Бере* или *береһе* употребляется и в двойном виде, стоя в разных частях фразы, что соответствует русским: «один — другой». Примеры: *бере улһый, бере ята* (один читает, другой лежит). В этом же смысле употребляется *кеме — кеме* (дословно: «кто из них — а кто из них»). Примеры: *кеме килде, кеме килмәне* (одни пришли, а другие не пришли).

Русскому «некоторый» соответствует *кайбер* или *кайбере*; ср. еще *ниһэй бер* и *кайһы бер*. Форма *берэй* значит: «какой-то, какой-нибудь»; ср. *берэй кеше* (какой-то человек), *берэй китап* (какая-то книга).

Русскому «несколько» соответствует *бер нисэ*, при котором существительное обычно ставится в единственном числе. В башкирском языке употребляется также местоимение *һис*, исторически восходящее к персидскому *һич*. В трактовке этого местоимения грамматики часто впадают в ошибку. Первоначально *һис* означало: «какой-нибудь, сколько-нибудь, как-нибудь». Это свое основное употребление оно сохраняет и теперь в башкирском языке. Приведем примеры: *һис шикһез* (вне какого-либо сомнения), *һис файзаһыз* (без какой-либо пользы). При отрицательном же сказуемом осознается, как отрицательный элемент: *һис шик юк* (нет никакого сомнения), *һис бер һуз әйтә алмайым* (ничего не могу сказать).

Отрицательные местоимения

Находясь под впечатлением русских грамматик, авторы башкирских учебников по языку безоговорочно включают в отдел местоимений так называемые отрицательные местоимения (*юклык алмаштары*). Сюда относят большинство вопросительных местоимений в предшествовании *һис* (т. е. *һис кем, һис нэмэ, һис һий* и т. д.), а также сочетания с *бер* (т. е. *һис бер, бер за, бер кем, бер кем дә, бер нэмэ лә* и т. д.). Между тем проблема отрицательных местоимений для тюркских языков отнюдь не такая простая. К тому же, решать ее на основании аналогии русского языка совершенно невозможно, так как именно русский язык в этом вопросе занимает особую позицию. Как известно, в русском языке практикуется двойное отрицание в одном и том же предложении: одно — при сказуемом (или управляющем глаголе), другое — при подлежащем (а также при объекте или обстоятельстве). Такие выражения, как «никто не придет», «ты ничего не знаешь», «вы нигде не ходите», «они несколько не удивились», в большинстве языков мира (а в тюркских — несомненно) будут переводиться так: «кто-нибудь не придет», «ты что-нибудь не знаешь»,¹ «вы куда-

¹ По-русски, как известно, существует оборот «ты чего-нибудь не знаешь», который, однако, имеет совершенно особый смысл.

нибудь не ходите», «они сколько-нибудь не удивились». Иными словами, в большинстве языков (в том числе и тюркских) в отрицательном предложении употребляется одно формальное отрицание, которое ставится при сказуемом или управляющем глаголе. Там же, где по-русски стоят отрицательные местоимения, употребляются неопределенные местоимения. Отсюда вывод, что во многих языках категория отрицательных местоимений или развита сравнительно слабо, или не развита, так сказать, за ненадобностью. Там же, где приходится употреблять такие выражения, как «никто», «ничто» и т. д. в порядке неполного предложения (при диалоге и т. д.), отрицательное значение неопределенных местоимений вытекает из контекста. Таким образом, «никто», «ничто» и т. д. как отдельные слова (лексемы) существуют далеко не во всех языках. По нашему мнению, в тюркских языках их не было, и они только начинают вырабатываться (под влиянием русского языка). Главным проводником этого процесса является, несомненно, *нис*, которое и в качестве отдельного слова уже начинает приобретать значение «ничего». Понятие же «ничто» в смысле философском передается выражением *юк нэм*. Примеры на башкирские соответствия русским неопределенным и отрицательным местоимениям: *ниндэйзер гражданылк якшылыктары тураһында һөйләне* (он говорил о каких-то гражданских благах), *эсэй кемдер берәү милде* (матушка, кто-то пришел), *уны бер кем дә ишетмәй* (его никто не слышит), *кузе алдында ниנדэйзер бөтөнләй ят кешеләрҙе күрә* (он видит перед глазами каких-то совершенно незнакомых людей).

Притяжательные местоимения

Нам уже приходилось упоминать о том, что русским притяжательным местоимениям по-башкирски (как и вообще в тюркских языках) соответствуют различные грамматические величины: 1) аффиксы принадлежности (см. стр. 54 сл.), 2) родительные падежи личных местоимений (см. стр. 58), 3) те же родительные падежи личных местоимений, оформленные специальным аффиксом $-\frac{кы}{ке}$, о котором сейчас пойдет речь. Но условия употребления всех трех типов различны.

Аффиксы принадлежности ставятся в случае так называемой конкретной принадлежности, родительные же падежи личных местоимений в своих двух аспектах (см. наши пункты 2 и 3) связаны с понятием так называемой абстрактной принадлежности (см. об этих терминах на стр. 55).

Поскольку первые два типа выражения притяжательности в башкирском языке нами в своем месте охарактеризованы, переходим к третьему типу.

Внешним показателем его является аффикс $-\frac{кы}{ке}$ (теоретически возможные формы $-\frac{ко}{кө}$ не встречаются на практике), который, однако, присоединяется не к родительному падежу основы, а к какой-то своего

рода усеченной форме, по внешнему виду напоминающей винительный падеж местоимений.

Итак, в башкирском языке существуют формы: *мине-ке, тине-ке, уны-кы, беззе-ке, һеззе-ке, уларзы-кы*, по значению и употреблению вполне соответствующие особым формам притяжательности, имеющимся в западно-европейских языках: ср. франц. *le mien, le tien, le sien* и т. д., нем. *der meine (dermeinige), der deine (derdeinige), der seine (derseinige)* и др. Прежде чем говорить об их русских соответствиях и форме перевода, остановимся на вопросе о составе этих местоимений. Первая часть (*мине, тине, уны, беззе, һеззе, уларзы*) для современного языка формально совпадает с винительным падежом, и ее на первый взгляд можно было бы сопоставить именно с винительным. Но такому взгляду противоречат три веских обстоятельства. Во-первых, ни один аффикс в башкирском (да и в других тюркских языках), насколько нам известно, не присоединяется к винительному падежу; во-вторых, в некоторых тюркских языках формально родительный падеж или совершенно утрачен (якутский язык), или совпал с винительным падежом. Последнее явление наблюдается в карачаево-балкарском и в кумыкском языке, а также в южных узбекских говорах, причем в кумыкском по диалектам и отчасти в литературном языке наблюдаются остатки более старой формы родительного падежа (см. местоименные формы *бизин* и *сизин*). Наконец, во многих тюркских языках аффикс притяжательных местоимений $-\frac{кы}{ке}$ прибавляется к обычной форме родительного падежа: ср. хотя бы туркменские формы *менин-ки, сенин-ки, онын-кы* и т. д. Пока точное соотношение между полной формой родительного падежа и «усеченной» (карачаево-балкарского и кумыкского типа) окончательно еще не выяснено, можно предположить, что в тюркских языках существовали две формы родительного падежа, которые и дифференцировались по различным тюркским языкам и даже отдельным грамматическим категориям.

С этой точки зрения в башкирском языке придется признать две формы родительного падежа: одну обычную, которую имеем в системе склонения, и другую, которую встречаем перед аффиксом $-\frac{кы}{ке}$.

Что касается второй части этих составных форм, т. е. аффикса $-\frac{кы}{ке}$, то он известен, кроме того, как аффикс словообразования прилагательных типа *кыш-кы* (см. об этом на стр. 82—83). В некоторых тюркских языках он имеет и третью функцию: прибавляется к местному падежу существительных и образует прилагательные со значением «находящийся там-то»; по-башкирски в этом случае имеем $-\frac{фы}{ге}$ (*калала-фы* — находящийся в городе). Исторически, очевидно, следует говорить об едином аффиксе $-\frac{кы}{ке} \parallel -\frac{фы}{ге}$, который может прибавляться к одному из трех падежей: 1) неопределенному, 2) родительному и 3) местному.

Формы типа *минекс* склоняются, причем характерно, что в косвенных падежах выступает основа с дополнительным *и* (т. е. *минекен* — и т. д.), что дает поразительное сходство со склонением основ, имеющих аффикс принадлежности 3-го лица (см. стр. 64—65). Таким образом, эти формы выступают как типичное местоимение-существительное, тогда как формы типа *минен* должны быть отнесены к местоимениям-прилагательным, поскольку они могут стоять только перед существительными.

Если теперь поставить вопрос о том, к какому же из трех типов башкирского выражения принадлежности больше всего подходит русский термин «притяжательные местоимения», то, очевидно, надо признать, что его удобнее всего отнести именно к типу *минекс* с оговоркой, однако, что его специфика отличается от специфики русских притяжательных местоимений.

Мы уже имели случай заметить, что по значению башкирские формы типа *минекс* вполне соответствуют французскому *le mien* и немецкому *dermeine* (*dermeinige*). Каково же их отношение к русским формам? Частичный ответ на это уже дан выше: *минекс* употребляется только как местоимение-существительное, а русское «мой» может фигурировать и как местоимение-прилагательное (ср. мой стол), и как местоимение-существительное (ср. «этот стол — мой» и «твой стол лучше моего»). Конкретнее говоря, башкирские местоимения типа *минекс* никогда не могут быть определениями перед существительными (нельзя, например, сказать *минекс китан* — моя книга), а могут быть: или сказуемым (ср. *был китан минекс* — эта книга моя), или дополнением или обстоятельством. Приведем примеры на башкирские местоимения типа *минекс*: *дөрөсөн айткәндә һинекенә ышаныс аз. Юк, минекс ундай түгел* (откровенно говоря, к твоему мало доверия. Нет, мой — не таков), *уларзың эше һеззекенән эһәмәтләргә* (их дело важнее вашего), *ләзәр инде мин һинекс, һин минекс булдың* (теперь я стала твоей, а ты стал моим), *беззекеләр килде* (наши приехали).

Подлежащим местоимения типа *минекс* могут быть только при особых стилистических условиях, а именно: когда по-русски притяжательное местоимение является подлежащим и, следовательно, грамматически не зависит от существительного. Примеры: *минен китабым булмаһа, һинекс буһа мәктәптә* (моя книга в комнате, а твоя — в школе; точнее вторую половину этой фразы следовало бы перевести так: «а таковая же твоя — *һинекс* — в школе»). По типу *минекс* образовано *үзенекс* (*le sien*), ср. *ул һаман үзенекен ныкый* (он всё свое ладит), а также несколько форм, которые вполне можно назвать притяжательными прилагательными, как-то: *анайымдыкы* (сестрин — *анай* старшая сестра), *һеңлемдеке* (сестрин, принадлежащий моей младшей сестре — *һеңле*), *ағайымдыкы* (дядин — *ағай* дядя) и т. д.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Наречия

Вопрос о наречии является не менее спорным в башкирской морфологии, чем вопрос о связи между существительным и прилагательным. В учебниках и среди преподавателей башкирского языка наблюдаются

две полярно противоположные точки зрения. Одна сводится к тому, что всякое прилагательное, поставленное перед глаголом (например, *ул якшы язз* — он хорошо пишет), этим самым уже становится наречием, что вполне соответствует и русскому языку; другая же исходит из того, что наречий в башкирском языке собственно нет и вместо них употребляются другие части речи, которым с этой целью присваивается специальная функция. Спорность и противоречивость этих положений ясно указывает на то, что вопрос представляется объективно трудным. Трудность эта в том, что башкирское наречие не выделяется так отчетливо в плане морфологии, как это имеет место, например, с глаголом, числительным и т. д. Иначе говоря, наречие, в противоположность другим частям речи, не обладает специфическими аффиксами, которые отличали бы его от всех остальных частей речи вполне ясно и бесспорно. А между тем, как известно, каждая морфологическая категория в башкирском языке характеризуется прежде всего спецификой своего оформления, т. е. особыми, свойственными ей аффиксами. С этой точки зрения башкирское наречие представляется как нечто окончательно не оформившееся, как такая категория, которая находится в процессе становления.

Как известно, переходный характер наречия отличает эту категорию не только в башкирском (и вообще тюркских), но также и в русском и, пожалуй, во всех языках мира; однако неясные и расплывчатые рамки башкирского наречия не могут идти в сравнение с тем, что известно науке о русском наречии.

Для того чтобы разобраться в вопросе о башкирском наречии, остановимся сперва на самом определении этой категории. Исходя из того, что содержание отдельных частей речи является, так сказать, международным достоянием, т. е. должно быть одинаковым для различных языков, поскольку, конечно, это позволяет объективный фактический материал, мы считаем, что само определение башкирского наречия как языковой категории не может качественно отличаться от русского наречия. Вопрос ставится так: или в башкирском языке есть наречие или его нет, но если оно есть, оно должно иметь именно такое же внутреннее содержание, как и русское, и всякое другое наречие. При всех отличиях языковой формы было бы странно давать для русского наречия одно определение, а для башкирского другое. Если в каждом языке под термином «глагол» мы будем понимать качественно неоднородную величину, тогда рухнет не только концепция сравнительной грамматики, но и всякой грамматики вообще.

К каждому, даже впервые изучаемому, языку мы неизбежно подходим с меркой определенной грамматической схемы; другое дело, что мы должны не подгонять факты под эту схему, а вкладывать их в нее, поскольку они к ней действительно подходят, а если не подходят, то, может быть, и расширять самую схему. Тем не менее единство языкового метода, единство языковых определений является как раз наиболее эффективным средством, которое позволяет анализировать языковой процесс во всей широте его проявлений на отдельных языках.

Отвечая на вопрос, что же представляет собой башкирское наречие, мы считаем возможным сохранить для него то определение, которое более или менее прочно установилось в русских грамматиках последнего времени. Наречие есть такая грамматическая категория, которая указывает на признак действия (= глагола) или признак признака (= прилагательного). Из этого (по существу семантического) определения наречия следует весьма важный синтаксический вывод, а именно указание на характер сочетаемости наречия с другими словами. Как признак действия, наречие может сочетаться с глаголом; расшифровывая эту формулу в плане башкирского синтаксиса, мы должны сказать, что наречие должно стоять перед глаголом, т. е. предшествовать ему. Как признак признака, наречие может сочетаться с прилагательным, т. е. — по нормам башкирского синтаксиса — стоять перед прилагательным.

Чтобы покончить с вопросом о синтаксических сочетаниях наречия, остановимся на проблеме его сочетания с существительным. Русские грамматики допускают такое сочетание (например, «борщ по-украински», «битки по-казацки», «лекарь поневоле», «вдвойне молодец» и т. д.); генезис этой связи видят в том, что наречие как переходная категория, комплектуемая за счет других частей речи, сохраняет какую-то связь и с категорией существительных. Иными словами, наречие может в известных случаях, в качестве суррогата прилагательного, выступать как непосредственное определение при существительном. Если так обстоит дело в русском языке, где формальные границы между наречием и прилагательным очерчены сравнительно четко, то в башкирском языке, где эти границы более зыбкие, применение наречия как суррогата прилагательного, т. е. постановка наречия перед существительным, наблюдается чаще. Яркий пример такого положения мы усматриваем в наречиях на $-\frac{са}{са}$ (*башкорт-са* — по-башкирски, *минен-са* — по-моему), которые сплошь и рядом выступают как определения при существительных. Например, *татарса китап* означает «татарская книга» или же «книга по-татарски» (ср. «борщ по-украински») и т. д. Если же слово *татарса* поставить перед глаголом, то оно воспринимается как явное наречие: *татарса яза* — он пишет по-татарски.

Разобрав башкирские наречия с точки зрения семантики и синтаксиса, мы убедились, что эти определения в известной мере условны и что для полной, несомненной характеристики наречия необходимо рассмотреть их еще с одной точки зрения — именно с точки зрения морфологического оформления. Ведь наречие в основном морфологическая категория, а каждая такая категория в башкирском языке должна иметь специфическое оформление в виде аффиксов (*ялгау*).

Однако прежде чем перейти к вопросу об аффиксации башкирского наречия, остановимся еще на одном моменте, который относится одновременно и к семантической, и к синтаксической характеристике наречия. Как известно, в синтаксическом плане наречие выполняет роль обстоятельства (места, времени, причины, цели, образа действия и т. д.). В той же роли обстоятельства выступают, как известно, и другие части речи, в частности,

существительное, стоящее в косвенных падежах. С этой точки зрения выражения *бында* (здесь) и *был булма* (в этой комнате) в предложении будут одинаково обстоятельством места. Однако семантически между этими двумя обстоятельствами места намечается определенная разница. Обстоятельство-существительное, имеющее к тому же определение *был*, гораздо более конкретно; обстоятельство же *бында* — более абстрактно, так как точных указаний на место действия не содержит, а ограничивается лишь указанием на относительную близость этого места от говорящего.

Выражаясь словами Л. Н. Харитоновой, исследователя наречия в якутском языке, мы можем отметить, что наречия-обстоятельства относятся к именам-обстоятельствам примерно как в алгебре буквы относятся к числам. Иными словами, в содержание наречия входит некое понятие абстрактности, отвлеченности. Наречие является, таким образом, определенным коэффициентом действия (глагола) или же признака (прилагательного).

Наиболее трудным в проблеме башкирского наречия представляется генетическая классификация наречий. Башкирские грамматики обычно занимаются классификацией наречий по значению, что им удается сравнительно легко, особенно ввиду наличия готовой схемы русских грамматик. Другое дело — исторический обзор башкирских наречий с учетом их оформления.

Переходя теперь к вопросу о генетической классификации наречий, мы включим в него и вопрос о внешнем оформлении наречий (адвербиальные аффиксы). По имеющимся в нашем распоряжении данным, башкирские наречия в генетическом отношении распадаются на следующие группы: 1) наречия с формальными показателями (адвербиальными аффиксами), 2) наречия, изолированные в морфологическом отношении, и 3) наречия, изолированные в семантическом и лексическом отношениях.

Остановимся сперва на первой группе.

К наречиям с формальными показателями (адвербиальными аффиксами) относится ряд типов, относительно которых современные башкирские и татарские грамматики уже пришли к единому мнению. Тем не менее наш перечень будет полнее того, какой обычно дают школьные грамматики, которые к тому же не вводят в свое изложение никаких исторических экскурсов. Итак, перечисляем основные типы башкирских наречий, снабженных специфическими аффиксами:

1. Наречия с аффиксом $-\frac{са}{сә}$. Примеры: *башкорт-са* (по-башкирски), *һезен-сә* (по-вашему), *артистар-са* (артистически), *айырым-са* (особо), *боронго-са* (попрежнему). Подобную форму нельзя считать падежом, как это делали некоторые грамматики тюркских языков. Основания к этому следующие.

Во-первых, данная форма допустима далеко не от каждого имени (существительного, местоимения), тогда как падежные показатели присоединяются к любому склоняемому имени.

Во-вторых, как видно из примеров, аффикс $-\frac{са}{сә}$ может стоять

после уже имеющегося аффикса другого падежа (обычно родительного). Ср. такие примеры, как *минен-сә* (по-моему), *тинен-сә* (по-твоему), *беззен-сә* (по-нашему), *һеззен-сә* (по-вашему). Хотя в тюркских языках изредка и встречаются пережитки так называемого двойного склонения, но здесь видеть это явление нельзя, потому что тогда «двойное склонение» распространялось бы и на другие, более многочисленные примеры употребления этого аффикса: *башкорт-са* (по-башкирски), *татар-са* (по-татарски) и т. д.

В-третьих, аффикс $-\frac{са}{сә}$ часто употребляется только после аффикса множественности $-\frac{лар}{лар}$ и т. д., а после той же самой основы в ед. числе невозможен (в противоположность другим падежным показателям). Примеры на этот случай аффикса $-\frac{са}{сә}$ особенно многочисленны в современном языке: *большевиктәр-сә* (по-большевистски), *коммунистәр-сә* (по-коммунистически), *артистәр-сә* (артистически), *геройҙар-са* (геройски) и мн. др.

В-четвертых, все падежные аффиксы современного башкирского склонения принимают ударение, тогда как аффикс $-\frac{са}{сә}$ — безударный. Примеры: *башкóрт-са*, а не *башкорт-сá*, *минéн-сә*, а не *минен-сә́* и т. д.

Происхождение аффикса $-\frac{са}{сә}$ устанавливается сравнительно легко. Он восходит, по общему мнению, к отдельному слову *сак* (время, пора, момент), которое и ныне употребляется как отдельное слово, например: *без бала сакта* (во время нашего детства), *ул килгән сакта* (в то время, как он пришел, когда он пришел) и т. д. Таким образом, *башкорт-са* происходит от *башкорт+сак* (собственно: «башкирский лад, башкирская мапера» > на башкирский лад > по-башкирски). Когда элемент *сак* в подобного рода сочетаниях утратил свое первоначальное содержание и стал осознаваться как служебный грамматический элемент, он утратил также и стандартность формы. Параллельно отпадению конечного *k* произошло изменение и в гласных аффикса: вместо единого остова получились звуковые варианты $-\frac{са}{сә}$, включенные в русло синагармонизма, и вместо прежнего отдельного слова возник формант, как это обычно и бывало в тюркских языках. Единственный пункт, в котором элемент $-\frac{са}{сә}$ еще не дошел до стадии обычного башкирского аффикса, — это ударение. Как сказано, $-\frac{са}{сә}$ не принимает на себя ударения и этим отличается от существительных с аффиксом $-\frac{са}{сә}$ (ср. хотя бы *ак-сá* деньги, первоначально, оче-

видно, не всякие, а белые, т. е. серебряные). Форма *sak* сохранилась также в наречии *пртэн-сэж* (наутро).

2. Наречия с аффиксом $-\frac{дай}{дэй} \parallel -\frac{тай}{тэй} \parallel -\frac{зай}{зэй} \parallel -\frac{лай}{лэй}$. Примеры: *кош-тай* (по-птичьему = как птица), *сэсэн-дэй* (по-ораторски = как оратор), *кыз-зай* (по-девичьи = как девица), *бала-лай* (по-детски = как дитя). Если наречие на $-\frac{са}{сэ}$ по своему основному содержанию указывает на способ или манеру, то наречие на $-\frac{дай}{дэй}$ указывает на сходство или сравнение.

В такой же мере, как наречие на $-\frac{са}{сэ}$, наречие на $-\frac{дай}{дэй}$ может сочетаться с существительным: ср. *аймузай кеше* = «человек по-медвежьи», т. е. человек, похожий на медведя.

Происхождение этого аффикса сводится к форме *дек*, восходящей к глагольной основе со значением «трогать, касаться». Из *дек* — получилось *-дэй* и далее все звуковые варианты. Первоначальное значение было, очевидно, «до, вплоть до» и, далее, сравнение по количеству (ср. *таузай* — с гору), а потом уже идея сравнения и всякого сходства вообще. Вариант $-\frac{лай}{лэй}$ (по-башкирски — закономерное соответствие основного $-\frac{дай}{дэй}$) в татарском языке принял, согласно нормам татарской фонетики, форму $-\frac{лый}{лей}$ и семантически отделился от *-дэй* (< *-дай*): ср. такие примеры, как *кору-лый* (всухую), *буш-лый* (впустую) и т. д.

Исходя из того, что башкирский вариант аффикса $-\frac{лай}{лэй}$ является признаком наречия, мы должны перенести формы *былай* (этак) и *шулай* (так) из отдела местоимений, куда их помещают школьные грамматики, в отдел наречий. Характерно, что *былай*, *шулай* и т. д. не сочетаются с существительными (нельзя, например, сказать: *былай ат* или *шулай кеше*) и, значит, по этой линии также должны быть отнесены к наречиям, между тем как *бындай*, *шундай* и т. д. допускают такое сочетание и, следовательно, принадлежат к местоимениям-прилагательным.

3. Наречия с аффиксом $-\frac{ын}{ен}$. Примеры: *кыш-ын* (зимой), *яз-ын* (весной), *йэй-ен* (летом), *көз-ен* (осенью), *ысын-ын* или *дөрөс-ен* (за-правду). Исторически эта форма восходит к архаичному творительному падежу (аффикс $-\frac{ын}{ен}$) и ныне сохраняется как пережиток; образуется от очень ограниченного числа корней, означающих главным образом времена года.

Такого же происхождения и слово *касан*, восходящее к *кай саг-ын* (дословно: «в какое время?»), поэтому его следует относить не в отдел местоимений, как это упорно делают школьные грамматики, а в отдел вопросительных наречий.

4. Наречия с аффиксом $-\frac{тми}{тени}$. Редкие в литературном языке примеры: *астыртми* (тайком, исподтишка), восходящий к корню *ас(т)* (виз); в башкирских (отчасти татарских) диалектах можно встретить еще формы *йәшертми* (тайком) и *эжертми* (потихоньку). Ср. также уфимско-татарское *соңынтыми* (впоследствии). Этот аффикс употребляется реже, чем предыдущий, и никаких новых образований не дает. Sporadически встречается он и в других тюркских языках (бумыкский, карачаево-балкарский, туркменский). Происхождение его еще недостаточно выяснено. Едва ли его можно считать частным случаем предыдущего, так как тогда трудно объяснить элемент *-т*. Скорее это остатки старого (уйгурско-чагатайского) исходного падежа на $-\frac{дын}{дин}$, который сохранился как пережиток:

в образцах дореволюционного башкирского и особенно татарского фольклора (ср. *ак күзәрчен бодайдин*, *Мәскәүдин* и т. д.). Однако и при таком объяснении остается один непонятный факт: это — появление глухого *т* вм. *д* в начале аффикса: ведь основы, стоящие перед *-тми*, все оканчиваются на звонкий звук, а не на глухой. Правда, в некоторых древнетюркских языках известны случаи, когда после плавных согласных следуют глухие вместо ожидаемых звонких, но имеем ли мы здесь дело именно с таким явлением — сказать трудно.

5. Наречия с аффиксом $-\frac{лата}{ләтә}$. Примеры: *акса-лата* (деньгами), *он-лата* (мукбй), *ашлык-лата* (зерном), *иен-ләтә* (хлебом на корню — дословно: «посевом»), *натура-лата* или *нәмә-ләтә* (патурой), *тере-ләтә* (заживо). По происхождению это наречие, очевидно, является деепричастием от глагольных основ типа *аксалат-*, *иенләт-* и т. д., т. е. построено по образцу таких обычных слов, как, например, *эшләтә*. Ср. еще *берләтә* (в одиночку), *икеләтә* (вдвоем), *өсләтә* (втроем).

Возможно, что некоторые из них образовались прямо от именной основы, минуя этап глагольной основы.

6. Наречия с аффиксом $-\frac{гары}{гәре} - \frac{кары}{кәре}$. Примеры: *югары* (вверх, наверху), *эскәре* (внутри, внутри). Как видно из последнего примера, в основе этих образований лежат именные категории. Самый аффикс состоит из аффикса дательного падежа, после которого следует архаичный аффикс направительности $-\frac{ры}{ре}$. Поэтому первоначально данные наречия отвечали на вопрос «куда?» и могли стоять при глаголах движения в своей первоначальной форме. Ср. такие выражения, как: *югары менде* (он поднялся

кверху), *эскәре керәе* (он вошел внутрь). Имеющиеся в башкирском языке наречия *ары* (туда), *бире* (сюда), *тискәре* (наизнанку, наоборот), *кире* (назад) и *эләре* (прежде, вперед) составлены по такому же типу, что устанавливается сравнительной грамматикой тюркских языков. В частности, *эләре* восходит к архаичному слову *эл* (перёд) и первоначально должно было означать именно «вперед»; впоследствии же оно приобрело значение «прежде», так как наречия, выражающие категорию места, постепенно начинают выражать также и категорию времени.

Переходим теперь ко второму крупному разделу наречий.

Наречия, изолированные в морфологическом отношении

В башкирском, как и во всех языках, разряд наречий комплектуется также за счет окаменелых или омертвелых форм, оторвавшихся от полной схемы словоизменения какой-нибудь части речи (чаще всего имени и глагола). При этом наблюдается такой процесс. При каком-нибудь существительном имеется полная схема падежей, и каждый из них употребляется именно как форма изменения этого самого существительного. И вот в силу специальных причин (обычно семантико-синтаксических) один из падежей принимает особое значение, лишь отдаленно связанное с корнем основного слова, и этим самым как бы отрывается от целой схемы, изолируется от нее. В результате получается новое слово, только этимологически связанное с основным существительным. Поясним сказанное примерами. Наряду с русскими существительными «зима», «лето», которые имеют все падежи и, в частности, творительный (чем? зимой, летом), существуют отдельные слова-наречия: зимой, летом. Они уже не показывают того, что показывает обычный творительный падеж, т. е. не отвечают на вопрос «чем?», а показывают время и отвечают на вопрос «когда?». Творительные падежи «зимой» и «летом» и наречия времени «зимой» и «летом» связаны между собой только этимологическим единством происхождения; оба эти ряда вполне отчетливо различаются в контексте: «мы наслаждаемся летом и зимой» (существительные в творительном падеже на вопрос «чем?») и «летом и зимой мы живем в городе» (наречия времени на вопрос «когда?»). Таковы же русские наречия: «днем, вечером, бегом» в их отношении к существительным «день, вечер, бег» и допустимыми при них «своим чередом» творительными падежами: «днем, вечером, бегом». Любопытно, что наречие «бегом» и существительное «бегом» различаются при посредстве ударения. Русские наречия «пешком, сегодня, врасыпную, домой, впервые» представляют такие же окаменелые или морфологически изолированные формы реально существующих (сей день, дом, первый) или уже неупотребительных («пешк», «расыпна») корней. Подобного же рода процесс морфологической изоляции наблюдается и в башкирском языке. Рассмотрим сперва изоляцию именных форм, которая в отдельных случаях сопровождается также некоторыми фонетическими изменениями. Так, наряду со словом *был кен* (этот день) существует в качестве отдельного слова образование *бөгөн* (сегодня), в котором и первая часть (*бө* вм. *был*), и вторая

изменены по сравнению с прототипом. То же надо сказать и о слове *был-тыр* (в прошлом году), которое объясняют, как *бер йылдыр* («одни год есть» *sc.* «с тех пор как»...). Исходный падеж порядковых числительных *беренсе* (первый) и *икенсе* (второй) представляет собой уже совершенно другое слово в значении наречий: *беренсенэн* (во-первых) и *икенсенэн* (во-вторых). Исходный падеж существительного *йемлэ* (предложение, фраза) изолировался со значением наречия *йемлэнэн* (впрочем). Дательный падеж числительного *бер* (один) изолировался и принял значение наречия *бергэ* (вместе, сообща). Слово *көскэ* (насилу) этимологически представляет собой дательный падеж от существительного *көс* (сила). Наречия *унда* (там) и *унан* (оттуда) формально представляют собой местный и исходный падежи от местоимения *ул* (он, тот). Не задаваясь целью привести полный перечень всех такого рода случаев, остановимся на наречиях, которые произошли в результате морфологической изоляции глагольных форм. Сюда относятся такие случаи, как: *тимэк* (итак, значит), восходящее к глагольному корню *ти-* (говорить), *утэ* (очень, чрезмерно) — формально деепричастие от глагола *ут-* (проходить), *йэйэу-лэн* (нешком) от *йэйэу*, *ысынлап* (взаправду) — формально деепричастие от глагольной основы *ысынла-*, *тигезлэн* (поровну) — формально деепричастие от *тигезлэ-* (равный), *кырка* (наотрез, радикально) — деепричастие от глагола *кыркыу* (резать).

Особо стоит группа наречий на $-\frac{лан}{лэн}$, образованных от числительных. Примеры: *өс-лэн* (около трех), *беш-лэн* (около пяти), *алты-лан* (около шести) и т. д. По форме это — деепричастие от глагольных основ *өс-лэ*, *беш-лэ* и *алты-ла*. Ср. еще: *якшы-лан*, *ип-лэн* и *юн-лэн* (в значении: «путём, дельно»), *берэм-лэн* (поштучно), *сират-лан* (поочередно), *рэт-лэн* (толком), *көс-лэн* (насилу), *кун-лэн* (помногу), *тишлэн* (почему?).

Часто изолируются в смысле наречий двойные деепричастия: *бара-бара* («сидя-идя», т. е. постепенно), *көлэ-көлэ* («смеясь-смеясь», т. е. весело), *ашыга-ашыга* («торопясь-торопясь», т. е. торопливо), *йырлай-йырлай* («напевая-напевая», т. е. певуче, нараспев) и т. д. Особую группу составляют комбинации положительной и отрицательной основы будущего времени от одного и того же глагола; такие группы часто изолируются в наречия. Примеры: *телэр-телэмэс* (волью или неволью — дословно: «захочет — не захочет»), *ашар-ашамас* («не то сл, не то нет», т. е. впроголодь), *йоклар-йокламас* («не то спал, не то нет», т. е. в полусне) и т. д.

Кроме того, деепричастия *булып* (будучи) или *итеп* (делая) в предшествии имен образуют специфическую адвербиальную группу, например: *шулай итеп* («делая так» = таким образом), *куз караһы кеуек итеп* («делая, как зрачок глаза» = как зеницу ока) и т. д.

Наконец, третий крупный раздел составляют такие наречия, изоляция которых основана на их семантических или лексических данных. Переходим к ним.

Наречия, изолированные в семантическом и лексическом отношениях

Сюда относятся такие слова (башкирские или заимствованные), которые осознаются именно как наречия (т. е. признак действия или признак признака) и могут, следовательно, стоять только перед глаголом или прилагательным. Так, например, можно сказать: *тиз йөрөй* (он быстро ходит), но нельзя сказать: *тиз ат* (быстрый конь) или *тиз кой* (быстрая птица); отсюда вывод, что *тиз* — наречие, а не прилагательное, и это отнесение его к наречиям мы основываем исключительно на семантике данного слова как лексического элемента. То же самое можно сказать о слове *бик* (очень), которое исторически восходит к прилагательному со значением «крепкий, прочный», но в современном башкирском языке в этом значении оно не осознается.

Ср. еще такие выражения, как *тубән* (вниз), *иртән* (завтра) в отличие от *иртә* (утро; рано), а также *иң* (весьма, наиболее), этимология которого («ширь») выясняется из слова *иңсә* (широta плеч), *бая* (давеча), откуда получается производное *баяғы* (давешний), а также *көндөз* (днем), *акрын* (постепенно), *элек* (сперва), *кинәт* (вдруг) и др.

Сюда же относятся такие элементы, которые исторически были заимствованы как лексические, а теперь усвоены и считаются «своими». Примеры: *хәзер* (сейчас) в отличие от прилагательного *эзер* (готовый), причем оба слова восходят к одному арабскому корню со значением «готовый»; *һаман* (постоянно) — из персидского языка; встречающиеся в диалектах *һаныс* и *һанус* (пока) — тоже из персидского; *һаныл* (вдруг), восходящее к арабскому¹ *fāfīl* (небрежный, нерадивый); встречающееся в диалектах *дәррәү* (тотчас) — из персидского; арабские по происхождению слова: *итһимал* (вероятно), *зитһар* (пожалуйста), *тәүжкәләп* (паудалую), *аһыры* (наконец, наверное, повидимому) и др.

К этому же типу наречий приходится отнести башкирские парные словосочетания, построенные по определенному типу. Примеры: *арлы-бирле* (туда-сюда), *һыйык-һыйык* (вкривь и вкось), *аһык-боһок* (наспех), *саҡ-саҡ* (едва-едва), *ара-тирә* (иногда) и др. Наречие *әллә*, трудно переводимое на другие языки, восходит, очевидно, к арабскому *illā*; наречие-проклитика *әле* (пока), очевидно, связано с арабским адвербиальным выражением *һālā* («при настоящем положении», т. е. пока, всё еще). Как известно, это последнее *әле* ставится: 1) перед глаголом, например: *әле бармаған* (еще не ходил), *әле килмәһән* (еще не приходил), и 2) после глагола (главным образом повелительного наклонения) в качестве усилительного элемента, например: *кил-әле* (ну-ка приди, приди-ка) и т. д.

Пожалуй, самым спорным вопросом из области башкирских наречий надо считать вопрос об их соответствиях русским качественным наречиям. Возьмем для примера какую-нибудь обычную школьную фразу: *аһыы бала*

¹ Может быть, при посредстве других тюркских языков, как мне об этом напомнил К. К. Юдахин.

якшы укый. В русском ее соответствии (смысловом) мы имеем: «хороший ребенок хорошо учится». Синтаксически и башкирская, и русская фразы вполне совпадают: 1) определение (*якшы* || хороший), 2) подлежащее (*бала* || ребенок), 3) обстоятельство образа действия (*якшы* || хорошо), 4) сказуемое (*укый* || учится). Но при морфологическом анализе обеих фраз ярко выступает различие в специфике башкирского и русского языков. По-русски «хороший» является, несомненно, прилагательным, а «хорошо» — качественным наречием. А по-башкирски? Нет никаких данных считать первое *якшы* прилагательным (*якшы бала*), а второе — наречием (*якшы укый*), как это делает большинство башкирских преподавателей, находясь под впечатлением русской грамматики. Наречие есть прежде всего понятие морфологическое; русские «хороший» и «хорошо» различаются в этом плане как различные категории, а башкирские *якшы* и *якшы* не различаются. Как мы уже неоднократно указывали, решающим элементом для анализа башкирских частей речи является семантика отдельного слова. С этой точки зрения *якшы* для башкирского языкового мышления представляет единую величину; логически она связана с понятием атрибута, признака, и потому ее без всяких колебаний надо отнести к прилагательным. Если бы башкирские педагоги не знали русского языка, то для них и не существовало бы проблемы, что такое *якшы*. *Якшы* для башкирского языка есть и остается прилагательным независимо от того, в какой синтаксической функции оно выступает. Аналогия русского и немецкого языков здесь не помогает, а только запутывает дело. В русском языке совпадение наречия «хорошо» с краткой формой прилагательного «хорошо» нейтрализуется такими случаями, где этого совпадения нет. Ср. хотя бы такие случаи, как: 1) *вёсел* — *веселá* — *веселó* и 2) *он шел вёсело*, или: 1) *силён* — *сильвá* — *сильнó* и 2) *он силённо устал*. Кроме того, от некоторых качественных прилагательных наречия фактически не употребляются (ср. *тухлый*, *хрункий* и т. д.). В английском языке также намечаются следы дифференциации прилагательных и наречий (ср. *good* и *well*), как и во французском (ср. *bon* и *bien*). Немецкое же *gut*, поставленное перед глаголом, едва ли можно считать наречием, как это делают школьные грамматики.

Послелог

Послелогом называется неизменяемая часть речи, которая выражает отношение между предметами и управляет каким-либо падежом имен (существительных, прилагательных, числительных, местоимений и тех из глагольных форм, которые представляют известный переход к именам). С точки зрения синтаксиса послелог всегда стоит после управляемого им слова и этим отличается от предлога других языков; например, вместо русского выражения «согласно газетам» на башкирском языке (и на других тюркских) надо сказать: «газетам согласно».

Слово «послелог», специально созданное для того, чтобы точнее отразить специфику этой категории, давно уже употребляется в научной литературе на русском языке и представляет собой перевод латинского

термина *postpositio*. Буквально это означает: «то, что ставится || кладется после», тогда как слово «предлог» является переводом латинского *praepositio* и буквально означает «то, что ставится || кладется спереди». С точки зрения употребления предлогов и послелогов в языках мира можно наметить три группы: 1) языки с преобладающим типом предлогов (русский и др.), 2) языки с преобладающим типом послелогов (тюркские и др.), 3) языки, в которых имеются и предлоги, и послелог (армянский, грузинский и др.). Тем не менее едва ли можно указать на такой язык, в котором употреблялись бы или только предлоги, или только послелог. Так, в русском языке наряду с преобладающим типом предлога имеются и (правда, редкие) послелог (например, *смеялся ради*), по-латыни есть послелог *causa* и *gratia*, по-немецки имеем довольно много послелогов и т. д.

Башкирские послелог делятся на группы по своему управлению, т. е. по синтаксическому признаку. В результате такого деления мы получаем: 1) послелог с неопределенным падежом, 2) послелог с дательным падежом, 3) послелог с исходным падежом.

Послелог с неопределенным падежом

1) *менэн*. Имеет различные формы в разных тюркских языках. О его происхождении предполагают следующее. Поскольку одной из его форм является *берэн* || *бирэн*, считают, что послелог надо связывать с числительным *бер* || *бир* (один). По своему значению этот послелог указывает, во-первых, на сопровождение или совместное нахождение двух предметов, например, *атаһы менэн* (с его отцом) и т. д. Кроме этого «сопроводительного» (комитативного) значения, послелог *менэн* имеет также орудийное (инструментальное) значение, например, *балта менэн* — топором (формально «топора посредством» или даже «с топором», как по-немецки: *mit der Axt*).

В современном языке послелог *менэн* имеет инструментальное значение тогда, когда он управляет словом, обозначающим так называемый «неодушевленный» предмет, а не лицо, например, *салғы менэн* (косой). Если же послелог управляет словом, обозначающим «одушевленный» предмет в смысле человека (но не животных), то тогда послелог приобретает сопроводительное значение; например: *уҡытыусы менэн* (с учителем). В древнейшие эпохи развития башкирского языка (и вообще тюркских) положение, естественно, могло быть иным, и потому вопрос о том, какая линия в значении этого послелога была первоначальной, разрешается в плане общего языкознания.

Отметим еще одну деталь. В современном языке, если необходимо совершенно отчетливо выразить сопроводительное значение послелога *менэн*, после него ставится пояснительное слово *берлектә* или *бергә* (значения близкие: «вместе, сообща»). Примеры: *атаһы менэн берлектә* (вместе с отцом, с отцом), *уҡытыусылар менэн бергә* (вместе с учениками).

Послелог *менэн*, имеющий орудийное значение, может быть сопоставлен с русским творительным падежом, причем, однако, русскому творитель-

тельному падежу соответствует не один послелог *менэн*, а целый комплекс: послелог *менэн* + управляемое им слово.

Переходя к вопросу об управлении послелога *менэн*, нужно заметить, что здесь различаются два случая. Во-первых — и чаще всего — послелог *менэн* управляет неопределенным падежом (*төн килеш*) предшествующего ему имени (существительного, прилагательного, числительного и большинства местоимений). Примеры: *ат менэн* (верхом, на лошади — буквально: «посредством коня», ср. нем. mit dem Pferde), *балта менэн* (топором), *әсәһе менэн* (с его матерью). Во-вторых, послелог *менэн* управляет родительным падежом. Это наблюдается тогда, когда управляемое послелогом слово стоит в категории определенности. Конкретнее говоря, это бывает тогда, когда перед послелогом *менэн* стоят личные местоимения (кроме слова *улар* — они) и указательные (последние только в единственном числе), т. е. как раз такие элементы, которые логически не могут быть в категории неопределенности. Примеры: *минен менэн* (со мной), *уның менэн* (с ним), *безен менэн* (с нами), *ошоноң менэн* (с этим), *теңнен менэн* (с тем), но: *улар менэн* (с ними), *ошолар менэн* (с этими).¹

Второй тип управления вскрывает нам настоящую схему управления послелога *менэн* и не позволяет считать, что в первом случае (*ат менэн* и т. д.) слово *ат* выражено чем-то в роде именительного падежа. На самом же деле это — неопределенный падеж в той его функции, которая параллельна родительному падежу. Как мы увидим ниже, ряд башкирских послелогов управляет фактически двумя падежами (родительным и неопределенным); мы назвали их послелогом с неопределенным падежом, поскольку на деле здесь преобладают управляемые слова в неопределенном падеже.

2) *өсөн*. Означает цель и причину одновременно. Это особенность не только башкирского, но и всех тюркских языков.

В сочетании с существительными этот послелог скорее означает цель, например: *ат өсөн* (для коня), *мәктәп өсөн* (для школы), *атаң өсөн* (для твоего отца); однако можно подыскать примеры, когда и в таком соединении данный послелог выражает причину: ср. *атайым өсөн өйҙә калдым* (из-за отца я остался дома).

При местоимениях послелог *өсөн* означает и цель, и причину, например: *ми өсөн* (для чего? из-за чего?), *шуның өсөн* (для того, из-за того).

При глаголе старое единое значение послелога (цель || причина) дифференцируется: при одних глагольных формах он означает только цель, при других — только причину. Так, цель выражают следующие примеры: *уқыр өсөн* (чтобы читать), *килер өсөн* (чтобы прийти), *уқыу өсөн* (чтобы читать), *килеу өсөн* (чтобы приходиться); следующие примеры выражают причину: *барғаны өсөн* (так как он пошел), *киләһең өсөн* (так как ты пришел).

В этом отношении башкирский язык (и другие тюркские) отличаются от русского и других, в которых цель и причина выражаются особыми средствами (так, русское «для» выражает только цель, а «из-за» — только причину). Однако следует заметить, что в башкирском (и в других тюрк-

¹ См. также стр. 69, прим. 1.

ских) параллельно с послелогом *өсөн* употребляются такие конструкции, которые выражают или только цель, или только причину: например, дательный падеж выражает только цель, а исходный падеж — только причину.

По своему управлению послелог *өсөн* не отличается от послелога *менэн*, т. е. он требует перед собой родительного падежа личных и указательных местоимений и неопределенного падежа остальных имен. Примеры: *уның өсөн* (для того; ввиду того), *минен өсөн* (для меня; ради меня), *ошоноң өсөн* (для этого; из-за этого), *балаһы өсөн* (для его || ее ребенка; из-за его || ее ребенка), *мәктәп өсөн* (для школы; из-за школы).

3) Ряд послелогов выражает сравнение: *кечек, һымак, шикелле, тиклем, саклы, кәзәр*. Из них одни выражают сравнение по качеству, другие — сравнение по количеству, а третьи — сравнение и по качеству, и по количеству. К первой группе принадлежат: *кечек, һымак* (|| *һыман*), ко второй — *саклы, тиклем, кәзәр*, к третьей — *шикелле*. По-русски все они переводятся словами «как, подобно» или «столь же как». Кроме перечисленных выше башкирских послелогов, сравнение (по качеству и по количеству) может быть выражено также безударным аффиксом $\frac{\text{тай}}{\text{тәй}} \parallel \frac{\text{дай}}{\text{дәй}} \parallel \frac{\text{зай}}{\text{зәй}}$, который образует от существительных особое сравнительное наречие (см. стр. 115).

Что касается происхождения этих аффиксов, то слова *шикелле* и *кәзәр* имеют арабские корни; слова *саклы* и *тиклем* разлагаются на корень, аффикс $\frac{\text{лы}}{\text{ле}}$ и аффикс *-м*; слово *кечек*, по мнению некоторых, восходит к архаичному существительному *кәп* (форма, вид), а слово *һымак*, как утверждают, в более древнюю эпоху означало «вроде».

Употребляющийся в тех же значениях «разговорный» послелог *хәтлә(м)* разлагается на *хәт + лә + (м)*, а послелог *төслә* (вроде) — на корень *төс + лә*.

Все эти послелогии управляют родительным падежом перечисленных выше личных и указательных местоимений и неопределенным падежом остальных имен. Примеры: *минен кечек* (как я, подобно мне), *тимер кечек* (как железо, подобно железу), *минен тиклем* (столь же, как я), *ат тиклем зур* (такой же большой, как конь), *шуның төслә* (вроде того), *узе саклы* (в такой же степени, как он сам), *балаһы һымак* (подобно его ребенку, как его ребенок), *ат шикелле* (как конь, подобно коню), *эүәле кечек* (по-прежнему, как прежде).

Примечание. Любопытно сравнить два таких типа выражений: *шул саклы* (в такой степени) и *шуның саклы* (в степени того, столь же, как то). В первом случае *шул* выступает как местоимение-прилагательное, т. е. является неизменяемым определением при именном корне *сак*; во втором случае *шул* выступает как местоимение-существительное, т. е. синтаксически служит особого типа управляемым при корне *сак* и в знак этого оформлено показателем родительного падежа.

Имеется еще несколько послелогов, которые, в отличие от первой группы, управляют чаще неопределенным падежом (без параллельного родительного); часть из них выражает пространственные отношения. Сюда

относятся: *аша* — через (пример: *тау аша* — через гору), *утэ* — сквозь (пример: *урман утэ* — сквозь лес). Ср. еще *телеграф аша* (по телеграфу). Оба эти послелога по своему происхождению являются деепричастиями от глагольных корней *аш-* (переходить через, переваливать) и *ут-* (проходить сквозь). *Аркыры* (в диалектах: *аркылы*) — поперек, через, сквозь (пример: *дингиз аркыры* — через море, за море). *Аркыры* может управлять родительным и дательным падежами. Ср. *юга аркыры* (поперек дороги).

Послелог *буйынса* (вдоль, согласно, по, относительно) этимологически восходит к пространственному понятию *буй* (длина, рост). Пример: *закон буйынса* (по закону). В несколько ином (более конкретном) смысле употребляется *буйлап*: вдоль, по. Например: *юл буйлап* (по дороге).

Послелоги *аркала* (из сущ. *арка* «спина» + аффиксальный элемент *-ла*) — благодаря — и *сэбэпте* (арабское существительное *сэбэп* — причина + аффикс *-те*) — вследствие. Примеры: *ялгыр булчуы аркала* (из-за дождя), *кояш булчуы аркала* (благодаря солнцу), *лугыш булчуы сэбэпте* (по причине войны; в силу того, что была война), *һауа якшы булчуы сэбэпте* (по причине хорошей погоды). Послелог *аркала* может управлять также родительным падежом личных местоимений: *бэззең аркала* (благодаря нам), *һинеең аркала* (из-за тебя); употребляется он также и в таком сочетании: *шул аркала* (благодаря этому). Известно также сочетание *шул сэбэпте* (по такой причине); в остальных случаях перед послелогом *сэбэпте* употребляются обыкновенно глагольные формы.

С неопределенным падежом сочетается также послелог *айканлы* (по причине, вследствие). Например: *шул айканлы* (ввиду того), *һинеең аурыуың айканлы* (ввиду твоей болезни), *шатлык айканлы* (на радостях). Ср. также послелог *һайын* («по» в смысле *еже-временно, каждо-временно*): *минут һайын* (ежеминутно), *кылаган һайын* (всякий раз как приходил).

Послелоги с дательным падежом

Отметим прежде всего упоминавшиеся выше послелоги *тиклем*, *хэтте(м)*, *саклы*, которые управляют неопределенным || родительным падежом, показывая сравнение (см. выше), и, кроме того, дательным падежом для обозначения предела (русский перевод: «вплоть до, до»). Примеры: *был айға тиклем* (до этого месяца, вплоть до этого месяца), *иртәгә саклы* (вплоть до утра, до самого утра), *боғонға хэтте* (вплоть до сегодняшнего дня).

Послелог *курэ* (этимологически деепричастие от глагольного корня — *кур* — видеть, т. е. буквально: «видя») означает: «согласно, сообразно, судя по, по». Примеры: *шуға курэ* (согласно тому), *әйткәннең курэ* (согласно тому, что он сказал). Любопытно, что послелог *курэ* управляет дательным падежом, тогда как глагол, от которого он происходит, *кур-* требует перед собой неопределенного или винительного падежа. Синонимичный этому послелогу *караганда* восходит к глагольному корню *карау* (смотреть), который и сам нормально управляет дательным падежом. Таким образом, *караганда* есть по существу местный падеж причастия, которое изолиро-

валось в значении послелога «сообразно, на основании». Примеры: *быга караганда* (согласно этому), *уфын язганма караганда* (на основании того, что он написал), *эшенэ караганда* (сообразно его работе, по его работе). Наряду с *караганда* в том же значении употребляются другие производные формы того же глагола *карау*: *карап* (смотри по) и *карата* (в отношении, в расчете на). Примеры: *эшенэ карап һакын бирергэ кэрэк* (платить ему нужно, смотря по его работе), *был эш һиңэ карата эшлэнэн* (это дело сделано, имея в виду тебя || в расчете на тебя).

Послелоги *карай* (по существу деепричастие от того же глагола *карау*), *табап* или *таба* (очевидно, деепричастие от глагола *табыу* — находить) и *тура* означают по-русски: «прямо к, прямо по направлению к». Примеры: *Өфөгә тура килде* (он приехал прямо в Уфу), *тауга карай* (прямо к горе, прямо на гору), *калаға таба* (прямо в город, в самый город).

Послелог *карыш* (этимологически, повидимому, деепричастие от глагола *карышыу*, который в других тюркских языках значит «сопротивляться») означает: «против, напротив». Примеры: *һезгә карыш* (против вас), *дошманлыбызга карыш* (против наших врагов). Типологически *карыш* принадлежит к группе слов, которые являются переходными между служебными именами и послелогами; это видно из того, что *карыш* употребляется иногда в качестве служебного имени: *карышында* (напротив его).

Послелоги с исходным падежом

Башка (кроме, помимо). Примеры: *бынан башка* (кроме этого), *һинэн башка кеше куренмай* (кроме тебя, никого не видно). По своему происхождению послелог *башка* является дательным падежом от существительного *баш* (голова, начало), причем эта форма обособилась от первоначального существительного, приняв свое специальное значение. Развитие значения при переходе отдельного слова в послелог намечается приблизительно следующее: на (свою) голову — отдельный, особый || отдельно, особо — кроме, помимо. В современном языке слово *башка* выступает с одной стороны как послелог, а с другой — как прилагательное со значением «иной, другой». В первом случае слово *башка* управляет исходным падежом, во втором — оно стоит перед существительным в качестве его определения. В некоторых случаях слово *башка* одновременно выражает как бы два понятия «другой» + «кроме», что указывает на первоначальную, недифференцированную семантику слова. Пример: *был мәсьәлә өстөндә һинэн башка бер кем дә бирелеп эшләмәне* (никто другой, кроме тебя, не работал сосредоточенно над этим вопросом).

В современном языке в качестве синонима слова *башка* выступает слово *тыш*, которое также управляет исходным падежом, и отчасти *бутән*. Ср. *бынан тыш* (помимо этого), *һинэн бутән* (помимо тебя).

Послелоги *элек* и *алда*, обозначающие «прежде» или «перед», также управляют исходным падежом. Пример: *экзамендан элек* (перед экзаменом), *йыйылыштан элек кайтып килдем* (я вернулся до собрания), *ул минән алда китте* (он ушел раньше меня).

Этимологически слово *алда* восходит к служебному имени *ал(о)* — перед. В старом языке и отчасти современном употребляется арабское слово *эуэл* как синоним названных выше слов *элеж* и *алда*. Однако, в отличие от них, *эуэл* выражает не пространственное, а только временное понятие.

Если перед этими послелогом стоят слова, выражающие срок, количество и т. д., то они, наряду с исходным падежом, могут управлять и неопределенным. Ср. примеры: *мин уны ун йыл элеж кургэнем* (я видел его 10 лет назад). *Ун биш йылдан да элеж кайтмасака* (раньше, чем через 15 лет, он не вернется).

Между этими двумя оборотами существует определенное взаимоотношение, окончательно еще не выясненное; повидимому, данные послелоги с исходным падежом связаны с перемещением логического ударения или с более или менее точным обозначением срока. Если эти сроки относятся не к прошедшему, а к будущему, то здесь употребляется исключительно исходный падеж: *ул ике көндөн элеж китмэйсак* (он раньше, чем через два дня, не уйдет). Может быть, исходный падеж таких оборотов обусловлен скрытым в них моментом сравнения.

В значении «после» употребляется слово *хун* (татарское соответствие: *сон*). Примеры: *эштэн хун ял ит* (после работы отдыхай), *ул минэн хун килде* (он пришел после меня). Слово *хун* (как и *башка*) употребляется в двух значениях: 1) прилагательного «последний, поздний» и 2) послелога «после», управляющего исходным падежом. Исходный падеж здесь обычен, идет ли речь о прошлом факте, или о будущем. Примеры: *мин биш йылдан хун ауылга кайттым* (я вернулся в деревню через пять лет), *ул биш йылдан хун кайтасака* (он вернется через пять лет). Неопределенный падеж при послелоге *хун* может быть лишь тогда, когда речь идет об опоздании на какой-либо срок: *ул биш көн хун кайтты* (он вернулся с опозданием на пять дней). Слово *хун*, как и русское «после», может употребляться и в качестве наречия, например: *мин бер аз хун килдем* (я пришел немного после).

В башкирском языке встречается также слово *элэре*, которое выступает как послелог со значением «прежде» и управляет исходным падежом. Пример: *бынан элэре* (раньше этого, перед этим, до этого). В других тюркских языках это слово имеет скорее пространственное, чем временное значение и понимается в смысле «вперед».

По происхождению *элэре* сходно с наречиями типа *ютары*, этимология которых дана в разделе наречий (стр. 116).

Первоначально пространственные обозначения *бире* (по эту сторону, сюда = лат. *cis*) и *ары* (по ту сторону = лат. *trans*), имеющие ту же этимологию, выступают иногда как послелоги временного значения. Примеры: *бынан ары* (начиная с этого, по ту сторону от этого = с этих пор), *ошопан бире* (по эту сторону от этого = с этих пор). Повидимому, местоименные сочетания с этими послелогом и способствовали тому, что они стали указывать не только на место, но и на время.

Кроме того, исходным падежом управляют такие послелоги, которые обозначают исходный пункт по времени¹ и соответствуют немецким *seit* и *seitdem*. Это — *бирле* (этимологически из *бире*+*ле*, где *бире* — слово, о котором только что шла речь) и *алын* и *башлан*; оба последних этимологически являются деепричастиями от глаголов *ал-ыу* (братъ) и *башла-у* (начинать). При этом *бирле* относится скорее к прошедшему времени, *башлан* — к будущему, а *алын* — и к прошедшему, и к будущему. Примеры: *шул вакыттан бирле* (с той поры), *шул кендан башлан* (начиная с того дня), *был айдан алын* (начиная с этого месяца).

Условная форма глагола *бул-ыу* (становиться, быть) в 3-м л. ед. ч., т. е. *була* (дословно: «если он есть»), может употребляться после слова, стоящего в любом грамматическом лице в качестве послелога со значением: «что касается», «а». Примеры: *мин була* (что касается меня || а я), *укусыбыз була* (что касается нашего ученика || а наш ученик). Параллельно с этим употребляется окаменевшая глагольная форма *килэндә* (с дательным падежом), например: *миңә килэндә* (что касается меня).

Союзы

Союзом называется такая неизменяемая морфологическая категория, которая употребляется для оформления внешних отношений между отдельными предложениями или словами. Эти внешние отношения могут быть в форме связи (сопоставления), противоположения, причинной зависимости и т. д.

Так как одной из самых обычных форм этих отношений является соединение или связь, то и вся категория носит название «союз» (лат. *coniunctio*). Башкирские грамматики называют союзы ветоным термином *ярзамлыклар* (т. е. вспомогательные или служебные слова), и это объясняется тем, что до последнего времени в башкирских (и татарских) грамматиках разделы наречий, союзов и послелогов разрабатывались совершенно неудовлетворительно. В частности, в число союзов включались совершенные послелоги: *менэн*, *өсөн*, *курә*, *шикелле*, *бирле*, *тиклем*, *кечек*, *бутән*, *башка*, *һымак*, *һайын*, которые управляют падежами имен, что союзам отнюдь несвойственно. В союзы эти послелоги зачислялись, очевидно, потому, что некоторые из них в русском переводе совпадали с союзами русской грамматики. Рассуждали так, что *менэн*, например, иногда равняется русскому «и», а русское «и» — союз. При этом, однако, совершенно забывали, что основное значение *менэн* — другое (совместность и орудийность) и что до значения «и» послелог доходит совершенно своеобразным путем (примерно так же, как русский предлог «с» в выражении «мы с тобой»). Не учитывалось также и то, что в башкирском языке есть два «и»: 1) *һәм* и 2) *менэн*, и что между ними существует разница, порой весьма существенная. Такие же примерно ошибки были допущены при квалификации остальных перечисленных выше послелогов в качестве союзов.

¹ Исходный пункт по месту обозначают *бире* и *ары*, т. е. они понимаются первоначально в смысле: «начиная с этих || тех мест»

Кроме послелогов, в союзы ошибочно зачислялись наречия: *бик*, *утэ*, *иң* и т. д., местоимения: *нис* и т. д., модальные слова: *тугел*, и частицы: $\frac{сы}{се}$, $\frac{со}{сө}$, *дабаһа* и его варианты, $\frac{ук}{ук}$, *гына* и его варианты и т. д.

Выделив из списка союзов весь посторонний элемент, который был запесен туда ошибочно и случайно, мы получим довольно ограниченный перечень слов, что не должно особенно удивлять, поскольку категория союзов в тюркских языках до последнего времени была развита недостаточно. Союзы в этих языках тройкого происхождения: «собственно тюркские», заимствованные из арабского и персидского языков и заимствованные из русского. Первый пласт (как и третий), в противоположность второму, обнаруживает тенденцию к дальнейшему развитию: мы имеем в виду зарождение новых союзов путем, так сказать, использования внутренних средств языка, на что имеются примеры во всех тюркских языках. Приведем некоторые слова для иллюстрации этой схемы. Собственно башкирские союзы: *тағы* (также, еще), *йәнә* (опять, все-таки), *тик* (только), *шулай ук* (даже). Союзы арабско-персидского происхождения: *һәм* (и — из персидского), *әгәр* (если — из персидского), *һә* и *йәки* (или — из персидского), *бары* (по крайней мере — из персидского), *исмаһам* (хотя бы — перс.-башк. *нис булмаһа*), *һәрә* (хотя — из персидского), *сөнжи* (потому что — из персидского), *бәлки* (может быть — арабско-персидское), *хатта* (даже, так что — из арабского), *ләкин* (но, однако — из арабского), *эммә* (но, однако — из арабского) и др. Союзы, заимствованные из русского: *ә* (а), *ату* (а то), *бит* (ведь), *тулҡа миш* (только лишь), *мишу* (еще), *хатая* (хотя), *эй* (из рус. «и»), *бутта* (будто). Последние — главным образом в разговорной речи.

Независимо от происхождения, союзы подлежат еще некоторым другим классификациям. По структурной особенности союзы делятся на одиночные и парные: парные — те, которые употребляются дважды в одном и том же предложении, будучи поставлены в разных частях его, например: *йә-йә* (или-или), *ни-ни* (ни-ни).

Далее идет классификация союзов по значению, которая единственно и занимает авторов грамматик.

Здесь намечаются следующие разряды:

1. Союзы соединительные: *һәм* (и), *тағы* (также, еще).

2. Союзы противительные (контрастные): *ә* (а), *ләкин* (но, однако), *эммә* (но, однако), *тугел* (не только, но и).

Характерно, что в народной речи *эммә* *ләкин* могут употребляться одновременно (как и русское «но однако»): *ярар, балам, ал инде, эммә ләкин, йәнәндән артык һаҡла* (ладно, сынок, бери уж, да только береги пуще души).

3. Союзы разделительные: *йәки* (или), *йә-йә* (или-или), *ни-ни* (ни-ни).¹

¹ Хотя эта форма внешне полностью совпадает с русской, но заимствовала она ближайшим образом из персидского *иә-иә*.

4. Союзы причинные: *сөнки* (так как, потому что).
5. Союзы следствия: *хатта* (так что, даже), *шулай ук* (даже), *ахыры* (ведь), *бит* (ведь), *ки* (так что).
6. Союзы условные и уступительные: *әәр* и *әәр эә* (если), *әәрсә* (хотя), *хатая* (хотя).

Необходимо остановиться также на том, что некоторые модальные слова, типологически не будучи союзами, иногда выступают в функции союзов. Главнейшие из них следующие: *кәрәк* — *кәрәк* (или — или), *әллә* — *әллә* (не то — не то), *туғел* (не только, но и).

Однако эти функции не делают их собственно союзами, как не делают ими некоторые послелоги и наречия.

Частицы

Как и в русском языке, в башкирском имеются некоторые переходные элементы от отдельного слова (т. е. частей речи) к формантам (т. е. аффиксам). Это — частицы. Между тем частицы не могут быть причислены к отдельному слову (см. стр. 48), поскольку они: 1) имеют абстрактную (грамматическую), а не материальную семантику и 2) допускают звуковые варианты, т. е. не имеют единого звукового состава.

(Однако между аффиксами и частицами также есть существенное различие. Аффиксы есть элемент морфологический, они могут стоять при какой-нибудь одной морфологической категории (части речи), а частицы — при нескольких, если не при всех. Они, таким образом, играют уже не морфолого-синтаксическую (как аффиксы), а чисто синтаксическую роль. Иными словами, из отдельных слов частицы ближе всего подходят к союзам, но отождествлять их с союзами нельзя именно потому, что союз есть принципиально отдельное слово, а частицы — нет.)

К башкирским частицам относятся следующие элементы:

- 1) $\frac{мы}{ме} - \frac{мо}{мө}$ — частица вопроса, прибавляемая к любой части речи. Удлиннение ставится всегда перед ней. В фольклоре и разговоре часто имеет место

удлинненный вариант: $\frac{мы-ми}{ме-ми} - \frac{мо-ни}{мө-ни}$, состоящий из первоначального в соединении с вопросительным местоимением *ми*. Ср. *бәз быны амайбызмы?* (неужели мы не берем этого?).

- 2) $\frac{ба}{дә} \frac{та}{тә} \frac{за}{зә} \frac{ла}{лә}$. Частица, употребляющаяся в функции соединительных или противительных союзов. Безударна. Ставится после любой части речи. К союзам отвесена быть не может, так как подчиняется сингармонизму. Пишется отдельно от предыдущего слова.

- 3) $\frac{дәбәһә}{дәбәһә} \frac{тәбәһә}{тәбәһә} \frac{зәбәһә}{зәбәһә} \frac{ләбәһә}{ләбәһә}$. Производная величина от предыдущей. Состоит из предыдущего и элемента $\frac{баһа}{бәһә}$ (может быть, •

кош Кузыйкуртастандер (должно быть, эта птица от Кузыйкурпеса). В последнем примере арабское слово *могайын* (наверное) как бы дублирует значение частицы *-дыр*.

Модальные слова

Помимо частей речи, каждая из которых представляет собой отдельное слово, а также аффиксов и частиц, которые по существу представляют собой часть слова — формант, в башкирском языке есть еще один переходный разряд, а именно модальные слова.

Модальные слова представляют собой нечто среднее между отдельным словом и частицей. По функции это — частицы, а по своей фонетике и этимологии — отдельные слова. Поэтому их приходится выделять в особую группу. К модальным словам мы относим:

1) *бар* (есть, имеется), 2) *юк* (нет, не имеется), 3) *туҗел* (не есть = ist nicht, il n'est pas), 4) *кәрәк* (надо) и *тейеш* (надо, должно), 5) *икән* (кажется, оказывается), 6) *буғай* (должно быть).

О *бар* и *юк* у нас было сказано на стр. 59—60. Там отмечено, что исторически *бар* и *юк* были существительными, а не глаголами, и приведены доказательства в пользу такого предположения. О слове *юк* надо иметь в виду, что оно употребляется еще в функции наречия отрицания (нет) в противоположность наречию утверждения *әйе* (да). См. об этом на стр. 60—61.

Слово *туҗел* разбиралось нами, когда шла речь о категории сказуемости (см. стр. 54); кроме того, оно может выступать в роли противительного союза (см. стр. 128).

Кәрәк исторически было существительно-прилагательным со значением «нужда || нужный». Теперь употребляется как сказуемое («нужно») и по аналогии с глагольными формами звучит иногда как *кәрәкмәй*, *кәрәкәр*, *кәрәкмәс* и т. д. См. Заляй, *op. cit.* 111. То же придется сказать и о слове *тейеш*, которое, очевидно, первоначально значило «касание || касающийся» и, далее, «необходимость || необходимый» или «нужда || нужный».

Между *кәрәк* и *тейеш* есть смысловое различие, которое напоминает существующее между немецкими *müssen* и *sollen*.

Слово *икән* (формально причастие от корня *и-* «быть») прибавляется к любой глагольной форме и сообщает ей оттенок вероятности или неожиданно получаемого вывода (по-русски вспомогательные слова: «кажется, оказывается»). Примеры: *ямғыр яуа икән* (оказывается, идет дождь), *ҡапҡа бикле икән* (ворота оказались закрытыми), *кейәүгә сығайын икән* (так ты, значит, выходишь замуж!), *улар быны электән беләләр икән* (они, оказывается, знали его раньше), *һин көсә икәнһең* (ты, выходит, силен).

Слово *буғай* после имен и глаголов выражает предположение («должно быть»): *барыу буғай* (должно быть, пашня; никак, пашня). Исторически — особое (чагатайское) желательное наклонение от глагола *булыу* (быть).

ГЛАГОЛ

Общие сведения о глаголе

Глагол в башкирском языке изменяется по следующим категориям: наклонение, время, лицо и число. Все эти категории относятся к словоизменению глаголов. Категории видов и залогов в башкирском языке (да и вообще в тюркских) должны быть отнесены к отделу словообразования глаголов.

Как известно, наклонение есть такая глагольная категория, которая показывает отношение говорящего к действию с точки зрения реальности или нереальности последнего.

В башкирском глаголе имеются следующие наклонения: 1) изъявительное, 2) условное, 3) желательное, 4) повелительное и 5) инфинитив. Кроме того, на правах наклонения существуют особые переходные формы: от глагола к имени существительному — отглагольные имена (6), от глагола к прилагательному — причастия (7) и от глагола к наречию — деепричастия (8).

Изъявительное наклонение служит для максимально объективной (с точки зрения рассказчика) передачи факта; поэтому оно содержит в себе очень много временных форм (например, несколько прошедших, несколько будущих), которые передают различные и весьма тонкие оттенки действия.

Условное наклонение выражает такое действие, которое, по мнению говорящего, допустимо, но в случае осуществления неизбежно повлечет за собой другое действие. Условное наклонение имеет два основных грамматических времени (настоящее и прошедшее) и несколько производных.

Желательное наклонение в современном языке носит пережиточный характер (сохранилось только в 1-м лице единственного и множественного числа настоящего времени). Оно указывает на субъективное отношение говорящего к действию: он желает его совершения или колеблется, или же раскаивается в нем. В старых тюркских языках желательное наклонение (*optativus*) выполняло чисто грамматическую функцию вроде латинского или немецкого конъюнктива, т. е. ставилось в определенном типе придаточных предложений.

В повелительном наклонении субъективизм говорящего достигает апогея, и он прямо требует от 2-го или 3-го лица, чтобы действие ими было совершено. Повелительное наклонение имеет одну форму для всех логических времен.

Инфинитив в башкирском языке представляет собой одно из отглагольных существительных. В противоположность русскому языку он не является этимологически первоначальной формой глагола. То же справедливо и для всех тюркских языков.

Из отглагольных имен выделяются своей динамикой так называемые формы на *-ған* и на *-асаҡ*. По существу они представляют наполовину

отглагольные имена — наполовину причастия и сопряжены с различием лиц. Точную их характеристику можно дать только при развернутом обозрении предмета (см. стр. 259 сл., 265 сл.).

Причастия различаются по временам (настоящее, прошедшее, будущее), причем синтетическими формами выражены только два причастия (прошедшее и будущее). Оба эти причастия лежат в основе производных времен изъявительного наклонения (прошедших и будущих).

Деепричастия, в противоположность школьным грамматикам, правильнее будет классифицировать не по временам, а по их отношению к действию главного глагола (параллелизм, предшествующий момент, последующий момент).

Времена башкирского глагола характеризуются специальными аффиксами, каждый из которых ставится между основой и аффиксами лица и числа. Такое положение справедливо для изъявительного наклонения, которое не имеет специфического аффикса наклонения и в котором много грамматических времен; в остальных же наклонениях, которые имеют свой специфический аффикс, наоборот, очень мало времен: или одно, или два — настоящее и прошедшее, и тогда времена не имеют своего аффикса. Таким образом, если теоретически аффикс наклонения должен предшествовать аффиксу времени, то фактически налицо бывает всегда что-нибудь одно.

Нечто подобное наблюдается в отношении аффиксов лица и числа. Теоретически аффикс лица должен предшествовать аффиксу числа. Так обстоит дело, например, в 3-м лице множественного числа от многих форм изъявительного наклонения (ср. *алд-ы-лар*, *ал-тан-дар*, *ал-асап-тар*, *ин-с-лар* и др.). В тех же формах, где аффиксы лица и числа исторически слиты в один, мы по существу, с точки зрения современного языка, имеем

один показатель (ср. $\frac{\text{мын}}{\text{мен}}$; $\frac{\text{һын}}{\text{һен}}$); однако иногда здесь возможно

историческим путем произвести выделение составных частей $\left(\frac{\text{һығыз}}{\text{һегез}} = \right.$

$\left. \frac{\text{һығ}}{\text{һег}} + \frac{\text{ығ}}{\text{ез}} \right)$.

Личные местоимения для башкирского (и для других тюркских) не являются обязательной принадлежностью, так как лицо уже выражено аффиксом. Поэтому личные местоимения ставятся перед соответствующими глагольными формами гораздо реже, чем в русском языке. Обычно это происходит тогда, когда на личных местоимениях стоит акцент, обусловленный их логическим противопоставлением. Пример: *мин язам*, *һин уҡый-һин* (я пишу, ты читаешь). Особенно редко встречаются личные местоимения при повелительном наклонении: там они возможны только при наличии сильного логического акцента, например, *һин ал* (ты-ы-ы бери!).

Глагольные формы, которые изменяются по категориям лица, называются личными (лат. термин *verbum finitum*). К личным формам принадлежат все формы изъявительного, условного, желательного и повелительного накло-

ней. С исторической точки зрения все эти формы являются или формами сказуемости, или формами принадлежности от определенных глагольных основ. Такое положение понятно, поскольку во всех тюркских языках категория грамматического лица может быть выражена только при помощи одной из этих двух категорий. При этом условное, желательное и повелительное наклонения оформляются аффиксами принадлежности. Часть форм изъявительного наклонения (те, в которых преобладает идея прошедшего времени) оформляется также аффиксами принадлежности; остальные же времена изъявительного наклонения (т. е. те, в которых преобладает идея настоящего или будущего) оформляются аффиксами сказуемости.

Глагольные формы, которые не изменяются по категории лица, называются *неличными*¹ (лат. термин *verbum infinitum*).

Сюда относятся: инфинитив, отглагольные имена, причастия, деепричастия. Необходимо сделать одну оговорку. Все эти формы, за исключением, пожалуй, части деепричастий, могут принимать аффиксы принадлежности и в этом смысле выражать категорию лица. Поэтому к первоначальной характеристике неличных форм надо сделать некоторое добавление: неличными формами глагола называются такие, которые не связаны с категорией лица как грамматического субъекта. Поэтому, если причастная форма *белэн* (знавший) не имеет при себе субъекта в виде одного из трех грамматических лиц, например, *белэн кеше* (знавший человек), то мы считаем такую форму причастием, и, следовательно, неличной формой; но если эта же самая форма имеет при себе субъект в виде одного из грамматических лиц, т. е. является его сказуемым, например: *ул белэн* (он — знавший = он узнал), то такой случай мы относим к личным формам глагола. Таким образом, слово *килэн* (пришедший || тот, который пришел) мы считаем неличной формой, хотя от него можно образовать *килэнем*, что означает: 1) мой пришедший и 2) мой приход; в этих случаях грамматическое лицо не является субъектом. Но стоит только сказать *ул килэн* (он — пришедший = он пришел) или *мин килэнмен* (я пришел), как эти формы перейдут в разряд личных, поскольку в первом случае лицо субъекта выражено отдельным словом *ул* (аналитически), а во втором и отдельным словом *мин* и аффиксом *-мен* (т. е. аналитико-синтетически). Таким образом, термин «неличные глагольные формы» в европейских языках и в тюркских понимается различно. В европейских языках понятие грамматического лица может быть выражено синтетически только тогда, когда это лицо является субъектом в отношении глагольной формы; в тюркских же языках синтетически выражается не только лицо активного субъекта, действителя, но и лицо обладателя, т. е. потенциального или пассивного субъекта. Ввиду этого возникает вопрос: имеют ли термины «личные» и «неличные» глаголы вообще какую-нибудь ценность для тюркских языков? Мы полагаем, что имеют, поскольку это деление практически удобно и помогает классифицировать тюркские «наклоненнообразные» формы на две группы: собственно накло-

¹ Не путать с *безличными* (*impersonalia*). В монголоведении вместо «личные» и «неличные» употребляются термины «окончательные» и «неокончательные» формы глагола.

нения (изъявительное, условное, желательное, повелительное) и модальные формы (отглагольные имена,¹ причастия, деепричастия). Кроме того, личные и неличные формы имеют разные функции в организации тюркских языков: неличные формы, очевидно, более древнего происхождения, чем личные, и структурно входят в состав личных форм. Таким образом, принимая термин «личные» и «неличные» формы глагола, который ценен и тем, что вводит наши конкретные факты в схему общего языкознания, мы все же делаем оговорку насчет того, что содержание второго термина для тюркских языков (и башкирского) и для европейских понимается не совсем одинаково.

Итак, общая схема словоизменения башкирского глагола, или спряжение, складывается из следующих величин, которые мы перечисляем в нисходящем порядке, идя от категорий более широкого объема к категориям более узкого объема: наклонение, время, лицо, число. Но, строго говоря, есть еще одна категория (наиболее широкого объема по сравнению с перечисленными), которую грамматики настолько игнорируют, что она даже не имеет специального термина и притом не только в учебно-популярной, но и в научной литературе.

Дело в том, что каждый глагол в башкирском (и в других тюркских языках) имеет четыре параллельных варианта спряжения или четыре аспекта: положительный, отрицательный, возможности и невозможности. Так, наряду со спряжением глагола «брать» спрягается глагол «не брать», глагол «мочь брать» и глагол «не мочь брать». При этом оттенки (отрицание, возможность, невозможность), которые по-русски выражаются синтаксическими средствами (т. е. аналитически), в тюркских языках передаются или аффиксами, т. е. синтетически, или синтетико-аналитически, т. е. при помощи аффиксов и синтаксических сочетаний одновременно. Описанные четыре категории являются самыми широкими среди всех категорий глагольного словоизменения, т. е. спряжения: они вмещают в себя все наклонения, времена, лица и числа. В структурном отношении некоторые из них (аспекты возможности и невозможности) приближаются к деепричастным сочетаниям, которые образуют глагольные виды; однако в семантическом отношении категории возможности и невозможности отклоняются от видовых категорий и приближаются к аспектам положительному и отрицательному. Все эти четыре аспекта удобнее всего назвать модальностями или же сохранить за ними название «аспекта».²

Какова же внутренняя и внешняя характеристика этих четырех аспектов? Положительный аспект представляет собой нормальный тип спряжения. Действие в нем изображается как реальное и объективно происходящее. Никаких специфических аффиксов (помимо аффиксов наклонения, времени, лица и числа) положительный аспект не имеет. В положительном

¹ Сюда же входит и инфинитив, который по старой грамматической традиции относится к собственно наклонениям.

² Хотя аспект (лат. aspectus), как известно, значит «вид», но здесь можно использовать наряду с русским «вид» также и термин «аспект», вложив в него желательное для нас содержание.

аспекте ведется спряжение во всех тех языках, которые не противопоставляют этот аспект другим (так, например, обстоит дело в русском языке).

Отрицательный аспект представляет действие любого наклонения, времени, лица и числа как бы с алгебраическим знаком «минус». В этом аспекте (для тюркских языков) будут стоять такие русские выражения, как: «он не идет», «не идите», «не идущий», «не идя» и т. д. Внешним показателем этого аспекта является аффикс $-\frac{ma}{m\ddot{a}}$.

Таким образом, отрицание при именах (см. стр. 54) и отрицание при глаголе выражается различными способами: при именах словом *түзел*, при глаголах — аффиксом $-\frac{ma}{m\ddot{a}}$. Как

уже давно замечено в специальной литературе, аффикс $-\frac{ma}{m\ddot{a}}$ является внешним показателем, по которому можно провести границу между сферой имени (в широком смысле слова) и сферой глагола.

Все формы, глагольные по своему происхождению и сохраняющие глагольную динамику, могут принимать показатель $-\frac{ma}{m\ddot{a}}$. Наоборот, все

именные формы, а также формы хотя бы глагольного происхождения, но утратившие свою динамику глагола, одновременно с этим начинают образовывать отрицательную форму только при посредстве отдельного слова *түзел*. Аффикс глагольного отрицания $-\frac{ma}{m\ddot{a}}$ безударен, и основное уда-

рение слова ставится на слоге, который предшествует аффиксу отрицания. Примеры: *ал-ма-ны* (он не взял), *ал-ма-ясақ* (он не возьмет), *ал-ма-ған*

(не взявший). Только в тех случаях, когда аффикс $-\frac{ma}{m\ddot{a}}$ сливается в один слог с другими аффиксами и образует как бы стяженную форму аффикса, ударение ставится на этой стяженной форме. Примеры: *ал-мә-й* (не беря), *ал-мә-с* (он не возьмет); о составе этих форм см. подробнее на стр. 149.

Как видно из этих примеров, аффикс отрицательного аспекта ставится непосредственно после корня (основы) и перед всеми другими аффиксами глагольного спряжения. Это не случайно. Как мы знаем, ближе к корню всегда ставится показатель более широкой по объему грамматической категории, а категория аспекта шире категорий наклонения, времени, лица и числа.

Аспект возможности (по-латыни: *aspectus possibilitatis*) состоит из деепричастия от любого глагола, которое всегда сохраняется в этой форме, и вспомогательного глагола *ал-*, которой спрягается по всей схеме. Глагол *ал-* вообще означает «взять || брать», а в соединении с названным деепричастием принимает значение «мочь». Об образовании и функции деепричастия на $-\frac{a}{\ddot{o}}$ -й специально говорится на стр. 145.

Приведем примеры на образование и спряжение аспекта возможности: *яз-а алды* (он мог написать), *яз-а алдым* (пусть его может писать), *яз-а*

алыр (он будет в состоянии писать), *яз-а алган* (бывший в состоянии писать; тот, кто мог писать), *яз-а алыт* (имея возможность писать). Русский перевод подобных форм допускает несколько стилистических вариантов: «мочь || быть в состоянии || иметь возможность... что-то делать». В разговорной речи аффикс деепричастия выпадает перед начальным гласным *a* вспомогательного глагола, и два слова сливаются в одно. Примеры: *вм. килә алманы* (он не мог прийти) говорят *килә'алманы*, а *вм. бара алган* (тот, который мог пойти) — *бар'алган* (см. стр. 18).

Что касается аспекта невозможности (*aspectus impossibilitatis*), то он по своей структуре является как бы отрицательным аспектом к аспекту возможности, а с внутренней стороны представляет какое-либо действие не имеющим данных произойти. Иначе говоря, аспект невозможности есть отрицание аспекта возможности подобно тому, как аспект отрицания есть отрицание положительного аспекта. Таким образом, аспект невозможности

составляется из того же деепричастия на $-\frac{a}{э}$ ||-й и отрицательных форм

вспомогательного глагола *ал-*. Примеры: *яз-а алманы* или разговорная форма *яз'алманы* (он не мог написать), *яз-а алмаган* (не могший написать; тот, кто || который не мог написать), *яз-а алмаһын* (пусть его не может написать), *яз-а алмас* (он не будет иметь возможности писать) и т. д. Русский перевод вспомогательного глагола здесь, как и в аспекте возможности, допускает ряд стилистических параллелей: «не мочь || не быть в состоянии || не иметь возможности... делать то-то».

Теоретически от любого глагола могут быть образованы все четыре аспекта. Однако на практике последние два встречаются реже первых двух, так как обычно рассказ ведется в плане констатации фактов или же их отрицания. Тем не менее грамматически все четыре аспекта равноценны, и поэтому их уместно рассматривать сообща.

В дальнейшем, ввиду простой схемы образования II, III и IV аспектов, мы о них специально говорить не будем.

Система спряжения в башкирском языке

(Имя и глагол)

Надо сказать, что, несмотря на все расхождения между классификациями частей речи в тюркских языках, все эти классификации сходятся на том, что главное положение среди частей речи в тюркских языках занимают по своему удельному весу две основные категории: имя (с дальнейшей, в разных языках по-разному выражаемой, дифференциацией на существительное, прилагательное, числительное и местоимение) и глагол. Тесное сплетение категорий имени и глагола проходит сквозь всю башкирскую грамматику. Достаточно указать на то, что спряжение в башкирском (как и в других тюркских языках) носит ярко выраженный именной характер: формы лиц глагола характеризуются теми же аффиксами (формантами), которые образуют так называемую форму сказуемости 1-го, 2-го и 3-го

лица обоих чисел от любого имени. Таким образом, вместо русского «я читаю» или «я буду читать» по-башкирски собственно говорят «я читаю-щий — есмь» и «я имеющий читать — есмь» так же, как говорят «я читатель — есмь» и т. п.

Формальное различие между «спряжением имен» (форма сказуемости) и спряжением собственно глагола довольно незначительно, и с этой стороны грамматики тюркских языков по-своему правы, когда они употребляют обозначения: «форма сказуемости» и «категория сказуемости» (вообще), а не «форма сказуемости имен» и «категория сказуемости имен». Это формальное различие сводится к неодинаковому типу отрицания, которое употребляется при именах и при глаголах. Если отрицание в спряжении имен выражается формой сказуемости от особого служебного слова *тугел* («не являющийся таким-то»), например: *мин башкорт тугел* — я не башкир (дословно: «я башкир-ом не являющийся — есмь»), то при глаголе

отрицание выражается посредством особого аффикса $-\frac{ма}{мэ}$. Например:

яз-ма-и-ым (я не написал), *кил-мэ-иэ* (если он не приходит). Таким образом, форма положительного и отрицательного спряжения глагола выражается морфологически, т. е. одним словом, и в том, и в другом случае: между тем форма сказуемости имен в положительном ее случае выражается морфологически (*мин башкорт-мон* — «я башкир», по-башкирски одно слово), а та же форма в отрицательном случае передается синтаксически (*мин башкорт тугел-мен* — «я не башкир», по-башкирски два слова, причем спрягаемым является собственно элемент *тугел*, а элемент *башкорт* связан с предыдущим элементом чисто синтаксически и семантически, но отнюдь не морфологически).

Но так как между двумя башкирскими категориями имени и глагола нет «отгораживающей стены», то не удивительно, что в этом языке наблюдается много образований переходного типа, занимающих среднее место между двумя основными категориями. Подобного рода образования всегда отражают динамику языка, и поэтому их семантическая характеристика должна особенно точно учитывать стадию развития языка. Так, если в какой-то современной башкирской форме преобладают глагольные свойства, а не именные, то в более древней стадии развития башкирского языка могло быть и иначе. Достаточно сослаться на тот общеизвестный пример, что русский инфинитив с точки зрения заключающихся в нем глагольных и именных свойств представляет собой совершенно иное явление, чем, скажем, французский или немецкий инфинитив, где те же свойства выражены в совершенно иной пропорции.

Вторым структурным типом (кроме формы сказуемости), объединяющим имя и глагол, являются в башкирском (как и во всех тюркских языках) типичные морфологические образования, известные под названием формы принадлежности. «Форма принадлежности», как выразительница известной грамматической «категории принадлежности», одинаково свойственна и именам и глаголам: ср. хотя бы *ан-ым* — «мой конь» (по-башкирски одно слово!) и *барган-ым* — «мое прошлое хождение», т. е. тот факт, что я ходил

(по-башкирски тоже одно слово). Но как и в категории сказуемости, здесь тоже есть некоторое различие по линии имен и глаголов. Именно: форма принадлежности имен синтаксически реализуется в предложении посредством особых слов *бар* и *юк*: (первоначально имена со значением: 1) наличие, 2) отсутствие, а в дальнейшем прилагательные: 1) наличный *се*. «наличен» и 2) отсутствующий *се*. «отсутствующий»;¹ таким образом, *ат-ым бар* дословно означает: «мой конь — наличен», *ат-ым-юк* — «мой конь — отсутствующий».

В русской литературной обработке это будет звучать: 1) у меня есть конь = я имею коня и 2) у меня нет коня = я не имею коня. Кстати сказать, отсутствие в тюркских языках глагола «иметь», как такового, и передача его синтаксической функции только что разобранный именной конструкцией также дают весьма интересный фактический материал по вопросу об отношении имени и глагола в тюркских языках. Что же касается формы принадлежности глагольных образований, то здесь намечаются две линии: одни формы глаголов (главным образом личные, т. е. так называемое *verbum finitum*) реализуются в предложении (т. е., конкретнее говоря, становятся его сказуемым) без применения *бар* и *юк*; другие формы глаголов (главным образом неличные, т. е. то, что по терминологии античных грамматик называется *verbum infinitum*), реализуясь в предложении, требуют при себе особого сказуемого в виде упомянутых *бар* и *юк*. В подтверждение приведем два примера: *алд-ым* — я взял (исторически, как предполагают, это обозначало «мое взятие» с подразумеваемым *бар*, т. е. «мое взятие существует» = я взял) и *алган-ым бар* — мне пришлось брать (дословно: «факт моего взятия имеется»). Можно предполагать, что в первом случае когда-то тоже употреблялись *бар* и *юк*, которые ныне пропускаются, т. е. что разница между этими двумя случаями чисто количественная и сложилась исторически.

Таким образом, проведение границ между башкирскими именем и глаголом представляется делом довольно сложным, хотя и весьма поучительным для лингвиста, тем более, что границы эти надлежит проводить сразу по всем линиям морфологии, семантики и синтаксиса.

Общая схема наклонений и времен башкирского глагола

Итак, в башкирском спряжении различаются наклонения: изъявительное, условное, желательное, повелительное, а также категории деепричастий, причастий и формы на *-ган* и *-сак*, по своим синтаксическим функциям близкие к наклонениям и морфологически лежащие в основе наклонений. Последние три категории можно также называть модальностями.

Общего термина для понятия «наклонение» в башкирских учебниках, написанных по-башкирски, не выработано. Нет также единого термина

¹ Русское причастие (отсутствующий) здесь не совсем подходит: здесь нужно было бы именно прилагательное.

для понятия «изъявительное наклонение» и «условное наклонение». Отдельные времена этих двух наклонений даются без всякой связи друг с другом под эмпирическими обозначениями *хәбәр кылым* (повествовательный глагол) или *шарт кылым* (условный глагол), причем некоторые времена, входящие в оба наклонения, попросту пропущены. Общей схемы спряжения нет. Отсутствуют также указания на происхождение, значение и употребление форм. Отсюда видно, что все, что будет предложено ниже, надлежит рассматривать как нечто не связанное с традицией башкирских авторов.

Разбирая башкирские спрягаемые глагольные формы, мы остановимся сперва на изъявительном наклонении. В пределах этого наклонения мы можем классифицировать отдельные времена в порядке их состава: а) времена изъявительного наклонения, основанные на отглагольных именах, б) времена изъявительного наклонения, основанные на деепричастиях, и в) времена изъявительного наклонения, основанные на причастиях.

Изъявительное наклонение

а) Времена, восходящие к отглагольным именам

Сюда относится Прошедшее законченное (или Прошедшее категорическое)¹ время, которое по-башкирски спрягается так:

Ед. число

1-е л. <i>алдым</i> я взял	<i>кидем</i> я пришел
2-е л. <i>алдың</i> ты взял	<i>кидең</i> ты пришел
3-е л. <i>алы</i> он взял	<i>киде</i> он пришел

Мн. число

1-е л. <i>алдык</i> мы взяли	<i>кидек</i> мы пришли
2-е л. <i>алдығыз</i> вы взяли	<i>кидегеҙ</i> вы пришли
3-е л. <i>алдылар</i> они взяли	<i>киделәр</i> они пришли

Постановка перед глаголом личных местоимений субъекта: *мин* (я), *һин* (ты), *ул* (он-а), *без* (мы), *һез* (вы), *улар* (они), по-башкирски принципиально не обязательна.

Ввиду отсутствия грамматически выраженного женского рода *алдым* и т. д. может одинаково обозначать: «я взял» и «я взяла», *кидең* — «ты пришел» и «ты пришла» и т. д.

По исследованиям на материале других тюркских языков установлено, что данная форма (вернее, отдельные лица этой формы) морфологически расчленяется так: *алд-ым*, *алд-ың*, *алд-ы*, *алд-ык*, *алд-ығыз*, *алд-ылар*.

В основе этой формы лежит архаичное отглагольное существительное

¹ По-башкирски: *Уткән заман хәбәр кылым I*.

на $-\frac{ыт}{ит} \parallel -\frac{ут}{ут} \parallel -т$ (после гласных). В настоящей стадии развития тюркских языков это отглагольное существительное сохранилось в виде пережиточной формы (рудимента) и представлено более или менее ограниченным числом примеров. Сюда относятся такие существительные, как *болот* (облако, туча) от глагольного корня *бол* — крутиться, мутиться, *корот* (прессованный творог) от *коро* (сохви), *эркет* (кислое молоко) и др.

Таким же образом существовали отглагольные имена *ал-ыт (взятие), *кил-ет (приход) и т. д., в которых приведенная форма аффикса видоизменялась по требованиям башкирской фонетики. В дальнейшем эти слова принимали форму принадлежности, т. е. свойственные этой категории аффиксы:

Ед. число

1-е л.	<i>алыт-ым</i> > <i>алд-ым</i>	мой	акт взятия
2-е л.	<i>алыт-ың</i> > <i>алд-ың</i>	твой	акт взятия
3-е л.	<i>алыт-ы</i> > <i>алд-ы</i>	его, ее	акт взятия

Мн. число

1-е л.	<i>алыт-ык</i> > <i>алд-ык</i>	наш	акт взятия
2-е л.	<i>алыт-ығыз</i> > <i>алд-ығыз</i>	ваш	акт взятия
3-е л.	То же, что 3-е лицо ед. числа: <i>алыт-ы</i> > <i>алд-ы</i>		

Известно, что двусложные имена с узкими гласными (*ы, е, о, ө*) во втором слоге выбрасывали этот узкий гласный, принимая аффиксы принадлежности, и одновременно заменяли звонким *д* первоначально глухое *т*. Эти оба явления настолько распространены в различных тюркских языках и могут быть подтверждены в самом башкирском, что предположение об их фактической роли можно считать не подлежащим сомнению. Таким образом получилось: *алыт-ым* > *алт-ым* > *алд-ым* (мое взятие), *алыт-ың* > *алт-ың* > *алд-ың* и т. д. Синтаксически эти формы, как и всякие формы принадлежности, могли реализоваться в предложении при посредстве специфических слов *бар* и *юк*, о которых говорилось выше. Таким образом возникали формы *алдым бар* — «мое взятие имеется» = я взял (семантически ср. это сочетание с нем. *es gibt mein Genommen zu haben*, франц. *il y a mon avoir pris* и англ. *there is my having taken* и др.), *килдем бар* — «мой приход имеется» = я пришел. Если учесть, что структурно близкие формы (*алганым бар* — «факт моего взятия существует» = мне приходилось брать — и *киләнәм бар* — «факт моего прихода существует» = мне случилось приходить и др.) являются самыми обычными образованиями для современного башкирского языка, то восстанавливаемые формы *алдым бар* и *килдем бар* покажутся еще более реальными.

В дальнейшем произошло, очевидно, отбрасывание *бар* и *юк*, и таким образом возникло: *алдым*, *килдем* и т. д. Итак, в функции одного из прошедших времен башкирский язык (как и другие тюркские) употребляет

одно из отглагольных существительных в форме принадлежности (по-французски это звучало бы: «mon avoir pris», по-немецки — mein Genommen zu haben). О том, что в языках подобные случаи компановки прошедших времен не редки, — достаточно известно. Нечто подобное находим даже в русском языке, в котором прошедшее время (я взял — ты взял — он взял и т. д.) является синтаксической, а не морфологической категорией: если мы откинем подлежащее (я, ты, он), то в противоположность другим временам (беру — берешь — берет и т. д. — буду брать — будешь брать — будет брать и т. д.) спряжение окажется ликвидированным и все три лица совпадут в одном (взял — взял — взял). Объясняется это, как известно, тем, что форма «взял» вовсе не является личной формой глагола, а представляет собой так называемое «несклоняемое причастие прошедшего времени», от которого, естественно (опять-таки в противоположность другим спрягаемым временам русского глагола), имеются формы женского и среднего рода (взяла — взяло). Исторически форма взял — взяла — взяло употреблялась в комбинации со вспомогательным глаголом («есть — еси — есть, есмь — есте — суть»), чем и создавалось различие лиц — существенный признак всякой спрягаемой категории. С течением времени вспомогательный глагол вышел из употребления и различие лиц стало проводиться путем обязательной постановки личных местоимений субъекта. Таким образом, вместо лат. *seri, seristi, serit* и т. д., русский говорит: «я — взявший, ты — взявший, он — взявший» и т. д., а башкир в этом же случае скажет: «мое взятие» (*алд-ым*), «твое взятие» (*алд-ын*) «его взятие» (*алд-ы*) и т. д.

При объяснении образований *алдым, алдын* и т. д. как категории принадлежности мы встречаем затруднение при анализе 1-го лица мн. числа, где вместо ожидаемого *алд-ыбыз* и *кылд-ебез* фактически имеем *алд-ык* и *кылд-ек*. Тем не менее мы в некоторых тюркских языках имеем если не *алд-ыбыз* и *кылд-ебез*, то во всяком случае *алд-ымыз* и *кылд-имиз* (в том же значении: «мы взяли» и «мы пришли»). Это опять-таки распространенное в тюркских языках явление (при обычном для них чередовании *б* и *м*). В свою очередь *алдымыз* и *кылдимиз* разлагаются на *алды-ымыз*

и *кылды-имиз*. Отсюда вывод, что по значению $-\frac{ык}{ик} > \text{башк. } -\frac{ык}{ек} \parallel -\frac{ок}{ок}$

здесь соответствует элементу $-\frac{мыз}{миз} > \text{башк. } -\frac{быз}{без} \parallel -\frac{боз}{бөз}$, т. е.

является третьим показателем множественности в тюркских языках после *-лар* (башк. *-лар* || *-дар* и др. варианты) и после *-ыз* (башк. *-ыз*).

Некоторые указывают, что подобное значение (показателя множественности) звук *к* (с различным окружением гласных) имеет в венгерском языке (*kutyá* — собака, *kutyá-k* — собаки; *asztal* — стол, *asztal-ok* — столы), но взаимоотношение этого венгерского *к* с тюркским и, в частности, башкирским *-к* || *-ж* недостаточно выяснено.

Что касается современной формы 3-го лица мн. числа *алдылар* (они взяли), *кылдылар* (они пришли), то эта форма — вторичного образования.

Первоначально для 3-го лица обоех чисел употреблялась одна форма (то же и в собственной категории принадлежности): *алд-ы* $\frac{\text{он}}{\text{они}}$ взял —

взяли и *кылд-е* $\frac{\text{он}}{\text{они}}$ пришел — пришли. На этой стадии долго оставались некоторые тюркские языки (киргизский и отчасти ногайский и казахский), а в башкирском позднее была образована новая форма по типу множественного числа существительных (с основой на гласный).

Нетрудно заметить, что изложенная точка зрения на происхождение формы *алдым* отличается от объяснения практических грамматик всех тюркских языков: эти грамматики обычно разлагают *алдым*, *алдын*, *алды* и т. д. на *ал-дым*, *ал-дын*, *ал-ды* и т. д. и, не умея объяснить происхождение *-дым*, *-дын*, *-ды* и т. д., называют их «глагольными аффиксами (или личными аффиксами) второй категории» в противоположность «первой категории» (т. е. аффиксам сказуемости). На самом же деле это аффиксы принадлежности (с особым вариантом для 1-го лица мн. числа — см. выше), а глагольные (или личные) аффиксы существуют только в виде одной категории, а именно — аффиксов сказуемости.

Важно повторить, что посредством аффиксов сказуемости оформляются категории лица для настоящих и будущих времен башкирского глагола, а посредством аффиксов принадлежности — для прошедших времен.

Прежде чем остановиться на значении формы, необходимо сделать некоторые дополнительные замечания по поводу фонетических явлений, сопровождающих образование формы. В башкирском языке звук *д* в окружении гласных и без следующего носового согласного переходит¹ в *л*, а при носовом — в *н*: *кал-ла* в м. *кала-да* (в городе), *кала-нан* в м. *кала-дан* (из города); очевидно, поэтому мы вместо ожидаемого *эи-л-д-ем* (я работал) фактически имеем *эил-н-ем*, в м. *эилден* (ты работал) — *эилден*, а далее замена *д* через *н* проведена по всем лицам, даже и там, где не было необходимых данных для перехода: *эилте* (он работал), *эилттек* (мы работали), *эилтенез* (вы работали). Равным же образом в отрицательной форме (т. е.

после аффикса - $\frac{\text{ма}}{\text{мә}}$) мы всюду имеем *н* вместо *д*: *ал-ма-н-ым* (я не взял), *ал-ма-н-ы* (он не взял) и т. д., *кыл-мә-н-ем* (я не пришел), *кыл-мә-н-е* (он не пришел) и т. д. *эил-мә-н-ем* (я не работал), *эил-мә-н-е* (он не работал) и т. д.

По значению форма указывает на действие законченное и, если сравнить со схемой русского глагола, — по большей части однократное. Таким образом, *алдым* переводится как «я взял» (а не «брал», что передается другой формой), *алдык* — мы взяли (а не «брали»), *кылден* — ты пришел (а не «приходил») и т. д. Переводить башкирское Прошедшее законченное русским несовершенным видом приходится только в отдельных случаях, когда этого требует русский стиль. Ср. такие особые случаи, как *йынылыш*

¹ См. выше, стр. 36.

өс сәғәт дауам итте — собрание продолжалось три часа (формально следовало бы перевести: «продолжилось», так как к моменту речи данное собрание закончилось и теперь не продолжается), *мин библиотекала ике сәғәт самаһы вақытка калдым* — я оставался в библиотеке около двух часов (формально следовало бы перевести «остался») и т. д.

Вторая особенность этого времени та, что его ставят в том случае, если говорящий наблюдал передаваемый факт как очевидец или если это такой факт, реальность которого ни для кого не подлежит сомнению. Отсюда параллельное название формы: «Прошедшее категорическое», т. е. как бы исключающее всякую субъективную трактовку в вопросе о реальности действия, о его фактическом осуществлении. Данное время отличается этим от Перфекта (иначе: Прошедшего-настоящего), где говорящий обычно не выступает очевидцем передаваемого факта и где центральным моментом является не само действие, а его следствие или результат.

Форма *ине* и ее морфологические функции

От недостаточного глагола *и-* (исторически восходящего к основе *-ə* и далее *эр-*) в башкирском языке сохранилась форма прошедшего законченного — *инем* (я был), где *и* стоит в соответствии с *ə* других тюркских языков, как это мы отметили выше по поводу таких форм, как *баиланым* вм. *баиладым* в других тюркских языках.

Форма *ине* спрягается по общей схеме:

<i>инем</i>	(я был)	<i>инек</i>	(мы были)
<i>инен</i>	(ты был)	<i>инегез</i>	(вы были)
<i>ине</i>	(он был)	<i>инеләр</i>	(они были).

Поскольку этот глагол утрачивает свое полновесное реальное значение и переходит в категорию служебных глаголов, он постепенно утрачивает (и в значительной степени утратил) способность изменяться по обычным глагольным категориям. В частности, форма отрицания от него образуется не по схеме глаголов, а по схеме имен, т. е. с применением специального слова *туғел* («он не есть»).

<i>туғел инем</i>	(я не был)	<i>туғел инек</i>	(мы не были)
<i>туғел инен</i>	(ты не был)	<i>туғел инегез</i>	(вы не были)
<i>туғел ине</i>	(он не был)	<i>туғел инеләр</i>	(они не были)

Глагол *и-* исторически связан с другим глагольным корнем *бул-*. Глагол *и-* выражал статическое понятие (быть, существовать), а глагол *бул-* динамическое (делаться, становиться, «изменять форму своего бытия»). Поэтому *балыксы инем* означает: «я был рыбаком», а *балыксы булдым* — «я стал (сделался) рыбаком». Такое разграничение проводится в тех формах, которые сохранились от глагола *и-* и, естественно, существуют от «обычного» (по своему употреблению) глагола *бул-*. Если же для некоторых грамматических категорий от глагола *и-* не сохранилось соответствующих форм,

то тогда его функции переходят к глаголу *бул-*, который в этом случае приобретает двойное значение: 1) «свое собственное», т. е. «делаться, становиться», 2) дополнительное, т. е. «быть». Поэтому, например, *бульын* означает: «пусть он станет» и «пусть он будет», *бульырһын* — «ты станешь» и «ты будешь» и т. д.

Форма *инем*, как таковая, помимо своего чисто словарного и фразеологического значения (я был), играет весьма важную роль в морфологии башкирского глагола как некий конструктивный элемент: от нее образуется целая серия так называемых сложных прошедших времен; при этом основное содержание этих прошедших времен, как увидим ниже, составляют причастия или деепричастия, а морфологическое оформление производится за счет самого *инем*.

б) Времена, восходящие к деепричастиям

К этому разряду принадлежит Настоящее время и производные от него.

В основе Настоящего времени лежит деепричастие с аффиксами $-\frac{a}{\partial} \parallel -\dot{y}$ (после гласных). Примеры: *ал-а* (беря), *улы-й* (читая). В современном башкирском языке это деепричастие (положительной формы) употребляется обычно в повторном виде, что указывает на длительность или повторяемость действия. Примеры: *һуға-һуға* («колотя-колотя» = долго колотя, часто выколачивая), *саба-саба* [«гоня-гоня» = долго (часто) гоняя] и т. д. Отрицательная форма этого деепричастия может употребляться и без повторения: *ал-ма-й* (не беря), *кил-мә-й* (не приходя). В отрицательной форме, как и в основах на гласный, ставится аффикс *-ым* вм. *-мын* || *-м*.

Образец спряжения Настоящего времени:

Ед. число

1-е л.	<i>ал-а-м</i>	(я беру)	<i>кил-ә-м</i>	(я прихожу)
2-е л.	<i>ал-а-һың</i>	(ты берешь)	<i>кил-ә-һең</i>	(ты приходишь)
3-е л.	<i>ал-а</i>	(он берет)	<i>кил-ә</i>	(он приходит)

Мн. число

1-е л.	<i>ал-а-быз</i>	(мы берем)	<i>кил-ә-без</i>	(мы приходим)
2-е л.	<i>ал-а-һығыз</i>	(вы берете)	<i>кил-ә-һегеҙ</i>	(вы приходите)
3-е л.	<i>ал-а-лар</i>	(они берут)	<i>кил-ә-ләр</i>	(они приходят)

После гласных основ имеем следующее:

<i>улы-й-ым</i>	(я читаю)	<i>эшлә-й-ем</i>	(я работаю)
<i>улы-й-һың</i>		<i>эшлә-й-һең</i>	
<i>улы-й</i>		<i>эшлә-й</i>	

и т. д.

и т. д.

Прежде чем анализировать происхождение формы, остановимся на двух сравнительно мелких фактах. Форма 3-го лица мн. ч. в Настоящем времени,

как и в Прошедшем законченном (см. выше), — позднейшего происхождения; она составлена по образцу множественного числа имен (с аффиксом *-лар*) и структурно как бы стоит вне остальных лиц Настоящего времени. (Выше мы уже заметили, что для некоторых тюркских языков подобного рода 3-е лицо мн. ч. фактически не существует и всегда заменяется 3-м лицом ед. ч.)

Во-вторых, 1-е лицо ед. ч. имеет параллельную форму с аффиксом $\left. \begin{array}{l} \text{мын} \\ \text{мен} \end{array} \right\} - \left. \begin{array}{l} \text{мон} \\ \text{мөн} \end{array} \right\}$, т. е. *бар-а-мын* (я иду) при *бар-а-м*, *ал-а-мын* (я беру) при *ал-а-м*, *кил-э-мен* (я прихожу) при *кил-э-м* и т. д.

После этих замечаний нетрудно установить, что спряжение Настоящего времени изъявительного наклонения представляет собой типичную форму сказуемости от деепричастных образований с аффиксами $\left. \begin{array}{l} a \\ \partial \end{array} \right\} - \text{й}$ и т. д.

Таким образом: *аламын* или *алам* — «беря я (есть)» = я беру, *алаһын* — «беря ты (есть)» = ты берешь, *ала* — «беря» = он берет. Здесь в более архаичной стадии башкирского языка можно предполагать особый аффикс сказуемости 3-го лица, который сохранился в других тюркских языках под формой *-дыр*, а в башкирском звучал: *-дыр* || *-тыр* || *-зыр* || *-ыр*, т. е. было *ала-мыр* — «беря он (есть)» = он берет. В настоящее время аффикс *-дыр* употребляется в башкирском языке с несколько иным значением, см. стр. 130.

Что касается основного содержания формы, то она означает и действие данного момента, совпадающее с моментом речи [*язам* — я пишу (сейчас, когда говорю), англ. I am writing], и действие, не совпадающее с моментом речи. В этом последнем случае форма *язам* указывает не действие, а состояние или склонность субъекта к данному действию, т. е. «я пишу» = я способен || имею привычку писать — англ. I write; кроме того, она же указывает (и это особенно часто в башкирском языке) на такое будущее, осуществление которого говорящий считает несомненным: *мин Әфәз барам* = рус. «я еду в Уфу», хотя говорящий, произнося эти слова, еще никуда не едет, а только предполагает совершить эту поездку. Попутно отметим, что в казахском языке употребление формы типа *барамын* столь часто связывается с будущим временем, что казахские языковеды всё это время называют будущим временем. На самом же деле, как можно предполагать, эта форма по существу является настоящим временем, и функции будущего присваиваются ей как дополнительные.

Особенный интерес представляет производная от Настоящего времени форма, так называемое Прошедшее незаконченное. Эта форма, в башкирских грамматиках систематически пропускаемая, но в жизни всюду употребляемая, с внешней стороны представляет собой комбинацию

из деепричастия на $\left. \begin{array}{l} a \\ \partial \end{array} \right\} - \text{й}$ и спрягаемой формы *инем*, о которой

мы говорили выше. Приведем сначала всю парадигму:

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>ала инем</i>	<i>ала инек</i>
2-е л. <i>ала инец</i>	<i>ала инезез</i>
3-е л. <i>ала ине</i>	<i>ала инелэр</i>
Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>килэ инем</i>	<i>килэ инек</i>
2-е л. <i>килэ инец</i>	<i>килэ инезез</i>
3-е л. <i>килэ ине</i>	<i>килэ инелэр</i>

Наряду с приведенной формой в произношении существует и слитная *алайным, килэйнем* и т. д. В дословном переводе форма означает: «я был: беря», «я был приходя» и т. д. Фактическое значение ее соответствует русскому несовершенному виду. Таким образом, *ала инем* означает: «я брал» (а не: «я взял», как это имеем в форме *алдым*), *килэ инек* означает: «я приходил» (а не: «я пришел», как это имеем в форме *килдем*) и т. д. Тем не менее есть одна черта, которая не позволяет безоговорочно приравнивать башкирское *ала инем* к русскому прошедшему несовершенному типу «я брал». Особенность эта лежит в области стиля, а не грамматики. Башкирское *ала инем* указывает не только на незаконченность действия (я брал), но и на то, что это действие связано с определенным и притом известным моментом, т. е. *ала инем* означает: «я брал тогда», а не «я брал вообще». Это обстоятельство в значительной степени подчиняет возможность употребления формы *ала инем* условиям контекста. Если по-русски в любой фразе можно употребить прошедшее несовершенное, независимо от того, связана ли эта фраза с каким-нибудь контекстом или нет, то по-башкирски дело обстоит несколько иначе. По-русски, например, любой рассказ можно начать такой фразой: «Он стоял у окна и смотрел на улицу». По-башкирски же необходимо, чтобы мы точно определили момент действия или посредством отдельной предшествующей фразы || отдельных предшествующих фраз, или посредством какой-нибудь даты, указания на час дня и т. д., и только после этого можно будет поставить Прошедшее незаконченное. Пример: *утикэн йылда ул Өфөлә уҡый ине* (в прошлом году он учился в Уфе). Иными словами, башкирское Прошедшее незаконченное употребляется для описания и показывает скорее фон действия, выраженного другими глагольными формами, тогда как по-русски прошедшее несовершенное может с одинаковым успехом выражать и фон другого действия, и само действие. Понятно, что в силу своей специфики башкирское Прошедшее незаконченное в разговорной речи употребляется редко и более свойственно литературному языку (точнее: художественной прозе). Это ограниченное употребление башкирского Прошедшего незаконченного препятствовало башкирским лингвистам отождествить его с русским прошедшим несовершенным в ту пору, когда на очередь стал вопрос о выражении глагольных видов в башкирском языке: правда, некоторые из этих лингвистов настаивали, что функции обоих прошедших времен (башкирского и русского) совпадают буквально, тем не менее большинство

оставалось при другом мнении.¹ Истина лежит, очевидно, посередине: принципиально башкирское Прошедшее незаконченное имеет ту же функцию, что и русское прошедшее несовершенное, но сферы их употребления количественно различны.

в) Времена, восходящие к причастиям

Будущее 1-е. В основе этого времени лежит причастное образование с аффиксом $\begin{matrix} \text{ыр} \\ \text{ер} \end{matrix} \parallel \begin{matrix} \text{ор} \\ \text{өр} \end{matrix}$. Примеры: *ал-ыр*, *кил-ер*. В современном

языке это причастие употребляется сравнительно редко. По содержанию оно относится к будущему времени, которое, однако, мыслится скорее не как реальное, а как потенциальное. Поэтому, например, *ал-ыр* означает не столько: «тот, который возьмет (будет брать)», сколько: «способный взять (брать)», *кил-ер* скорее значит: «способный прийти», чем: «тот, который придет (будет приходить)», *тот-ор* скорее значит: «тот, который способен схватить (хватать)», чем: «тот, который схватит (будет хватать)», *көт-өр* скорее означает: «тот, который способен ждать», чем: «тот, который подождет (будет ждать)», и т. д. Наблюдавшееся в старом башкирском (как и в других тюркских языках) формальное неразличение действительного и страдательного залогов в причастиях способствует тому, что в определенном контексте причастие будущего времени осознается как выражение не только потенциального, но и притом безличного действия. Если *килер йыл* означает: «год, который наступит, будущий год», то *барыр юл* означает: «дорога, по которой нужно будет пойти», или «дорога, по которой пойдут», а не «дорога, которая пойдет». *Языр китап* означает, конечно: «книга, которую можно будет написать», или «книга, которую напишут», а не: «книга, которая напишет» и т. д.

После основ на гласный причастие будущего времени принимает в виде аффикса только одно *р*: *башла-р дәрәс* — «урок, который начнется (начнут)», а, разумеется, не «урок, который начнет».

В татарском языке вм. $\begin{matrix} \text{ыр} \\ \text{ер} \end{matrix} \parallel \begin{matrix} \text{ор} \\ \text{өр} \end{matrix}$ как норма употребляется $\begin{matrix} \text{ар} \\ \text{әр} \end{matrix}$.²

Отрицательная форма этого причастия оканчивается в башкирском языке на $\begin{matrix} \text{мас} \\ \text{мәс} \end{matrix}$: *ал-мас* — «тот, который не возьмет (не будет брать)»,

и «тот, который-ого нельзя будет брать (взять)», *бир-мәс* — «тот, который не даст (не будет давать)», и «тот, который-ого нельзя будет дать (давать)», *башла-мас* — «тот, который не начнет (не будет начинать)», и «тот,

которого нельзя будет начать (начинать)». Происхождение этого $\begin{matrix} \text{мас} \\ \text{мәс} \end{matrix}$

¹ Теперь правильное решение вопроса дано у А. И. Харисова в его работе «Категория глагольных видов в башкирском языке», Уфа, 1944, стр. 78—79.

² Ср. З а л я й, *op. cit.* 46.

следующее. В нем различается $-\frac{ма}{мэ}$ как аффикс отрицания и -с, восходящее, как это можно видеть по другим тюркским языкам, к с; оно, в свою очередь, как показывают древнейшие памятники тюркских языков, восходит к -з (*ал-маз, бер-мез*), а з появилось тут как результат обычного в тюркских языках чередования *р || з* вместо закономерного -р (аффикса причастия будущего времени, который прибавляется после гласных основ — см. выше). Таким образом, *ал-мас* < *ал-мас* < *ал-маз* < *ал-мар, а *кил-мэс* < *кил-мэс* < *кел-мез* < *кел-мер.

Что касается современного башкирского языка, то в нем причастие будущего времени (как в положительной, так и в отрицательной форме) употребляется редко. Иное дело — употребление этого причастия (в положительной или отрицательной форме) в составе Будущего 1-го: это образование допустимо от любого глагола.

По существу Будущее 1-е представляет собой не что иное как форму сказуемости от причастия будущего времени: таким образом, вместо: «я возьму || я буду брать» и т. д. башкиры говорят: «я есмь тот, который возьмет || будет брать || способен взять || брать» и т. д.

Приводим схему спряжения Будущего 1-го в положительной форме:

Ед. число

1-е л.	<i>ал-ыр-мын</i>	(я возьму я буду брать)
	<i>кил-эр-мен</i>	(я приду я буду приходить)
	<i>тот-ор-мон</i>	(я схвачу я буду хватать)
	<i>көт-өр-мөн</i>	(я подожду я буду ждать)
2-е л.	<i>ал-ыр-һың</i>	<i>тот-ор-һоң</i>
	<i>кил-ер-һең</i>	<i>көт-өр-һең</i>
3-е л.	<i>ал-ыр</i>	<i>тот-ор</i>
	<i>кил-ер</i>	<i>көт-өр</i>

Мн. число

1-е л.	<i>ал-ыр-быз</i>	<i>тот-ор-боз</i>
	<i>кил-ер-без</i>	<i>көт-өр-бөз</i>
2-е л.	<i>ал-ыр-һығыз</i>	<i>тот-ор-һоғоз</i>
	<i>кил-ер-һеғез</i>	<i>көт-өр-һеғөз</i>
3-е л.	<i>ал-ыр-ҙар</i>	<i>тот-ор-ҙар</i>
	<i>кил-ер-ҙәр</i>	<i>көт-өр-ҙәр</i>

Схема спряжения Будущего 1-го в отрицательной форме (даются два примера, так как после аффикса отрицания действие губной гармонии прекращается и, таким образом, четыре варианта аффиксов лица сводятся к двум вариантам):

Ед. число

1-е л.	<i>ал-ма-м</i>	(я не возьму не буду брать)
	<i>кил-мэ-м</i>	(я не приду не буду приходить)
2-е л.	<i>ал-мас-һын</i>	<i>кил-мэс-һең</i>
3-е л.	<i>ал-мас</i>	<i>кил-мэс</i>

Мн. число

1-е л.	<i>ал-ма-быз</i>	<i>кил-мэ-бөз</i>
2-е л.	<i>ал-мас-һығыз</i>	<i>кил-мэс-һегеҙ</i>
3-е л.	<i>ал-мас-тар</i>	<i>кил-мэс-тәр</i>

К числу особенностей спряжения отрицательной формы нужно отнести формы 1-го лица обоих чисел: *ал-ма-м* и *ал-ма-быз* вместо ожидаемых (и закономерных) *ал-мас-мын* и *ал-мас-быз*. Форма *ал-ма-м*, принятая литературным языком из так называемого южного типа тюркского спряжения, исключала аффикс *-мас*, хотя бы потому, что усвоенная в 1-м лице сокращенная форма аффикса сказуемости 1-го лица (см. выше, в отделе Настоящего времени) могла присоединяться только к гласному, а не к согласному (*ал-мас-м!*). Форма множественного числа *ал-ма-быз* своим происхождением обязана диссимилации и возникла, очевидно, в тот период, когда вместо *-мас* имела еще стадия *-маз* > башк. *маз*, т. е. *ал-маз-быз* > *ал-ма-быз*.

Значение разбираемой формы Будущего 1-го никаких специфических особенностей не представляет; сравнивая башкирскую форму с русской, необходимо иметь в виду, что башкирское Будущее 1-е, как и все формы башкирского глагола, не различает видов русского глагола. Поэтому, например, *ал-ыр-мын* переводится двойко (в зависимости от контекста): 1) я возьму и 2) я буду брать.

Кроме обычного своего употребления в простом предложении, форма Будущего 1-го часто ставится в аподосисе условного периода или же означает настоящее время, не связанное с данным моментом и потенциально происходящее при соответственных условиях (ср. англ. I write = *язырмын* в противоположность I am writing = *язам*). Пример: *тун кеймәгән тун кейһә, кага-кага бөтөрөр* — если тот, кто не надевал шубы, наденет шубу, он издерет ее, то и дело выколачивая (пословица).

Подобно тому, как от Настоящего времени образуется Прошедшее незаконченное, так и от Будущего 1-го образуется свое Прошедшее незаконченное.

Для отличия от разобранных нами выше Прошедшего незаконченного *ала инем* (по существу Прошедшее незаконченное 1-е) форму, о которой сейчас пойдет речь, можно назвать: Прошедшее незаконченное 2-е. Формально Прошедшее незаконченное 2-е состоит из основы Будущего 1-го (т. е. из причастия будущего времени) и слова *инем*, спрягаемого по всем лицам. Приведем сначала полную схему спряжения этого времени:

Ед. число

1-е л.	<i>алыр инем</i>	<i>тотор инем</i>
	<i>килер инем</i>	<i>көтөр инем</i>
2-е л.	<i>алыр инен</i>	<i>тотор инен</i>
	<i>килер инен</i>	<i>көтөр инен</i>
3-е л.	<i>алыр ине</i>	<i>тотор ине</i>
	<i>килер ине</i>	<i>көтөр ине</i>

Мн. число

1-е л.	<i>алыр инек</i>	<i>тотор инек</i>
	<i>килер инек</i>	<i>көтөр инек</i>
2-е л.	<i>алыр инегез</i>	<i>тотор инегез</i>
	<i>килер инегез</i>	<i>көтөр инегез</i>
3-е л.	<i>алыр инеләр</i>	<i>тотор инеләр</i>
	<i>килер инеләр</i>	<i>көтөр инеләр</i>

То же спряжение в отрицательной форме:

Ед. число

1-е л.	<i>алмас инем</i>	<i>килмәс инем</i>
2-е л.	<i>алмас инен</i>	<i>килмәс инен</i>
3-е л.	<i>алмас ине</i>	<i>килмәс ине</i>

Мн. число

1-е л.	<i>алмас инек</i>	<i>килмәс инек</i>
2-е л.	<i>алмас инегез</i>	<i>килмәс инегез</i>
3-е л.	<i>алмас инеләр</i>	<i>килмәс инеләр</i>

По своему значению форма соответствует русскому условному (или, по старой терминологии, сослагательному) наклонению: «я взял бы (брал бы), я не взял бы (не брал бы)» и т. д. Такое значение выступает из морфологического состава формы: «я был (*инем*) таким, который возьмет (способен взять) [*алыр*] = я взял бы || брал бы. Таким образом, эта форма выражает не факт, реально случившийся в прошлом, а предположение о факте, который мог бы случиться, но фактически, очевидно, так и не произошел. По своему употреблению Прошедшее незаконченное 2-е входит в состав условного периода: оно ставится в аподосисе, если в протасисе поставлено прошедшее время условного наклонения. Это так называемый ирреальный случай условного периода: *вакытым булһа ине, килер инем* (если бы у меня было время, я бы пришел). Иногда Прошедшее незаконченное 2-е употребляется и в главном предложении, например: *кайтыр инем* (вернулся бы я; я, пожалуй вернулся бы), *барыр инем* (я, пожалуй, пошел бы; пошел бы я).

В учебниках, изданных в Башкирии, Прошедшее незаконченное 2-е, по общему правилу, отсутствует.

Таким образом, в системе времен, восходящих к причастию, так же как и в системе времен, восходящих к деепричастию, мы наблюдаем определенную закономерность: основная форма в соединении со словом *инем* образует сложное прошедшее время, причем значение этого прошедшего времени определяется содержанием той формы, к которой прибавляется слово *инем*. Но если в отделе времен деепричастного происхождения мы могли наметить только одну такую соотносительную пару, то в отделе времен причастного происхождения мы имеем три таких пары: одну из них мы уже разобрали, а две стоят на очереди.

Вторая пара из этих соотносительных времен причастного происхождения строится на причастии будущего времени с аффиксом $\frac{-асак}{эсак}$: *ал-асак* (тот, который возьмет || будет брать), *кил-эсак* (тот, который придет || будет приходить). В отличие от причастия будущего времени с аффиксом $\frac{-ыр}{ер}$ || $\frac{-ор}{ор}$ (*ал-ыр* — способный взять, тот || который возьмет и т. д.), разбираемое причастие отличается большей категоричностью, большей уверенностью в том, что действие произойдет. Поэтому форму *ал-асак*, строго говоря, следовало бы переводить: «тот, который обязательно || наверняка возьмет (будет брать)».

Если данное причастие будущего времени поставить в форме сказуемости, то мы получим специальное время изъявительного наклонения, так называемое Будущее 2-е. По значению Будущее 2-е относится к Будущему 1-му так же, как причастие типа *ал-асак* относится к причастию типа *ал-ыр*. Другими словами: Будущее 2-е указывает на такое действие, в совершении которого говорящий твердо уверен (я обязательно возьму, он непременно придет и т. д.). А так как чаще всего «ручаться» можно только за такое действие, которое должно произойти в ближайшем будущем, в не в отдаленном, то некоторые считают, что Будущее 2-е, в противоположность Будущему 1-му, относится именно к ближайшему будущему, которое отделено от момента речи довольно незначительным промежутком времени.

Приведем схему спряжения Будущего 2-го:

Ед. число

1-е л.	<i>ал-асак-мын</i>	(я возьму буду брать — непременно)
	<i>кил-эсак-мен</i>	(я приду буду приходить — непременно)
2-е л.	<i>ал-асак-һын</i>	<i>кил-эсак-һең</i>
3-е л.	<i>ал-асак</i>	<i>кил-эсак</i>

Мн. число

1-е л.	<i>ал-асак-быз</i>	<i>кил-эсак-без</i>
2-е л.	<i>ал-асак-һығыз</i>	<i>кил-эсак-һегез</i>
3-е л.	<i>ал-асак-тар</i>	<i>кил-эсак-тәр</i>

То же в отрицательной форме:

Ед. число

1-е л.	<i>ал-ма-ясак-мын</i>	(я не возьму не буду брать — ни за что)
	<i>кыл-мә-й-әсәк-мен</i>	(я не приду не буду приходить — ни за что)
2-е л.	<i>ал-ма-ясак-һың</i>	<i>кыл-мә-й-әсәк-һең</i>
3-е л.	<i>ал-ма-ясак</i>	<i>кыл-мә-й-әсәк</i>

Мн. число

1-е л.	<i>ал-ма-ясак-быз</i>	<i>кыл-мә-й-әсәк-без</i>
2-е л.	<i>ал-ма-ясак-һығыз</i>	<i>кыл-мә-й-әсәк-һеҗез</i>
3-е л.	<i>ал-ма-ясак-тар</i>	<i>кыл-мә-й-әсәк-тәр</i>

Поскольку причастие, лежащее в основе Будущего 2-го, оканчивается на согласный (*k* || *к*), в качестве аффикса сказуемости 1-го лица оно может принимать только $\frac{\text{мын}}{\text{мен}}$ || $\frac{\text{мон}}{\text{мон}}$, а не *-м* (см. выше ту же деталь в отношении Будущего 1-го).

В 3-м лице единственного числа Будущего 2-го мы имеем ту же форму, что и в причастии *аласак* = 1) имеющий взять и 2) он возьмет. Значение этой формы определяется контекстом: *язасак укыусы* — ученик, который напишет (определение *язасак* стоит перед определяемым *укыусы*), *укыусы язасак* — ученик напишет (сказуемое *язасак* стоит после своего подлежащего *укыусы*). Таким образом, обычный для башкирского языка¹ порядок слов (определение ставится перед определяемым, подлежащее — перед сказуемым) позволяет дифференцировать двойное значение формы *язасак*. Все только что сказанное приложимо и к Будущему 1-му: *барыр юл* — дорога, которая пойдет (*барыр* — определение, *юл* — определяемое), *юл барыр* — дорога пойдет (*юл* — подлежащее, *барыр* — сказуемое). Нечто подобное мы встретим и ниже при анализе башкирского Перфекта. Тем не менее и без этого анализа достаточно ясно, что разобранный факт тесным образом связан с именным характером башкирского спряжения.

В отрицательной форме Будущего 2-го (*алмајасакмын*, *кылмәйәсәкмен*) согласный *й* возникает фонетическим путем и данные формы заменяют собой ожидаемые *ал-ма-асак-мын и *кыл-мә-әсәк-мен. Подобный же фонетический факт наблюдается также при образовании будущего 2-го от гласных основ: *башла-јасак* (он начнет) вм. ожидаемого *башла-асак*.

Наконец, необходимо сделать еще одно замечание касательно формы Будущего 2-го. В диалектах наряду с отрицательной формой типа *алмајасак* (он не возьмет || не будет брать) можно встретить аналитическую форму

¹ Об особых случаях порядка слов в башкирском предложении мы здесь не распространяемся.

типа *аласаҡ тугел*, дословно: «он не есть (*тугел*) такой, который возьмет (*аласаҡ*)». Эта подробность указывает лишний раз на именной характер башкирского спряжения (ср. сказанное на стр. 138 по поводу слова *тугел*) и, в частности, на то, что морфологические элементы, входящие в состав Будущего 2-го, еще слабо «сцементировались» и потому вся форма в отдельных случаях может быть заменена типичной именной конструкцией.

Соотносительным временем к Будущему 2-му является так называемое Будущее-прошедшее. Формально это время составляется из причастия на *-асаҡ* и слова *инем*. В смысловом отношении Будущее-прошедшее представляет собой комбинаторное время, дающее синтез двух понятий: а) возможности сделать что-либо в будущем и б) отнесения этой возможности в плоскость прошедшего. Если снять с этого башкирского Будущего-прошедшего нечто вроде кальки на материале русского языка, то мы получим примерно: а) «тот, который возьмет», б) «я был».

В синтезе получается действие, которое фактически так и не произошло, т. е. с точки зрения настоящего не может быть отнесено к реальным фактам. В самом деле: если я теперь (в момент речи) заявлю, что в прошлом я был «таким, который возьмет» (в будущем по отношению к этому прошлому), то отсюда неизбежно следует, что к настоящему моменту (моменту речи) я «так-таки ничего и не взял», иначе я не стал бы ставить вопрос именно таким способом. Подобные глагольные образования встречаются в разных языках, ср. хотя бы лат. *capturus eram*; вопрос сводится только к тому, выражены ли они морфологическими средствами (как в башкирском языке) или же синтаксическими. Синтаксический эквивалент мы находим в русском языке, на который башкирское Будущее-прошедшее переводится так: «я взял было» или «я собирался || намеревался || должен был взять». Как видно отсюда, русские эквиваленты башкирского Будущего-прошедшего формально не связаны с элементами будущего времени, и в этом отношении лат. *capturus eram* структурно подходит гораздо ближе к разбираемой башкирской форме. Остается добавить, что в изданных башкирских грамматиках Будущее-прошедшее время (существующее, кстати сказать, в целом ряде других тюркских языков) не упоминается вовсе; поэтому мы лишены возможности судить о том, каким термином обозначают это время башкирские авторы и какое содержание они в этот термин вкладывают. Русское обозначение (Будущее-прошедшее) указывает на морфологические элементы формы в их структурной последовательности: сначала причастие будущего времени, затем прошедшее время.

Схема спряжения Будущего-прошедшего:

Б.д. число

1-е л.	<i>аласаҡ инем</i>	(я взял было; намеревался взять брать; должен был взять брать)
	<i>киләсәк инем</i>	(я пришел было; намеревался прийти приходиться; должен был прийти приходиться)

2-е л.	<i>аласақ инең</i>	<i>килэсэж инең</i>
3-е л.	<i>аласақ ине</i>	<i>килэсэж ине</i>

Мн. число

1-е л.	<i>аласақ инек</i>	<i>килэсэж инек</i>
2-е л.	<i>аласақ инегез</i>	<i>килэсэж инегез</i>
3-е л.	<i>аласақ инелэр</i>	<i>килэсэж инелэр</i>

Спряжение отрицательной формы:

Ед. число

1-е л.	<i>ал-ма-ясақ инем</i>	<i>кил-мэ-й-эсэж инем</i>
2-е л.	<i>ал-ма-ясақ инең</i>	<i>кил-мэ-й-эсэж инең</i>
3-е л.	<i>ал-ма-ясақ ине</i>	<i>кил-мэ-й-эсэж ине</i>

Мн. число

1-е л.	<i>ал-ма-ясақ инек</i>	<i>кил-мэ-й-эсэж инек</i>
2-е л.	<i>ал-ма-ясақ инегез</i>	<i>кил-мэ-й-эсэж инегез</i>
3-е л.	<i>ал-ма-ясақ инелэр</i>	<i>кил-мэ-й-эсэж инелэр</i>

В устной речи и в диалектах параллельно приведенной отрицательной форме нередко можно встретить и аналитическую форму типа *аласақ түгел инем* (значение то же, что и у формы *алмаясақ инем*), *килэсэж түгел инем* (значение то же, что и у формы *килмэйэсэж инем*) и т. д.

Последняя пара соотносительных времен причастного происхождения связана с причастием прошедшего времени. Морфологическим показателем этого причастия является аффикс $-\frac{ған}{ған}$ (после гласных и звонких соглас-

ных) - $\left\| \begin{array}{l} кан \\ кэн \end{array} \right.$ (после глухих согласных). Примеры: *ал-ған* — взявший || бравший = тот, который взял || *брал*, *кил-ған* — пришедший || приходивший = тот, который пришел || *приходил*, *кас-қан* — убежавший || бежавший = тот, который убежал || *бежал*, *эс-кэн* — выпивший || пивший = тот, который выпил || *пил*.

В отрицательной форме после аффикса $-\frac{ма}{мэ}$ вместо четырех вариантов аффикса причастия, естественно, получается два варианта: *ал-ма-ған* (не взявший || не бравший), *кил-мэ-ған* (не пришедший || не приходивший), *кас-ма-ған* (не убежавший || не бежавший), *эс-мэ-ған* (не выпивший || не пивший).

По своему смысловому содержанию форма с аффиксом $-ған$ и т. д. весьма многогранна: это не только причастие прошедшего времени, о котором мы только что говорили, но и отглагольное имя, указывающее: а) процесс, б) результат действия. В качестве отглагольного имени эта форма обыкновенно осложняется еще аффиксами принадлежности: *алған-ым* —

«мое взятие» = а) тот факт (то обстоятельство), что я взял || брал, или б) то, что я брал || взял, т. е. предмет, взятый мною; *кылэн-ен* — «твое прихождение» = а) тот факт (то обстоятельство), что ты пришел || приходил (значение предмета действия — пункт б — здесь отсутствует, так как *кылеу* — «приходить» — глагол непереходный).

Более подробно мы останавливаться на богатом содержании формы типа *ал-ған* здесь не предполагаем, так как, во-первых, это служит темой специальной главы (см. стр. 259 сл.), а, во-вторых, для потребностей нашей темы (система башкирского спряжения) пока достаточно разобрать форму *ал-ған* только со стороны ее функции как причастия.

Сама же возможность для одного и того же образования выступать и как существительное (отглагольное имя), и как прилагательное (причастие) связана с тем, что в башкирском языке (как и во всех тюркских) категория существительных и прилагательных с формальной стороны дифференцирована очень слабо.

Причастие прошедшего времени, поставленное в форме сказуемости, образует особое прошедшее время изъявительного наклонения — так называемое Прошедшее-настоящее, или Перфект. Прежде чем остановиться на содержании этой формы, что является довольно сложным и до последнего времени все еще спорным вопросом, приведем сначала парадигму спряжения Перфекта.

Ед. число

1-е л.	<i>алған-мын</i>	(я уже взял)
	<i>кылэн-мен</i>	(я уже пришел)
2-е л.	<i>алған-һың</i>	<i>кылэн-һең</i>
3-е л.	<i>алған</i>	<i>кылэн</i>

Мн. число

1-е л.	<i>алған-быз</i>	<i>кылэн-биз</i>
2-е л.	<i>алған-һығыз</i>	<i>кылэн-һеҗез</i>
3-е л.	<i>алған-дар</i>	<i>кылэн-дәр</i>

То же в отрицательной форме:

Ед. число

1-е л.	<i>ал-ма-ған-мын</i>	(я еще не брал)
	<i>кыл-мә-гән-мен</i>	(я еще не приходил пришел)
2-е л.	<i>ал-ма-ған-һың</i>	<i>кыл-мә-гән-һең</i>
3-е л.	<i>ал-ма-ған</i>	<i>кыл-мә-гән</i>

В живой речи есть также формы *алмағаным* и *кылмәгәнәм*.

Мн. число

1-е л.	<i>ал-ма-ган-быз</i>	<i>кил-мә-гән-без</i>
2-е л.	<i>ал-ма-ган-һығыз</i>	<i>кил-мә-гән-һеһез</i>
3-е л.	<i>ал-ма-ган-дар</i>	<i>кил-мә-гән-дәр</i>

Примечание. Как видно из схемы, форма *алған* и *килгән* в смысле 3-го лица Перфекта совпадает с *алған* и *килгән* в значении причастия и расшифровывается только в контексте, о чем мы уже упоминали в том разделе, который посвящен Будущему 2-му. Примеры: *алған кеше* — взявший человек (здесь определение *алған* стоит, по общему синтаксическому правилу, перед своим определяемым *кеше*) и *кеше алған* — человек взял (здесь сказуемое *алған* стоит после своего подлежащего *кеше*). Значение формы Перфекта определяется очень ярко, если сравнить его с Прошедшим законченным (см. выше). Обычное объяснение, которое встречается чаще всего и которое своими корнями уходит в дореволюционные татарские грамматики, сводится к следующему. Между формами *ул алды* (он взял) и *ул алған* (он взял) разница та, что первое (*ул алды*) произошло перед глазами говорящего, который, таким образом, является свидетелем факта, а второе (*ул алған*) относится к факту, свидетелем которого говорящий не был. Отсюда и приспособленный к такому толкованию русский перевод формы *ул алған*: «говорят, он взял (брал)». Вот в сущности и все, что можно получить по этому поводу от авторов башкирских грамматик.

Возникает вопрос: как же быть с формами 1-го лица *алғанмын* и *алғанбыз*? Неужели и их надо понимать так, что я что-то взял, но сам этого факта не заметил и узнал о нем от других или мы что-то брали, а сами об этом факте не знали и информировались от других? Очевидно, здесь дело не в этом, а в чем-то другом. Некоторые башкирские языковеды, чтобы спасти положение, пытались (правда, в устной форме) предложить такое разъяснение. Предположим, я упал в обморок, и, не помня себя, непроизвольно что-то взял в руки; когда же я пришел в себя и обнаружил у себя в руках взятую вещь, то я этим сам получил право сказать: *алғанмын*, поскольку самый акт взятия происходил «без моего ведома». Искусственность такого объяснения очевидна. Даже если принять такое объяснение, и то покажется странным, для чего в языке существует глагольная форма, применение которой допускается исключительно редко (для передачи действий, производимых в состоянии обморока).

Обратимся к морфологическому анализу формы *алғанмын*. Здесь мы имеем причастие прошедшего времени *алған* и аффикс сказуемости (настоящего времени) *-мын*. Таким образом, со стороны структурной здесь налицо комбинация элементов прошедшего времени с элементами настоящего времени. Это и выражается термином Прошедшее-настоящее. Разбираемая форма представляется, таким образом, как особое комбинаторное время, лежащее на стыке двух временных плоскостей (прошедшей и настоящей). Аналитический перевод формы *алғанмын* имеет примерно такой вид: «я есмь (*-мын*) тот, который взял (брал)». Исходя из настоящего момента,

я констатирую, что я в прошлом что-то брал (взял) и в настоящее время выступаю именно как взявший. Что же обозначает форма в синтезе? Поскольку о своем прошлом акте «взятия» я говорю в аспекте настоящего (в отличие от простого *алдым*, где о прошлом факте и трактуется в аспекте прошлого), очевидно, что основным для меня является здесь именно настоящий момент, с точки зрения которого я и трактую свой прошлый поступок.

Трактовать же о прошлом в аспекте настоящего можно только по линии причинной связи прошлого с настоящим. Иными словами: определенный факт, совершенный в прошлом, трактуется в настоящем с точки зрения того следствия (или результата этого факта), которое ощущается или не ощущается в настоящем. Когда башкиры говорят *ул җилән* (он умер), то главное внимание обращено здесь не на самый факт его умирания (в прошлом), а на следствие этого факта (в настоящем). Для нас теперь существенно не то, что он умирал или умер, а то, что сейчас его уже нет. Подобным же образом *ул килән* (он пришел) означает не то, как он приходил или пришел, а то, что в данный момент он находится здесь.

Для того чтобы яснее выразить эту проекцию какого-либо прошедшего факта в настоящем, по-русски в переводе можно пользоваться вспомогательным словом «уже»: *алғанмын* — я уже взял (тогда как *алдым* — я взял), *киләнһең* — ты уже пришел (тогда как *килһең* — ты пришел) и т. д. Отрицательные формы *алмағанмын*, *килмәһең* и т. д. по-русски следовало бы переводить: «я уже не взял (не брал), ты уже не пришел (не приходил)» и т. д. Ситуация здесь предполагается такой. Я что-то где-то брал; потом произошел факт, помешавший мне брать, и с тех пор «я уже не брал». До определенного момента «ты приходил», но произошел какой-то факт, нарушивший это положение, и с этого момента «ты уже не приходил». Таким образом, в результате какого-то (неизвестного нам) факта положительного значения утвердилось следствие отрицательного содержания: «я уже не брал», «ты уже не приходил». Такое соотношение в русской речи встречается, но не слишком часто. Для русского языкового мышления более характерно, когда из какого-нибудь факта отрицательного содержания следует вывод положительного содержания. В этом случае вместо вспомогательного слова «уже» по-русски ставится вспомогательное слово «еще» (по-башкирски остаются все те же формы *алмағанмын*, *килмәһең* и т. д.). Таким образом, получается: *алмағанмын* — я еще не брал (= мне теперь надо брать), *килмәһең* — ты еще не приходил (= тебе теперь надо прийти) и т. д. Двойное значение форм *алмағанмын*, *килмәһең* и т. д. (1) я уже не взял, ты уже не пришел (2) я еще не брал, ты еще не приходил) определяется контекстом; тем не менее практика показывает, что в русском переводе по требованию русского стиля здесь чаще употребляется вторая схема («еще не»).

Если посмотреть на другие языки мира, то подобного рода время (переходное от прошедшего к настоящему) встречается во многих из них. Это будет латинский *perfectum*, конкретнее *perfectum logicum*, армянское и персидское Прошедшее-настоящее (как оно называется в грамматиках,

написанных по-русски) и т. д. С этой точки зрения мы предлагаем и башкирское *алғанмын* обозначать по-русски как Прошедшее-настоящее или Перфект.

В башкирской разговорной речи и литературе мы постоянно встречаемся с употреблением этого Перфекта, притом именно в том значении, о котором говорилось выше. Попытка же объяснить это время традиционным способом, как своего рода «заглавное действие», наталкивается на существенные препятствия. Например: *был йорт бик якшы һалынған* (этот дом очень хорошо построен). Перфект *һалынған* указывает не на самый факт стройки (строился), а на его результат (построен и в таком виде остается поныне). Русское причастие прошедшего времени страдательного залога (построен) прекрасно передает этот оттенок; здесь даже не требуется вспомогательное слово «уже». Были ли мы свидетелями самого процесса стройки или нет — это в козачьем счете и не важно: важно лишь то, что центр тяжести перенесен с самого факта на его результат. Денежные расписки (уплачено и т. д.) по-башкирски всегда выражаются Перфектом *туланған*; было бы странно понимать это так, что кто-то уплатил, а мы не были свидетелями этого... и выдаем расписку, на которой значится «получено» (*алынған*). «Формы Перфекта часто употребляют докладчики в таких, например, выражениях, как: «за последний месяц трудовая дисциплина у нас повысилась». Предполагать, что докладчик говорит здесь с чужих слов («говорят, повысилась, а сам-то я свидетелем не был»), более чем странно: речь идет именно о результате «повышения», а не о чем-либо другом. Возьмем еще одну фразу: «вести частные разговоры по служебному телефону запрещено». Мы не присутствовали при самом акте запрещения, который происходил, очевидно, в прошлом, но не это существенно: существен результат этого запрещения, который ясен для всех и с которым все должны считаться. Ср. еще примеры: *козок короған* (колодец пересох), *юлда алмань эзерэж өшөткәнбез* (дорогой мы немного подморозили яблоки), *һалкынға ыҡтар ҡыҙарған* (на морозе щеки покраснелись), *кошһа оҙак ятқанмын да аркамды бешертәнмен* (я перележал на солнце и обжег себе спину), *һурһа бешен етмәһән әле* (суп еще не сварился), *мин яңы эшкә әле күнелеп етмәһәнмен* (я еще не успел оглядеться на новой работе), *былар бәтәһе лә тик фараз итсүгә ыңғезләнгән* (все это основано только на догадке).

Соотносительным временем к Перфекту является Давнопрошедшее [лат. термин Плюсквамперфект, т. е. «более, чем (простое) прошедшее»]. С морфологической стороны Давнопрошедшее слагается из двух прошедших элементов: прошедшего причастия (*алған*) и слова *инем*. В дословном переводе получается: «я был (*инем*) таким, который взял (*а/-ған*)». При синтетическом переводе этого, так сказать, «прошедшего в квадрате» по-русски употребляются дополнительные слова: «прежде, раньше, заранее, когда-то» и т. д. Таким образом, *алған инем* по-русски означает: «я еще раньше брал (взял), я заранее (предварительно) взял» и т. д. Давнопрошедшее время употребляется лишь в таком контексте, который предполагает другое прошедшее, более близкое к моменту речи: «когда я пришел (простое про-

шедшее), все уже было кончено» (давнепрошедшее). Таким образом, Давнопрошедшее время по-башкирски, как и в целом ряде других языков различных групп, является как бы декорацией, на фоне которой происходит другое действие. Иначе говоря, динамика рассказа выражается особым прошедшим временем, чаще всего Прошедшим законченным, а Давнопрошедшее указывает лишь на явления статического порядка, уже перешедшие из действия в состояние. Поскольку «действенность» Давнопрошедшего относится к очень далеким временам, при переводе его на русский язык совершенно безразлично, каким видом русского глагола его передавать: совершенным или несовершенным. Таким образом, *алған инем* может одинаково обозначать: 1) я когда-то брал и 2) я когда-то взял. Стоит отметить, что в издававшихся до сего времени башкирских грамматиках форма *алған инем* не упоминается. Пример: *без кайтканда коши байыған ине* (когда мы возвратились, солнце уже зашло).

Приведем схему спряжения Давнопрошедшего времени:

Ед. число

1-е л.	<i>алған инем</i>	(я еще раньше брал взял)
	<i>килән инем</i>	(я еще раньше приходил)
2-е л.	<i>алған инең</i>	<i>килән инең</i>
3-е л.	<i>алған ине</i>	<i>килән ине</i>

Мн. число

1-е л.	<i>алған инек</i>	<i>килән инек</i>
2-е л.	<i>алған инегез</i>	<i>килән инегез</i>
3-е л.	<i>алған инеләр</i>	<i>килән инеләр</i>

В современном языке (разговорном и литературном) употребляется слитная форма, т. е. *алгайным, киләйнем, алгайның, киләйнең, алгайны, киләйне* и т. д.

То же в отрицательной форме:

Ед. число

1-е л.	<i>ал-ма-ған инем</i>	(я еще раньше не брал)
	<i>кил-мә-гән инем</i>	(я еще прежде не приходил)
2-е л.	<i>ал-ма-ған инең</i>	<i>кил-мә-гән инең</i>
3-е л.	<i>ал-ма-ған ине</i>	<i>кил-мә-гән ине</i>

Иначе: *алмагайным, килмәгәйнем* и т. д.

Мн. число

1-е л.	<i>ал-ма-ған инек</i>	<i>кил-мә-гән инек</i>
2-е л.	<i>ал-ма-ған инегез</i>	<i>кил-мә-гән инегез</i>
3-е л.	<i>ал-ма-ған инеләр</i>	<i>кил-мә-гән инеләр</i>

Иначе: *алмагайнык, килмәгәйнек* и т. д.

Рассмотрев все времена башкирского изъявительного наклонения, дадим схему их образования.

А. Морфологическая схема

<p>Настоящее время</p> <p>[1] <i>ал-а-м(ын)</i></p> <p>⋮</p> <p>[2] <i>ала инем</i></p> <p>Прошедшее законченное</p> <p>[5] <i>ал-д-ым</i></p> <p>Будущее 2-е</p> <p>[6] <i>ал-асақ-мын</i></p> <p>⋮</p> <p>[7] <i>аласақ инем</i></p>	<p>Прошедшее незаконч. 1-е</p> <p>⋮</p> <p>Прошедшее незаконч. 2-е</p> <p>[4] <i>алыр инем</i></p> <p>Прошедшее-настоящее</p> <p>[8] <i>алған-мын</i></p> <p>⋮</p> <p>[9] <i>алған инем</i></p>	<p>Будущее 1-е</p> <p>[3] <i>ал-ыр-мын</i></p> <p>Прошедшее-настоящее</p> <p>[8] <i>алған-мын</i></p> <p>⋮</p> <p>[9] <i>алған инем</i></p>
--	---	---

Б. Семантические схемы

1. Времена, показывающие действие (динамику):
  - 1) Настоящее время: *алам(ын)*
  - 5) Прошедшее законченное: *алдым*
  - 6) Будущее 2-е: *аласақмын*
2. Времена, показывающие статику (описательные):
  - 2) Прошедшее незаконченное 1-е: *ала инем*
  - 4) Прошедшее незаконченное 2-е: *алыр инем*
  - 3) Будущее 1-е: *алырмын*
  - 7) Будущее-прошедшее: *аласақ инем*
  - 8) Прошедшее-настоящее: *алғанмын*
  - 9) Давнопрошедшее: *алған инем*
3. Времена, лежащие на грани двух временных плоскостей (комбинаторные):
  - 2) Прошедшее незаконченное 1-е: *ала инем*
  - 4) Прошедшее незаконченное 2-е: *алыр инем*
  - 7) Будущее-прошедшее: *аласақ инем*
  - 8) Прошедшее-настоящее: *алғанмын*
4. Времена, выражающие понятие глагольного вида (прошедшие)
  - а) совершенного:
    - 5) Прошедшее законченное: *алдым*
    - 8) Прошедшее-настоящее: *алғанмын*
  - б) несовершенного:
    - 2) Прошедшее незаконченное 1-е: *ала инем*
    - 4) Прошедшее незаконченное 2-е: *алыр инем*

Повелительное наклонение

Исходной формой повелительного наклонения надо считать форму 2-го лица ед. ч. Как и во всех тюркских (а также и монгольских) языках, эта форма совпадает с корнем глагола. Таким путем и создается следующее, невозможное, например, в русском языке, положение: какое-нибудь слово *уҡы* имеет в башкирском языке два значения: 1) читай (повелительное наклонение 2-го лица ед. ч.), 2) корень глагола «читать», т. е. теоретическая величина, как по-русски «чит-». Любой корень башкирского глагола, помимо своего чисто грамматического значения, употребляется в реальной жизни как 2-е лицо ед. ч. повелительного наклонения. И обратно: любая форма 2-го лица повелительного наклонения одновременно будет корнем соответствующего глагола.

Как и естественно, повелительное наклонение не различает времен и изменяется только по лицам и числам. При этом 1-е лицо ед. ч. по логическим основаниям отсутствует, а для 1-го лица мн. ч. условно принимается форма желательного наклонения. Как и следовало ожидать, каждое лицо, за исключением 2-го лица ед. ч., как своего рода первичной формы, характеризуется наличием обязательного аффикса. Приводим список этих аффиксов:

Ед. число	Мн. число
1-е л. —	$\frac{айык}{эйек} \parallel \begin{matrix} йык \\ йек \end{matrix}$ (после гласных)
2-е л. —	$\frac{ығыз}{егез} \frac{огоз}{төз} \parallel \frac{ғыз}{өз}$ (после гласных)
3-е л. $\frac{һын}{һен} \frac{һон}{һөн}$	$\frac{һындар}{һөндәр} \frac{һондар}{һөндәр}$

Примеры:

Ед. число	Мн. число
1-е л. —	$\left\{ \begin{array}{l} ал-айык, кил-эйек \\ баила-йык, эилә-йек \end{array} \right.$
2-е л. ал, кил баила, эилә	$\left\{ \begin{array}{l} ал-ығыз, кил-егез \\ тот-огоз, кәт-төз \\ баила-ғыз, эилә-өз \end{array} \right.$
3-е л. ал-һын, кил-һен тот-һон, кәт-һөн	$\left\{ \begin{array}{l} ал-һындар \\ кил-һөндәр \\ тот-һондар \\ кәт-һөндәр \end{array} \right.$

Перевод 2-го лица ед. ч. особых замечаний не вызывает. Единственно, что можно добавить, что в этом лице (как, впрочем, и во всех остальных) башкирская форма допускает оба варианта русского перевода по признаку двух глагольных видов (совершенного и несовершенного). Поэтому *ал* может означать: возьми и бери, *кил* — приди и приходи, *башла* — начни и начинай, *эшлэ* — работай и поработай.

Форма 3-го лица ед. ч. переводится по-русски двойко: *ал-һын* = 1) пусть он возьмет (берет) и 2) пусть его возьмет (берет), *кил-һен* = 1) пусть он придет (приходит), 2) пусть его придет (приходит), *тот-һон* = 1) пусть он схватит (хватает), 2) пусть его схватит (хватает), *көт-һөн* = 1) пусть он ждет (подождет), 2) пусть его ждет (подождет). Второй вариант, как известно, выражает своего рода безличность действия и пассивность говорящего; употребление его связано с особыми стилистическими условиями.

Форма 1-го лица мн. ч. по своему содержанию передает не столько приказание, сколько призыв к действию, в котором сам говорящий будет участвовать: это, таким образом, полупризыв-полуприказание. Исторически форма является 1-м лицом мн. ч. желательного наклонения и лишь условно включается грамматиками в парадигму повелительного наклонения. Поскольку, однако, в этой форме есть определенный элемент приказания, эту условность можно принять. Зато нельзя согласиться с другой условностью, которую допускают грамматикки, включая в схему повелительного наклонения также и 1-е лицо ед. ч., которое никакого элемента приказания не содержит. Переводится 1-е лицо мн. ч. следующим образом: *ал-айык*: давайте возьмем! (будем брать!), *возьмем-ка!* (будем-ка брать!); *кил-әйек*: давайте придем! (будем приходить! *придем-ка!* *будем-ка* *приходить!*).

Формы 2-го лица мн. ч. переводятся обычно: *ал-ығыз*: возьмите (берите); *кил-егез*: кридите (приходите).

Формы 3-го лица мн. ч. переводятся так же, как формы 3-го лица ед. ч. с учетом различия в числах: *ал-һындар*: пусть они возьмут (берут), пусть их возьмут (берут); *кил-һендәр*: пусть они придут (приходят), пусть их придут (приходят).

В отрицательной форме аффикс $-\frac{ма}{мә}$ ставится между корнем и аффиксами отдельных лиц повелительного наклонения. Получается такая схема:

Ед. число	Мн. число
1-е л. —	<i>ал-ма-йык, кил-мә-йек</i>
2-е л. <i>ал-ма, кил-мә</i>	<i>ал-ма-ғыз, кил-мә-егез</i>
3-е л. <i>ал-ма-һын</i>	<i>ал-ма-һын-дар</i>
<i>кил-мә-һен</i>	<i>кил-мә-һен-дәр</i>
<i>тот-ма-һын</i>	<i>тот-ма-һын-дар</i>
<i>көт-мә-һен</i>	<i>көт-мә-һен-дәр</i>

В положительной форме ударение ставится, как и везде, на последнем слоге. Только во вторых лицах обоих чисел мы имеем ударение на первом слоге, что, очевидно, связано с особой эмоциональностью этих форм, которые

обращены непосредственно к собеседнику. Примеры: *аша* (ешь), *уйы* (читай), *эшлэ* (работай), *ал-ырыз* (берите), *кил-егез* (приходите). Однако если основа глагола имеет два слога и больше и оканчивается на гласный, то ударение ставится на последнем слоге основы: *аша́-рыз* (ешьте), а не *аша-рыз*, *эшлэ́-гез* (работайте), а не *эшлэ-гез*, *башла́-рыз* (начинайте), а не *башла-рыз*. В отрицательной форме главное ударение всюду стоит перед аффиксом отрицания.

Вопрос о происхождении аффиксов повелительного наклонения грамматики обыкновенно оставляют в стороне. Не касаясь сейчас формы 1-го лица мн. ч., каковое, как сказано выше, собственно относится к желательному наклонению, попытаемся охарактеризовать аффиксы остальных лиц. Нетрудно установить, что аффикс 2-го лица мн. ч. совпадает с аффиксом принадлежности того же лица и числа: морфологический состав слов *ат-ырыз* (бросайте, стреляйте) и *ат-ырыз* (ваш конь) совершенно одинаков; разница здесь только в ударении, в семантике корня и в различной семантике одного и того же аффикса. Применение его здесь не удивительно, так как глагольные формы лица в башкирском (и в тюркских языках вообще) оформляются или аффиксами сказуемости, или аффиксами принадлежности. Повелительное наклонение оформляется аффиксами принадлежности. С этой точки зрения понятен аффикс 3-го лица $\frac{һын}{һен} - \frac{һон}{һөн}$: *ал-һын*, *кил-һен* и т. д.

Это тот же аффикс принадлежности 3-го лица ед. ч. в своем первом варианте с конечным «и» (см. стр. 65).

Таким образом, между словами: *ат-һын* (пусть он бросает) и *ата-һын* (его > своего отца) морфологической разницы опять-таки нет (мы здесь не говорим о семантической разнице в корнях и аффиксах и о том, что в именах аффикс *-һын* применяется только после гласных основ, а в глаголах — после любых). Из тюркских языков известно, что конечное «и» аффикса *-һын* может утрачиваться как в именах (это — общеизвестная черта, см. выше, на стр. 65), так и в глаголах (ср. хотя бы некоторые узбекские говоры, где вместо *-син* || *-сун* имеем просто *-си* || *-су*). Таким образом, анализ форм повелительного наклонения помогает уяснить природу аффикса принадлежности 3-го лица. Что же касается аффикса *-һындар*, то он, очевидно, позднейшего происхождения и состоит из *-һын* и обычного показателя множественного числа.

Факультативно ко 2-му лицу ед. ч. можно прибавить безударный аффикс $\frac{сы}{се} - \frac{со}{сө}$ (в других тюркских языках $\frac{чы}{че} - \frac{чо}{чө}$), который несколько смягчает приказание. Примеры: *ал-сы* (возьми-ка, ну возьми), *бир-се* (дай-ка, ну дай). Повидимому, это тот же самый аффикс, который, стоя в несколько другой функции и имея на себе ударение, образует имя действующего лица (см. у нас на стр. 71 и 130).¹

¹ В разговоре при 2-м лице ед. ч. повелительного наклонения часто ставится частица *аа*: *кил-аа* (приди-ка, подойди-ка).

Разбирая в своем месте формы принадлежности, структурно близкие к формам повелительного наклонения, мы отмечали, что в отношении форм 2-го лица башкирский язык (и поволжско-татарский) несколько отходит от других тюркских (см. стр. 57). Отсюда понятно, что в башкирских диалектах можно встретить параллельные формы, далекие от литературной нормы, но близкие к формам других тюркских языков.

То же самое справедливо и о формах повелительного наклонения, которые в башкирских диалектах иногда значительно отклоняются от литературной нормы. Так, в отдельных говорах (Аргаяш, Телтяро-Учалинский район, Кара-Идельский район) говорят: *а́л-ың* (берите), *кы́л-ең* (приходите) вм. *а́л-ығыз*, *кы́л-сезе*.

В диалектах (а отчасти и в литературной речи) повелительное наклонение 2-го лица ед. ч. заменяется соответствующей формой условного наклонения с частицей *а* || *э*, причем два последние элемента осознаются говорящим уже как единый аффикс $\frac{hana}{hana}$. Примеры: *а́л-hana* (взял бы ты), *кы́л-hana* (пришел бы ты, что бы тебе прийти!). Эта форма передает уже не приказание, а нечто вроде просьбы (см. стр. 130).

В разговорной речи форма повелительного наклонения 2-го лица может употребляться в повторенном виде, как и по-русски: *ал-ал* (бери, бери!), *кыл-кыл* (приходи, приходи!).

Иногда повелительное наклонение заменяет собой желательное (см. ниже). Пример: *ниндэй эштарегез булһын һуң һеззең? Берәр юк нәмәлар шуңда* (да какие там у вас дела? Так пустяки! — дословно: «да какие пусть будут у вас дела?» вместо ожидаемого: «каким быть у вас делам?»). Такая замена облегчается тем, что в современном языке желательное наклонение сохранило только первые лица обоих чисел.

Иногда повелительное наклонение 3-го лица ед. ч. зависит от послелога *өсөн* и выражает цель. Пример: *был бәжтебез мәңге һакланһын, ботә йһанда күренеп торһон өсөн* (для того, чтобы это счастье сохранилось, для того, чтобы оно явилось во всем мире...).

Желательное наклонение

Как и во всех тюркских языках, желательное наклонение в башкирском языке представляет собой явно пережиточную категорию. При этом если в некоторых тюркских языках это наклонение сохранило полностью присущие ему два времени со всеми тремя лицами и двумя числами, то в башкирском языке от всего этого наклонения фактически сохранились обе формы 1-го лица настоящего времени. Характеризуются они аффиксом наклонения $\frac{а}{э}$ и аффиксами лица $\frac{ым}{ем}$ (для единственного числа) и $\frac{ык}{ек}$ (для множественного). Последние два аффикса по своему происхождению представляют варианты обычных для башкирского языка аффиксов принадлежности (относительно аффикса $\frac{ык}{ек}$ см. также стр. 142).

Термин «желательное наклонение» сохраняется как перевод латинского *optativus*. Он оттеняет специфику этого наклонения, которая состоит в следующем. Говорящий не столько излагает факт, сколько передает свое субъективное отношение и притом к такому факту, который по существу еще не произошел, а только может произойти. Этот субъективизм может иметь различную окраску: желание, сомнение, колебание и т. д. Все эти субъективные чувства грамматика условно объединяет под одним термином «желательный» (*optativus*). Таким образом, форма *алайым* переводится так: «возьму-ка я, взять бы мне, дай-ка возьму», *алайык* переводится: «взять бы нам, давайте возьмем». Поскольку в этой форме (именно множественного числа, а не единственного) заключен призыв к окружающим, ее можно трактовать как своего рода повелительную (по смыслу, но не по форме).

Выражение *алайыммы аламайыммы* выражает нерешительность: «брать мне или не брать?» *Киләймме киләймме* (приходить мне или не приходить?).

Известная из истории тюркских языков другая форма желательного наклонения с аффиксом $\frac{\text{гай}}{\text{гай}}$ сохранилась в устной башкирской речи в виде крайне редких пережитков. Ср. разговорное *бугай* (в значении: «кажется, как будто») из *булгай*. Пример: *булды бугай* (был, кажется). (См. стр. 131. Ср. З а л я й, *op. cit.* 25).

К желательному наклонению приближаются формы зложеланий (проклятий), напоминающие деепричастные образования. Примеры на эти пережиточные формы: *телеңә һойәл сик-кыры* (типун тебе на язык! досл. «чтобы мозоль выступила у тебя на языке»), *кәһәр һук-кыры* (окаянный!).

Здесь, таким образом, выступает архаичный аффикс $\frac{\text{кыры}}{\text{кере}} = \frac{\text{коро}}{\text{коре}}$.

Условное наклонение

При помощи условного наклонения башкирский язык (как и все тюркские) имеет возможность передать обусловленность глагольного действия синтетическим путем, т. е. посредством специфического аффикса. Таким образом, условный оборот реализуется по-башкирски в рамках одного слова, тогда как по-русски он предполагает минимум два (условный союз + глагол) и представляет собой синтаксический оборот, т. е. выражается аналитически.

Условное наклонение имеет два основных времени (настоящее и прошедшее) и целый ряд производных. Условные формы характеризуются

аффиксом $\frac{\text{һа}}{\text{һә}}$, которому в других тюркских языках соответствует $\frac{\text{са}}{\text{сә}}$ или $\frac{\text{за}}{\text{зе}}$. По общему для всех тюркских языков правилу условное

наклонение (даже в настоящем времени) оформляется аффиксами принадлежности.

Приведем образец спряжения условных форм:

Настоящее время

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>ал-һа-м</i> <i>кил-һа-м</i>	<i>ал-һа-к</i> <i>кил-һа-к</i>
2-е л. <i>ал-һа-н</i> <i>кил-һа-н</i>	<i>ал-һа-гыз</i> <i>кил-һа-гез</i>
3-е л. <i>ал-һа</i> <i>кил-һа</i>	<i>ал-һа-лар</i> <i>кил-һа-лар</i>

В единственном числе ударение ставится на аффиксе условия, во 2-м и 3-м лице множественного числа — на последнем слоге.

Отрицательная форма образуется в обычном порядке, причем аффикс отрицания (по общему правилу) ставится непосредственно после основы и перед аффиксом условия, т. е. *ал-ма-һа-м*, *кил-мә-һа-м* и т. д.

Настоящее время условного наклонения по существу выражает не только обусловленное настоящее, но и обусловленное будущее; отсюда — двойкий перевод формы. Таким образом, *ал-һа-м* = 1) если я беру, 2) если я возьму (буду брать); *кил-һа-м* = 1) если я прихожу, 2) если я приду (буду приходить).

В некоторых случаях условная форма может обозначать время (в зависимости от контекста) и в этом случае переводится по-русски при помощи союза «когда». Примеры: *артына эйламен караһа, бер карын ер бара* (когда он обернулся и посмотрел — глядь! прошел один фут).

Условная форма при слове *кэрәк* соответствует русскому «должно быть». Пример: *алһа кэрәк* (должно быть, возьмет).

В поэзии, в литературной речи (иногда в фольклоре) условные формы сочетаются с союзом *гәр*, исторически восходящим к персидскому языку.

О форме *бул-һа* и ее функции см. стр. 127; в том же значении употребляется *и-һа* — условная форма от корня *и-* (быть). Ее общая схема: *и-һа-м*, *и-һа-н*, *и-һа*, *и-һа-к*, *и-һа-гез*, *и-һа-лар* («если я емь» = *si je suis* и т. д.).

Сочетание любой условной формы с частицей $\frac{да}{дә}$ (и ее звуковыми вариантами; см. стр. 129) образует так называемый уступительный или concessивный оборот, который по-русски характеризуется союзными словами «хотя; несмотря на то, что» и др. Примеры: *алһам да* (хотя я и беру; дословно: «если я и беру»), *килһәм дә* (хотя я и прихожу; дословно: «если я и прихожу»).

В качестве внешнего показателя уступительного оборота в литературной речи встречается союз *гәр дә* (хотя) также персидского происхождения.

Прошедшее время условного наклонения слагается из основы наклонения (т. е. фактически формы 3-го лица ед. ч. настоящего времени) и спрягаемой формы *ине* от глагола *и-*, о котором см. стр. 144.

Вот общая схема спряжения:

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>алһа инем</i> <i>киһә инем</i>	<i>алһа инек</i> <i>киһә инек</i>
2-е л. <i>алһа инен</i> <i>киһә инен</i>	<i>алһа инегез</i> <i>киһә инегез</i>
3-е л. <i>алһа ине</i> <i>киһә ине</i>	<i>алһа инеләр</i> <i>киһә инеләр</i>

В разговорной речи вместо этих грамматически закономерных форм обычно употребляются стяженные (т. е. синтетические) формы, а именно: в. *алһа инем* > *алһайным*, *киһә инем* > *киһәйнем*; *алһа инен* > *алһайным*, *киһә инен* > *киһәйнен*, *алһа ине* > *алһайны*, *киһә ине* > *киһәйне*; *алһа инек* > *алһайнык*, *киһә инек* > *киһәйнек*; *алһа инегез* > *алһайныгыз*, *киһә инегез* > *киһәйнегез*; *алһа инеләр*¹ > *алһайнылар*, *киһә инеләр* > *киһәй-неләр*.¹

По своему значению прошедшее время условного наклонения связано с двумя моментами: 1) обозначение прошедшего обусловленного действия и 2) обозначение нереальности этого действия. В переводе на русский язык эти оттенки могут быть выражены союзом «если бы». Примеры: *алһа инем* = *алһайным* (если бы я взял || брал), *киһә инем* = *киһәйнем* (если бы я пришел || приходил).

Иногда прошедшее условное выражает ирреальное условие (т. е. такое, которое противоречит фактам) не с точки зрения объективной, а с точки зрения субъективного отношения к нему (так называемое неисполнимое желание). Например: *киһәмәһйне* (о если бы он не приходил!).

Морфологически прошедшее время условного наклонения может быть составлено из тех же двух элементов, но в обратном порядке. Иначе говоря, к спрягаемой форме условного настоящего может прибавляться неизменяемая форма *ине*. Схема этого варианта такова: *алһам ине*, *алһан ине*, *алһа ине*, *алһак ине*, *алһагыз ине*, *алһалар ине*. Более или менее свободное расположение обоих элементов прошедшего условного указывает на то, что эта форма в литературном языке окончательно еще не установилась. нечто подобное имеем в других тюркских языках, например, в туркменском.

Условие, которое выражено условным наклонением, логически всегда предполагает вывод из этого условия или следствие. Поэтому условные формы обычно являются сказуемым придаточного предложения, а самый вывод или следствие выражается в форме главного предложения. Общий комплекс «условие + следствие», выраженный в форме сложно-подчиненного предложения, называется обычно условным периодом. Примеры: *иртәгә*

¹ Вместо этого говорят также: *алһалар ине* и *киһәләр ине*.

уҡыу булмаһа, без экскурсияға барырбыҙ (если завтра не будет занятий, мы отправимся в экскурсию), *ваҡытым буһа ине, мин һинә килтән килер инем* (если бы у меня было время, я бы давно к тебе пришел).

Если же главное предложение, так сказать, равно нулю, получается одво придаточное, т. е. условие без следствия, иначе говоря, неисполнимое желание: *ваҡытым буһа ине* (если бы у меня было время!).

Между временами обоих сказуемых (придаточного и главного) существует функциональная зависимость или своего рода последовательность времен (*consecutio temporum*). И если она не достигает той четкости и определенности, какую имеет в латинском и даже в немецком языках, то все же вырисовывается в довольно стройном виде. Но эта сторона вопроса всецело относится к синтаксису (см. стр. 268 сл.).

Благодаря такой функциональной взаимосвязи условных форм придаточного с не-условными формами главного, тип условного периода (его реальность, ирреальность и т. д.) может определяться по любому ряду глаголов. А так как формы изъявительного наклонения, которые обычно стоят в главном, гораздо более развиты, чем условные, то язык прибегает к некоему сокращению: в придаточном остается настоящее время условного наклонения (хотя следовало бы не настоящее), а в главном ставится то время, какого требует подлинный характер условия. Приведем примеры: *уртың урынды башика берәү буһа, билмәйем, нишләгән булып ине инде* (если бы на его месте был кто-нибудь другой, он не знаю что бы наделал!).

За счет такого факультативного упрощения в сказуемом придаточного башкирский язык обходится без некоторых строго установленных условных форм. Например, *алһам* значит: «если я беру (возьму || буду брать)», *алһа инем* — «если бы я взял || брал». Такова схема, но в последнем случае обычно ставят настоящее условное, а истинный характер условного периода (реальность в прошлом) устанавливается по той форме, какую имеет сказуемое главного предложения. Приведем пример: *әәр эә һезҙең йөрәгең буһа, үзегеҙҙең мине һәләк иткәндегеҙҙе тояр инегеҙ* (если бы у вас было сердце, вы почувствовали бы, что сами погубили меня).

Тем не менее, ввиду тесной логической связи условных форм с изъявительными, язык выработал ряд описательных условных форм помимо двух основных (типа *алһам* и *алһам ине*). Обычно они состояются из причастных или деепричастных форм в сочетании с условными. Приведем некоторые из них: 1) *алһан буһам* (если я уже взял); 2) *алһак буһам* (если я возьму || буду брать — только будущее время); обе эти формы включают в себе еще один оттенок предположения: «если я, допустим, взял», «если я, допустим, возьму»; 3) *ала ятһам* (если я беру в данный момент): сложная форма из деепричастия на *-а* и вспомогательного глагола *ят-*.

Особо отметим любопытное стилистическое употребление условного настоящего. Русскому: «ну что же — пойдём», по-башкирски соответствует такой оборот: *барһак ни барырбыҙ!* Дословно это значит: «если пойдём, || что же || пойдём?»

По этому типу можно построить много аналогичных фраз: *алһак ни алырбыз!* (ну что же — возьмем), *укыһаң ни укырһың* (ну что же — читай), *кайтһағыз ни кайтырһығыз* (ну что же — возвращайтесь).

Форма *буһа* (в разговоре *буһа*) может иметь значение послелого (см. стр. 127).

Инфинитив

В большинстве тюркских языков отчетливый тип инфинитива, можно сказать, еще не установился. Исключение составляют некоторые языки с богатой письменной традицией и старой литературой (азербайджанский, турецкий). Такое положение объясняется, по-нашему, двумя причинами.

Во-первых, само понятие инфинитива как грамматической категории достаточно шатко и неопределенно. Инфинитив это — нечто среднее между спрягаемыми глагольными формами и отглагольными именами. Специфика инфинитива в различных языках весьма различна. В русском, например, в природе инфинитива преобладают чисто глагольные свойства (например, он не склоняется, не может принимать определения-прилагательного и т. д.); в западных языках инфинитив очень легко переходит в существительное и принимает определенный артикль (ср. нем. *das Lesen*, франц. *le lire* и т. д.). К тюркскому же инфинитиву часто подходят с точки зрения русского или других языков, и потому характеристика его затрудняется. С другой стороны, в тюркских языках инфинитив не имеет такого грамматического и лексического значения, как в русском и других европейских языках: инфинитив не является начальной формой глагола (эта роль принадлежит здесь 2-му лицу ед. ч. повелительного наклонения) и представляет собой грамматическую категорию с довольно узким диапазоном употребления.

По многим тюркским языкам еще идут споры, какую форму глагола помещать в словаре там, где по-русски принят инфинитив; в научных работах В. В. Радлова, как мы знаем, вопрос решен не в пользу инфинитива, а в пользу 2-го лица ед. ч. императива.

С точки зрения тех типов инфинитива, которые приняты в грамматике и имеют какую-то жизненную базу в устной речи, тюркские языки можно разбить минимум на четыре группы. Прежде всего есть, как мы уже сказали, языки с твердо установившейся формой инфинитива; это: азербайджанский, туркменский, турецкий и др. Затем идут языки, где функции инфинитива выполняются двумя глагольными формами, которые так или иначе подходят под данное название. Это — поволжско-татарский и башкирский языки. Далее идут языки, в которых грамматически признанный инфинитив, повидимому, не признается жизнью в этой функции, и здесь получается разрыв между двумя формами: теоретической и практической. Такое впечатление производят языки: узбекский (с его формами *олмоқ* и *олмиш*), каракалпакский и др.

Наконец, в последнюю группу входят языки (обычно с очень молодой письменной и литературной традицией), в которых тип инфинитива еще не

сложился окончательно и о которых никто не знает, какой же там инфинитив. Типичным представителем языков этой группы может служить карачаево-балкарский язык.

Получается такое впечатление, что живые тюркские языки в общем могли, так сказать, обходиться без инфинитива и что развитие в них инфинитива обязано какому-то внешнему толчку со стороны мощного литературного языка: арабского с его *масдар'ами*, а в наше время — русского с его инфинитивом, играющим значительную грамматическую и лексическую роль.

В тюркских языках с развитой литературной традицией инфинитив комплектовался из глагольных имен с двумя основными аффиксами:

$-\frac{mak}{mak}$ и $-\frac{yu}{eu} \parallel -\frac{y}{y}$. Инфинитив первого типа характерен для южных тюркских языков (турецкий, азербайджанский, туркменский, кумыкский, а также теоретически крымско-татарский и узбекский). В громадной же массе языков (казахский, киргизский, ногайский, поволжско-татарский, башкирский и др.) образования на *mak* или совсем не употребляются, или сохранились от отдельных корней в виде пережитка и образцом целой живой категории (инфинитива) считаться не могут. В этих языках роль инфинитива выполняют образования на $-\frac{yu}{eu} \parallel -\frac{y}{y}$, которые, очевидно, восходят к уйгурско-чагатайским отглагольным именам на $-\frac{y}{y}$ или же на $-\frac{y}{y}$ (остатки последних сохранились и в башкирском языке, см. стр. 69).

Что касается башкирского языка, то на название «инфинитив» здесь могут претендовать две формы:

1. С аффиксом $-\frac{yu}{eu} \parallel -\frac{oy}{oy}$ (после согласных) $\parallel -\frac{y}{y}$ (после гласных).

Примеры: *ал-юу* (брать; взятие), *бир-еу* (давать; давание), *тот-оу* (хватать; хватание), *көл-өу* (смеяться; смех).

2. С аффиксом $-\frac{yrga}{erga} - \frac{orga}{erga}$. Примеры: *ал-ырга* (брать; чтобы брать), *бир-ерга* (давать; чтобы давать), *тот-орга* (хватать; чтобы хватать), *көл-өргә* (смеяться; чтобы смеяться).

Башкирские грамматика считают инфинитивом (*уртак: кылым*) только вторую форму, а первую рассматривают как отглагольное имя. Начнем наш обзор со второй. По происхождению это дательный падеж причастий будущего времени на $-\frac{y}{y} - \frac{oy}{oy}$, т. е. таких, например, форм, как:

ал-ыр (тот, который возьмет $\parallel$ будет брать, «имеющий взять $\parallel$ брать»), *бир-ер* (тот, который даст $\parallel$ будет давать, «имеющий дать $\parallel$ давать»), *тот-ор* (тот, который схватит $\parallel$ будет хватать), *көл-өр* (тот, который засмеется $\parallel$ будет смеяться). В современной стадии языка эти причастия употребляются почти только в составе спрягаемых форм личного глагола. Характерно, однако, что окаменевшая форма дательного падежа от них приобрела совершенно особый смысл и в современном языке может упо-

требляться от любого глагола. Грамматика по-своему права, когда не устанавливают этимологии этого инфинитива, а говорят, что он образуется от основы с прибавлением аффикса $\frac{ырға}{ерға} - \frac{орға}{өрға}$; настолько различны

значения основной и производной форм. Первоначально производная форма, застывшая в этом дательном падеже, означала цель и по своему содержанию была близка к латинскому супину. Значение цели и сейчас надо признать самым характерным для этой формы. Отсюда понятно и то, что синтаксически она употреблялась как обстоятельство при глаголах движения. В дальнейшем она распространила зову своего применения и стала попадаться в качестве дополнения при глаголах. Но быть подлежащим она не могла. Примеры на употребление этого инфинитива: *Мин һеззе курергә теләр инем* (я хотел бы вас видеть). *Һин һисек шулай һөйләнергә батырсылыҡ итәһең?* (как ты смеешь разговаривать так?). *Кушылғанды эшләргә без яратмайбыз* (делать то, что приказано, мы не любим). *Сығырға күштиләр* (приказали выйти).

Этот же инфинитив ставится тогда, когда при дополнении подразумевается какой-то глагол или вообще управляющее слово. Примеры: *һиниләргә инде хәзер?* (что же теперь делать?). *Миңә озақ көтөргәме икән?* (долго ли мне ждать?). *Һисек көлөргә һун?* (пу как же тут смеяться?). *Белергә ваҡыт* (пора знать).

В новейшее время этот инфинитив используется в лозунгах для передачи того слова, которое стоит в инфинитиве по-русски. Ср. *Финанс органдары работниктәре араһында социалистик ярышты күң йәйелдерергә* (шире развернуть соцсоревнование среди работников финансовых органов), *...почет грамотаһы менән наградларға* (наградить почетной грамотой).

При глаголе *итәм* (я делаю), и при этом только в его 1-м лице ед. ч. инфинитив выполняет особое стилистическое задание. Примеры: *улытырға итәм* (я решаюсь сесть), *алырға итәм* (я осмеливаюсь взять), *атырға итәм* (я осмеливаюсь лечь), *торорға итәм* (я решаюсь встать). Здесь, как нетрудно усмотреть, выражается скрытая цель.

Особо отметим употребление данного инфинитива в зависимости от управляющего слова *кәрәк* (надо, необходимо). Примеры: *кейснергә кәрәк* (надо одеться), *һи эшләргә кәрәк?* (что нужно делать?), *дөрөс әйтәргә кәрәк* (надо сказать правду), *йөрөү урнына уқырға кәрәк* (вместо того, чтобы гулять, надо учиться).

Конструкция со словом *кәрәк* важна в том отношении, что это слово может управлять обоими типами башкирского инфинитива, не говоря уже о третьем (перезиточном), и потому здесь легко выясняются сравнительным путем природа и функции каждого из инфинитивов.

Перезиточный и нехарактерный для башкирского языка инфинитив на $\frac{мак}{мәк}$ также употребляется в очень, правда, немногих окаменелых выра-

жениях со словом *кэрэк*. Примеры: *ни эшлэмэк¹ кэрэк?* (что же надо делать?), *катын алмак ник кэрэк?* (для чего надо брать жену? — из шуточной народной песни). Слово *тымэк* (сказать) употребляется теперь как вводное со значением: «значит, стало-быть». Для того чтобы больше не возвращаться к пережиточной форме на *-мак*, отметим, что она продолжает жить в виде сложного аффикса $-\frac{мак}{мэк} - \frac{сы}{се}$, который образуется от

любого глагола и означает намерение, т. е. является чем-то вроде латинского *participium futuri*. Примеры: *ал-максы* (намеревающийся взять; тот, кто возьмет = лат. *capturus*), *бир-мэксе* (намеревающийся дать; тот, который даст = лат. *daturus*). Подобные формы обычно употребляются при вспомогательном глаголе *бул-* (быть, делаться, становиться), который и проходит все фазы спряжения. Примеры: *кил-мэксе булам* (я намереваюсь || имею намерение прийти), *кил-мэксе булды* (он намеревался || имел намерение прийти), *кайтмаксы булам* (я намереваюсь вернуться), *һойләшмэксе инем* (я хотел поговорить).

Но если форма на $-\frac{максы}{мэксе}$ входит в состав башкирского описательного спряжения, то исходная категория на $-\frac{мак}{мэк}$ для современного языка,

несомненно, является пережиточной² и не может конкурировать с инфинитивом на *-ырға*. Такой конкурент может явиться только в форме на *-ыу*. Но прежде чем перейти к ней, остановимся на одном частном вопросе.

Та форма инфинитива на *-ырға*, с которой мы познакомились, относится к положительному аспекту глагола; отрицательная же форма представляет собой дательный падеж от отрицательного причастия будущего времени. А так как это причастие образует отрицательную форму несколько необычно (см. стр. 148), то в результате определенных фонетических явлений аффикс его принимает такой вид: $-\frac{мас}{мэс}$. Отсюда дательный падеж этого при-

частия звучит: $-\frac{маска}{мэскэ}$. Это и является показателем отрицательной формы инфинитива. Приведем примеры: *нисек көлмэскэ һуң?* (ну как же тут не смеяться?), *изинэ төкөрмэскэ!* (не плевать на пол!), *йөрөмэскэ, э укырға кэрэк* (надо не гулять, а учиться), *залга инмэскэ!* (не входить в зал!), *елэк ашамаска!* (ягод не есть!), *уга килмэскэ кэрэк ине* (ему не надо было приходить).

Из всего материала, который мы приводим по поводу инфинитива на *-ырға*, как будто видно, что он употребляется в качестве обстоятельства цели и дополнения, а подлежащим обычно не выступает. Единственно, где

¹ Эта форма, как лапидарная, существует наряду с *нишләркэ кэрэк*, причем *нишлэмэк кэрэк* имеет более абстрактный оттенок значения. Вм. *кэрэк* может быть близкое по смыслу слово *тейеш*. Ср. Залая, *ор. сит.* 36, 41, 42.

² Ср., однако, из народной сказки: *ул был кызды эйләп алмак була* (он хочет взять эту девушку хитростью).

его считали подлежащим — это при слове *кәрәк*.¹ Но это как раз такой случай, где допустимы иные конструкции и где инфинитив начал вытеснять их сравнительно недавно. Имеющиеся материалы по диалектам Башкирии могли бы подтвердить эту картину постепенного распространения инфинитива на *-ырга* за счет других возможных форм инфинитива. Вторым случаем, где инфинитив на *-ырга* иногда трактовался как подлежащее, является его сочетание со словами *ярай* (можно) и *ярамай* (нельзя, не полагается). Примеры: *лабораторияга инертә ярамай* (в лабораторию войти не разрешается), *бассейнга текерертә ярамай* (плывать в бассейн не разрешается).

Переходим к инфинитиву на $-\frac{ыу}{еу} - \frac{оу}{өу}$ (после согласных) и $-\frac{у}{ү}$ (после гласных). Примеры: *ал-ыу* (взятие; взять), *бир-еу* (давание; дать), *тот-оу* (хватание; хватать), *көл-өү* (смех; смеяться), *башила-у* (начало; начинать)

Башкирские грамматика, как уже было указано, за последнее время считают это простым именем действия (*исем кылым*) и противопоставляют собственно инфинитиву (*уртак кылым*), который видят в форме типа *ал-ырга*. Этим самым они хотят сказать, что в типе *ал-ырга* преобладают глагольные свойства, а в типе *алыу* — именные. Критерием для них является, очевидно, инфинитив русского глагола, и с этой стороны тип *ал-ырга* подходит к нему ближе, поскольку он тоже: а) не склоняется по падежам и б) не изменяется по лицам. Внутренне он показывает большую динамичность. Между тем тип *ал-ыу*: а) склоняется и б) принимает аффиксы принадлежности. По содержанию он выражает глагольное понятие в более статическом виде.

Конечно, верно, что в *алыу* глагольных свойств меньше, чем в *алырга*. Но если, с другой стороны, молчаливо исходить из норм того же русского языка, то форму *алыу* нельзя безоговорочно отнести к обычным отглагольным именам типа «взятие»: по своей природе она будет лежать где-то между русскими понятиями «взять» и «взятие». Нельзя ли найти какой-нибудь внешний признак, из которого было бы видно, где башкирский язык проводит грань между именами и глаголами, и с этой точки зрения определить, куда же войдет форма *алыу*? Такой внешний признак есть: это — форма отрицания. Как мы знаем, все башкирские имена образуют отрицание аналитическим путем, вступая в синтаксическую связь со служебным словом *түгел*; все же собственно глагольные формы выражают отрицание

синтетическим путем, принимая аффикс $-\frac{ма}{мә}$. И вот перед нами следу-

ющий неоспоримый факт: форма *алыу* принимает глагольное отрицание (т. е. будет *ал-ма-у*), тогда как всякое иное отглагольное существительное (например: *ойом-ма* — организация, *ур-ғыс* — жнейка, *бел-ем* — знание,

¹ Любопытно, что при слове *кәрәк* допустимо и условное настоящее: *алырга кәрәк* — *алһи кәрәк*. В современном языке последняя форма выражает более «мягкую» форму: «он, должно быть, возьмет».

кыуан-ыс — радость, *чылэр-еш* — изменение и др.) такой формы отрицания принять не может. Не ясно ли, что язык проводит какое-то различие между всеми отглагольными существительными¹ и отглагольным существительным *ал-ыу*, которое он по этому признаку сближает с формой *алырға*? Приведем примеры на отрицательную форму типа *ал-ыу*: *ал-ма-у* (незятие; не взять), *бир-мә-у* (недавание; не давать); *тот-ма-у* («нехватание»; не хватать); *көл-мә-у* («несмех»; не смеяться).

Приведенного признака, в силу его внешнего характера, может быть, было бы недостаточно, если бы мы не могли установить, что по своим синтаксическим функциям башкирские формы *алырға* и *алыу* часто совпадают.

Так, например, выражение *калырға* в смысле «чтобы остаться» во многих стилистических оборотах может быть заменено *калыу өсөн* (чтобы остаться: дословно: «для оставания»). Вместо *уқырға* (чтобы учиться || читать) можно сказать *уқыу өсөн* (дословно: для учепья || чтения), вместо *барырға* (чтобы пойти) — *барыу өсөн* (дословно: «для хождения»).

Такой же параллелизм мы наблюдаем и при слове *кэрэк*, причем между двумя дублетными конструкциями проходит еле уловимая семантическая разница. Приведем примеры: *язырға керэк* (надо писать) и *языу керэк* (дословно: «писание надобно»), *эйтەرә керэк* (надо сказать) и *эйтеу керэк*, *кайтырға керэк* (надо возвратиться) и *кайтыу керэк*, *һинә лә килмәскә керэк ине* («и тебе тоже не надо было приходиться; дословно: «и тебе тоже надо было не приходиться») и *һинә лә килмәу керэк ине*; *минә тыңларға керэк* (мне нужно слушать) и *минен тыңлауым керэк*.

То же самое встречаем и при словах *ярай* и *ярамай*. Примеры: *безҙен халыкка өйләнерә ярамай* (нашему брату жениться нельзя) и *безҙен халыкка өйләнсү ярамай*.

Во всех этих параллельных случаях форма *алыу* имеет то преимущество, что может выражать грамматическое лицо, а *алырға* — не может. Поэтому *килерә керэк* звучит безлично: «надо прийти», тогда как *килеуем керэк* значит: «надо мне прийти», *килеу-ен керэк* — «надо тебе прийти» и т. д. по всем лицам.

Подобного рода факты, думается нам, достаточны для того, чтобы признать в современном башкирском языке два инфинитива: инфинитив I (*алырға*) и инфинитив II (*алыу*), из которых ни один полностью не совпадает с русским инфинитивом, как бы этого ни хотели грамматикки. Но-нашему, речь должна идти не о том, является ли *алыу* инфинитивом или нет, а о том, каково различие в функциях между тем и другим инфинитивом. Если же мы станем на ту точку зрения, что *алыу* — отглагольное имя, то в силу того, что оно совершенно особое отглагольное имя сравнительно с другими, нам пришлось бы выяснять соотношение *алыу* с этими другими отглагольными именами, чего грамматикки совершенно не делают.

¹ Отглагольные прилагательные, или причастия, которые изменяются по временам и выражают динамику действия, естественно, также принимают аффикс глагольного отрицания. То же относится и к отглагольным наречиям (т. е. деепричастиям).

Мы только что попытались установить общие черты двух башкирских инфинитивов. Что же касается их индивидуальных специфических черт, то для *алырға* они были отмечены выше, а для инфинитива *алыу* будут очерчены теперь. Итак, инфинитив *алыу* склоняется и принимает аффиксы принадлежности по общей схеме с именами и принимает аффикс отрицания по общей схеме с глаголами. И потому если инфинитив I (*алырға*) можно назвать «глагольно-именной» формой, то инфинитив II (*алыу*) может быть обозначен как «именно-глагольная» форма.

В тех случаях, когда инфинитив является подлежащим, инфинитив II употребляется чаще: инфинитив I может здесь конкурировать с ним в сравнительно ограниченной, как мы видели, области (при сказуемых *кэрәк || тейеш* и *ярәй || ярамай*). Примеры: *быны эшләүе бик еңел* (это сделать — дословно: «сработать» — ему очень легко), *ул сакта минен икенсе урынға күсеүем артык* (в таком случае мне лучше переехать в другое место), *кейәүгә сығыу ғажәт эш түгел* (выйти замуж — дело неудивительное), *айрылыуы бик кыйын* (расстаться с ним — дословно: «его расставание» — очень трудно), *быны ишетеп бик күңелле* (очень приятно это слышать), *һезҙен менән һөйләшмәү аҡшыраҡ* (с вами лучше не разговаривать), *уны алыуың кәрәк лә юк* (да его и брать нечего), *аҡшыраҡ булыуы кәрәк уны* (ему нужно быть лучше = нужно, чтобы он был || стал лучше), *бездә һезҙен менән ағай-эңеләрсә йәшәү мөмкин түгел* (нам с вами жить по-братски невозможно).

В некоторых случаях неопределенный падеж башкирского инфинитива II по-русски приходится переводить придаточным-подлежащим, косвенным вопросом или же отглагольным существительным. Пример: *уның килеп килмәүе миңә билдәле түгел*, вариант: *уның килеп килмәүе миңә билдәле түгел* (мне неизвестно, приехал он или нет; дословно: «мне неизвестен его приезд или неприезд»).

Если инфинитив I, употребляясь в роли обстоятельства и дополнения, в общем не выходит из рамок функций дательного падежа, в котором этот инфинитив стоит, то инфинитив II отличается большей гибкостью. Он может принимать функции всех падежей. Приведем примеры на те случаи, когда инфинитив II стоит не в неопределенном падеже и, следовательно, не является подлежащим: *уның килеп килмәүен белмәйем* (я не знаю, приехал он или не приехал; дословно: «я не знаю его приезд или неприезд»), *әсәйең миңә һиме¹ кайғыртыуың тапшырҙы* (твоя мать поручила мне заботиться о тебе), *мин азыуға булдым* (я был занят писанием; дословно: «я был в том, чтобы писать || в писании»), *улытырыуығыҙҙы үтенеп һорайбыҙ* (покорнейше просим садиться; дословно: «вашего присаживания»), *һөйләшеүгә дауам итәйек* (давайте продолжим нашу беседу || «будемте продолжать беседовать»), *әйтеүенә караганда* или *уның әйтеүенсә* (согласно тому, что он говорил), *мин аңламайым, һезгә әхләһыҙ катын менән тороуың ниңә кәрәк барҙыр!* (я не понимаю, что вам за необходимость жить с безнравственной женщиной!), *мин һезҙен уға*

¹ Здесь винительный падеж зависит от *кайғыртыу*, которое, даже в силу этого, нельзя считать узко-именной формой, как склонны делать грамматики.

каршы һойлаусегезде кәтә инем (я ждал, что вы будете возражать против этого).

Совершенно особое употребление имеет инфинитив II любого глагола в винительном падеже перед спрягаемой формой того же глагола. Этим путем башкирский язык передает так называемый «винительный внутреннего объекта» или известные из семитических языков обороты «смехом смеяться, старанием стараться» и т. д. Приведем примеры: *әйтсеуен әйтсәр-мен дә, риҙа булмаһың* (сказать-то я скажу, да ты не согласишься), *барыуын барам да* (пойти-то я пойду), *алмуын алам да* (взять-то я возьму), *атыуын атам да* (бросить-то я брошу || стрелвуть-то я стрелвуну), *төшөуен төшәм дә* (слезть-то я слезу), *осоуын юғары оса ла, тик кайза куныр?* (летать-то он высоко летает, да где-то сидет?).

Во всех этих примерах дословно сказано: «сказание-то я скажу», «хождение-то я пойду», «взятие-то я возьму», «слезание-то я слезу», «летание-то он летает» и т. д. Характерно, что винительный падеж «внутреннего объекта» ставится даже при таких глаголах, которые по своей природе не могут управлять винительным падежом.

Оборот типа *алғым килә*

Если подходить к вопросу о башкирском инфинитиве с точки зрения его соответствия или несоответствия русскому (а так именно подходит и грамматика, и переводчики), то здесь придется сказать об одной башкирской конструкции, состав которой обозначен выше. В башкирском языке существует отглагольное имя с аффиксом

$\frac{кы}{ке} - \frac{ко}{кө} \parallel \frac{ғы}{ге} - \frac{җо}{җө}$, т. е.

ал-ғы, бир-ге, тот-ко, әс-ке и т. д. Этот архаичный аффикс, о котором в другой связи мы говорили на стр. 171 и который известен только в ограниченном числе слов, сохранил способность употребляться от любого глагола в сочетании с глаголом *кил-* (приходить), который обычно ставится в 3-лице настоящего времени. Это фразеологическое сочетание соответствует русскому безличному: «мне хочется то-то и то-то»... Лицо, которому «хочется», выражается аффиксом принадлежности при отглагольном имени. Примеры: *алғым килә* (мне хочется взять; дословно «мое взятие приходит»), *тоткоң килә* (тебе хочется схватить), *әске-һе килә* (ему хочется пить), *бирге-без килә* (нам хочется дать).

После гласных корней прибавляется аффикс $\frac{ғы}{ге}$. Пример: *ашағым килә* (мне хочется есть).

Словообразование глаголов от имен

Как и во всех тюркских языках, в башкирском различаются простые глаголы, т. е. такие, которые с точки зрения современного языка не разлагаются на части, и составные, которые для говорящего по-башкирски

ясно расчленяются на составные элементы. Примеры простых глаголов: *яз* (пиши), *бар* (иди, ступай), *ишет* (слушай), *кал* (оставайся), *бир* (давай), *ас* (открывай), *ат* (бросай, стреляй) и т. д. Если для простого глагола два понятия корня и основы совпадают, то в составных глаголах основа всегда складывается из корня и словообразовательного аффикса.

Поскольку составные глаголы могут быть образованы или от глаголов же, или от имени, аффиксы глагольного словообразования также распадаются на две группы: аффиксы собственно глагольного и аффиксы именного словообразования. Начнем со второй группы.

1) $-\frac{ла}{ла}$. Наиболее продуктивный аффикс отыменного образования

глаголов. Примеры: *баш* (голова, начало) — *баш-ла* (начинай), *эм* (дело, работа) — *эм-ла* (работай), *аң* (понятие, мысль) — *аң-ла* (понимай), *таш* (камень) — *таш-ла* (бросай камни > бросай), *ак* (белый) — *ак-ла* (бели, обеляй), *дурт* (четыре) — *дурт-ла* (учетверяй).

Глаголы, образованные при помощи этого аффикса, по своему значению обычно относятся к переходным. Аффикс $-\frac{ла}{ла}$ дает новые образования от любой основы (балкирской или заимствованной).

В качестве производного от этого аффикса грамматики указывают аффикс: $-\frac{лаш}{лаш}$. Формально это — двойной аффикс: $-\frac{ла}{ла}$ + $-и$ (аффикс взаимного залога), но в современном языке он существует как единое целое с особым свойственным ему значением. Он указывает на переход из одного состояния в другое и образует, таким образом, глаголы непереходного типа. За последнее время этот аффикс получил значительное развитие. Примеры: *колхоз* — *колхоз-лаш* (коллективизируйся), *индустрия* — *индустрия-лаш* (индустриализируйся), *культура* — *культура-лаш* (делайся культурным).

2) $-\frac{а}{э}$. Аффикс пережиточного характера. Сохранился в небольшом

числе глаголов, образованных от имени существительного. Примеры: *аш* (еда) — *аш-а* (ешь), *тел* (язык) — *тел-э* (желай), *теш* (зуб) — *теш-э* (дырявь, сверли), *йэш* (возраст || молодой) — *йэш-э* (живи).

3) $-\frac{кар}{кэр} - \frac{гар}{гэр}$. Образует переходные глаголы от ограниченного

числа существительных. Новых образований не дает. Примеры: *баш* (голова) — *баш-кар* (исполняй, справляйся, верши), *кот* (счастье) — *кот-кар* (спасай), *һыу* (вода) — *һыу-гар* (поливай), *ел* (ветер) — *ел-гэр* (вей, овевай).

4) $-\frac{ар}{эр}$. Исторически, возможно, вариант предыдущего. Образует

глаголы среднего значения от прилагательных, означающих цвета. В общем

употребляется в ограниченном числе слов. Примеры: *күк* (синий || зеленый || серый) — *күк-әр* (синей, зеленой, серой), *кыз-ыл* (красный) — *кыз-ар* (красней, разгорячайся).

Характерно, что, принимая этот аффикс, основы прилагательных часто претерпевают фонетические изменения или разлагаются на составные части.

5) $-\frac{ай}{эй}$. Архаичный аффикс, который сохранился при немногих корнях.

Образует глаголы среднего значения от прилагательных. Примеры: *тар* (узкий) — *тар-ай* (суживайся), *карт* (старый) — *карт-ай* (старей), *күп* (много) — *күб-эй* (умножайся), *шэт* (быстрый) — *шэб-эй* (ускоряйся), *вак* (мелкий) — *ваг-ай* (мельчай).

6) В изолированных глаголах сохранился аффикс $-\frac{һын}{һен}$. Примеры: *юк* (не имеется, нет) — *юк-һын* (чувствуй недостаток), *кэрәк* (нужно) — *кэрәк-һен* (ощущай необходимость).

7) В изолированных глаголах встречается архаичный аффикс $-\frac{ык}{ек}$ — $-\frac{ок}{ек}$. Пример: *бай* (5-тый) — *бай-ык* (богатея, разбогатея).

8) $-\frac{да}{дә}$. По существу вариант $-\frac{ла}{лә}$, что обычно для куваканского диалекта, где *л* при определенных фонетических условиях всегда переходит в *д*. В литературном языке аффикс $-\frac{да}{дә}$ образует глаголы от звукоподражательных основ с аффиксом $-\frac{ыл}{ел} - \frac{ол}{өл}$. Примеры: *мырыл-да*

(ворчи), *көрөл-дә* (шуми).

Вспомогательные глаголы *бул* (становиться), *ит* и *яһа* (делать) образуют производные глаголы от имен арабского и инфинитива русского происхождения: *вафат булыу* (умереть) от ар. *вафат* (смерть), *кабул итеу* (принимать — досл. «принем делать»), *мобилизоват итеу* (мобилизовать — досл. «мобилизовать делать»).

Словообразование глаголов от глаголов

(Залоги)

В результате словообразования глаголов от глаголов возникают категории залога. Залогом называется такая глагольная категория, которая устанавливает отношение между субъектом и объектом действия. Каждый залог в башкирском языке характеризуется специальным аффиксом. Таких залогов в башкирском языке четыре: взаимный, возвратный, страдательный и пассивный. Этим четырем оформленным залогам противо-

полагается пятый — неоформленный, или основной. По своей семантике он столь же многообразен, как и неопределенный падеж в склени.

Категория переходных и непереходных глаголов для тюркских языков является неграмматической: переходный и непереходный глагол сплошь и рядом характеризуется лишь семантикой, а не специальным аффиксом, как это бывает при каждой грамматической категории. Правда, повелительный залог тем самым уже и переходный, а взаимный, возвратный и страдательный залогов — непереходные, но среди основного (неопределенного) залога мы найдем и те, и другие глаголы. Между глаголами *ит* (делай) и *кит* (иди, уходи) никакой формальной разницы нет, и оба они морфологически относятся к основному (неопределенному) залогу; семантически же глагол *ит* относится к переходным, а *кит* — к непереходным глаголам.

Перейдем к рассмотрению морфологически оформленных залогов:

1. Взаимный залог. Означает такое действие при котором имеется несколько объектов или несколько субъектов. Характеризуется аффиксом

$-\frac{ым}{си} - \frac{ом}{эм}$ (после согласных) || $-и$ (после гласных). Примеры: *яз*

(пиши) — *яз-ым* (переписывайся), *кил* (приходи) — *кил-ем* (приходи сообща приходи к согласию), *тот* (держи, хватай) — *тот-ом* (хватайся, касайся), *көл* (смейся) — *көл-эм* (пересмеивайся), *кара* (смотри) — *кара-и* (переглядывайся).

2. Возвратный залог. Означает такое действие, при котором субъект и объект совпадают в одном лице (предмете). Действие здесь, таким образом, направляется на самого действующего. Аффикс возвратного залога

$-\frac{ым}{ен} - \frac{ом}{эм}$ (после согласных) || $-и$ (после гласных). Примеры: *йыу*

мой) — *йыу-ым* (мойся), *кей* (надевай) — *кей-ем* (одевайся), *тот* (держи, хватай) — *тот-ом* (держись, хватайся), *төр* (свертывай) — *төр-ом* (свертывайся), *бизэ* (украшай) — *бизэ-и* (украшайся), *башла* (начинай) — *башла-и* (начинайся). Как в некоторых других языках (напр. греческом), возвратный залог, этот своего рода *тебит*, употребляется в особых выражениях, например: *тегемеу* (портняжить — как бы: «шить — пошивать себе»), *тутый кошлануу* (подражать — как бы: «попугайничать себе»).

3. Страдательный залог. Означает действие, представленное с точки зрения логического объекта. Иными словами, при страдательном залогое устанавливается несоответствие между логическими и грамматическими категориями. Логический объект становится грамматическим субъектом, а логический субъект принимает форму грамматического объекта. Внешним показателем страдательного залога являются следующие типы аффиксов:

а) $-\frac{ыл}{ел} - \frac{ол}{өл}$. Примеры: *яз* (пиши) — *яз-ыл* (будь написан), *эс* (пей) —

эс-ел (будь выпит), *тот* (хватай) — *тот-ол* (будь схвачен), *төз* (устраивай) — *төз-өл* (будь устроен), *йырт* (рви) — *йырт-ыл* (будь разорван).

б) -н (после гласных). Примеры: *ташла* (бросай) — *ташла-н* (будь брошен), *башла* (начинай) — *башла-н* (будь начат), *бизэ* (украшай) — *бизэ-н* (будь украшен). Иногда после гласных употребляется и -л. Например: *макта-л* (будь хвалим), *буя-л* (будь окрашен).

в) $\frac{ын}{ен} - \frac{он}{он}$ (после основ на л). Примеры: *нал* (клади, бросай) — *нал-ын* (будь положен), *ал* (бери) — *ал-ын* (будь взят).

Из перечня аффиксов видно, что для основ на гласный и на «л» формы страдательного и возвратного залога совпадают. Это дает основание предполагать, что прежде оба эти залога были не дифференцированы, т. е. что существовала одна категория возвратно-страдательного залога.

4. Понудительный залог. Этот залог, отсутствующий в европейских, весьма типичен для тюркских и монгольских языков. По идее он представляет собой подчинение основного субъекта действия другому или другим логическим субъектам. Например: «ученик читает». Здесь логическим (и грамматическим) субъектом является ученик. Если же мы скажем: «учитель заставляет ученика читать» (или, точнее: «учитель заставляет, чтоб ученик читал»), то логический субъект основного действия, т. е. чтения, остается тот же (ученик), но только он подчиняется воздействию со стороны другого субъекта (учителя). Таким образом, в понудительном залоге стоит такое действие, которое совершается его органическим субъектом как бы по принуждению другого субъекта. Излишне говорить, что в башкирском и всех тюркских языках «заставляет читать» не два слова (как в европейских), а одно, при чем «понудительность» выражается синтетически (т. е. аффиксом) и потому является предметом морфологии. Таким образом, при понудительном¹ залоге мы наблюдаем как бы вмешательство одного субъекта в действие другого. Вмешательство это может выражаться в различных формах, и поэтому вместо: «заставляет читать», по-русски, в зависимости от стиля, можно перевести: «заставляет || велит || позволяет || допускает... читать».

Вторичных субъектов, которые воздействуют на первичный, теоретически может быть сколько угодно. Здесь мы имеем как бы «возведение действия в степень», говоря алгебраическим языком. Наряду с «заставить писать» есть «заставить заставить писать», «заставить заставить заставить писать» и т. д. В жизни, однако, понудительность редко доходит дальше второй степени.

Итак понудительный залог, так же как и взаимный, предполагает участие в действии нескольких субъектов. Но между этими залогами есть существенная разница. При взаимном залоге субъекты равносильны и равноценны: понятие «переписываться» осуществляется тогда, когда я пишу и мне пишут, т. е. когда оба субъекта на равных правах участвуют в основном действии. Совсем другое дело при понудительном залоге: «учитель заставляет меня писать диктант». Здесь оба логических субъекта (причем

¹ Термин этот представляет наследие старых грамматик XIX в. По-башкирски он называется *йекләтсеу дәрәжәһе* (т. е. как бы «нагрузочная степень»). Лат. термин — *genus factitivum* или *causativum*.

грамматически один уже не субъект) выступают не равноправно, а подчинены один другому; при этом подчиненный субъект производит основное материальное действие (писать), а субъект 2-й степени проявляет свою активность в более отвлеченной сфере (заставлять).

Понудительный залог характеризуется следующими типами аффиксов:

а) $\frac{дыр}{дер} - \frac{дор}{дер} \parallel \frac{тыр}{тер} - \frac{тор}{тер} \parallel \frac{зыр}{зер} - \frac{зор}{зер}$. Примеры: *кал* (оставайся) —

кал-дыр (заставь остаться, т. е. оставь), *кун* (гасни) — *кун-дер* (заставь гаснуть, т. е. погаси), *туң* (мерзни, замерзай) — *туң-дыр* (заставь замерзнуть, т. е. заморозь), *кол* (смейся) — *кол-дер* (рассмеши), *бас* (наступай ногой, дави) — *бас-тыр* (заставь давить), *тот* (держи, хватай) — *тот-тор* (заставь схватить), *кот* (жди) — *кот-тор* (вели ждать), *ыз* (пиши) — *ыз-зыр* (заставь писать), *һыз* (чувствуй) — *һыз-зер* (дай почувствовать), *кой* (отливай, лей) — *кой-зор* (заставь лить), *йөз* (плыви) — *йөз-зер* (заставь плыть).

В некоторых случаях, по историческим причинам, вместо аффикса с начальным звонким, ставится аффикс с начальным глухим. Примеры: *кил* (приходи) — *кил-тер* (приводи).

б) $\frac{кыр}{кер} - \frac{кор}{кер}$. Архаичный аффикс, сохранился в отдельных словах.

Примеры: *ят* (лежи) — *ят-кыр* (заставь лежать, т. е. укладывай), *ет* (достигай, поспевай) — *ет-кер* (заставь достичь, т. е. доведи).

в) $\frac{ыр}{ер} - \frac{ор}{ер}$. Повидимому, позднейший фонетический вариант преды-

дущего. Как и тот, употребляется главным образом после основ на *т*, *н* и шипящие и свистящие. Примеры: *кас* (беги, убегай) — *кас-ыр* (дай убежать, т. е. упусти), *беш* (варись) — *беш-ер* (заставь свариться, т. е. вари), *ос* (лети) — *ос-ор* (заставь || дай лететь), *төш* (слезь) — *төш-ер* (заставь слезть, т. е. ссади), *эс* (пей) — *эс-ер* (заставь пить, т. е. пои), *бат* (тони, увязай) — *бат-ыр* (заставь тонуть, т. е. топи).

г) $\frac{кар}{кэр} - \frac{кыр}{кер} - \frac{кор}{кер}$. Архаичный вариант $\frac{кыр}{кер} - \frac{кор}{кер}$. Сохранился в очень

немногих словах. Примеры: *кот-кар* (заставь спастись, спасай) от корня *кот* (счастье), который в форме глагола (простого) не сохранился; есть еще страдательная форма *кот-ол* (будь спасенным), *ут* (пройди, минуи) — *ут-кэр* (заставь пройти, миновать, т. е. проведи).

д) $\frac{ар}{эр}$. Более поздний фонетический вариант предыдущего. Сохранился также в очень немногих словах. Примеры: *сык* (выйди) — *сык-ар*

(заставь выйти, т. е. выведи), *кайт* (вернись) — *кайт-ар* (заставь вернуться, т. е. верни).

е) $\frac{каз}{кэз} - \frac{кар}{кэр}$. Фонетический вариант аффикса $\frac{кар}{кэр}$. Также сохранился

как пережиток в немногих изолированных словах. Примеры: *кот-каз* (спасай), *ут-кэз* (проводи). Встречается в разговорной речи и диалектах.

ж) $\frac{Fyз}{ceз} - \frac{FOз}{ceз}$. Фонетический вариант также архаичного аффикса =

$\frac{kыр}{кер} - \frac{kор}{кер}$. Сохранился как пережиточный в немногих изолированных

словах. Примеры: *тор* (стой, вставай) — *тор-гоз* (заставь встать, т. е. подними), *мен* (садись верхом) — *мен-гез* (заставь сесть верхом, посади). (От глагола *ак* (течь) образуется форма *а-гыз* вм. *ак-гыз* (заставь течь, точи).

С исторической точки зрения аффиксы *-кыр*, *-ыр*, *-кар*, *-ар*, *-каз*, *-гыз* и их варианты представляют собой по существу один и тот же аффикс, формула которого следующая: — *k* || *r* + *V* + *p* || *з* где *V* — гласный (широкий или узкий), а *k* || *r* и *p* || *з* — чередующиеся между собой пары начальных и конечных согласных. Семантическое единство этих вариантов видно хотя бы из того, что от отдельных глагольных корней образуются дублиеты фонетического порядка. Примеры: *кот-кар* и *кот-каз* (спасай), *мен-гер* и *мен-гез* (сажай верхом), *ут-кэр* и *ут-кэз* (проводи).

з) *-т*. Этот аффикс употребляется после многосложных¹ основ на гласный или плавные *p* и *л*. Примеры: *укы* (читай, учись) — *укы-т* (заставь читать, учи), *баила* (начинай) — *баила-т* (заставь начать), *биэз* (украшай) — *биэз-т* (заставь украшать), *бишэрлэ* (упятерь) — *бишэрлэ-т* (заставь упятерять), *йокла* (спи) — *йокла-т* (усыпи, убаюкай), *языр* (заставь писать) — *языр-т* (заставь заставить писать, т. е. заставь кого-нибудь при посредстве третьего лица, чтобы он писал), *сыгар* (выведи) — *сыгар-т* (вели вывести).

Эта форма аффикса употребляется при понудительности 1-й степени, если она: 1) оканчивается на такие аффиксы, в конце которых стоит *p*, и 2) заключает в себе минимум два слога, поскольку один слог занимает аффикс понудительности 1-й степени. Примеры: *кил* (приди) — *килтер* (приведи) — *килтер-т* (заставь привести), *ал* (возьми) — *алдыр* (вели взять) — *алдыр-т* (вели, чтобы заставили взять).

Если же основа на — *т* «возводится» в следующую степень понудительности, то можно опять употребить соответствующий аффикс с конечным *p*, поскольку в данном случае основа, хотя и многосложная, не будет оканчиваться на гласный или плавный. Примеры: *кал* (останься) — *калдыр* (вели остаться, т. е. оставь), *калдыр-т* (вели оставить) — *калдырт-тыр* (вели велеть оставить, т. е. вели, чтобы велели остаться). Если теперь *калдырттыр* нужно будет «возводить» в следующую (т. е. четвертую, считая по числу аффиксов) степень понудительности, то можно будет опять употребить аффикс *т*; зато следующую (пятую) степень понудительности можно будет снова охарактеризовать аффиксом *-тыр*.

и) *-хэт* (в других тюркских языках *-сэт*). Встречается в одном глаголе *кур-хэт* (заставь видеть, т. е. покажи) от *кур* («видь»).

Что касается русского перевода башкирских понудительных форм, то здесь иногда встречаются значительные трудности, если переводчик хочет избежать нагромождения схематических слов «заставить» или «велеть».

¹ Так называются такие основы, которые имеют минимум два слога.

Иногда, впрочем, удается сочетание «заставить + другой глагол» передать синтетически (т. е. одним словом), например: «заставить пить» = поить, «заставить прийти» = привести, «заставить утопиться» = утопить и т. д. Здесь переводчик всецело зависит от возможностей русского стиля и лексики.

В процессе подыскания наиболее приемлемых форм литературного русского перевода нетрудно убедиться в том, что семантическое развитие понятий, которые выражаются при посредстве глаголов, по-русски и по-башкирски не всегда совпадает. Например, если «поить» (т. е. «заставить пить») и для башкирского, и для русского языков есть производная величина от «пить», каковую и надо считать первичной, то в осознании русского «убить» и башкирского *ултереу*, русского «варить» и башкирского *бешереу* оба языка стоят на противоположных позициях. По-русски «убить» (т. е. «у-бить») с точки зрения понудительности есть первоначальная величина, не связанная логически с другим глагольным корнем; по-башкирски же *ул-тер-еу* означает собственно «заставить умереть — *ул-еу*», т. е. основа *ул-тер* есть производная величина от корня *ул*. По-русски «варить» рассматривается как первичный корень, а «вариться» — как производная от него величина; по-башкирски наоборот: первоначальная морфологически форма семантически связана с понятием «вариться» (*беш-еу*), а понятие «варить», т. е. «заставить вариться» (*беш-ер-еу*), рассматривается морфологически, как его производное.

Другая особенность понудительных форм состоит в следующем. Одна и та же глагольная основа может принимать одновременно несколько аффиксов понудительности, ср. *яз-зыр-т-тыр* («заставить заставить заставить писать»)¹. Эта черта, свойственная категориям словообразования, а не словоизменения, и является одной из причин того, почему залог глагола в башкирском (и тюркских языках) следует отнести к отделу словообразования.

Формы усиления и ослабления действия

Как и башкирские прилагательные, башкирские глаголы имеют особые формы усиления и ослабления действия, причем эти оттенки выражаются синтетически, т. е. при посредстве аффиксов. Строго говоря, всякого рода количественные модификации основного глагольного понятия относятся к категории глагольных видов, но категория вида в башкирском (и в тюркских языках вообще) относится по своему типу к чисто аналитическим конструкциям. Поэтому мы рассматриваем формы усиления и ослабления действия отдельно от глагольных видов.

С другой стороны, мы не можем принять точку зрения башкирских и тюркских учебников, которые включают формы ослабления и усиления действия в разряд залогов глагола: залог есть категория, построенная на совершенно ином принципе (отношение субъекта к объекту).

¹ А. Г. Шанидзе в весьма категорической форме отрицает это свойство тюркских глаголов, хотя явно не располагает необходимым для этого материалом из тюркских языков.

Форма усиления действия выражается в виде повторения или кратности действия, т. е. семантически приближается к русскому многократному виду. Показателем этой категории служат два аффикса (исторически разные по своему происхождению) — $\frac{кыла}{келэ} - \frac{гыла}{гелэ}$ (после соглас-

ных) и $\frac{штыр}{штер} - \frac{штор}{штер}$ (после гласных). Примеры: *бар* (ходи) — *бар-гыла* (похаживай), *кил* (приходи) — *кил-гелэ* (захаживай), *кара* (смотри) — *кара-штыр* (посматривай), *һөйлэ* (говори) — *һөйлэ-штер* (поговаривай).

Эта форма, так же как и понудительная, допускает «возведение в степень» или приятие одной глагольной основой двух и более аффиксов усиления. Например: *ал* (бери) — *ал-гыла* (часто бери) — *алгыла-штыр* (часто-часто бери) — *алгылаштыр-гыла* (часто-часто-часто бери). Подобного рода выражения, которые в серьезной речи (литературной и разговорной) все-таки встречаются редко, крайне трудно переводимы на русский язык.

Форма ослабления действия выражается в том, что действие представлено совершающимся не в полном объеме, а частично, с малой интенсивностью и небольшим диапазоном. В русском языке соответствующей морфологической категории не имеется, и потому башкирские формы ослабления действия приходится переводить аналитическим путем. Для башкирского же языка эта форма поларно противоположна предыдущей.

Показателем этой формы служат аффиксы:

а) $\frac{ыкыра}{екерэ} - \frac{окора}{окорэ}$ (после согласных) и $\frac{ныра}{нерэ} - \frac{нора}{норэ}$ (после гласных). Примеры: *яз* (ниши) — *яз-ыкыра* (пописывай слегка), *кил* (приходи) — *кил-екерэ* (приходи «помаленьку»), *тор* (стой) — *тор-окора* (поставив понемногу), *уки* (читай) — *уки-ныра* (почитывай слегка), *бизэ* (украшай) — *бизэ-нерэ* (украшай понемногу).

б) $\frac{ымһыра}{емһерэ} - \frac{омһора}{омһорэ}$ (после согласных) и $\frac{мһыра}{мһерэ} - \frac{мһора}{мһорэ}$ (после гласных).

Этот аффикс (по существу фонетический вариант предыдущего) употребляется в ограниченном числе глаголов. Примеры: *пла* (плачь) — *пла-мһыра* (всхлипывай), *кол* (смейся) — *кол-омһорэ* (посмеивайся понемногу), *йокла* (спи) — *йокла-мһыра* (дремли).

Деепричастия

Деепричастие — неизменяемая (по лицам, числам и временам) форма глагола, обозначающая собой некое дополнительное действие в отношении другого основного действия. Поскольку, таким образом, действие, выраженное деепричастием, является глагольным определителем, деепричастие называют также отглагольным наречием.

Деепричастия образуются по нижеследующей схеме:

1. Основа глагола в сочетании с аффиксом $-\frac{кас}{кэс} - \frac{гас}{гэс}$. Например: *тап-кас* (найди; как только напел), *ит-кэс* (пройди; как только прошел), *ал-гас* (взяв; как только взял), *кур-гэс* (увидев; как только увидел).

2. Основа глагола в сочетании с аффиксом $-\frac{ын}{ен} - \frac{он}{он}$ (после согласных) и *-н* (после гласных). Например: *ал-ын* (взяв), *кил-ен* (придя), *тор-он* (став, встав), *көл-ен* (засмеявшись), *уку-н* (прочитав), *һөйлә-н* (сказав).

3. Основы отглагольного имени на *-ған* в сочетании с аффиксом $-\frac{са}{са}$.

Для современного языка это уже единый аффикс, который имеет следующие

звуковые варианты: $-\frac{канса}{кэнса} - \frac{ғанса}{гэнса}$. Примеры: *сык-канса* (не выходя;

прежде чем выходить), *эс-кэнса* (не выпивая; прежде чем выпивать), *ал-ғанса* (не беря; прежде чем взять), *кил-гэнса* (не приходя; прежде чем прийти). См. стр. 257.

4. Основа глагола в соединении с аффиксом $-\frac{а}{ә}$ (после согласных) и *-и* (после гласных). Это деепричастие, от которого образуется настоящее время изъявительного наклонения, в качестве деепричастия употребляется в повторенном виде. Примеры: *ал-а ал-а* (беря-беря, т. е. часто беря), *бар-а бар-а* (ходя-ходя, т. е. часто ходя), *һора-й һора-й* (спрашивая-спрашивая, т. е. часто спрашивая), *һуғ-а һуғ-а* (ударяя-ударяя, т. е. часто ударяя).

В современном языке употребление этого деепричастия ограничено главным образом фольклорным жанром и отдельными фразеологическими оборотами: ср. пословицу *ат менмәгән ат менһә, саба-саба үлтөрөр; тун кеймәгән тун кейһә, қаға-қаға бәтөрөр* (если тот, кто не сядет на коня, он загонит его, поминутно понукая; если тот, кто никогда не надевал шубы, наденет шубу, он доконает ее, поминутно выколачивая).

Деепричастие на *-ғас* иногда принимает аффикс исходного падежа и звучит, следовательно, *кайт-кас-тан* (возвратясь), *уйла-ғас-тан* (подумав), *кит-кэс-тән* (уйдя), *кур-гэс-тән* (увидев). Эта форма, очевидно, сохранилась от той эпохи, когда деепричастие еще могло склоняться, т. е. не окончательно превратилось в отглагольное наречие.

Деепричастия на *-ын* и *-ғас* часто принимают после себя частицу (полуаффикс) *-да* и этим подчеркивают свою связь со смежными глагольными формами. Примеры: *алын-та* (взяв и), *килгэс-тә* (как только пришел и...).

Отрицательная форма четырех основных деепричастий сводится по существу к трем типам:

1. Тип *ал-ма-й* (не беря), *кил-мә-й* (не приходя). Исторически это отрицательная форма к деепричастию *ала* и *килә*. Однако эта форма может употребляться и без повторения. Пример: *көрмәй китте* (он ушел, не входя внутрь; ушел, не зайдя).

В современном языке эта форма является также отрицанием к деепричастию на $-\frac{ын}{ен} -\frac{он}{он}$, которое в башкирском языке не имеет своей собственной отрицательной формы.

2. Тип *ал-майынса, кил-мәненсә*, который исторически, очевидно, восходит к предыдущему типу отрицания. В современном языке эта форма служит отрицанием к деепричастию на *-ғанса*, так как последнее употребляется только в положительной форме.

3. Тип *ал-ма-ғас* и *кил-мә-гәс*, который является естественной отрицательной формой к положительной *алғас* и *килгәс*.

Авторы некоторых школьных учебников классифицируют деепричастия по времени, относя деепричастия типа *алғас* к прошедшему времени, деепричастия типа *алын* — к настоящему, а деепричастия типа *алғанса* — к будущему (деепричастие типа *ала-ала* грамматика в этот свой обзор не включают).

Однако наблюдения над фактами разговорного и литературного языка в одинаковой мере показывают, что значение каждого деепричастия определяется тем, в каком отношении находится это деепричастие к основному глаголу. Само же по себе, взятое вне контекста, деепричастие никакой специфики времени по своей природе не заключает.¹ В большинстве случаев отношение деепричастия к основному глаголу характеризуется понятием времени, реже — понятием соизмеримости или образа действия.

Деепричастие на $-\frac{а}{ә}$ и *-й* обозначает такое действие, которое происходит одновременно или параллельно с действием основного глагола.

Ср. приведенную выше поговорку: *ат менмәгән ат менһә, саба-саба уттерер; тун кеймәгән тун кейһә, қаға-қаға бәтөрөр* (если тот, кто никогда не садился на коня, сядет на коня, он загонит его, поминутно понукая; если тот, кто никогда не надевал шубы, наденет шубу, он dokonчат ее, поминутно выколачивая). Или еще более характерные примеры: *шатлана-шатлана кайтып китә* (радостно идет он назад: дословно: «радуясь-радуясь»), *курка-курка барып* (пойдя со страхом: дословно: «боясь-боясь»), *сапанымың ең менән маңғайындағы тир бәртәктәрен һәртә-һәртә һүзгә керешкән* (стирая рукавом от халата капли пота со лба, он начал говорить), *һикерә-һикерә юсерә ине* (он бежал вприпрыжку). Или еще: *яза һуғыу* (бить мимо, давать промах).

Поскольку это деепричастие в старом языке, повидимому, употреблялось часто (ср. поговорки), а в современном встречается довольно редко, вместо него ставится деепричастие на *-ын*. Это бывает особенно часто тогда, когда деепричастие означает уже не время, а образ действия. Примеры: *ул секретарь булып эшләй* (он работает в качестве секретаря || секретарем; дословно: «будучи секретарем»), *мин һиңә доктор булып әйтәм* (я говорю тебе, как доктор). Ср. еще примеры: *һезән килеү* (приплыть — дословно:

¹ Некоторая несообразность этой старой точки зрения видна хотя бы из того, что деепричастие на *-ғанса*, которое грамматика относили к будущему времени, фактически образуется от причастия прошедшего времени с аффиксом *-ған*.

«плывя, притти»), *юксереп узыу* (пробежать), *босон барыу* (красться), *ура-ланьт йөрөү* (колесить), *йылт иттеп уттеп китеу* (прошмыгнуть — дословно: «сверкнув, пройди, уйди»), *һижереп-Һижереп алыу* (припрыгивать), *кысылышыт барыт сығыу* (протискаться — дословно: «сжимаясь, иди, выйди»), *ауыз асыт катып карап калыу* (зазеваться). Само же по себе деепричастие на *-ыт* означает такое действие, которое предшествует основному действию предложения. Примеры: *без библиотекалан китап алып укый башиланьт* (взяв книгу из библиотеки, мы начали читать), *Һәр кем быны белеп шатлана* (каждый, узнав об этом, радуется), *улар килеп туктайзар* (подойдя, они останавливаются = они приходят и останавливаются), *Һыу эсеп китәйек* (попьем-ка воды и пойдём; дословно: «попив воды, пойдём-ка!»).

Деепричастие на *-ғас* также означает действие, предшествующее основному. Однако между двумя деепричастиями (на *-ыт* и на *-ғас*) существует известная разница количественного порядка. Деепричастие типа *алыт* указывает только на то, что это действие предшествует основному, а деепричастие типа *алғас* указывает на следующие два момента: а) это действие предшествует основному и б) отделено от него минимальным промежутком времени. Поэтому слово *алғас* по-русски точнее переводить не деепричастием «взяв», а развернутым сочетанием: «как только взял; лишь только взял». Примеры: *был һуҙе ишеткәс, кыуана-кыуана картка китте* (услышав эти слова, он тут же на радостях пошел к старику), *Һине тәҙрәнән курғас өйҙән сыҡтым* (лишь только я увидел тебя из окна, как сейчас же вышел на улицу).

Деепричастие типа *алғанса* связано с основным глаголом особыми отношениями. Это деепричастие является как бы рамками основного действия или необходимым условием, без которого основное действие не может совершиться. Примеры: *мин килмәһсә көтөп тор* (ты подожди, пока я не приду). Вместо формы *килмәһсә* может быть поставлена форма *килмәһсәнсә*, например: *мин килмәһсәнсә җа быман китмәс* (пока я не приду, он не уйдет отсюда). По-русски деепричастие в каждой из этих фраз переводится с отрицанием, по-башкирски же отрицание стоит только во второй фразе и зависит от отрицания в главном глаголе.

Иногда деепричастие на *-ғанса* выражает не время, а момент сравнения. Примеры: *кешеләр йәшәгәнсә йәшәрә тейешмен* (я должен жить, как люди), *мин уйлағанса барыт сыкманы* (вышло не так, как я думал), *Һине тынлағанса, мин ақылы кешеләрҙе тынлауым артык* (чем тебя слушать, мне лучше слушать умных людей).

Для того чтобы точнее передать оттенки значения каждого деепричастия, по-русски можно переводить их не только деепричастной формой, но и развернутым сочетанием слов с отдельными союзами. Деепричастие типа *алыт* можно перевести так: «взяв || когда взял || так как взял». Деепричастие типа *алғас* допускает такие формы перевода: «взяв || как только взял». Деепричастие *алғанса* соответствует русским оборотам: «не беря || прежде чем взять || чем взять || пока не возьмет». Деепричастие *алмайынса* = «пока не возьмет (взяв)». В русском переводе *алғанса* и *алмайынса*

иногда передаются одинаково, потому что оборот «пока возьмет» (т. е. точное соответствие башкирскому *алганса*) в этом смысле по-русски невозможен.¹ Вообще говоря, из нескольких вариантов, предложенных выше, при конкретном переводе, естественно, выбирается тот, который оправдывается контекстом и стилем.

Поскольку деепричастия не выражают глагольных лиц, они должны иметь при себе в каждой конкретной фразе отдельное подлежащее в форме существительного или личного местоимения; при переводе же деепричастия, взятого вне фразы, личное местоимение опускается. Поэтому форму *алын* мы переводим: «взяв», так как лицо субъекта здесь не выражено, *алгас*: «как только взял» (кто — неизвестно), а *алганса*: «прежде чем взять» (кому — неизвестно). Между тем *мин алын*... означает: «я, взяв...», *хин алгас*: «как только ты взял...» и т. д.

Иногда деепричастие сливается в одно понятие с основным глаголом и образует то, что называется в тюркских языках глагольным видом. Примеры: *йырлан ебэрзе* (он запел; дословно: «запев, пустил»), *укып сыктым* (я прочитал; дословно: «читав, вышел»), *тазара барасап* (он будет крепнуть — дословно: «укрепляясь, будет идти»), *төшө тора* (он приземляется — дословно: «падая, стоит»). Анализ таких сочетаний мы приводим в особой главе (см. стр. 195 сл.).

Часто деепричастие означает просто образ действия.

Примеры на деепричастие типа *алмайынса*: *уны көнө төнө йокламайынса, йөрәгем кеңек һаклап үстәрзем* (я воспитывала его и оберегала, как свое сердце, не досыпая ни днем, ни ночью), *укытыусы бер һүз ээ таба алмайынса кире кайта* (учитель, не будучи в состоянии найти ни слова, возвращается обратно), *хин уйламайынса эш итәһең* (ты работаешь, не думая), *был кешенең бер һүзен калдырмайынса тыңлап торорға кәрәк ине* (надо было слушать этого человека, не пропуская ни одного его слова).

Причастия

Причастием называется такая форма глагола, которая одновременно обладает признаками глагола и прилагательного, иначе говоря, является отглагольным прилагательным. Если, с одной стороны, причастия различаются по времени и принимают аффиксы сказуемости, то с другой — они, как всякое прилагательное, определяют признак предмета.

В предложении причастие обычно бывает второстепенным членом (определением, реже дополнением), реже сказуемым и подлежащим. Употребляясь как сказуемое, причастие принимает аффиксы отрицания и сказуемости; выступая как определение, причастие никаких аффиксов, кроме аффиксов отрицания, не принимает; стоя же в качестве дополнения, оно принимает, сверх аффиксов отрицания, также аффиксы падежей, числа и иногда принадлежности.

¹ Мы не говорим здесь, разумеется, о таких, например, сочетаниях, как: «пока он возьмет, пройдет много времени».

Школьные учебники башкирского языка устанавливают следующие типы причастий:

1. Причастие настоящего времени, которое образуется от инфинитива через прибавление аффикса $\frac{сы}{се} \frac{со}{сө}$. Последнее фактически не встречается: см. стр. 39, прим. 2. Примеры: *язьусы* (пишущий), *биреу-се* (дающий), *тотуу-сы* (хватаящий), *йөзөү-се* (плавающий).

2. Причастие прошедшего времени, которое образуется от основы глагола с прибавлением аффикса $\frac{кан}{кән} \frac{ған}{ған}$. Примеры: *кас-кан* (убежавший), *кит-кән* (ушедший), *ал-ған* (взявший), *кил-ән* (пришедший).

3. Причастие будущего времени, которое образуется от основы глагола с прибавлением аффикса $\frac{асақ}{әсәк}$ (после согласных) и $\frac{йасақ}{йәсәк}$ после гласных. Примеры: *ал-асақ* (тот, который возь-

мет || будет брать; «имеющий взять || брать»), *бел-әсәк* (тот, который будет знать: «имеющий знать»), *башла-йасақ* в м. *башла-й-асақ* [тот, который начнет || будет начинать: «имеющий начать (начинать)»], *эшлә-йәсәк* из *эшлә-й-әсәк* (тот, который будет работать: «имеющий работать»), *кейәү буласақ егеттәр* (молодцы, которые будут женихами).

Из этой схемы не вызывают возражений последние два пункта: причастие прошедшего времени и причастие будущего времени. Однако и тут необходимо сделать некоторые добавления. Дело в том, что глагольные образования на *-ған* и на *-асақ* настолько богаты по своим функциям, что роль причастий — это только одна сторона их употребления. О других сторонах мы в своем месте будем говорить подробно, а сейчас укажем, что в данном отделе мы трактуем эти формы исключительно в плане причастий. Тут нужно только отметить, что формально «действительные» образования на *-ған* и *-асақ* фактически иногда понимаются в пассивном смысле, т. е. не различают залогов. Примеры: *тыуған көн* (день рождения, а не «родивший || рожденный день»), *эшләмәй торған көн* (нерабочий день, а не: «неработающий день»), *барасақ юл* (маршрут, а не: «дорога, которая пойдет»).

Формы типа *алыу-сы* (берущий), *барыу-сы* (идущий) и т. д. в современном языке утрачивают черты глагольности и постепенно переходят в разряд отглагольных существительных со значением профессиональности: *уҡыу-сы* (ученик), *уҡытыу-сы* (учитель), *алыу-сы* (покупатель), *һатыу-сы* (продавец), *тотуу-сы* (ловец), *язьу-сы* (писец) и т. д. Едва ли кто-нибудь станет считать причастиями настоящего времени такие слова, как *язьусы*, *уҡыусы*, *уҡытыусы*, а потому помещать их в отдел причастия настоящего времени будет искусственно и едва ли правильно. По смыслу такие формы, как *һатыу-сы*, скорее соответствуют русскому «продавец», чем «продающий», т. е. не выражают никакой динамики действия.

Исторически дело могло обстоять иначе, но для современного языка эта форма уже не является причастием. Причастием настоящего времени в полном смысле можно считать аналитические конструкции из деепричастия

на $-\frac{a}{\partial}$ || -й в соединении с формой *торган* от модального глагола *торуу* (стоять), т. е. *ала торган* (берущий теперь; дословно: «беря стоящий») и *бирэ торган* (дающий теперь; дословно: «давал, стоящий»). Они-то как раз и выражают динамику действия и настоящий момент его совершения. Исторически к числу причастий настоящего времени могло относиться и причастие на *-ган*, которое в современном языке обслуживает главным образом прошедшее время.

Вторым существенным недостатком школьной схемы является то, что она оставляет вне поля зрения некоторые причастные формы как пережиточного, так и актуального значения. К числу последних относится:

4. Причастие будущего времени, которое образуется от основы глагола через прибавление аффиксов $-\frac{ыр}{ер}$ $-\frac{ор}{ор}$ (после соглас-

ных) и *-р* (после гласных). Примеры: *бар-ыр* (тот, который пойдет), *эйт-ер* (тот, который скажет), *тот-ор* (тот, который схватит), *көлдөр-өр* (тот, который рассмеши), *хайра-р* (тот, который будет петь). Это причастие лежит в основе Будущего 1-го и потому само может быть названо «будущее причастие 1-е».

В современной речи это причастие сравнительно редко выступает в роли определения, но тем не менее является вполне реальной величиной. Между двумя причастиями будущего времени — *барыр* и *барасак*: (по-русски в общем одинаковый перевод: «тот, который пойдет || будет идти») по-башкирски существует значительная разница. Форма типа *барасак* указывает на категоричность и обязательность действия: это означает: «тот, который пойдет обязательно» или «тот, который должен пойти». Перевести форму одним словом по условиям русского языка невозможно. Что касается формы *барыр*, то она означает скорее не действие, которое непременно произойдет, а склонность или способность кого-либо или чего-либо к этому действию. Другими словами, эта форма является как бы переходной от собственных причастий к отлагательным прилагательным. В этом смысле характерны такие примеры, как *кайнар һыу* (шипячая вода) и *эйтәр һүз* (говоримое слово, т. е. как бы «живое слово»). Выражение *кайнар һыу* указывает на свойство этой воды, а не на то, что она начнет какое-либо действие, т. е. будет кипеть. Выражения типа *эйтәр һүз* (слово, которое будет говорить, т. е. слово, которое будет звучать) и *барыр юл* (дорога, по которой будут ходить || ехать, т. е. проезжая дорога) отражают старую эпоху в развитии языка, когда не было четкой разницы между формами действительного и страдательного залогов. В самом деле: вместо *эйтәр һүз* лучше было бы сказать: *эйтеләр һүз*, а вместо *барыр юл*: *барылыр юл*. Ср. еще аналогичные примеры: *күтәр урын* (ночлег), *алыр урын юк* (негде взять), *барыр урын юк* (некуда идти), *табыр урын юк* (неоткуда

добыть), *түзәр хәл булмаған* (несносный). Ср. также *бәтлә с-төгәнмә* (неистоцимый). С послелогом *өсөн* означает цель: *торор өсөн* (чтобы стоять || жить, для проживания), *курһәтер өсөн* (напоказ). Отдельные формы превратились в существительные: *килер* (доход), *тик тормаç* (непоседа), *улан ашар* (травоядный), *иттизәр* (путешественник), *имерзәр* (млекопитающие), *юлбасыр* (в диалектах *юлбасар* — разбойник). Для выражения большей абстрактности и пассивности это причастие, сохраняя значение прилагательного-причастия, принимает аффикс *-лык*. Примеры: *онотолмаслык* (незабвенный), *сызарлык* (терпимый), *стерлек* (достаточный, подходящий в меру), *эикә итерлек* (исправимый), *емерелмәлек* (нерушимый), *һауығырлык* (излечимый), *кире кағып булмаçлык* (неотразимый), *һизелмәлек* (неощутимый), *акылға һыймаслык* (немыслимый), *әзәм ышанмаçлык* (невероятный), *түләрлек нәмәм юк* (мне нечем платить), *көтөргә сызарлык хәл калманы* (стало невтерпёж ждать), *түзәрлек түгел* (невозмогу).

Кроме того, в башкирском языке сохранилось в виде пережитка еще следующее причастие.

5. Причастие будущего времени, образующееся от основы глагола с прибавлением аффикса $-\frac{аһы}{әһе}$, который, очевидно, раз-

лагается на две составные части: $-\frac{а}{ә} + \frac{һы}{һе}$. Примеры: *ал-аһы* (тот,

кому надлежит взять), *кил-әһе* (тот, кому надлежит притти), *киләһе йыл* (будущий год), *ашаһы аш* (еда, которую будут есть), *уйнаһы уйын* (игра, в которую будут играть), *уқыһы китан* (книга, которую будут читать), *уйлап тораһы ла юк* (и думать нечего). Это причастие занимает несколько особое положение в системе башкирских причастий. Употребляется оно сравнительно редко и к тому же ограничено определенными стилистическими условиями. Добавим, что оно чаще встречается в тех диалектах Башкирии, которые обнаруживают определенные черты татарского влияния. В самом татарском языке *ал-асы* — обычная форма, которой в башкирском соответствует тип *ал-ғы* (отглагольное существительное). В этих диалектах, как и в татарском языке, данное причастие употребляется со словами *килә* или *бар* (см. стр. 177), например: *алаһы килә* (ему хочется взять), *азаһым бар* (мне хочется писать). Любопытно, что после аф-

фикса принадлежности 3-го лица $\left(-\frac{һы}{һе}\right)$ ставятся одновременно и аффиксы принадлежности других лиц: *алаһым*, очевидно, разлагается на такие части:

ал + а + һы + м. Это показывает, что в современном языке $-\frac{һы}{һе}$ не осо-

знается уже как аффикс принадлежности, а самый состав этого причастия представляется неясным. По своему значению это причастие принадлежит к типу так называемых пассивных оборотов, т. е. таких, в которых субъектом (подлежащим) выступает не социально-активный предмет, а наоборот — социально-пассивный. Пассивные обороты являются пережит-

ком древней стадии развития языка и общественного развития, когда человек чувствовал сильную зависимость от природы. В этом отношении причастие типа *алаһы* отличается от причастия типа *аласак*. *Алаһы* — это то, что подлежит взятию как бы независимо от человека, а *аласак* — тот, который возьмет || будет брать (что-либо) в качестве активного субъекта.

В более позднем языке причастия стали различаться по линии действительного и страдательного залогов, точнее, основного (неопределенного) и страдательного. Причастие основного залога не оформлялось специальным аффиксом и означало признак того предмета, который сам производил, производит или будет производить это действие. Примеры: *язган кеше* (писавший человек; человек, который писал), *яза торған кеше* (человек, который пишет), *язасак кеше* (человек, который напишет). Страдательное же причастие обозначает признак предмета, который подвергается этому действию со стороны другого предмета. Примеры: *язылған кеше* (человек, который записан), *языласак кеше* (человек, который будет записан). Страдательные причастия образуются путем присоединения к основе глагола тех специальных аффиксов, о которых см. стр. 180.

Отрицательная форма причастий имеет три типа:

1. Обычную форму глагольного отрицания с аффиксом $\begin{matrix} ма \\ - \\ мә \end{matrix}$, т. е.

ал-ма-ған (не взявший), *кур-мә-гән* (не увидевший); *ал-ма-ясак* в м. *ал-ма-й-асақ* (тот, который не возьмет), *кил-мә-й-эсәк* (тот, который не придет), а также *ал-ма-у-сы* (не берущий), *кил-мә-у-се* (не приходящий).

2. Тип *ал-ма-й торған* (не берущий в данный момент) и *кил-мә-й торған* (не приходящий в данный момент), закономерно образованный от положительных форм *ал-а торған* и *кил-э торған*.

3. Тип *ал-ма-с* (тот, который не возьмет) и *кил-мә-с* (тот, который не придет), который является отрицанием положительных причастий будущего времени *ал-ыр* и *кил-ер*. Формы *ал-ма-с* и *кил-мә-с* вместо ожидаемых *ал-ма-р* и *кил-мә-р* возникли в силу фонетического перехода конечного *р* в *с* через ступень *з*. Таким образом, общая формула этого перехода, известного во всех тюркских языках, такова: $p > z > c$. Будущее 1-е изъявительного наклонения и производные от него также имеют в отрицательной

форме сложный аффикс $\begin{matrix} ма\varsigma \\ - \\ мә\varsigma \end{matrix}$, поскольку в основе этих форм лежит этот тип причастия будущего времени.

Подводя итоги тому, что сказано выше, мы можем разделить башкирские причастия на следующие три группы:

1. Собственные причастия, или причастия в полном смысле слова: тип *ала торған* (берущий теперь).

2. Несобственные причастия, или причастия переходного типа: *алыусы* (берущий; покупатель), *алаһы* (то, что подлежит взятию), *алыр* (тот, который возьмет, будет брать).

3. Формы на *-ған* и *-асақ*, которые имеют много функций и могут быть не только причастиями.

Вспомогательные глаголы

В башкирском, как и во всех языках, существуют вспомогательные, или служебные, глаголы, которые употребляются для оформления других глагольных форм. Семантически эти глаголы характеризуются чрезвычайно широким и абстрактным содержанием, которое требует конкретизации и разъяснения. Таковы глаголы: «совершать, делать» (что?) и «быть, становиться» (кем? чем?). Вспомогательный глагол «делать»¹ звучит: *ит-еу*. Он употребляется при именах (главным образом заимствованных) и образует от них глаголы, т. е. выполняет роль некоего словообразовательного элемента. Примеры: *хожем итеу* («суждение + делать», т. е. судить, выносить решение), *кабул итеу* («согласие || прием + делать», т. е. соглашаться, принимать).

Оба примера связаны со старыми заимствованиями.

Из башкирских слов глагол *итеу* сочетается с производными существительными, имеющими аффикс *-лык*. Примеры: *балыксылык итеу* («рыболовство делать» = заниматься рыболовством), *уҡытыусылык итеу* («учительство делать» = учительствовать). В наше время глагол *итеу* способствует образованию глаголов от имен и терминов, заимствованных из русского языка. Примеры: *приказ итеу* («приказ + делать» = приказывать), *регистрация итеу* («регистрация + делать» = регистрировать) и т. д. Таких сочетаний насчитывается очень много (особенно в разговорной речи).

Для обращения этих форм в страдательный залог достаточно заменить спрягаемую форму глагола *итеу* его страдательной формой *ителеу*. Примеры: *приказ ителән* («приказ + сделан» = приказано), *регистрация ителән* («регистрация + сделана» = зарегистрировано).

Глагол «быть» в архаичных тюркских языках звучал: *эр-*, где *э-*, очевидно, произносилось как русское *э* в слове «этот». С течением времени корень *эр-* и его параллельный вариант *ир-* во многих языках, в силу определенного фонетического закона (редукция и выпадение *р* в закрытом слоге), приняли вид *э-* или *и-*. Для башкирского языка характерно произношение *и-*. При всем том этот глагол утратил многие из нормальных форм спряжения и превратился, таким образом, в недостаточный глагол (лат. термин *verbum defectivum*). К настоящему времени башкирский вспомогательный глагол *и-* (будь) сохранил следующие формы спряжения: 1) прошедшее законченное, которое спрягается по общей схеме, т. е. *и-и-ем* (я был), *и-и-ен* (ты был), *и-и-е* (он был), *и-и-ек* (мы были), *и-и-егез* (вы были), *и-и-е-лэр* (они были). Отрицательная форма — *тугел инем* (я не был); 2) настоящее время условного наклонения, которое также спрягается обычным порядком: *и-һә-м* (если я емь = франц. *si je suis*), *и-һә-и*, *и-һә*, *и-һә-к*, *и-һә-гез*, *и-һә-лэр*; 3) причастие прошедшего времени *и-кә-и*, которое дает ряд образований, обычно связанных с этим причастием. Семанти-

¹ Здесь имеется в виду понятие «делать» в своем самом отвлеченном виде: «делать = совершать» (что-либо). «Делать» в смысле «строить» и «мастерить» переводится другими словами.

чески же в значении этого причастия произошел некоторый сдвиг: оно значит теперь «оказывается, кажется» и прибавляется как вспомогательный элемент к другим спрягаемым глаголам, создавая, таким образом, особый тип описательного спряжения с оттенком недостоверности. Примеры: *ул алған икән* (он, оказывается, взял), *һез килән икәнһегез* (вы, оказывается, пришли).

В тех же временах и наклонениях, которых нет от глагола *и-*, вместо него в том же значении «быть» употребляется другой вспомогательный глагол *бул-ыу*, что первоначально значило: «делаться, становиться». Таким образом, западноевропейским *être, sein* и *to be* по-башкирски соответствует *и-*, а западноевропейским *devenir, werden* и *to become*¹ по-башкирски соответствует корень *бул-*.

В тех случаях, где имеются сохранившиеся формы от глагола *и-*, глагол *бул-* имеет только свое узкое значение (стать, делаться). Пример: *мин укытыусы инем* (я был учителем) и *мин укытыусы булдым* (я стал учителем). В тех же случаях, где от глагола *и-* нет соответствующих форм, глагол *бул-* имеет два значения: 1) «свое собственное», т. е. «делаться, становиться», 2) дополнительное, принятое вместо глагола *и-*, т. е. «быть». Примеры: *укытыусы бул* — 1) стань учителем, 2) будь учителем, *укытыусы буласакмын* — 1) я непременно сделаюсь учителем, 2) я непременно буду учителем, *укытыусы булһағыз* — 1) если вы станете учителем, 2) если вы будете учителем, *укытыусы булырға* — 1) чтобы стать учителем, 2) чтобы быть учителем.

Таково теоретическое разграничение двух глаголов. Однако в современном языке наблюдается распространение глагола *бул-* за счет глагола *и-*, особенно в тех случаях, когда понятие «быть» не связано ни с какой качественной оценкой предмета. Так, например, вместо того, чтобы сказать: *мин Өфөлә инем* (я был в Уфе), обычно говорят: *мин Өфөлә булдым*.

Глагольные виды

Категория глагольных видов в тюркских языках весьма богата. Она, повидимому, древнее категории времени: по крайней мере во многих довольно архаичных тюркских языках (казахский, киргизский, ногайский и др.) видовые формы заменяют временные. Понимая под видом количественную модификацию основного действия (как и в русских грамматиках), мы одновременно должны признать, что между русскими и тюркскими глагольными видами существует значительная разница. Русские виды основаны на двух принципах: незаконченность и повторяемость действия; выражаются они обычно синтетически. В башкирском языке (и большинстве тюркских) незаконченность и повторяемость также выражаются синтетически, но они не проходят систематически сквозь все глагольные спряжения, как признаки русских видов. Законченность и незаконченность по-башкирски

¹ Здесь нелишне упомянуть еще раз, что западноевропейским *avoir, haben* и *to have* по-башкирски ничего не соответствует: такого глагола по-башкирски нет, и все подобные обороты передаются с помощью слова *бар*, о чем см. стр. 59.

различаются только в прошедших временах изъявительного наклонения; так, формы *яз инем* (я писал тогда), *языр инем* (я писал бы) являются незаконченными (несовершенными), а форма *яззым* (я написал) — законченной (совершенной); остальные же формы изъявительного и других наклонений нейтральны в смысле законченности и незаконченности (т. е. совершенности или несовершенности); ср. *яз* (пиши и напиши) *язасакмын* (я напишу || буду писать), *язган* (писавший || написавший). В силу этого категория совершенности и несовершенности действия в башкирских грамматиках не выдвигается как критерий. Тем не менее этот принцип там существует, хотя, как мы видели, применяется в ограниченных размерах. Нечто подобное можно сказать и о многократности. Выражаясь

аффиксом $-\frac{\text{ғыла}}{\text{гелә}}$, она фактически обозначается редко и не во всех

наклонениях и временах. Приведем два примера: *булеләу* (расчленять) и *айырғылау* (разлучать). К тому же она не противопоставляется так резко форме однократности, как в русском языке; можно даже сказать, что форма однократности, выраженная синтетическими средствами, в башкирском и в других тюркских языках отсутствует.

Несмотря на все эти ограничения, мы склонны признать, что в башкирском языке существуют несовершенный, совершенный и многократный виды, применение которых, однако, распространяется не на все глагольные формы. Эти виды выражаются синтетическим путем и могут быть названы глагольными видами 1-й категории.

Громадное большинство тюркских видов относится только ко 2-й категории, поскольку выражается аналитически. Глагольные виды 2-го типа состоят из комбинации деепричастия и спрягаемой формы модального глагола. К модальным глаголам относятся: *ал-ыу* (брать), *бир-еу* (давать), *кил-еу* (приходить), *кит-еу* (уходить), *бар-ыу* (йти, ходить), *йөр-өу* (двигаться), *тор-оу* (стоять), *сығ-ыу* (выходить), *сығар-ыу* (выводить), *ебәр-еу* (посылать), *ят-ыу* (лежать), *бетөр-өу* (кончать), *кал-ыу* (оставаться) и др.

Семантика глагольных видов 2-й категории весьма разнообразна: ускорение и ослабление действия, переход действия в состояние, смена субъектов, начало и конец действия и т. д.

Рассмотрение глагольных видов производилось М. Курбангалеевым в его учебниках татарского языка для русских. Автор придерживался при этом следующего принципа: он старался отождествить каждый вид татарского глагола с определенным префиксом русского глагола. Едва ли этот аналитический метод может дать полное представление о татарских видах: ведь одному татарскому глагольному виду соответствуют различные русские префиксы, которые иногда не исчерпывают до конца все содержание татарского вида. Не лучше ли вместо этого чисто методического пути избрать другой: проследить семантику татарских видов, оставаясь на базе татарского языка, и потом уже, в порядке параллели, подыскивать соответствия из русского языка?

Среди башкирских преподавателей и лингвистов вопрос о глагольных видах, правда, ставился, но никакого разрешения долго не получал.¹ В процессе спора некоторые считали, что видовой принцип может быть свойствен даже отдельным корням, независимо от их морфологического оформления и синтаксических связей. Так, например, выдвигалось мнение, что корень *яз* сам по себе связан с идеей совершенного вида (т. е. означает прежде всего «напиши», а не «пиши»), а корень *ят* — с идеей несовершенного вида (т. е. означает прежде всего «лежи», а не «ляг»). По нашему мнению, этот вопрос настолько не разработан, что сейчас крайне трудно сказать о нем что-нибудь определенное.

Классификацию глагольных видов башкирского и других тюркских языков удобнее всего производить по тем модальным глаголам, которые сопровождают деепричастие и спрягаются, тогда как само деепричастие как бы «застывает» в своей первоначальной форме. При этом можно наблюдать два случая: некоторые глаголы сочетаются и с деепричастием на *-ыт*, и с деепричастием на $-\frac{a}{\partial} \parallel -й$, другие — только с каким-нибудь одним типом этих деепричастий; деепричастие на *-ғанса* в подобных комбинациях не употребляется. Приведем перечень наиболее употребительных глагольных видов, распределяя их по модальным глаголам:

1. Глагол *ал-ыу* (брать, взять). В соединении с деепричастием на $-\frac{a}{\partial} \parallel -й$ образует аспект возможности, например: *яз-а алды* (он мог писать), *кыл-э алды* (он мог притти). Отрицательная форма этого оборота дает аспект невозможности: *яз-а алмань* (он не мог писать), *кыл-э алмань* (он не мог притти). См. об этом стр. 136.

В соединении с деепричастием на *-ыт* этот глагол выражает следующие характерные моменты: а) быстрое окончание данного действия сравнительно с другими, б) подчинение основного действия своим субъективным целям (т. е. совершение чего-нибудь для себя, в своих интересах, ср. греческий залог Medium). Примеры: *яз-ыт алдым* (я списал || записал || написал), *уны был семьянан тартып алырға кэрэк* (надо вырвать ее из этой семьи).

2. Глагол *бир-еу* (давать). В соединении с деепричастием на $-\frac{a}{\partial} \parallel -й$ означает незаконченность или «продолжительность» действия. Примеры: *аша-й бирзе* (он продолжал есть), *яз-а бирзе* (он продолжал писать).

В соединении с деепричастием на *-ыт* выражает законченность действия в пользу какого-нибудь другого лица. Примеры: *укы-н бирзе* (он прочел), *һыйла-н бирзе* (он сказал, рассказал), *һана-н бирзе* (он сосчитал), *тег-ен бирзе* (он спил). При всех этих примерах подразумевается: «для кого-нибудь».

3. Глагол *кыл-еу* (приходить). В соединении с деепричастием на $-\frac{a}{\partial} \parallel -й$ выражает законченность или неожиданность действия. Примеры: *сыт-а*

¹ В недавнее время (1944) вышла в свет посвященная этой теме монография А. Н. Харисова. Настоящая глава была составлена нами еще до выхода этой книги.

жил-де (он вдруг вышел || появился), *бар-а жил-де* (он съездил), *хора-й жил-де* (он спросил || повыспросил).

В соединении с деепричастием на *-ын* выражает законченность действия и направленность его к говорящему или в его пользу. Примеры: *улы-п жилде* (он кончил учиться, получил образование), *бәтәр-өн жилде* (он закончил), *халык агылып килә* (народ стекается).

4. Глагол *кит-су* (уходить). В соединении с деепричастием на $-\frac{a}{ə} \parallel$ -й выражает целеустремленное действие, направленное в сторону от говорящего. Примеры: *ал-а китте* (он пошел брать), *улы-й китте* (он пошел читать), *хораш-а хораш-а китте* (он пошел спрашивать). Русский перевод этих примеров не совсем точный, так как деепричастие и глагол *кит-су* сливаются в одно понятие.

В соединении с деепричастием на *-ын* выражает законченность действия, которое перешло в движение в сторону от говорящего. Оба элемента семантически сливаются в одно понятие. Примеры: *ал-ын китте* (он унес; дословно: «взяв, ушел»), *кас-ын китте* (он убежал), *кыз-ын китте* (он разгорячился), *эйә инеп киткән* (он вошел в дом), *ул бисәнен ташлап китте* (он бросил жену), *юлга сыгып китте* (он вышел в путь), *халык-тың йөзә асылып китә* (лицо народа проясняется, т. е. радуется).

5. Глагол *бар-уу* (ходить). В соединении с деепричастием на $-\frac{a}{ə} \parallel$ -й выражает продолжительное действие, связанное с движением. Оба смысловых элемента, по существу равноправные, в представлении говорящего сливаются в одно понятие. Примеры: *ал-а бар* (возьми с собой; дословно: «иди беря»), *һат-а бар* (поезжай торговать, поезжай в торговых целях; дословно: «торгуя, иди»).

В соединении с деепричастием на *-ын* выражает законченное действие, переходящее в движение нейтральной направленности. Примеры: *алып бар* [(разгов. *аттар*) отнеси; дословно: «взяв, иди»], *һат-ын бар* (распродай; дословно: «продав, ступай»), *үзәңде һисек алып барайым* (как я тебя поведу?), *уны кыуып бар* (преследуй его).

6. Глагол *йөрөү* (двигаться, бежать). В соединении с деепричастием на $-\frac{a}{ə} \parallel$ -й выражает движение, соединенное с параллельным незакончившимся действием. Примеры: *бел-ә йөрө* (имей в виду; дословно: «ходи, знаючи»), *улы-й йөрө* (почитывай себе; дословно: «ходи, читая»), *яз-а йөрө* (записывай себе; дословно: «ходи, пиши»).

В соединении с деепричастием на *-ын* выражает непрерывность основного действия или его действительность на все времена. Примеры: *бел-еп йөрө* (всегда знай), *яз-ын йөрө* (постоянно пиши), *юкты һөйләп йөрәмә* (не говори пустяков), *улып йөрө* (всегда читай), *акса эрәм итеп йөрөйһөң* (ты зря тратишь деньги), *нигә урманда касып йөрөйһөң* (что ты бегаешь по лесу?)

7. Глагол *сбэрэу* (посылать). В соединении с деепричастием на *-ыт* означает быстрое начало действия. Примеры: *пырла-н сбэрэе* (он вдруг || сразу запел), *хора-н сбэрэе* (он вдруг || сразу спросил), *языт сбэрэе* (он вдруг || сразу привялся писать), *капканы асыт сбэргэн* (он сразу открыл ворота), *кыскырын көлөп сбэрэ* (он начинает громко смеяться; дословно: «крича, смеясь, посылает»).

8. Глагол *карау* (смотреть). В соединении с деепричастием на *-ыт* означает попытку к совершению действия. Примеры: *давай бэхет эзлэп карайык* (давай поищем счастья; дословно: «ища, посмотрим-ка»), *өйгө инмэйенсэ быны асыт карама* (пока не войдешь в дом, не думай открывать этого), *мин койманы аша тошон карайым!* (попробую-ка перелезть через забор!), *эйтен кара* (ну-ка скажи).

9. Глагол *етсү* (достигать, попевать). В соединении с деепричастием на *-ыт* означает завершительную или конечную фазу действия. Примеры: *Москэүгэ барып еткэндэр* (они доехали до Москвы), *Кузыйкурпес ум биш-ум алты йэйлек етет булып үссү етсү* (Кузыйкурпес подрос и превратился в пятнадцати-шестнадцатилетнего молодца), *ат йөвөрөк булганлык-тан кыуыт етэ алманылар* (так как лошадь была ходкая, они не могли нагнать ее).

10. Глагол *сыгыу* (выходить). В соединении с деепричастием на *-ыт* означает завершение или проявление во-вне какого-либо действия непереходного значения. Примеры: *үзөмөң бэхет эзлэп сыкканын эйтэ* (он говорит, что вышел на поиски счастья), *бына кеше булып сыктым* (вот я вышел в люди), *тугышта еңеп сыга* (он выходит победителем на войне), *был хыял гына булып сыкты* (это оказалось просто фантазией).

11. Глагол *сыгарыу* (выводить). В соединении с деепричастием на *-ыт* означает завершение или проявление во-вне какого-либо действия переходного значения. Примеры: *кыз бер хэйлэ үйлап сыгарған* (девушка придумала одну хитрость), *кыуыт сыгара* (он выгоняет).

12. Глагол *калыу* (оставаться). В соединении с деепричастием на

$-\frac{a}{\partial}$ || -й, а чаще с деепричастием на *-ыт* обозначает переход действия

в состояние или динамики в статику. Примеры: *нишлэп былай вайымлыз уттырын калдыгыз?* (что вы здесь так беспечно сидите? — дословно: «сидя, остались»), *хэбэрэе йэйлэүзөгө ететтэр зэ белеп калдылар* (эту новость узнали и парни на летовке), *был хэмэ тисек түзеп калыу кэрэк?* (как же можно терпеть такое положение?), *йөзө болот кеуек агарып кала* (лицо у него белеет, как облако), *умың кайза китеуен белмэй аттырап калдылар* (не зная, куда он ушел, они совсем растерялись), *йоклай язып калды* (он чуть не заснул), *исмаһам күңелем асылып калыр ине* (по крайней мере мое сердце порадуется), *Бабин ялына якынлашканын һизмэй кала* (она и не чувствует, что Бабин приблизился к ней), *Һауала мөскен кош балаһының йөндэре осоп кала* (по воздуху так и летят перья несчастного птенчика).

13. Глагол *тор* (стоять, вставать) в соединении с деепричастием на $-\frac{a}{\partial}$ -й означает настоящее действие данного момента (т. е. типа англ. I am giving). Примеры: *Австрия халкы, башкорт тигән халыкты электан белләгәр икән: «, теге йылкы ите ашай торғандар икән!»* (австрийский народ и прежде знал народ, именуемый башкирами: «А, это — те самые, которые едят конское мясо!»), *ага торған һалкын шимим* (текущий холодный ручей), *һез кайта тороғоз!* (вы теперь продолжайте идти обратно!).

В соединении с деепричастием на *-ыт* выражает продолжительность действия. Примеры: *бында уйлап тораһы ла юк* (ничего здесь долго думать), *эле ла буһа, донъя кәтәп тораһар* (они и теперь еще продолжают жить на свете).

14. Глагол *төшөү* (спускаться, падать). В соединении с деепричастием на *-ыт* выражает завершение действия, которое представляет собой движение по вертикальной линии. Примеры: *тубм таба ашылып төштө* (он ринулся прямо вниз), *тау башынан һикереп төшөт* (прыгнув с вершины горы), *Татлыбай эйзренгән ук кеүек атылып ките* (Татлыбай бросается, как стрела с натянутого лука).

15. Глагол *кайтыу* (возвращаться). В соединении с деепричастием на *-ыт* выражает обратную направленность действия. Примеры: *мин үз илемә һимә алып кайтам* (я отвезу тебя к себе на родину).

16. Глагол *куйыу* (класть, ставить). В соединении с деепричастием на *-ыт* выражает активное прекращение какого-нибудь действия и переход его в состояние. Как активное прекращение действия, противопоставляется конструкции с глаголом *калыу*, которая содержит пассивный оттенок. Примеры: *мин кәрәкле егеттәрзе алдан эзерләп куйырмын* (я заранее приготовлю нужных молодцов).

17. Глаголы *бөтөү* (кончатся) и *бөтөрөү* (кончать) выражают прекращение действия, не подчеркивая перехода его в состояние. Теоретически первая комбинация придает всему этому пассивный оттенок, а вторая — активный. Примеры: *ул үзенең тормошон һыйләп бөткәндән һун* (после того как он кончил рассказывать про свою жизнь), *уларзың ғәскәрҙәрен кырып бөтөрә* (он разбивает их войска).

18. Глагол *язу* (писать). В соединении с деепричастием на $-\frac{a}{\partial}$ -й обозначает приближение к действию, которое фактически так и не произошло. В переводе соответствует русскому «чуть-чуть, едва не...» и французскому глаголу *faillir*. Примеры: *йоклай-яззы* (он чуть-чуть не заснул), *йығыла яззым* (я чуть-чуть не упал).

Глагол *язу* употребляется обычно в прошедшем времени. Обороты с глаголом *язу*, особенно характерны для фольклорного языка.

Пережиточные формы глагола

В башкирском языке наблюдаются остатки некоторых глагольных форм, которые теперь в спряжении не участвуют и которые являются чрезвычайно актуальными для других тюркских языков (главным образом южных):

1. Форма с аффиксом $\frac{\text{мыш}}{\text{меш}}$ $\frac{\text{мош}}{\text{мош}}$. Исторически была существительным и в таком виде сохранилась как пережиток в ограниченном составе слов в языках Средней Азии и Поволжья; в южных языках (азербайджанский, турецкий) существует как живая форма в смысле причастия прошедшего времени (вместо башкирской формы на *-ған*). Приведем список наиболее употребительных слов с аффиксом *-мыш*: *яз-мыш* (судьба), *тор-мош* (жизнь), *кырк-мыш* (стригун), *кор-мош* (овод, слепень), *тара-мыш* (связки, сухожилия и т. д.), *һанал-мыш* (искомое, исчисляемое), *уқы-мыш-лы* (начитанный, ученый), *буалмыш* (призвание), *тыумыш* (рождение), *килмешж* (пришелец), *курмәшкә һалымышу* (смотреть сквозь пальцы).

Тот же звуковой комплекс, хотя, быть может, иного происхождения, входит в состав женского имени *Гөләмеш*.

2. Форма с аффиксом $\frac{\text{дык}}{\text{дек}}$ $\frac{\text{док}}{\text{дек}}$ || $\frac{\text{тык}}{\text{тек}}$ $\frac{\text{ток}}{\text{тек}}$. В южных тюркских языках заменяет форму на *-ған*, стоящую на правах существительного. Аффикс известен еще в древних тюркских языках. В башкирском языке сохраняется как пережиток в ограниченном числе слов: *кал-дык* мал (остаток), *табыл-дык* (находка), *бул-дык-лы* (ловкий, деятельный), *бул-дык-һыз* (никчемный), *яс-тык* (подушка), *ташлан-дык бала* (подкидыш), *табыл-дык бала* (найденный), *казылдык* (ископаемое), *ташылдык* (наносный), *һайландык* (отбор, выборка), *кушылдык* (гибрид, помесь), *һыуылдык һыу* (помой), *һәйрәндәк* (потаскун).

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

СЛОВСОЧЕТАНИЕ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Есть два типа синтаксических структур: словосочетание и предложение. Различие между ними основано отнюдь не на количественном признаке (комплекс словосочетания короче комплекса предложения), а на другом критерии. Определить это различие тем более важно, что технически и словосочетание и предложение представляют собой группу, или комплекс, нескольких слов. Тем не менее принципы, по которым связываются оба комплекса, совершенно разные. Предложение — это такая группа слов, которая выражает определенную законченную мысль и позволяет сделать из этой мысли какой-либо реальный вывод. Предложение может включать в себя только такие слова, которые по их логической взаимосвязи выражают какое-либо суждение, т. е. содержат какую-то новую законченную мысль или какое-то умозаключение. Возьмем такой комплекс слов: *мин Офиц мектебнде укытым* (я учился в уфимской школе). Эта фраза имеет определенное практическое значение. Или еще: *яңы өй янды* (новый дом сгорел). Говоря эти слова, мы высказываем мысль для нашего собеседника новую, поскольку о пожаре он не знал. Если же мы скажем просто *яңы өй* (новый дом), то здесь, вообще говоря, предложения не будет, потому что никакого умозаключения, никакого вывода из этого простого обозначения сделать нельзя. Здесь перед нами не законченная, логически ценная мысль, а какой-то отрывок мысли, какой-то намек на полную мысль. В предложении всегда имеется определенная законченность мысли. Эта законченность приобретается в силу того, что здесь мы имеем определенное взаимодействие между подлежащим и сказуемым. Подлежащее и сказуемое принципиально являются необходимыми элементами предложения. Таким образом, в любом предложении (возьмем ли мы его в логическом или в грамматическом плане) должны различаться два полюса: подлежащее (субъект) и сказуемое (предикат). И как без двух полюсов не может быть замкнутой электрической цепи, так и без двух логически-грамматических полюсов (субъект и предикат) принципиально не может быть предложения. Таким образом, предложение есть синтез двух величин: подлежащего и сказуемого. Всякое синтаксическое сочетание слов, части которого осознаются в отношении друг к другу как подлежащее и сказуемое, является

предложением. И обратно: всякое синтаксическое сочетание, части которого не осознаются нами как внутренне связанное подлежащее и сказуемое, будет не предложением, а словосочетанием. Таким образом, предложение есть выраженная средствами языка функциональная связь самого действия и направляющего его субъекта; словосочетание же строится на иных основах. Словосочетание не есть выраженная словами активность субъекта, как это можно сказать о предложении; словосочетание не есть вообще форма для выражения какой-то активности или какой-то динамики: это есть форма для выражения статических отношений между предметами. Поскольку эти статические отношения не действительны, наше сознание не может выделить здесь активного субъекта: в лучшем случае мы можем говорить только о потенциальном субъекте, который теоретически, при известных условиях, мог бы действовать, но сейчас не действует. Возьмем опять-таки сочетание *яңы өй* (новый дом). Слово (я поштане) дом (*өй*) теоретически могло бы быть подлежащим, но для этого нужны особые условия, которые наш словесный комплекс не дает. Он выражает только статическую связь между предметом *өй* (дом) и его признаком *яңы* (новый).

Никаких логических, социально значимых выводов из этого соотношения мы сделать не можем. И весь комплекс воспринимается нами как часть какого-то незаконченного целого, как один кирпич от большого здания. Ср. еще группы слов: *Өфө мәктәбеңдә* (в уфимской школе), *бейек тау* (высокая гора), *таузарза тороу* (жить в горах), *бик аҡшы* (очень хорошо), *өс агас* (три дерева), *һинеп өсөн* (для тебя). Все эти группы слов логически представляют собой не целую законченную мысль, а как бы куски мысли. Понятия, которые здесь упоминаются, не получают никакой оценки и квалификации. Если мы будем беседовать с кем-нибудь в таких выражениях, то собеседник нас не поймет, так как будет неясно, чего мы от него хотим. Такая отрывочность и недоговоренность вызвана тем, что здесь нет подлежащего и сказуемого. Тем не менее какая-то смысловая и грамматическая связь между составными частями словосочетания имеется. Она может быть любая, но только не та, которая связывает между собой подлежащее и сказуемое. Один из признаков, характеризующих словосочетание, можно формулировать так: это — статически выраженное качественное отношение между предметами. В этом типе словосочетания выделяются два полюса: определение и определяемое. Определение может быть как приименное, так и приглагольное. И то и другое определение синтаксически должно стоять перед своим определяемым. Примеры: *кара урман* (дремучий лес), *аҡты төн* (светлая ночь), *аҡшы язирга* (хорошо писать), *тиз кайтыу* (скорое возвращение), *Урал таулары* (Уральские горы).

Кроме качественного соотношения, словосочетание может выражать статически выраженное количественное соотношение предметов. Примеры: *өс өй* (три дома), *икенсе көн* (второй день), *утыз һум* (тридцать рублей).

Кроме того, словосочетание может выражать действие с его объектом и обстоятельствами, если это действие взято в чисто статическом плане и не имеет своего субъекта. Примеры: *хат языу* (писать письма), *Өфөлә*

калыу (остаться в Уфе), *ауылдан кайтыу* (вернуться из деревни). Эти сочетания слов также нельзя отнести к разряду предложений, потому что они не передают реального факта и, кроме того, не имеют никакого субъекта, который мог бы активизировать данное действие. В самом деле: когда мы говорим: *китан укыу* (читать книги), то это не значит, что кто-нибудь где-нибудь около нас действительно занят чтением книг; во-вторых, это сочетание не содержит в себе ровно никаких намеков на субъект этого действия. Таким образом, с точки зрения конструктивной весь синтаксис может быть сведен к двум разделам: типы словосочетаний и типы предложений. Словосочетания структурно или входят в состав предложения, или употребляются отдельно, вне их.

Формы синтаксической связи

В башкирском языке, как и в других, существуют три формы синтаксической связи между словами: 1) согласование, 2) управление и 3) примыкание. Каждая из этих форм связи основана на принципе подчинения, т. е. указывает, что одно слово синтаксически подчинено другому. Однако способы этого подчинения различны, и отсюда тройкий тип форм синтаксической связи. Понятия «согласование», «управление» и «примыкание» давно уже определены в русских грамматиках, хотя каждое из них имеет свою историю: первые два, как известно, фигурируют в грамматиках очень давно, а понятие «примыкание» разработано сравнительно недавно А. М. Пешковским. Итак, согласованием называется такая форма синтаксической связи, при которой подчиненное логически слово принимает грамматическую форму подчиняющего. Приведем примеры. В башкирском *һез килдеһез* (вы пришли) логический субъект суждения *һез* (= вы) подчиняет себе действие *килдеһез* (= пришли); поэтому между обоими словами проводится согласование в лице и в числе: оба слова имеют грамматическую форму 2-го лица множественного числа (*һез* = вы, *килдеһез* = вы пришли).

Ср. то же в русском языке, где говорят мы идем, но нельзя сказать, например, мы идете, потому что мы — 1-е лицо мн. ч., а идете — 2-е лицо мн. ч. Уже из этих немногочисленных примеров видно, что согласование проходит по двум линиям: лица и числа.

Есть еще третий тип согласования — согласование в роде, но в башкирском языке оно не проводится, поскольку отсутствует самая категория грамматического рода. Как известно, грамматический женский род осваивается здесь различными путями: 1) юридическим через фамилии (и паспорта): Закиров — Закирова, 2) путем словарного заимствования русских грамматических форм женского рода: работница, ударница, стажановка, комсомолка. Ср. башкирско-русское образование: *һөйәр-кә* (возлюбленная). Имеются в языке и старые пережитки женского рода, ведущие или к арабскому языку (ср. *Сәлим* — *Сәлимә*), или к монгольскому (*кәнан* — *кәнажыл*, *дүнән* — *дүнәжен* конь и кобылица трех и четырех лет), а также слова, происхождение которых окончательно не разъяснено: *коза* — *коза-ғый*, *коза-са* (сват и сватья),¹ *карт* — *карсык* — старик и старуха,

Кортка — старуха. К. Ахмеров (Учебник башкирского языка для педагогов, стр. 60) называет еще три слова с аффиксом $\frac{сар}{сар}$: *ейэн* — *ейэнсар*, *була* — *буласар* и *тыуа* — *тыуасар* (внук — внучка, двоюродный брат — двоюродная сестра, правнук — правнучка). Тем не менее эти отдельные моменты еще не создали категорию женского рода, и потому согласования в роде башкирский язык не знает.

Поскольку согласование способствует большей конкретизации формы, его надо признать более поздним явлением сравнительно с теми архаичными стадиями развития языка, когда человеческая речь обходилась без согласования. При этом согласование в лице возникло раньше, чем согласование в числе. Так, по крайней мере, обстоит дело в тюркских языках. Согласование в числе появилось тогда, когда из аморфной именной и глагольной форм выделились грамматические формы числа. А это, как учит общее языкознание, в свою очередь, было связано с образованием личных местоимений, которые являются основным грамматическим выразителем категории лица. Так как в башкирском языке (и вообще в тюркских) каждая грамматическая категория имеет свои отдельные показатели, то категории лица и числа принципиально не выражаются одним показателем, как по-русски (ср. возм-ут, где *-ут* выражает одновременно и 3-е лицо, и множественное число, тогда как в башкирском соответствии *ал-ыр-зар* аффикс *-ыр* показывает только 3-е лицо, а *-зар* — только множественное число).

Если говорить о распространении согласования в лице, то в его орбиту войдут следующие грамматические категории башкирского языка: 1) категория сказуемости, т. е. спрягаемая форма имен и настоящих и будущих времен глагола. Примеры: *һез язлыуһығыз* (вы — писатели), *һез алаһығыз* (вы берете); 2) категория принадлежности, которая, с одной стороны, выражает принадлежность предмета какому-либо из трех грамматических лиц, а с другой — организует формы спряжения для прошедших времен глагола. Примеры: *һезен атығыз* (ваш конь), *һез алдығыз* (вы взяли).

Что касается согласования в числе, то оно обычно проявляется в двух формах: 1) согласование подлежащего со сказуемым, 2) согласование определения с определяемым.

Для башкирского языка (как и всех тюркских) вторая формула отпадает: в нем, как и в английском, определяемое никогда не согласуется в числе со своим определяемым. Пример: *бейек тау* (высокая гора) — *бейек тауҙар* (высокие горы; дословно: «высокий горы»). Что же касается согласования подлежащего и сказуемого в числе, то оно, как мы увидим, проводится реже, чем в русском.

Итак, принцип синтаксического согласования проявляется в тюркских языках при посредстве двух грамматических категорий: лица (в полной мере) и числа (не в полной мере).

¹ Возможно, что их надо разлагать на части так: *коза + агай* и *коза + эсә*.

Что касается управления, то этот синтаксический принцип проявляется в следующем: подчиненный элемент в знак своей зависимости от подчиняющего принимает определенную грамматическую форму, но не ту, в которой стоит сам подчиняющий элемент, так как это было бы согласование. Управление в башкирском языке проводится весьма широко. Оно охватывает следующие случаи: 1) управление глаголов и 2) управление послелогов. В обоих случаях управление выражается в том, что подчиненные глаголам или послелогам имена принимают определенную падежную форму. Таким образом, грамматический процесс управления фактически связывается с употреблением падежей. Отдельные категории башкирских глаголов, в силу специфики своего значения, управляют определенными падежами имен. Так, глаголы движения (*verba movendi*) управляют тремя «пространственными» падежами в зависимости от направленности движения: дательным (конечная форма движения, завершающаяся в определенном месте), исходным (начальная форма движения или его исходная точка), местным (движение в нулевой степени или его отсутствие, иначе говоря, статика, а не динамика). Примеры: *мин калаға килдем* (я пришел в город), *мин каланан кайттым* (я вернулся из города), *мин калага калдым* (я остался в городе).

Кроме глаголов движения, особое управление имеют глаголы со значением «начинать» (*verba incipiendi*), глаголы со значением «бояться» (*verba timendi*), а также глаголы, стоящие в форме так называемого понудительного залога (*verba causativa*). См. об этом стр. 184.

Кроме глаголов, падежами могут управлять послелоги. Этот тип управления соответствует русской грамматической форме управления при посредстве предлогов. Послелоги в башкирском языке могут управлять или одним падежом (дательным, исходным, неопределенным), или двумя (родительным || неопределенным). Параллелизм последнего случая основан на том, что здесь учитываются категории определенности и неопределенности. Винительным и местным падежами башкирские послелоги не управляют.

Последняя форма синтаксической связи, или примыкание, состоит в том, что подчиненный элемент употребляется в непосредственной смежности с подчиняющим, причем это «соположение» (лат. термин: *juxtapositio*) не связано с каким-либо грамматическим изменением формы. Примыкание строится на семантической связи подчиняющего и подчиненного элементов; в тюркских языках (и башкирском) оно характеризуется, кроме того, и типичным для этих языков порядком слов: примыкающее ставится перед тем, к чему оно примыкает, а не наоборот. К примыкающим элементам в башкирском языке относятся определения, которые, как мы знаем, не согласуются со своим определяемым ни в числе, ни в роде. Они не согласуются с ним и в падеже, поскольку, являясь определением, вообще не изменяются морфологически. Определения бывают приименные, например: *матур кыз* (красивая девушка), *таш өй* (каменный дом), *бер ай* (один месяц) и т. д., и приглагольные, например: *якшы укыйһығыз* (вы хорошо учитесь), *тиз йөрөйһөгөз* (вы быстро ходите) и т. д.

Подчинение и сочинение

Согласование, управление и примыкание по существу выражают один и тот же тип зависимости слов, а именно: смысловое подчинение одного слова другому. Технически при этом могут быть использованы или морфологические категории (падеж, число), или синтаксические (порядок слов). Однако, кроме подчинения, в синтаксисе преломляется и другой тип логического соотношения слов, а именно: сочинение или функционирование отдельных смысловых (и далее: грамматических) элементов на равных правах или в качестве равносильных величин. В виде примера можно привести такие русские выражения, как: книга и тетрадь; не то холод, не то снег; дешево да гнило и т. д., и башкирские: *килерме килмасме* (придет он или не придет?), *лжмы була, тик аз ғына була* (хорошо, да только мало).

Эти два принципа (подчинение и сочинение) пронизывают все синтаксические комбинации, начиная от словосочетаний и кончая предложениями. При этом принцип сочинения всегда выражается аналитически: или при помощи союзов, или при помощи порядка слов. Что же касается принципа подчинения, то он в башкирском языке может быть выражен двояко: или аналитически (союзы или же порядок слов), или синтетически (с применением какой-нибудь единой морфологической формы).

Порядок слов в простом предложении

В повествовательном предложении существует определенный порядок слов, нарушение которого всегда должно быть мотивировано. В силу некоторых особенностей башкирского языка (категория неопределенности и др.) порядок слов приобретает в нем и чисто морфологическое значение. Так, например, в предложении: *балыксы балык тотта* (рыбак ловит рыбу; дословно: «рыбак рыбу ловит»), только определенный порядок слов (подлежащее — дополнение — сказуемое) позволяет нам определить синтаксическую функцию слова *балык*, которое формально ничем не отличается от слова *балыксы*: единственным дифференцирующим фактором служит здесь порядок слов. Таким образом, признаком подлежащего в этой фразе является: 1) первое место в предложении и 2) неопределенный падеж, а признаком дополнения: 1) среднее место в предложении и 2) неопределенный падеж. И если бы мы переставили слово *балык* на первое место, то оно неизбежно стало бы подлежащим; правда, в этой фразе пришлось бы менять падежную форму слова *балыксы* и залог глагола *тотта*, но можно подобрать такие фразы, где все отличие сведется к перемещению подлежащего и дополнения. Пример: *буре эт тотта* (волк ловит собак) и *эт буре тотта* (собака ловит волков). Наличие в башкирском языке категории определенности, а также категорий склонения и принадлежности иногда освобождает порядок слов от его морфологической функции. Так, если мы скажем: *атайым хатты аза* (мой отец пишет давнее письмо), то характер

подлежащего (*атайым*) и дополнения (*хатты*) здесь определяются и без обращения к порядку слов. Мало того: если даже мы переставим здесь подлежащее и дополнение, то полученная нами фраза *хатты атайым яза* выразит в основном ту же мысль, что и предыдущая (*атайым хатты яза*), и будет отличаться от нее только со стороны фразового ударения. Таким образом, если башкирский язык не допускает столь свободного порядка слов, как русский (ср. отец пишет письмо — пишет отец письмо — письмо пишет отец — пишет письмо отец — отец письмо пишет — письмо отец пишет), то он и не стоит на позиции, например, французского языка с его связанным порядком слов. Как известно, во французском языке ввиду отсутствия склонения обязательен твердый порядок слов: *Henri appelle Albert* (Анри зовет Альбера), так как при перестановке (*Albert appelle Henri*) мы получили бы иное соотношение: Альбер зовет Анри. Ср. с этим приводившийся выше башкирский пример *буре эт тотта* (волк ловит собак). Заметим, с другой стороны, что отмеченная нами обязательность твердого порядка слов в башкирском простом предложении за последнее время начинает нарушаться особенно в разговорной речи, в поэзии и в переводной литературе.

Выше мы видели (на башкирском и русском примерах), что если мы сдвинем со своего места один член предложения (например, подлежащее), то этим самым мы меняем место другого члена предложения (например, дополнения или сказуемого); ведь это то же самое, как если бы мы стали пересаживать людей, сидящих рядом на трех стульях, — пересадив одного на другое место, мы, очевидно, должны были бы дать место первого этому другому. Таким образом, порядок слов простого предложения покоится на принципе соотносительности: место одного члена предложения обуславливается местом другого члена и обратно: место первого обуславливает место этого другого члена. Таким образом, подлежащее стоит на первом месте потому, что дополнение стоит не на первом, а дополнение стоит не на первом потому, что подлежащее стоит на первом. Отсюда совершенно ясно, что рассматривать вопрос о порядке членов предложения можно только тогда, если мы будем брать порядок этих членов в их взаимной связи. Нельзя говорить о месте подлежащего, игнорируя те члены предложения, с которыми в этом отношении связано подлежащее, и т. д. Теперь надлежит определить, в какой ближайшей связи находятся члены предложения между собой с точки зрения порядка слов. Вопрос этот определяется составом предложения. В простом нераспространенном предложении, состоящем из одного подлежащего и сказуемого, подлежащее, естественно, и в этом отношении связано со сказуемым. В предложении *ата яза* (отец пишет) место слова *ата* зависит от слова *яза* и обратно. Таким образом, намечается линия: подлежащее—сказуемое.¹ В распространенном предложении, хотя бы и таком трехчленном, какое у нас было (*атайым хатты яза*) подлежащее *атайым*, помимо связи со сказуемым *яза*, имеет еще особые

¹ Ее, если угодно, можно характеризовать и так: сказуемое—подлежащее. Закономерность процесса от этого не изменяется, подобно тому как не изменится движение поездов на линии Москва—Уфа, если мы эту линию будем называть: Уфа—Москва.

отношения с дополнением *хатты*. Таким образом, намечаются линии: подлежащее — дополнение и сказуемое — дополнение. Ниже мы увидим, что некоторые из этих линий (подлежащее — сказуемое — дополнение) имеют узко грамматическое (точнее: узко синтаксическое) значение, а некоторые (подлежащее — дополнение) относятся к области акцентуации предложения и лежат не только в области синтаксиса, но и в области стилистики.

Рассмотрим основные линии чисто синтаксического свойства.

1. Подлежащее — сказуемое.

В простом нераспространенном повествовательном предложении подлежащее ставится на первом месте, сказуемое — на втором. Примеры: *мин килдем* — я пришел, *кояи байыны* — солнце зашло, *без туктамык* — мы остановились, *сэй юк* — чаю нет (с точки зрения башкирского языка подлежащее здесь *сэй*: «чай не имеется»), *һин беләһең* — ты знаешь, *юл тар иңе* — дорога была узкая, *ул йәш тугел* — он не молодой, *эштәр әз тугел* — работы не мало [точнее: «работы (им. пад. мн. ч.) — немалые»].

Таким образом, любое подлежащее (стоит ли оно в форме принадлежности или нет) должно занимать в предложении первое место, а любое сказуемое (будет ли оно простым или составным) — второе место.

В вопросительных предложениях аффикс вопроса теоретически ставится при том члене предложения, который нуждается в подтверждении. Чаще всего это бывает при сказуемом, реже — при подлежащем и на порядке слов, вообще говоря, не отражается. Примеры: *һин был китапты алдыңмы?* — ты взял эту книгу? *һин был китаптымы алдың?* — ты эту книгу взял? *һинме был китапты алдың?* — ты взял эту книгу? *атың шән тугелме?* — разве твой конь не резвый?

Сказуемое вопросительного предложения как бы притягивает к себе аффикс вопроса, и только в случае сильного логического ударения на подлежащем этот аффикс ставится при нем. Примеры: *һинең китабың юкмы?* — нет ли у тебя книги? *һинең китабыңмы юк?* — как, у тебя и книги нет? (или: «книги, что ли, у тебя нет?»). *Сэй юкмы?* — нет ли чаю? *Сэйме юк?* — как, и чаю нет?

Если вопросительный характер предложения выражается не аффиксом, а вопросительными местоимениями или наречиями, то этот тип по своей структуре ничем не отличается от обычного повествовательного предложения. Пример: *уҡытыусы кайҙа?* — где учитель? *Атың нисек?* — как тебя зовут? (дословно: «твое имя как?»).

То же соотношение между подлежащим и сказуемым выдерживается и в простом распространенном предложении. Подлежащее с предшествующим и подчиненным ему элементами фразы — иначе: зона подлежащего — предшествует зоне сказуемого. Таким образом, зона подлежащего состоит из: а) подчиненных подлежащему слов и б) самого подлежащего, а зона сказуемого состоит из: а) подчиненных сказуемому слов и б) самого сказуемого. При том расположении зон, которое было обрисовано выше, собственно подлежащее всегда будет предшествовать собственно сказуемому. При-

меры: *Карт һунарсы* (подлежащее) *төжө һуғып алды* (сказуемое) — старый охотник убил лисицу. *Автомобиль двигателдәре* (подлежащее) *бензин менән эшләй* (сказуемое) — автомобильные двигатели работают на бензине, *Өйгә без* (подлежащее) *кыйынлык менән икән кайтып еттек* (сказуемое) — домой мы вернулись с трудом, *Кояш* (подлежащее) *инде зурман артына төштө* (сказуемое) — солнце уже село за лес. *Ағизел йылғаны* (подлежащее) *Камаға коя* (сказуемое) — река Белая впадает в Каму. *СССР за хезмәт эйәләре* (подлежащее) *шат йәшәйҙәр* (сказуемое) — в СССР трудящиеся живут весело.

В тех случаях, когда подлежащее не выражено отдельным словом, оно как бы скрыто в сказуемом, которое, как и обычно, стоит в конце предложения. Примеры: *уларҙы сәғәт өскә тиклем көттөк* (сказуемое, в котором скрыто подлежащее *без* — мы) — мы ждали их до трех часов. *Кисә йыйылышта булдым* (сказуемое, в котором скрыто подлежащее *мин* — я) — вчера я был на собрании. *Кай ергә бараһығыҙ?* (сказуемое, в котором скрыто подлежащее *һеҙ* — вы) — куда вы идете?

Если подлежащее в нераспространенном предложении переставить на место сказуемого, то мы будем иметь то, что в грамматиках называется латинским термином *инверсия* (inversio — перемещение). Как мы отметили выше, передвижение подлежащего вызывает одновременное передвижение сказуемого и обратно; поэтому говорить, например, об инверсии сказуемого, как обычно делают грамматики, нецелесообразно: отдельной инверсии сказуемого (без инверсии подлежащего) не существует, и можно говорить только об инверсии по линии «подлежащее—сказуемое».

Причины инверсии лежат вне грамматики, как таковой. Инверсия является отображением особых логических или психологических условий, под впечатлением которых говорящий высказывает свою мысль. Прежде всего инверсия является средством усиления так называемого фразового ударения, или логического акцента. В башкирском синтаксисе (как и в синтаксисе других тюркских языков) существует такое положение: для того, чтобы логически оттенить какой-нибудь член предложения в целой фразе, необходимо изменить место этого члена. Это, как мы уже знаем, неизбежно вызовет перемещение другого члена предложения, с которым первый член находится в соотносительной связи; тем не менее «движение» можно начать с какого-нибудь одного члена предложения. Таким образом, если необходимо логически акцентировать подлежащее (больше, чем это делается в обычном повествовательном предложении), то мы должны поставить его на место сказуемого; если необходимо выдвинуть сказуемое, мы ставим его на место подлежащего. Так, при *ул кайтты* (он вернулся) в разговорной речи можно встретить *кайтты ул* (вернулся он); наряду с таким оборотом, как *уны күрҙеңме?* (ты его видел?), попадаются и такие: *күрҙеңме уны?* (видел ты его?). Ср. также: *кит бынан!* (уйди отсюда), *ташла уны!* (брось его), *уҡып сыҡтым мин был китапты* (прочел вот я эту книгу), *ишеттем мин был хәбәрҙе* (слыхал я эту новость).

Другой способ — постановка энклитики после выдвинутого вперед сказуемого. Пример: *килдем-обәһә Әфәгә мин!* (приехал ведь я в Уфу!).

При перемене места подлежащего оно отодвигается вправо, т. е. к концу предложения, а сказуемое, наоборот, в этих случаях отодвигается влево, т. е. к началу предложения.

Перестановка подлежащего и сказуемого производится также и тогда, когда говорящий произносит свои слова с подъемом, энтузиазмом, влагает в них призыв к слушателям. Эта инверсия по психологическим основаниям получила свое законченное выражение в форме лозунгов, в которых сказуемое всегда ставится в начале предложения (распространенного или нераспространенного — безразлично). Примеры: *йәшәһән Совет Башҡортостаны!* (да здравствует Советская Башкирия!). Надо добавить, что этот порядок распространяется не на все лозунги, а только на те, которые по-русски имеют сказуемое «да здравствует» или другие сказуемые того же типа; если же лозунг выражен русским инфинитивом, то порядок слов сохраняется обычный, например: *планды срогыһан элек туһаһырырға!* (выполнить план раньше срока!).

В распространенном предложении инверсия подлежащего (реже: инверсия сказуемого) может производиться за счет второстепенных членов; таким образом, при инверсии подлежащего сказуемое может сохранять свое прежнее место. Примеры: *кисә мин йыйылышта булдым* (вчера я был на собрании) вм. обычного: *мин кисә йыйылышта булдым. Безҙең аҡтарҙа йорт хайуандарынан аһ һәм һыйыр асрала* (в наших краях из домашних животных разводятся лошади и коровы); в этой фразе две группы второстепенных членов (*безҙең аҡтарҙа* и *йорт хайуандарынан*) выдвинуты вперед для стилистической связи данного предложения с предыдущим (первая группа) и для определения подлежащего (вторая группа), а поэтому само подлежащее не может стоять в начале фразы и, следовательно, подвергается инверсии. В этом предложении логический акцент падает на слова «лошади и коровы», которые и передвинуты ближе к сказуемому. Ср. еще: *был хатты мин яззым* (это письмо написал я), где имеем такого же рода инверсию подлежащего, на которое падает логический акцент, и обычный порядок: *мин был хатты яззым* (я написал это письмо).

Особый случай инверсии подлежащего и сказуемого наблюдается в литературной (особенно переводной) речи. Если в главное предложение вставлена прямая речь, то в замыкающей ее части главного предложения мы имеем обратный порядок слов; сперва сказуемое, а потом подлежащее. Такой порядок стал теперь своего рода правилом стиля. Поскольку же это правило особенно часто применяется при переводах с русского и полностью отражает русский порядок слов, можно предполагать здесь известное влияние русского строя речи. Примеры: «*Мин килермен*», — *тинне Әхмәт* («я приеду», — сказал Ахмед). «*һин кайҙа бараһың?*» — *һораны Йыһан* («ты куда идешь?» спросила Джихан). Примеров на такие обороты можно было бы привести значительно больше. В старом языке они обычно подчинялись следующей схеме, которая допустима и теперь: *Әхмәт: «Мин килермен» — тин эйтте* (дословно: «Ахмед: «Я приеду» — говоря, сказал»).

Подобный же процесс вытеснения старой письменной традиции («говоря, сказал») новым оборотом отмечается не только в башкирском, но и во многих тюркских языках (поволжско-татарский, ногайский, кумыкский и др.).

Если взять такой пример, как: «Уның аты нисек?» — *Һораным мин карт һунарсыман* («Как его зовут?» — спросил я старого охотника), то здесь можно установить особый случай так называемой стилистической инверсии. Слова: *уның аты нисек?* (как его зовут?) ближайшим образом связаны с контекстом: они намекают на того, о ком только что была речь. И вот для того, чтобы наше предложение теснее связать с предыдущим, в этом предложении и выдвинуты вперед те части, которые могут обеспечить эту связь наиболее прочно.

2. Дополнение — управляющий глагол

В обычной повествовательной речи всякое дополнение (прямое или косвенное) предшествует управляющему глаголу. В случае инверсии дополнение должно ставиться после управляющего глагола. Под «управляющим глаголом» мы подразумеваем не только сказуемое, как это фактически чаще всего и бывает, но и любой член предложения, выраженный глаголом, при котором есть дополнение. Линия «сказуемое — дополнение» является, таким образом, частным случаем более общей линии, которая вскрывается в сочетании «дополнение — управляющий глагол».¹ Примеры: *Һин китап укыйһың* (ты читаешь книгу || книги), *Һин китапты укыйһың* [ты читаешь (эту) книгу]. В обоих случаях мы имеем такой порядок: «ты книги (всякие вообще) читаешь» и «ты книгу (эту) читаешь». Примеры: *мин йыйылышта доклад яһаным* (я сделал доклад на собрании). *Кисә ул кызымдан бер хат алды* (вчера он получил письмо от моей дочери). *Һин был дәфтәрҙе кемгә бирҙең?* (кому ты отдал эту тетрадь?). *Ағастар һары япрак төшөрөп тора* (деревья сбрасывают желтые листья). *Иртән сәк мине укытыусының тауышы уятты* (утром меня разбудил голос учителя). *Һез улар менән бармағыз!* (вы с ними не ходите!). *Тыумаған балаға сәңгелдәк асмайҙар* (для неродившегося ребенка колыбели не делают; собственно: «не подвешивают» — пословица). *Малай кулына сукмар ала* (малый берет в руку дубину). *Куз асып, куз йомғансы* (прежде чем он открыл и закрыл глаза... — сказочная формула). *Кунактар бал эстеләр* (гости выпили меду). *Һин һөйәркәнде эзләп китмәксе булаһың* (ты хочешь итти разыскивать свою возлюбленную — из народной сказки). *Улемде еңгән мөхәббәт тураһында йырлайҙар* (они поют о той любви, которая победила смерть).

На том же соотношении «дополнение — управляющий глагол» основан порядок в сложных глаголах, составленных из именной части и вспомогательных *итсец* (делать) и других. Примеры: *ярҙам итсец* (помогать; дословно: «помощь делать»), а не *итсец ярҙам*, *яуап бирсец* (отвечать; дословно: «ответ давать»), а не *бирсец яуап*, *хәбәр алыу* (узнавать, получать известия), а не *алыу хәбәр* и т. д.

¹ Разбирая вопрос о дополнении и управляющем глаголе, мы не будем останавливаться на категориях определенности и неопределенности и на вопросе об употреблении винительного и неопределенного падежей.

Если в предложении имеется несколько дополнений, то возможны два случая: 1) несколько прямых или же несколько косвенных — иначе говоря, однородные дополнения и 2) прямое и косвенное или прямые и косвенные — иначе говоря, разнородные дополнения. Однородные дополнения ставятся одно перед другим в порядке их смысловой значимости с точки зрения говорящего, причем все они, разумеется, предшествуют своему управляющему глаголу. Разнородные дополнения в обычном повествовательном предложении (без инверсии) располагаются следующим образом: косвенное дополнение предшествует прямому. Таким образом, здесь намечается побочная линия соотношений: косвенное дополнение — прямое дополнение и е. Примеры: *мин иттәшәмә китап бирзем* (я дал своему товарищу книгу); однако если здесь имеются в виду определенные книги, то прямое дополнение может (хотя это и необязательно) предшествовать косвенному: *мин китапты иттәшәмә бирзем* (я дал эту книгу своему товарищу). *Картка бер таяк бирзем* (я дал старику палку), но при категории определенности: *таякты картка бирзем* (я дал старику эту палку). *Карсык казанға ит һалды* (старуха положила в котел мясо), но: *карсык итте казанға һалды* (старуха положила это мясо в котел). *Атаһы уға мал биргән* (отец дал ему скот), но: *атаһы малын уға биргән* (отец дал ему свой скот). *Мин һиңә эш кушам* (я поручаю тебе дело), но: *мин был эште һиңә кушам* (это дело я поручаю тебе).

Итак, как видно из примеров, прямое дополнение следует за косвенным только тогда, когда стоит в категории неопределенности; в противном же случае прямое дополнение, обозначающее предмет известный и строго определенный, ставится на первом месте, и за ним уже следует косвенное дополнение, указывающее на впервые упоминаемый предмет.

Вообще нужно сказать, что старая книжная (т. е. скорее татарская, чем башкирская) схема — прямое дополнение + косвенное — в современном разговорном и литературном языке постоянно заменяется обратной; некоторую роль здесь, может быть, играет влияние русского языка, которое поддерживает в башкирской прозе безразличное отношение к обеим схемам (правда, колебания на этот счет заметны и в башкирском прозаическом фольклоре).

В случае инверсии дополнение ставится после управляющего глагола. Например: *бир кулынды!* (дай руку!). *Кей буржеңде!* (надень шапку!). *Эс сәйзе!* (пей чай!). *Ас ишекте!* (открой дверь!). Обычно такие обороты связаны со следующими двумя условиями: 1) ударение стоит на управляющем глаголе, который имеет форму 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения: *укы китапты* = чит-тай книгу! и 2) объект связан с категорией определенности. Кроме того, инверсия возможна при сильном логическом акценте на глаголе и определенности объекта: *курзем мин уларзы* (ви-я-идел я их! — произносится с иронией), *ишеттем мин был матур кейзо* (слышал и эту прекрасную песню!), *ташла инде һин был эште!* (бросай-ка ты это дело!), *әйтелгән бит һезә!* (сказано ведь вам!) и т. д.

3. Обстоятельство — управляющий глагол

По общему правилу и здесь обстоятельство (времени, места, причины, цели и образа действия) должно стоять перед управляющим глаголом —

чаще всего перед сказуемым. Однако нужно заметить, что обстоятельства (особенно обстоятельства времени и места) гораздо слабее связаны со своим управляющим глаголом, чем, например, дополнение: обстоятельства могут относиться не столько к одному члену предложения, сколько ко всему предложению, и в этом случае они могут стоять в самом начале предложения, левее зоны подлежащего. Такое употребление обстоятельств для связи с предыдущей фразой осуществляется в целях стиля и основывается на том, что обстоятельства представляют собой, конечно, менее ценные элементы мысли, чем другие члены предложения, и поэтому легче могут быть использованы для побочных целей. Если же обстоятельства «логически прикреплены» к управляющему глаголу и, следовательно, стоят перед ним, — они непременно должны находиться под логическим акцентом.

Приведем примеры сперва на тот случай, когда обстоятельства тесно связаны с управляющим глаголом: *Сабир калага китте* (Сабир уехал в город). *Без Казандан килдек* (мы приехали из Казани). *Балалар беренсе сентябрьдә мәктәпкә китәсәктәр* (дети 1 сентября пойдут в школу). *Һин докладты башкортса яһа* (ты делай доклад по-башкирски). *Бригадиребез бөгөн ял йортонан кайтты* (сегодня наш бригадир вернулся из дома отдыха). *Без быыла кыш Өфөлә булдык* (в этом году зимой мы были в Уфе). *Һезҙең атайығыҙ кайҙа эшләй?* (где работает ваш отец?). *Хәсән урамға сыҡты* (Хасан вышел на улицу). *Шундай атты бәтә Башкортстанда табалмашһың* (такого коня не найти тебе во всей Башкирии).

В противном случае обстоятельства для связи с предыдущей фразой выдвигаются в самое начало предложения, левее зоны подлежащего. Этот «писательский» порядок слов одинаково свойствен и башкирскому, и русскому языкам. Примеры: *борон-борон заманда, бер ауылда, бер ир менән бисә булған* (в старое-старое время в одном ауле были муж и жена). *Шунан һуң быллар йыйылышка барҙылар* (после этого они пошли на собрание). *Была тирлә һин кунтән йәшәйһеңме?* (в этих краях ты давно живешь?). *Берҙән бер көн Акъял батыр болан тиреһенән тегелән тунның кейһен* (вот однажды Акъял-батыр надел свою шубу, сшитую из лосиной шкуры). *Бик күп замандан бирле мин ошо тауҙар араһында йәшәйем.* (в течение очень многих лет живу я меж этих самых гор). *Шул сәк урманда бик көслө дауыл кузғала башилаган* (в это время в лесу поднялась сильная буря). *Көндәрҙең берендә Акъял батыр һунарға сыккан* (как-то раз Акъял-батыр вышел на охоту). *Ошо көндән башлап Нурбикәне йәйләүҙә күргән кеше булмай* (с того дня никто не видел Нурбике на летовке).

Если в предложении имеется одновременно несколько однородных обстоятельств (например, несколько обстоятельств времени, несколько обстоятельств места и т. д.), то они располагаются в таком порядке: впереди идет обстоятельство более общего характера, а за ним — обстоятельства, последовательно конкретизирующие время, место и т. д. Примеры: *борон-борон заманда, бик алыста, бер илдә, Арка-йорт ерендә йәшәгән, ти, бер карт менән бер карсык* (в старое-старое время, в одном народе, в земле под названием Арка-юрт, жил, говорят, старик со старухой — начало

сказки). *Бер вакыт, кен киска ауышкас, Нурбике тау өңөрөнә еләккә китә* (как-то раз, когда день склонялся к вечеру, Нурбике пошла на скат горы за ягодами). *Кис, сәгәт биштә, институтыбызга лекция була* (вечером, в 5 часов, в нашем институте состоится лекция).

Примеры на инверсию обстоятельства в связи с инверсией сказуемого: *кит бынан!* (уйди отсюда!) вместо лишнего всякой эмоциональности и грамматически правильного оборота: *бынан кит!* *Барзык унда!* (пошли мы туда!) вместо обычного порядка: *унда барзык* (мы пошли туда).

4. Определение — определяемое

Здесь необходимо с самого начала подчеркнуть, что линия определение — определяемое не входит в структурные рамки предложения. Эта линия является независимой от общего порядка предложения; она является как бы параллельной к линиям: 1) подлежащее—сказуемое, 2) дополнение—сказуемое, 3) обстоятельство—сказуемое. И если, как мы видели раньше, линия дополнение — сказуемое склонна расширяться в линию дополнение — управляющий глагол, т. е. из линии предложения превратиться в линию словосочетания, то линия определение — определяемое всегда является линией словосочетания. В самом деле: определение может быть при любом члене предложения — подлежащем, сказуемом, дополнении, обстоятельстве — и потому место определения во фразе будет зависеть от того, где стоит его определяемое. Следовательно, говорить о месте определения во фразе, не учитывая места определяемого, — нельзя. Можно говорить только о месте определения и определяемого сообща.

В какой же связи находится место определения и место определяемого? Определение (всякого типа) должно стоять перед своим определяемым, каким бы членом предложения это определяемое ни являлось.

Примеры на определение и определяемое: *башкорт теле* — башкирский язык (определение — существительное). *Көмөш сәгәт* — серебряные часы (определение — существительное). *Хәсәннең һыйыры* — корова Хасана (определение — существительное). *Карт кеше* — старый человек (определение — прилагательное). *Ике өй* — два дома [по-башкирски дословно: «два дом»] (определение — числительное). *Беренсе кен* — первый день (определение — числительное). *Был дәфтәр* — эта тетрадь (определение — местоимение). *Килгән кеше* — пришедший человек || человек, который пришел (определение — причастие).

По общему правилу определение, стоя перед определяемым, не изменяется ни по каким морфологическим категориям с того момента, как оно вошло в связь со своим определяемым; те же морфологические показатели, какие оно имело до этого момента, сохраняются в дальнейшем без всякого изменения. Пример: *кил-мә-гән кеше* — непришедший человек (определение — причастная форма с аффиксом отрицания). Так же конструируются и сложные определения, по существу придаточные определительные с выраженным или опущенным сказуемым. Примеры: *буй-ы һын-ы еткән кыз* (девица, достигшая совершеннолетия; дословно: «стан ее поспевший»)

девица»). *Баш-ы һалам менән ябылган өй* (дом с соломенным верхом; дословно: «верх его соломой покрытый | дом»). *Әсе кыуыш бер агас* (дерево с пустой сердцевинной; дословно: «внутри его пустое | дерево»). *Һакалы мең карыш, үзе бер карыш карт* [старик с бородой в тысячу четвертей, а сам в одну четверть (из сказки); дословно: «борода его — тысяча четвертей, сам — одна четверть старик»].

Обратный порядок (определяемое—определение) в башкирском литературном языке (исключая поэзии) не встречается. Исключения крайне редки (ср. однако стр. 59) и всегда говорят о заимствованных конструкциях.

Ср. несколько примеров: *атайың мескен* (твой несчастный отец), *Карим баһыр* (бедный Карим), *хужа мәрхум* (покойный хужа ср. Насрэддин), *Балтабикә мәрхумә* (покойная Балтабике), *Сәлим мәлгун* (проклятый Селим), *Хәсән бәббәхет* (злосчастный Хасан), *заман аһыр* (последние времена), *Әхмәт диуана* (безумный Ахмед), *Сабир дыуамал* (дурашливый Сабир), *Зәйнүлла елғыуар* (ветреный Зейнулла).

Как видно из примеров, большинство таких «постпозитивных определений» — арабские или персидские слова, так что здесь мы имеем дело со строго ограниченным числом примеров. При этом выражение *заман аһыр* (последние времена) указывает на персидскую синтаксическую конструкцию, так называемый персидский изафет, а выражение *атай-ың мескен* (твой несчастный отец) любопытно в том отношении, что здесь определяемое принимает аффикс, а «постпозитивное определение» остается неизменным. Таким образом можно считать, что: 1) все эти случаи построены на не-башкирском лексическом материале¹ и отражают собой не-башкирские конструкции и 2) здесь налицо известный элемент обособления, которое развилось окончательно уже в наши дни на базе современного башкирского языка и несомненно в этом отношении русского влияния. Под воздействием русского языка создаются такие башкирские разговорные формы, как *член колхоз* (член колхоза) и *начальник отряд* (начальник отряда). Они, вероятно, воспринимаются башкирами, как одно понятие.

Если при одном определяемом имеется несколько определений, то ближе к определяемому обычно ставятся те, которые выражают более постоянные и органические признаки, а дальше от него — те, которые выражают более или менее случайные признаки. Пример: *юл буйлап карт аһнак һара озон койрокло бер ат сабыт бара ине* (по дороге бежала какая-то старая ворона хромая лошадь с длинным хвостом). Правда, степень органичности и случайности определений-признаков устанавливается в известной мере субъективно, с точки зрения говорящего, причем нередко логическое соотношение нарушается здесь требованиями стиля. В этом отношении любопытен пример из сборника *Башкорт халык эжиттәре* (Башкирские народные сказки), стр. 27, сказка *Таштуғай*, где дается художественное описание коня: *быгаса бер әзәмә бирмәй торған ыткер, тәкә каты толкы, ялыр сәсле, озон бәкәлле, куян ботло, карсыға түйиле, тар бөйөрлө,*

¹ Интересно, что наряду с башкирским *елғыуар* (ветреный, ветрогои) башкиры и татары употребляют слово *елғезек*, а татары еще слово *елфороз*, вторая часть которого явно восходит к персидскому *форуз*.

кырас яллы, камыш колакты, бакыр кузле, ас яцаклы, осло эйэкле, суртан һыртлы, калкыу мондалы йөгөрөк туры ат... До сего времени не подававшийся ни одному человеку, гибкий, с твердыми копытами, как у горного барана, с пушистой шерстью, с длинными бабками, с бедрами, как у зайца, с грудью, как у ястреба, с узким крупом, с темной гривой, с ушами, как камыш, с медными глазами, с худыми щеками, с острым подбородком, со спиной, как у шуки, с крутым затылком, быстрый на ходу, гнедой конь...

Некоторое отношение к порядку слов в группе «определение—определяемое» имеет слово *бер* (один, одна, одно). Кроме своего прямого употребления в смысле числительного, это слово выступает еще при категории неопределенности в качестве неопределенного члена (артикля) западно-европейских и других языков. Если взять такое сочетание, как *матур сэскэ*, то это скорее означает «красивые цветы» (неопределенный коллектив красивых цветов), а не «красивый цветок», как это обычно переводят по-русски. Если же мы хотим сказать «один какой-то красивый цветок» (нем. *eine hübsche Blume*), то мы должны поставить слово *бер* в начале всего комплекса: *бер матур сэскэ*. При этом ни одно из двух определений слова *сэскэ* не носит на себе сколько-нибудь заметного логического акцента, т. е. говорят: *бер матур сэскэ*, а не *бер матур сэскэ* или *бэр матур сэскэ*. Если же логический акцент падает на качественное определение (т. е. *матур*), то одновременно с этим происходит перемещение слова *бер*: оно занимает место между качественным определением и определяемым, т. е. *матур бер сэскэ*. Стоя посередине, слово *бер* формально разобщает определение *матур* и определяемое *сэскэ* и этим как бы подчеркивает то качество, которое выражено определением. По-русски этот оттенок может быть передан только особой интонацией слова «красивый». Таким образом, *бер матур сэскэ* переводится по-русски: «какой-то красивый цветок», а *матур бер сэскэ* — как: «кра-а-сивый цветок».

Категории определенности и неопределенности

В башкирском языке (как и в других тюркских) различаются следующие случаи определенности и неопределенности:

1) Определенность индивидуальная, или единичная, которая в первом падеже башкирского склонения (*тот килеш*) выражается прибавлением слова *был* (этот), а в родительном и винительном падежах — обязательным принятием соответствующих аффиксов (вместо *был*).

Схема: *был ат* (= *das Pferd, le cheval*, конь)
[был] ат-тың (= *des Pferdes, du cheval*, коня)
[был] ат-ка (= *dem Pferde, au cheval*, коню)
[был] ат-ты (= *das Pferd, le cheval*, коня)
[был] ат-та (у коня)
[был] ат-тан (от коня)

Что касается остальных падежей, кроме родительного и винительного, то оформление их обязательно,¹ а потому и наличие *был* факультативно. В русском переводе точно отразить специфику определенности трудно,² и потому мы в соответственных падежах поставили рядом немецкий и французский переводы.

2) Определенность коллективная, как некий коллектив, состоящий из легко поддающихся анализу отдельных единиц: *был аттар* (= die Pferde, les chevaux). В родительном и винительном падежах обязательно принятие соответствующих аффиксов (вм. *был*): [*был*] *аттар-зын*, [*был*] *аттар-зы*. Наличие специфических аффиксов в остальных падежах не требует пояснений.

Таким образом, формальным отличием группы индивидуальной определенности от коллективной служит аффикс множественного числа.

Существуют в языке такие категории, которые по своему содержанию всегда выражают только определенное понятие и, следовательно, всегда стоят в категории определенности. Они «не нуждаются» в формальном подчеркивании посредством слова *был*, но родительный и винительный падежи у них всегда оформлены. Сюда относятся имена людей, а также личные и указательные местоимения. Примеры: *мин* (я), *мин-ен* (меня), *мин-е* (меня), *Сабир* (Сабир), *Сабир-зын* (Сабира), *Сабир-зе* (Сабира).

Категория неопределенности также бывает двух типов:

1) Неопределенность индивидуальная, или единичная, при которой вместо родительного и винительного падежей сохраняется неопределенный падеж (*төн килеш*) и, кроме того, перед всеми падежами стоит слово *бер* (один) в функции неопределенного члена западных языков.

Схема: *бер ат* (= ein Pferd, un cheval, какой-то один конь)

бер ат (= eines Pferdes, d'un cheval)

бер ат-ка (= einem Pferde, à un cheval)

бер ат (= ein Pferd, un cheval)

бер ат-та

бер ат-тан

2) Неопределенность коллективная, как некий коллектив, объем которого не подвергается членению, т. е. *ат* = Pferde, des chevaux, «кони вообще», как некая интегральная группа, количественно не подсчитанная и детально не анализированная. В родительном и винительном падежах остается та же безаффиксная форма.

Схема: *ат* (= des chevaux)

ат (= des chevaux)

ат-ка (= aux chevaux)

ат (= des chevaux)

ат-та

ат-тан.

¹ О некоторых случаях стилистической замены «пространственных» падежей неопределенным мы здесь не говорим.

² Это можно было бы сделать при помощи интонации или прибавления слова «этот».

Категория числа

Из того, что сказано выше о категориях определенности и неопределенности, следует, что множественное число употребляется по-башкирски реже, чем по-русски. Объясняется это тем, что не только морфологически оформленное множественное число содержит в себе идею множественности: ее может передавать и коллективная неопределенность. Если взять слово *ат*, то это не есть единственное число с точки зрения русского и других языков. Это есть обозначение коллективного понятия коня вообще, категории коней вообще. Эта форма может выступать и в плане единичности, и в плане множественности. Для этого требуются особые синтаксические условия. Если взять такие примеры, как *ат эзер* или *миңә ат кәрәк* (т. е. лошадь || лошади готова || готовы — или: мне нужна || нужны лошадь || лошади), то здесь без дальнейшего разъяснительного контекста нельзя решить, об одной или о многих лошадях идет речь; во втором случае скорее все-таки можно думать об одной.¹ В следующем примере *ат дурт аяклы хайуан ул* (лошадь — четвероногое животное) речь идет не о конкретном предмете, а даются общие признаки всей категории лошадей. Наоборот, в сочетании *аттың аҡшыһы* (самая лучшая из лошадей) речь идет, конечно, не об одной лошади, а о всей категории лошадей. К этому примеру близко примыкает сочетание «форма коллективной неопределенности» в предшествии количественного показателя, т. е. то, что грамматик называют единственным числом при числительных² и словах неопределенного количества («много, мало» и т. д.). Примеры: *күп китап* (много книг), *кырк кеше* (сорок человек), *аз бала* (мало детей). Когда показатель количества выражен отдельным словом, то башкирский язык (как вообще все тюркские, а также персидский и некоторые др.) как бы считает излишним вторично выражать идею множественности при помощи специального аффикса. Употребление такого формально единственного числа вместо множественного всегда указывает на однородность категории, т. е. на однотипность элементов, входящих в состав этой категории: *ун агас* (десять деревьев), *йөз китап* (сто книг). Говоря так, повествующий отказывается или не берется произвести индивидуальный анализ в составе этой категории. Если же этот анализ произведен, то надо употребить множественное число, несмотря ни на какие формальные препятствия.

При слове *күп* существительное может стоять в том или другом числе в зависимости от значения слова *күп*.

Если *күп* значит «много», то формально множественное число при нем не ставится: *күп кеше* (много людей), *күп көн* (много дней). Если *күп* значит «многие» или «большинство», то при нем ставится множественное число. Примеры: *күп кешеләр быһы белмәйҙәр* (многие люди этого не знают). *Күп яздар, күп кыштар утәләр* (проходят многие весны, многие зимы).

¹ Интересно, что А. С. Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум» приводит такую фразу: *вер* (= башк. *бир*) *бана* (= башк. *миңә*) *ат* в смысле «дай мне коня» *тс.* одного).

² Любопытный образец множественного числа в самом числительном имеется в названии аула *Бишәүҙәр* («Пятеро»).

При слове *аз* (мало) множественное число может стоять при следующих условиях: 1) *аз* означает «немногие» или «меньшинство» и 2) при *аз* ставится частица *-ғына* (только). Пример: *аз ғына кешеләр быны аңланьлар* (только немногие люди поняли это).

Вещественные существительные, как и собирательные, по-башкирски всегда ставятся в единственном числе. Примеры: *алма* значит: «яблоко» и «яблоки», *һоло* — «овес» и «овсы», *кыяр* — «огурец» и «огурцы». Если же здесь будет поставлено множественное число, то его придется понять как указание на разнородность категории, на разбросанность отдельных единиц по разным местам, иногда — на конкретизацию понятия, которое при форме единственного числа воспринималось бы в смысле родовом. Примеры: *һуу аға* и *һууҙар аға*. В первом случае речь идет о свойстве воды (вода течет), т. е. о том, что течь — это свойство воды, а о какой воде конкретно говорится — пояснений нет. Во втором случае имеются в виду конкретные воды, т. е. определенные потоки воды, текущей по разным местам: воды текут. Русскому «снег выпал» могут соответствовать два башкирских выражения: *кар ауган* и *карҙар ауган* (ср. из русской народной песни «снеги белы выпалади»). Второй оборот указывает на то, что снег вынал в несколько приемов и в разных местах, так что мы можем говорить о частях этого процесса и этого предмета.

Несоответствие в употреблении единственного и множественного числа сказывается в двух планах: 1) башкирское единственное число ставится вместо русского множественного и 2) башкирское множественное число ставится вместо русского единственного. Разобрав первый случай, переходим ко второму. Попутно оговоримся, что и в том, и в другом случае мы не интересуемся множественным числом в порядке согласования, о чем будет сказано особо.

Множественное число вместо ожидаемого единственного часто употребляется в языке поэтического фольклора и притом вне каких-либо рациональных оснований, а единственно по требованию метра или размера. Пример: *Ағизелдәр аша уҡ аттым* — я метнул стрелу через реки Белые (фактически, конечно, одну Белую).

Кроме того, множественное число ставится в поэтическом фольклоре для выражения категории «ласкательных» имен. Иногда этот оттенок вводится в текст уместно, иногда он обусловлен только размером и метром. Так, например, возлюбленная (по контексту — единственная) называется *йәшкәйҙәрәм*, т. е. дословно «душеньки мои».

Множественное число употребляется также для нарочитой вежливости, если имеет в виду и одного человека. Сюда же относится двойное множественное число личных местоимений, что часто встречается опять-таки в башкирском фольклоре. Пример: *безҙәрҙән булмаҫ һиңә ғазап* (тебе от нас не будет мучки).

Множественное число указывает также на приблизительность обозначения: *сәғәт биштәрҙә* — часов в пять; часов примерно в пять (тогда как *сәғәт биштә* значит просто: «в пять часов»).

Множественное число от собственных имен людей и фамилий употреб-

лется в таких, например, выражениях: *Сәлимдәргә барҙым* — я ходил к Селимам (т. е. в семью Селима).

Что касается оформления множественного числа, то в современном башкирском языке мы различаем следующие признаки множественности:

1) Аффикс $\begin{matrix} \text{лар} \\ \text{лар} \end{matrix} \parallel \begin{matrix} \text{тар} \\ \text{тар} \end{matrix} \parallel \begin{matrix} \text{дар} \\ \text{дар} \end{matrix} \parallel \begin{matrix} \text{зар} \\ \text{зар} \end{matrix}$. Этот аффикс является

основным для современного языка. В силу характерного для башкирского языка (и тюркских вообще) единства морфологических категорий этот аффикс употребляется одинаково и для имен, и для глаголов.

2) $\begin{matrix} \text{ез} \\ \text{ез} \end{matrix} \parallel \begin{matrix} \text{ез} \\ \text{ез} \end{matrix} \parallel \text{-з}$. Этот аффикс для башкирского, как и для многих тюрк-

ских языков, надо считать архаичным нережитком. Он сохранился в составе личных местоимений *без* и *һез*, что можно установить хотя бы по тому, что в некоторых тюркских языках башкирскому *һез* < *ез* соответствует форма *сен-лер* или *си-лер*. Кроме того, тот же архаичный аффикс сохранился в составе форм принадлежности: *ат-ыбыз* = *ат-ыб* || *ым-ыз*, а *ат-ыгыз* = *ат-ыг* || *ың-ыз*; то же имеем и в глагольных формах, структурно связанных с категорией принадлежности: *алд-ыгыз* = *алд-ыг-ыз*, *килд-езез* = *килд-ег-ез*.

3) Архаичный тип множественного числа, состоящий из парного словосочетания или повторения одного и того же слова. Примеры: *карсык-корсок* (старухи), *сәет-сәәт* (молодцы). Данный тип множественности применим для довольно большого, но все же ограниченного ряда слов.

Способ этот построен на синтаксисе и относится, очевидно, к той эпохе, когда еще не было формальных аффиксов. Об этом у нас говорилось в специальной главе, см. стр. 74—79.

Особые случаи согласования в числе и лице

Из сказанного выше нетрудно вывести, что согласование в числе проводится по-башкирски иначе, чем по-русски. Если подлежащее, хотя бы оно формально стояло во множественном числе, представляется однородной категорией, то сказуемое надо ставить в единственном числе, поскольку все действие представляется единым и нерасчлененным. Пример: *улар килде* — они пришли (все сразу, как один, не отличаясь друг от друга в действии). Если же в подлежащем необходимо различать отдельные элементы, действующие порознь, индивидуально, то надо поставить множественное число: *улар килделәр* — они пришли (каждый в отдельности). Таково общее положение, которое, в известной мере, напоминает различие между русскими оборотами: «пришло (*килде*) десять человек» и «десять человек пришли (*килделәр*)». В первом случае, как известно, акцент падает на «десять человек», а во втором случае — на глагол.

В грамматиках обычно указывалось на то, что если подлежащее — предмет одушевленный (точнее, социально-активный), то сказуемое согласуется в числе с подлежащим. Однако основной стимул согласования под-

лежащего и сказуемого в числе лежит не в этом, а скорее связан с вопросом о дифференцированности категории подлежащего, о чем мы говорили. При дифференциации категории подлежащего сказуемое всегда согласуется с ним в числе, т. е. может принимать аффиксы множественного числа. Примеры: *һандугастар һайрайзар* (соловьи поют), *өстәлдә китаптар яталар* (на столе лежат книги). Ср., с другой стороны: *бутәи һис балалары булмай* (других детей у него не было), *унын тураһында төрлө хәбәрҙәр йөрөй башлай* (об этом начинают ходить разные слухи), *аттар киһдә* (лошади пришли).

В современном литературном (главным образом, газетном) языке мы наблюдаем абсолютное согласование сказуемого с подлежащим множественного числа, например: *китаптар яталар* (книжки лежат), *фабрикалар һәм заводтар һалындылар* (построены фабрики и заводы) параллельно с *фабрикалар һәм заводтар һалынды*, а также *яслалар асылдылар* (открылись ясли) наряду с *яслалар асылды* и т. д. Особенно это заметно в переводах с русского, причем здесь, возможно, сказывается известное влияние русского синтаксиса и его норм согласования.

До сих пор мы говорили о согласовании глагольного сказуемого с подлежащим-существительным. Остановимся теперь на некоторых других подробностях.

Именное сказуемое (существительное или прилагательное) согласуется с подлежащим множественного числа тогда, когда оно указывает признак или характерную черту каждого предмета в отдельности, а не целой группы однородных предметов. Пример: *уларҙың балалары бик матурҙар* (дети их очень красивы, ср. каждый по-своему). Ср., однако, с другой стороны, такие примеры: *улар карт карттар* (они — старые старики), *улар балалар* (они — дети), но *улар бала бит әле* (они ведь еще дети), *улар языусылар* (они — писатели, ср. каждый особого типа).

Сказуемое такого же состава, но употребленное в единственном числе, определяет не каждый из однородных предметов в отдельности, а целую группу их. Примеры: *уларҙың балалары бик матур* (их дети очень красивы, ср. если брать вообще), *улар — язуусы* (они — писатели, т. е. принадлежат к числу писателей и в этом смысле имеют общее между собой).

Если в предложении несколько подлежащих, то сказуемое, выраженное существительным, должно стоять во множественном числе. Примеры *һандугас, карлугас һәм торна — коштар* (соловей, ласточка и журавль — птицы), *Тукай һәм Ғафури — атаклы шағирҙәр* (Тукай и Гафури — знаменитые поэты). Ср., однако, при неодушевленных предметах: *тауҙар һәм яландар кар менән капланды* (горы и равнины покрылись снегом).

Если подлежащее состоит из двух частей, соединенных послелогом *менән*, то сказуемое обычно (но не всегда) ставится во множественном числе: *Сабир менән Мәхмүт Өфөгә киттеләр* (Сабир с Махмудом уехали в Уфу).

Исключением из всего изложенного следует считать составное сказуемое, именная часть которого не согласуется с подлежащим в числе. Пример

тик отлично билеләре генә алған укыусылар отличник була (ученики, получившие исключительно отметки «отлично», являются отличниками). Второй вариант, где согласуется глагольная часть, но именная не согласуется: тик отлично билеләре генә алған укыусылар отличник булалар.

Если подлежащее выражено словами *куптәр* (многие, очень многие, большинство) и *бик аззар* (очень немногие, меньшинство), то сказуемое согласуется с ним в числе. Примеры: *куптәр быны шатлык менән каршыланглар* (многие приняли это с радостью), *бик аззар ғына уны аңланглар* (очень немногие поняли это).

Если подлежащее выражено парными сочетаниями типа *агай-эне* (братья — старший и младший), не имеющими формальных показателей множественного числа, то сказуемое всегда употребляется в единственном числе, хотя парное сочетание обычно указывает не на один, а на группу предметов. Примеры: *кара ала — карсык-корсок урамға сықты!* (смотри-ка: старухи вышли на улицу!), *Өстәл өстөндә китап-митап ята* (на столе лежат всякие книги).

Согласование подлежащего и сказуемого в лице по-башкирски обязательно.

Если в предложении встречаются подлежащие разных лиц, то сказуемое ставится во множественном числе и притом в таком лице, которое «грамматически преобладает» над другим || другими. Здесь возможны следующие случаи:

1. Подлежащее — первое + второе лицо: *мин һәм һин өйгә кайтып киттек* (я и ты пошли домой).

2. Подлежащее — первое + третье лицо: *мин һәм ул өйгә кайтып киттек* (я и он пошли домой), *ун көндән һуң мин һәм минең иптәштәрәм Өфөгә барабыз* (через десять дней я и мои товарищи поедem в Уфу).

3. Подлежащее — второе + третье лицо: *һин һәм ул өйгә кайтып киттегез* (ты и он пошли домой).

Лицо, выраженное аффиксом принадлежности, не отражается на лице, в котором стоит сказуемое. Примеры: *Һеззек икәүегез бәтһен дә белә* (двое из вас всё знают) — здесь подлежащее *икәү-егез* формально относится к 3-му лицу. *Һеззек иң йәшебез бер нәмә лә белмәй* (самый молодой из нас ничего не знает) — здесь подлежащее *йәш-ебез* формально относится тоже к 3-му лицу.

Определительная группа существительных

Сочетание любого определения с любым определяемым называется определительным сочетанием слов или определительной группой. Примеры: *зур ой* (большой дом), *биш китап* (пять книг), *ағас калак* (деревянная ложка), *кышкы көн* (зимний день).

Из двух элементов определительной группы определение всегда ставится перед определяемым; при изменении определительной группы (склонение, категория принадлежности и т. д.) определение остается в своем первоначальном виде, а определяемое принимает соответствующие аффиксы.

Как видно из примеров, определением могут быть существительные, прилагательные, числительные, местоимения, а также глагольно-именные формы вроде следующих: *языу эше* (дело написания), *аткан ук* (пущенная стрела), *язган хат* (написанное письмо).

Особого внимания заслуживает такой тип определительной группы, который состоит из двух существительных, или, другими словами, в котором определением является существительное. Такой вид определительной группы называется определительной группой существительных, или, по терминологии старых грамматик, *изафетом*.

В башкирском языке (как и в других тюркских) имеются три вида определительной группы существительных: 1) *тимер юл* (железная дорога), 2) *кала баксаһы* (городской сад), 3) *каланың баксаһы* (сад города). В первом случае сочетание связано только синтаксическими средствами, т. е. порядком слов (определение стоит перед определяемым). Во втором случае сохраняется тот же порядок, но, кроме этой синтаксической связи, появляется и морфологическая (аффикс принадлежности 3-го лица при определении). В третьем случае *изафета* к этим двум признакам прибавляется еще третий и опять морфологический: определение принимает форму родительного падежа.

Из этих трех типов наиболее древним является, очевидно, первый: он отражает ту эпоху в развитии тюркских языков, когда еще не оформились морфологические показатели (аффиксы) и отношения между словами выражались исключительно синтаксическими средствами. В некоторых языках тюркской системы (кумыкский, чувашский и др.) этот первый тип сочетания является преобладающим: например, по-кумыкски не говорят *кзумукъ тил-и* (кумыкский язык), а нужно сказать *кзумукъ тил*.

В башкирском же языке современной эпохи употребление первого типа (*тимер юл* и т. д.) связано с определенными смысловыми или семантическими условиями, а именно: определение должно указывать на состав, вещество или материал, из которого сделано определяемое. Примеры: *көмөш акса* — серебряные деньги (дословно: «серебро-деньги»), *таш өй* — каменный дом (дословно: «камень-дом»), *алтын балдак* — золотое кольцо (дословно: «золото-кольцо»), *ағас өстөл* — деревянный стол (дословно: «дерево-стол»). Ср. еще *тимер тотка* — железная скоба (дословно: «железо-рукоятка»), *такта койма* — дощатый забор (дословно: «доска-забор»). Есть еще группа сочетаний, которые построены по этому типу, но осознаются уже как сложные слова (*composita*), т. е. *изафет* используется здесь, как один из способов словообразования. Примеры: *куян арба* — таратайка (досл. «заяц-арба»), *баш як* — изголовье (досл. «голова-край»), *сүкеш балык* — молот-рыба, *ташма тел* — краснобай (досл. «тешма + язык»), *эт теш* — клык (досл. «собака + зуб»), *кәзә һакал* — козлиная борода (досл. «козел + борода»), *кайыш бау* — ремень (досл. «ремень + веревка»), *биш бау* — пояс (досл. «поясница + веревка»), *каш бау* — головная повязка у женщин (досл. «бровь + веревка»), *сакма таш* — кремь, *тел сарлау* — скороговорка, *кул-акса* — паличные деньги. По этому же типу образуется новейшая грамматическая терминология: *урын килеш* — местный падеж.

По-русски в этом случае башкирское определение переводится относительным прилагательным; для башкирского же языка это определение морфологически остается существительным, но в особой функции. Между башкирским выражением *таш өй* и русским «каменный дом» существуют следующие соотношения: 1) полное тождество по смыслу, 2) полное сходство в плане синтаксиса (*таш* и «каменный» — определение || *өй* и «дом» — определяемые), 3) расхождение в плане морфологии (*таш* — существительное, «каменный» — прилагательное). Таким образом, в этом отношении между башкирским и русским языками наблюдается сходство по содержанию и известное расхождение по форме. Это расхождение объясняется следующим образом. В русском языке, кроме качественных прилагательных («красивый», «добрый» и т. д.), имеются еще относительные («деревянный», «железный» и т. д.) и притяжательные прилагательные («медвежий», «лисий», «дядин», «сестрин» и т. д.). Из них качественное прилагательное указывает непосредственно на признак или свойство предмета, т. е. дает ему качественную оценку или квалификацию («красивый дом», «длинная беседа» и т. д.). Что же касается относительных и притяжательных прилагательных, то они не дают качественной оценки предмета, а заменяют ее указанием на более или менее внешнюю связь между предметами. Так, из выражения «каменный дом» нельзя понять, какого качества этот дом: хороший или плохой, большой или маленький и т. д.; можно только заключить, что этот дом имеет отношение к камню, т. е. состоит из него. По выражению «дядин сундук» нельзя ничего заключить о качестве этого сундука: здесь говорится только о том, что этот сундук имеет отношение к дяде.

Что касается башкирского языка, то русские качественные прилагательные он передает тоже прилагательными (*зур өй* — большой дом, *якшы китап* — хорошая книга); русским же относительным и притяжательным прилагательным в башкирском языке формального соответствия нет, и потому башкирский язык пользуется здесь существительными. В башкирском языке есть слово «камень» (*таш*), но нет слова «каменный», есть слово «железо» (*тимер*), но нет слова «железный». Поэтому вместо русского «каменный дом» по-башкирски дословно говорится «камень-дом», а вместо «железная дорога» — «железо-дорога». Содержание от этого ничуть не страдает, но форма его выражения исторически отличается от русской, и это обстоятельство проводит специфическое разграничение между двумя языками. Интересно, что некоторые русские относительные прилагательные, попадая в башкирский язык, осознаются как существительные и ставятся в конструкции *изафета*, например: *буровой вышка-ны* (буровая вышка).

Что касается относительных прилагательных в старом башкирском языке, то неправильно утверждать, что их совершенно не было. Они были, но употреблялись в крайне ограниченных случаях. Сюда относятся такие формы, как *кышкы* (зимний), *йәйге* (летний), *агайзағы* (находящийся у дяди), *калалағы* (находящийся в городе) и т. д. В новое время, с целью более точного перевода общественно-политических терминов, в башкирском языке

принимаются новые формы относительных прилагательных типа *сталинск* (сталинский), *социалистик* (социалистический), *индустриаль* (индустриальный), *аграр* (аграрный), *патриотик*, *гениаль* и др.

В некоторых случаях оба существительные, составляющие определительную группу, с течением времени стали выражать одно понятие вместо двух, как мы это имеем в русских «водопровод», «паровоз» и т. д. Примеры: *билбау* (пояс), *алъянкыс* (передник), *коньяк* (восток) и т. д. Здесь, таким образом, сочетание определения с определяемым [*бил* (талыя) + *бау* (узел), *ал* (перёд) + *янкыс* (покрышка), *кен* (солнце, день) + *як* (сторона)] используется уже по линии словообразования. Такие слова по действующей ныне орфографии пишутся слитно.

Переходим ко второму типу сочетания (*кала баксаһы* — городской сад, *башкорт теле* — башкирский язык и т. д.). Башкирское определение-существительное по-русски воспринимается как относительное прилагательное. Только это прилагательное не обозначает вещество или материал, как было в первом случае, а указывает на то, к какому коллективу или к какой категории относится определяемое. Таким образом, *кала баксаһы* есть такой «сад» (*бакса*), который относится ко всей категории предметов, называемых «город» (*кала*). Иначе говоря, «городской сад» есть такой сад, который типичен для всех городов вообще в противоположность, например, деревенскому саду. Равным образом *башкорт теле* (башкирский язык) есть язык всех башкир, а не какого-нибудь одного человека. Ср. еще примеры: *кала эргәһе* — предместье («город + окружение его»), *урман сите* — лесная опушка, *корһак тифе* — брюшной тиф, *тәмәкә янсығы* — табачный кисет, *көсә карағы* — карманный вор, *безәк тотмаһы* — приступ малярии, *күгәрсең күзе* — незабудка (досл. «голубь + глаз его»), *сәғәт теле* — маятник (досл. «часы-язык его»), *үлһи инә сәскәһе* — цветок «мать и мачеха».

Отношение между двумя словами, выражаемое вторым типом определительной группы, понимается в языке весьма широко. Несомненно, что архаичная форма здесь гораздо шире того содержания, которое вкладывает в нее современный башкирский, как, впрочем, и другие тюркские языки. В выражении *үкә һүзе* (слово «читай») отношение между обоими элементами, так сказать, редакционно-стилистическое: внешние рамки изафета соответствуют русским кавычкам. Такой тип изафета встречается довольно часто. Ср. еще: *үкә яуабы* (ответ «нет»), *Хәсән аты* (имя Хасан) в отличие от *Хәсәндең аты* («Хасаново имя» или «имя Хасаново»). Как видно из последнего примера, второй тип изафета передает один из видов русского приложения — именно тот, в котором приложением является собственное имя. Это соответствие обычно. Ср. примеры: *Өфө калаһы* (город Уфа, а дословно: «Уфа город ее»), *Златоуст станцияһы* (станция Златоуст), *Салауат киноһы* (кино «Салават»), *Октябрьский натиск типографияһы* (типография «Октябрьский натиск») и мн. др.

Второй тип изафета особенно часто встречается в названиях учреждений, должностей и т. д. Поэтому данный тип изафета крайне часто употребляется в официальном языке и в языке газет. Примеры: *«Яңы*

тормош» колхозы (колхоз «Новая жизнь»), ауыл совете (сельсовет), Пушкин урамы (Пушкинская улица), Башглавлит вэкиле (уполномоченный Башглавлита), Узэк һайлау комиссияһы (Центральная избирательная комиссия), БАССР Верховный Совете (Верховный Совет БАССР), район ойошмаһы (районная организация), бухгалтер ярҙамсыһы (помощник бухгалтера), тау инженере (горный инженер), полк командиры (командир полка), партия члены (член партии), цех начальниге (начальник цеха).

Третий тип и зафета (каланың баксаһы — сад города и т. д.) отличается от второго тем, что определение указывает здесь не на коллектив, а на индивидуальный, конкретный предмет: каланың баксаһы = сад города (подразумевается: этого одного, а не всех городов), укыусының китабы = книга ученика (подразумевается: этого одного, а не всех вообще). Ср. еще характерный пример: һарандың һараны — скупец из скупцов (досл. «скупного скупец его»).

Определение, стоящее в родительном падеже, по-русски всегда переводится существительным: каланың баксаһы = «сад города» или «сад, принадлежащий (этому) городу». Отсюда видно, что третий случай определенной группы существительных очень близко подходит к категории принадлежности. Эта смысловая близость подтверждается и формальным сходством конструкции: каланың баксаһы (сад города) и уның баксаһы (его сад). Поэтому можно думать, что данный тип сочетания развился из категории принадлежности.

Если определением служит собственное имя города или страны (но не людей), то оно фактически может стоять и в неопределенном, и в родительном падеже. Примеры: Англия хөкүмәте и Англияның хөкүмәте. Оба означают в сущности одно и то же: «английское правительство». Между обеими формами выражения существует та же незначительная и чисто стилистическая разница, как и по-русски между оборотами: «английское правительство» и «правительство Англии». Поскольку «Англия» есть конкретное индивидуальное понятие, следовало бы тут употребить третий тип сочетания, т. е. сказать Англияның хөкүмәте. С другой же стороны, конкретность понятия «Англия» уже выражена семантически, т. е. тем, что это — собственное имя страны, и потому нет необходимости подчеркивать это обстоятельство и формально.

Иногда же приходится строго различать родительный и неопределенный падежи во избежание смешения смысла. Неопределенный падеж показывает, что определение связано со своим определяемым по линии объекта (ср. лат. *genitivus objectivus*), напр. Гафури китабы (книга о Гафури), где Гафури является потенциальным объектом. Наоборот, род. падеж выражает отношение принадлежности, и определение в род. падеже выступает здесь, как потенциальный (юридический) субъект, например: Гафуриҙең китабы (книга [принадлежавшая] Гафури). Приведем еще примеры: Хәсән аты (имя Хасан) и Хәсәннең аты (имя Хасана), Пушкин өйө (Пушкинский дом) и Пушкиннең өйө (дом, принадлежавший Пушкину).

Судя по некоторым данным современных тюркских языков и по их истории, все три типа зафета представляют собой звенья одной цепи.

Поэтому рассматривать какой-либо один тип в отрыве от остальных было бы неправильно. Равным образом было бы неправильно разбирать эту синтактико-морфологическую конструкцию в плане одного только синтаксиса или одной морфологии. Этим и объясняется общая схема нашего изложения.

Служебные имена

Под этим термином объединяется группа слов, которые первоначально (исторически) были именами, т. е. существительными или прилагательными, и в современной стадии башкирского языка, кроме своего прямого употребления в именной функции, имеют еще переносное или служебное употребление.

Служебная функция этих имен состоит в том, что они иногда выражают не предметность или признак предмета (это была бы первая функция), а ряд особых, главным образом пространственных, отношений. Служебная функция этих имен является одной из типичных особенностей тюркских языков вообще и башкирского в частности; эта особенность отчетливо выступает в процессе сравнения башкирских оборотов с соответствующими им русскими. По-русски вместо башкирских существительных служебной функции мы чаще всего будем иметь предлоги пространственного значения. Возьмем выражение: *эи башында*, что соответствует русскому «в деле» или «на деле». Буквально же это означает «в голове > в начале дела». Кроме того, говорят также *урам башында* в смысле «в начале || в конце улицы», а дословно «в голове улицы». Произнося эти выражения, человек, для которого башкирский язык является родным, конечно, не думает о какой-то «голове», как таковой, а употребляет это слово в какой-то новой, переносной функции в отличие от обычной функции слова *баш* (голова). Легко убедиться, что слово «голова» выражает здесь некоторое пространственное понятие, а именно начало, край, внешнюю сторону. Иначе говоря, в выражении, например, *урам башында* башкирский язык различает два момента: 1) статику, или отсутствие движения, т. е. «где», а не «куда», или «откуда», и 2) пространственную локализацию, или конкретное обозначение той части пространства, на которой проявляется эта статика: именно «начало, край, передняя полоса» улицы, а не «центр улицы», и т. д. Если при этом первый момент можно было выразить также средствами падежа (*урам-да* = на улице, т. е. местный падеж на вопрос «где?»), то второй момент может быть передан только при помощи так называемого служебного слова. Таким образом, второй момент придает всему выражению большую конкретность, большую точность, чего нет, например, в русском обороте «на улице»: ведь он выражает только статику и не передает никакой пространственной локализации. В процессе дальнейшего изложения мы увидим, что в передаче пространственных отношений башкирский язык требует большей точности, чем русский. Ср. еще такие выражения: *уныц башында* (в его голове) и *эи башында* (у дела, при деле или, если угодно максимально приблизить русский перевод к башкирскому оригиналу, — во главе дела).

Итак, оба языка (башкирский и русский) в сущности имеют две пары выражений: 1) *эи-тэ* = в деле и 2) *эи башында* = «во главе дела». Однако употребление того или иного типа в обоих языках различно. Для башкирского языка оба выражения *эи башында* и *эитэ* являются довольно обычными, и различие между ними не столько стилистическое, сколько грамматическое. В русском же языке выражения «в деле», «у дела» и «во главе дела» грамматически выражают в сущности одно и то же, но стилистически между ними большая разница. Употребление второго вместо первого придает речи особый колорит, особый стиль. Выражение «во главе дела» в современном русском языке, можно сказать, не употребляется: оно относится уже не к разряду грамматических, а к разряду чисто стилистических конструкций. Поэтому-то в русских грамматиках и не говорится о служебной функции слова «глава», как о чем-то нормативном для современной русской грамматики. Как для башкирского, так и для русского языка здесь можно говорить о наличии определенной метафоры. Мысль эту можно пояснить еще одним примером. Сочетание слов *кул астында* может употребляться в двух смыслах: 1) в прямом, т. е. «под рукой», и 2) в переносном (метафорическом), например: *Юсов кул астында эиләүсе йәш чиновник*, что соответствует русскому оригиналу: «молодой чиновник, служащий под начальством Юсова» (из «Доходного места» А. Н. Островского); здесь, таким образом, *кул астында* можно понять только метафорически, и само слово *астында* («в низу его») уже утратило свое прямое значение.

Итак, служебными именами в башкирском языке можно назвать такие имена, которые имеют двойную функцию: первую, прямую, т. е. употребляются по своему основному материальному значению, и вторую, служебную, т. е. употребляются в ином, более абстрактном значении, передавая оттенки разного рода пространственных соотношений.

Во втором случае происходит своеобразный разрыв формы с содержанием: башкирское *астында* (в низу его), оставаясь по форме существительным местного падежа, по значению представляет собой уже не предмет, а нечто эквивалентное русскому предлогу «под». Возможно, что в далекие исторические времена слова *аҫ(т)* и *баш* всегда и понимались как «низ» и «голова», но в настоящее время употребление этих (и других аналогичных им по функции) башкирских слов должно считаться архаичным пережитком в языке.

Выражение *эи башында* (при деле) указывает на большую абстрактность мышления и является, очевидно, более поздним, чем, например, *аттың башында* (на голове коня). Едва ли можно допустить, что, произнося *эи башында*, говорящий когда-либо реально предполагал, что дело (*эи*) имеет какую-то голову (*баш*). В такого рода выражениях *баш*, очевидно, «с самого начала» стало употребляться именно в служебной функции, как существительное по своим формальным признакам и последок || предлог по своему реальному содержанию. Отдельные выражения такого рода встречаются во многих языках, но в тюркских и, следовательно, башкирском они сохраняются в виде целой системы.

Итак, башкирские служебные имена: 1) в качестве отдельного слова относятся к существительным (верх, низ, перед, зад, нутро, наружность, середина и т. д.); 2) по своему смысловому содержанию обозначают пространственные отношения (вверху, сверху, наверх; внизу, снизу, вниз; впереди, спереди, вперед; позади, сзади, назад; внутри, изнутри, внутрь и т. д.); 3) по своей синтаксической роли соответствуют русским предлогам, управляющим различными падежами (в верху дома, под горой, позади реки, внутри сада, из-за гор и т. д.).

Последний пункт требует некоторого разъяснения. Русскому предлогу по-башкирски принципиально соответствует послелог: подобно = *кечек*, и другие послелог, для = *өсөн*, кроме = *башка*, с || посредством = *менем*, до = *тиклем*, согласно = *курә* и т. д. Продолжая такое сопоставление, мы, однако, сразу убеждаемся в том, что число послелогов в башкирском языке не совпадает с числом предлогов в русском, а именно: послелогов в башкирском меньше, чем предлогов в русском. Так, в башкирском языке нет послелогов, как таковых, со значением: на, над, под, около, спереди, сзади, внутри, снаружи, снизу, вверху, посреди и т. д. Иначе говоря, все русские предлоги пространственного значения (см. только что приведенные примеры) не имеют башкирских соответствий в виде послелогов: пространственные отношения между словами башкирский язык выражает не при помощи послелогов, как можно было бы теоретически ожидать, а при помощи служебных имен. Таким образом, части русских предлогов (не-пространственного значения) по-башкирски соответствуют послелогам, а части русских предлогов (конкретно-пространственного¹ значения) — служебным именам.

Типы синтаксических сочетаний, в которые входят служебные имена, сводятся к двум главным: 1) категория принадлежности и 2) определенное сочетание существительных (так называемый «изафет»). В первом случае служебные имена принимают аффиксы принадлежности лицу и склоняются. Примеры: *аҫт-ын-да* — под ним (дословно: «в его низу»), *ара-быз-ға* — между нами (дословно: «в нашем промежутке»), *унын тыш-ын-да* — вне его (дословно: «в его наружной части») и т. д. Во втором случае, который по существу является развитием первого, служебные имена функционируют как и всякое существительное-определяемое. Примеры: *эшселәр араһында* (среди рабочих), *калань эсендә* (в городе), *өстәлдә аҫтында* (под столом) и т. д.

Отметим еще одно характерное обстоятельство. Поскольку служебные имена в основном указывают на различные оттенки пространственных отношений, эти имена, употребленные в качестве служебных, обычно ставятся в одном из трех «пространственных» падежей: дательном, местном и исходном. Стоя же в одном из других падежей, эти имена могут употребляться и не как служебные, т. е. сохраняют свое основное материальное значение. Так, например, в одной башкирской сказке описывается дворец, у которого *эсә аһак таһитан, тышы алтындан* (внутрен-

¹ Русским предлогам обще-пространственного значения в башкирском языке, как известно, соответствуют также определенные падежные аффиксы.

няя часть из драгоценных камней сердолика, а наружная — из золота). В этой фразе слова *эс-е* (его нутро) и *тыши-ы* (его наружная часть), очевидно, употреблены в своем прямом материальном значении, а не как служебные имена. Ср. аналогичные примеры: *пароход арт-ы* (корма парохода), *каш өст-ө* (надбровье — досл. «верх брови»), *икэу ара* или *уз ара* (обоюдный), *тицкэре як* (пзнанка — досл. «противоположная сторона»), *беззең ара өзөлдө* (мы с тобой квиты — досл. «наш промежуток разорвался»).

По своему значению служебные имена делятся на две группы: имена вертикального плана и имена горизонтального плана. Перечислим сначала служебные имена вертикального плана:

1) *өс* (исторически основа *өст-*, которая восстанавливается в косвенных падежах) — верх, верхняя часть. Примеры на употребление этого служебного имени: *өстэл өстөндө* — на столе, дословно: «на поверхности стола» (где? — местный падеж, т. е. статика), *өстэл өстөнэн* — со стола, дословно: «с поверхности стола» (откуда? — исходный падеж, т. е. начало движения), *өстэл өстөнэ* — на стол, дословно: «на поверхность стола» (куда? — дательный падеж, т. е. конец движения). *Китап өстэл өстөндө* — книга на столе.

2) *ас* (исторически основа *аст-*, которая восстанавливается в косвенных падежах) — низ, нижняя часть. Примеры: *өстэл астында* — под столом, *өстэл астынан* — из-под стола, *өстэл астын* — под стол. *Бесэй өстэл астында* — кошка под столом.

Любопытно отметить, что башкирский язык, как и другие тюркские, не проводит принципиального различия между понятиями «на» и «над». Ср., например, *лампа өстэл өстөндө*, что при отсутствии разъясняющего контекста можно понять двояко: 1) лампа на столе и 2) лампа над столом.

К служебным именам горизонтального плана относятся следующие:

3) *эс* — нутро, внутренняя часть.¹ Примеры: *кала эсендө* — внутри города, в городе (в отличие от *кала-ла* — местный падеж, который значит просто «в городе»), *кала эсенэн* — «изнутри» города, из самого города (тогда как *кала-нан* — исходный падеж, значит просто «из города»), *кала эсенэ* — внутрь города, в самый город (тогда как *кала-ға* — дательный падеж, значит просто «в город»).

4) *тыши* — так сказать «наружа», наружная, внешняя часть. Пример: *ырзын тышында* — за гумном, *ырзын тышынан* — из-за гумна, *ырзын тышына* — за гумно. В противоположность другим тюркским языкам башкирское слово *тыши* в качестве служебного употребляется сравнительно редко и относится к средним и мелким предметам (дом, здание, гумно и т. д.); для более крупных же (деревня, город и т. д.) употребляется другое служебное имя — *сит* (край, граница). Зато слово *тыши* довольно часто употребляется в конкретных значениях, как, например, *китаптың тышында* — на обложке книги, и в производных выражениях, как-то: *тыши-ка сылты* — он вышел наружу, *тыши-кы якта* — с внешней стороны, в наружной части.

¹ Как самостоятельное слово, в фольклоре и старинных оборотах соответствует русскому «сердце», «нутро».

5) *ал* «перёд» (исторически основа *алд-*, которая восстанавливается перед гласным аффикса). Примеры: *өй алдында* — перед домом, *өй алдынан* — от дома спереди (дословно было бы: «из-перед дома»; по-русски перевести одним словом невозможно), *өй алдына* — к дому спереди (дословно было бы: «в-перед дом»). Основа *ал* употребляется и в производных выражениях: *ал-ға* — вперед (наречие), *ал-ғы* — передовой и т. д. Ср. специфические обороты *ал-* в исх. падеже с причастием на *-ыр*: *инер алдыман* (прежде чем войти), *буяр алдынан* (прежде чем окрасить).

6) *арт* — спина, задняя часть. Примеры: *ағас артында* — за деревом (дословно: «в спине дерева»), *ағас артынан* — из-за дерева, *ағас артына* — за дерево. В качестве наречия: *арт-ка* — назад; ср. еще *арт-кы* — задний.

7) *ян* — бок, край, *як* — сторона, край, *кыр* — граница, край; в косвенных падежах эти служебные имена соответствуют русскому предлогу «около». Примеры: *урман янында* — около леса, *урман янынан* — из леса сбоку (так приходится переводить ввиду невозможности передать дословно, что звучало бы примерно так: «из-около леса»), *урман янына* — в лес сбоку (дословно было бы: «в-около леса»), *тау яғында* — около горы, в окрестностях горы, *тау яғынан* — из окрестностей горы, *тау яғына* — в окрестности горы, *ауыл кырында* — около аула, *ауыл кырынан* — от аула с краю, *ауыл кырына* — в аул с краю, *янында* — около меня (дословно: «в моем боку»), *яныдан* — от меня сбоку (дословно: «от моего бока»), *яныма* — ко мне [вплотную] (дословно: «к моему боку»). В том же смысле употребляется и слово *каш* (собственно: «бровь»).

8) *эртэ* — смежная часть; в косвенных падежах соответствует русским предлогам «у» и «при». Примеры: *мәктәп эртәһендә* — при школе (подразумевается: «состоять»), *мәктәп эртәһенә* — к школе (подразумевается: «придать, так чтобы это вошло в состав школы»), *мәктәп эртәһенән* — от школы (подразумевается: «отделить»). *Ул минең эртәмдә ултыра* — он сидит рядом со мной.

9) *ара* — промежуток. В косвенных падежах соответствует русским предлогам «между» и «посреди», если речь идет о пространстве между двумя и более предметами. Примеры: *ике тау араһында* — между двумя горами, *ике тау араһынан* — из пространства между двумя горами (так приходится переводить во избежание дословной передачи: «взmeđu двух гор»), *ике тау араһына* — в пространство между двумя горами (дословно: «вмежду двумя горами»). *Арабызга* (или: *беззең арага*) — между нами.

10) *урта* — центр, середина. В косвенных падежах соответствует русскому предлогу «посреди». От предыдущего служебного имени отличается тем, что относится не ко многим, а к одному предмету. Примеры: *бакса уртаһында* — посреди сада, *бакса уртаһынан* — из середины сада (дословно: «изсреди сада»), *бакса уртаһына* — в середину сада (дословно: «всреди сада»).

11) *каршы* — против. Это же слово может употребляться и как послелог. В качестве служебного имени чаще всего сочетается с аффиксами принадлежности. Примеры: *каршыбызга* — против нас (подразумевается: «стоять»), *каршыбыздан* — с противоположной стороны от нас (дословно:

«от-против нас»), *каршыбызга* — против нас (подразумевается: «стать»).

12) *баш* — голова, начало. В косвенных падежах соответствует русским предлогам «у, при, от, в». Примеры: *урам башында* — на краю улицы, в начале улицы, *урам башытан* — от начала улицы, *урам башына* — к началу улицы. По-русски очень трудно перевести основное содержание слова *баш* (край || начало) в форме одного какого-нибудь предлога.

Кроме этих служебных имен, есть и такие, которые употребляются только в одном падеже, т. е., иначе говоря, составляют переходный тип между служебными именами и послелогами. Так, слово *тура* (собственно: «прямота || прямой»),¹ стоя в местном падеже и имея перед собой определительное-существительное, соответствует русскому «относительно, насчет». Пример: *бының тураһында* — об этом, насчет этого, относительно этого, *һугыш тураһында* — о войне, насчет войны, относительно войны. Сравнительно редко употребительная основа *арка* (собственно: «спива») в местном падеже и с предшествующим определительным-существительным соответствует русскому «благодаря». Пример: *уның аркаһында* — благодаря ему. Слово *тараф* — сторона (по происхождению арабское) в исходном падеже с предшествующим определением выражает действующее лицо при страдательном залоге. Пример: *рәхсәт директор тарафынан бирелде* — разрешение было дано директором.

Обособление

Едва ли будет ошибкой утверждать, что обособление, как определенный синтаксический прием, относится к новейшему периоду в развитии башкирского литературного языка. Правда, никто еще не производил специальных исследований на материале башкирской разговорной речи и фольклора, но тем не менее общее впечатление таково, что обособление совершенно не характерно для этих двух видов башкирской речи. Некоторое исключение представляют, пожалуй, поэтические тексты, но, во-первых, поэзия вообще находится в совершенно особых отношениях с проблемой порядка слов, а во-вторых, поэзия гораздо чаще прибегает к фигуре гипербата, чем к обособлению как таковому.

Есть еще один момент, на котором нужно остановиться, прежде чем перейти к конкретному описанию фактов обособления в башкирском языке. Это — несомненное воздействие на башкирский язык со стороны русского. В этой области воздействие сказывается, пожалуй, сильнее, чем в других разделах синтаксиса и стиля. Ведь прием обособления применяется главным образом в переводной литературе с русского и затем уже осваивается башкирской художественной литературой.

Для тюркских языков вообще и башкирского — в частности прием обособления связан не только с принципом смыслового выделения частей фразы путем интонационных средств, но и с нарушением твердого порядка слов в предложении. Отсюда понятно, что раздел обособления представляет значительные трудности для башкирской грамматики и в плане ее преподавания, и в плане установления теоретических норм.

¹ Отсюда выражение: *тураһан-тура* — напрямик.

К счастью, по этому предмету имеется уже некоторая, правда, весьма небольшая, литература. Мы имеем в виду статью К. Ахмерова «Некоторые вопросы грамматики башкирского языка», напечатанную им по-башкирски (*Q. Äxmär. Başqort tele grammatikahның qajhı ber täs'äläläre*) в журнале «Учитель Башкирия» («*Başqortostan uqıtwısıhu*») за 1939 г., № 6, 8—9. Третья часть этой статьи посвящена специально вопросам обособления в башкирском языке. Основные положения этой статьи нам кажутся правильными, и потому мы излагаем этот раздел по Ахмерову.

Обособление часто применяется тогда, когда в составе фразы имеется приложение. Примеры: *без, колхозсылар, Бөтә Союз ауыл хужалығы кургәзмәһенә катнашыу хокукы алыу өсөн көргәшербез* (мы, колхозники, будем бороться за право участвовать во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке). *Без, бишенсе школаның уҡыусылары, отлично уҡырға һуз бирәбез* (мы, ученики 5-й школы, даем слово учиться на «отлично»). *Һин, стахановсы, алдыңғы сафта рза булырға тейешһең* (ты, стахановец, должен быть в первых рядах). *Без, йәғни мин һәм композитор, Крекинстройға барҙыҡ* (мы, т. е. я и композитор, отправился на Крекинстрой).

Как отмечено Ахмеровым в его статье, подобный тип обособления связан с тем, что в качестве определяемого выступает личное местоимение.

Там же приводится пример из Лермонтова, который иллюстрирует несколько иной тип обособления: *ә ул, тынғыһыз, дауыл эзләй* (а он, мятежный, ищет буря). Ср. еще из прозы: *ә ул, сабырһыз, базарға киткән* (а он, нетерпеливый, ушел на базар).

В отделе порядка слов в простом предложении мы говорили о том, редком для башкирского синтаксиса, случае, когда определение ставится после определяемого. Эти редкие случаи, очевидно, и являются той фактической базой, на которой, благодаря сильному влиянию русской стилистики, и развилось башкирское обособление приложений и определений вообще. Как видно из приведенных выше примеров, процесс этот сводится к тому, что определение и определяемое меняются местами: иначе говоря, определение отрывается от целого словосочетания (определение + определяемое), построенного на определенной закономерности (порядок слов), и в знак этого ставится после своего логического определяемого.

В русском языке, как известно, обособление происходит не только при определяемом — личном местоимении, но и тогда, когда в составе приложения имеются свои определяющие слова. Этот тип обособления совершенно не свойствен ни башкирскому, ни вообще тюркским языкам, которые применяют здесь причастный оборот без всякого обособления. Так, например, русская фраза: «Ямангулов, мой самый лучший друг, давно уже уехал в Аргаяш», по-башкирски может быть переведена единственно так: *иң яҡшы дустарымдан булған Яманголов кунтән уҡ Аргаяшҡа киткәйне*.

Существительные обособляются так же, как и по-русски, в предшествующих слов: *биһерәк тә* (в особенности), *шул йәмләһән* (в частности, в том числе), *шулай уҡ* (даже), *хатта* (даже), *айырымса* (в особенности), *йәғни* (то-есть). Подобным образом группа этих слов выделяется из всего пред-

ложения, к которому относится, как часть к целому. Примеры: *бәтә Башкортостанда, шул йәмләнен Бәләбәй районында ла, сәсәү кампанияһы үткәрелә* (по всей Башкирии, в том числе и по Белебесевскому району, проводится посевная кампания). *Без уның менән Өфө тураһында, бигерәк тә Башкортостан тел һәм әҙәбиәт ғилми-тикшеренеү институты тураһында һойлаштык* (мы говорили с ним об Уфе, в особенности же о Башкирском научно-исследовательском институте языка и литературы). *Калалағы бәтә халык, хатта карттар за, дошманга каршы сыжтылар* (все население города, даже старики, выступило против врага).

Обособление обстоятельств, которые выражены существительным, происходит в том же порядке, т. е. в порядке постепенной конкретизации, перехода от общего к частному. Приведем примеры: *кис, сәғәт биштә, институтыбыҙға лекция була* (вечером, в 5 часов, в нашем институте состоится лекция). *Борон-борон заманда, илдә батиалар хөкөм һөргән ваҡытта, бер ауылда Йәләл исемле бер бабай йәшигән* (в старое-старое время, — в то время, когда на земле правили падишахи, в одном ауле жил старый дед по имени Елель). *Борон-борон заманда, бик алыста, бер илдә, Арка-йорт ерендә, йәшигән, ти, бер карт менән бер карсык* (в старое-старое время, очень далеко, в одной стране, в земле, которую называли Арка-юрт, жили старик со старухой).

Приложение

Приложение, как особый тип определения, согласованное со своим определяемым только в падеже, в современном башкирском языке встречается довольно часто.

Можно наметить три типа башкирских приложений. Первый, самый древний, встречается в фольклоре и разговорной речи, так сказать, с незапамятных времен. Его можно иллюстрировать следующими примерами: *Аллаяр мулла* (мулла Аллаяр), *Йәләл бабай* (дед Елель), *Нур-бикә* (Нур-бике, иначе: «Нур-мадам» — теперь осознается как единое слово), *Асылы кул* (озеро Асылы), *Балкан тау* (гора Балкан), *Кусәк би* (Кюсәк-бий), *Мәсем хан* (Мясим-хан), *Бабсак батыр* (Бабсак-батыр) и др.

Приведенные примеры, число которых можно было бы значительно увеличить, весьма однородны по своему содержанию. Это — обозначение людей и географических объектов (определяемое), при которых имеется имя собственное (определение, т. е. приложение). Согласно общему порядку слов в башкирском предложении, приложение ставится перед своим определяемым. Поэтому нельзя было сказать: мулла Аллаяр (*мулла Аллаяр*), а говорилось: Аллаяр мулла (*Аллаяр мулла*).

Названия аулов в старой Башкирии состояли из собственного имени без прибавления слова *ауыл* (аул), т. е. говорили: *Мулдакай* (Мулдакаево), *Көйөк* (Куюково), *Арышпар* (Арышпарово), *Илтәй* (Ильтеево); реже употреблялись названия из двух слов с определением-прилагательным: *Яңауыл* в. *Яңы ауыл* (Новый аул — ср. русское Новая деревня) или *Картауыл* (Старый аул — ср. русское Старая деревня) или даже *Яңы Картауыл*

(Новый Каргаул, т. е. «Новый Старый аул»); последнее название, очевидно, возникло тогда, когда слова *Каргаул* стали осознаваться как одно слово. Поэтому сравнительно поздно, когда потребовалось башкирское соответствие русской официальной форме (деревня Мулдакаево, деревня Арышпарово и т. д.), выработались такие башкирские формы, как *Мулдакай ауылы* и *Арышпар ауылы*, составленные уже по схеме определительной группы существительных (и з а ф е т а). Все только что сказанное относится и к официальному названию городов: город Уфа, город Инзер и т. д. По-башкирски они первоначально назывались, повидямому, *Өфө* (Уфа), *Иңйәр* (Инзер) и т. д. и только впоследствии приобрели наименование *Өфө калаһы* (город Уфа), *Иңйәр калаһы* (город Инзер) и т. д.

Второй тип башкирского приложения возник, несомненно, уже в революционную эпоху. Он состоит из двух нарицательных существительных, выражающих одинаковый объем понятия, причем приложение дает предмету как бы новое параллельное наименование. Примеры: *фабрика-кухня* (фабрика-кухня), *машинист-инструктор* (машинист-инструктор) и т. д. Здесь, как известно, определяемое — фабрика и машинист, после которых идут приложения: кухня и инструктор. Порядок слов здесь одинаковый и в русском сочетании, и в башкирском, каковое является непосредственным отражением русского.

Наконец, третий тип представляет собой обособленное определение типа *без, укыусылар* (мы, ученики) и т. д. Об этом мы уже говорили в отделе обособления.

Известное смысловое различие, которое существует между русскими: 1) «студенты-ударники принялись за работу» и 2) «студенты, ударники, принялись за работу», не всегда сохраняется в башкирском переводе.

Тип *студенттар-ударниктар* для башкирского является, очевидно, самой новой конструкцией; поэтому на практике вместо него часто употребляется вторая схема (*студенттар, ударниктар* . . .).

Логически разница здесь такая: первая схема построена на конкретизации определяемого с сохранением одинакового объема обеих понятий, т. е. сколько студентов, столько и ударников; вторая схема тоже выражает конкретизацию определяемого, но при этом ограничивает его объем: студентов вообще больше, чем ударников из их среды. Само собой разумеется, что вторая схема применяется тогда, когда приложение состоит не из одного слова, а из нескольких, что еще больше ограничивает объем определения: *студенттар, иң яҡшы ударниктар, эиңкә баһаһылар* (студенты, самые лучшие ударники, принялись за работу).

Иногда русское приложение по-башкирски передается простым определением. Ср., например, русское «учитель-орденоносец» и башкирское *орденле укытыусы*. Так же трудно передать по-башкирски ту разницу, которая ощущается между двумя русскими выражениями: 1) «старый охотник убил лису» и 2) «старик-охотник убил лису». Первое выражение передается легко: *карт һунарсы төлкө һуғып алды*, перевод второго носит некоторый характер искусственности: *һунарсы-карт төлкө һуғып алды*.

Безличные предложения

Поскольку в этом пункте имеется довольно значительное расхождение между башкирским и русским языками, уместно изложить этот материал в плане сравнения. В русских грамматиках, как известно, различают собственно безличные предложения («ему не спалось», «скоро стемнело» и т. д.), неопределенно-личные («не рой яму другому» и т. д.) и обобщенно-личные («так не пишут», «здесь болтовней не занимаются» и т. д.). Первая группа (собственно-безличные), сильно развитая в русском языке, по-башкирски обыкновенно передается личным предложением с отдельно выраженным подлежащим. Так же передаются на башкирском языке безличные предложения западных языков, обозначающие явления природы (ср. нем. *es regnet* — дождь идет и мн. др.). Примеры: *кар яуа* (снег идет = нем. *es schneit*), *ямгыр яуа* (дождь идет = нем. *es regnet*), *таң аткан* (рассвело; дословно: «заря выстрелила»).

Личной формой передаются по-башкирски и такие русские выражения, как «мне хочется спать», «мне охота лежать» и пр. Для этого башкирский язык пользуется особой имеющейся в языке формой отглагольного имени на *-ғы*, которое выступает как подлежащее при глаголе *килеу* (приходить). Грамматическое лицо, с которым связано безличное действие, выражается аффиксом принадлежности при подлежащем. Примеры: *бөгөн язгым килә* (сегодня мне хочется писать), *һинен ашағын киләме?* (хочется ли тебе поесть?). Ср. выше, стр. 177.

Наконец, имеется в башкирском языке довольно ограниченное число оборотов, которые передают в безличной форме те же явления природы, что и по-русски. Примеры: *туңдыра* (морозит), *һыуынды* (похолодало), *яктырзы* (рассвело), *тышта буранлай* (на дворе метёт, т. е. бушует буря).

Что касается обобщенно-личных предложений, то здесь башкирский язык сходится с русским. Приведем примеры: *иртән уны милицияға ебәрзеләр* (наутро его отправили в милицию). *Биш көндән сығарып ебәрзеләр* (через пять дней выпустили). *Безгә ғәскәри кейем бирзеләр* (нам выдали военную форму). *Уларҙы айырым бәр вагонға бикләнеләр* (их заперли в отдельном вагоне). *Шул бүлмәлә татарса һейләшәләр* (в той комнате говорят по-татарски). *Эште планһыз эшләмәйҙәр* (работу без плана не делают).

Таким образом, здесь, как и по-русски, ставится 3-е лицо мн. ч. глагола.

Иногда, в сравнительно редких случаях, достаточно употребить 3-е лицо ед. ч. Это, очевидно, более старая форма выражения, которая вполне согласуется с тем, что в старом языке множественное число современной речи часто выражалось единственным. Пример: *шулай башҡортса әйтәмә?* *әйтә, әйтә* (говорят ли так по-башкирски? Говорят, говорят). Вместо *әйтә* здесь можно было бы сказать *әйтәләр*.

Кроме того, для выражения сказуемого в обобщенно-личных предложениях по-башкирски, как и во всех тюркских языках, употребляется 3-е лицо ед. ч. страдательного залога и притом не только от переходных

глаголов, но и от непереходных. Примеры: *күпме барылгандыр?* (долго ли шли? — страдательный залог от глагола *барысу* — идти). *Ашарга ултырылды* (сели обедать). *Иртэн иртә торолдо* (утром встали рано), *Һүн киләнде* (поздно пришла).

Последний оборот имеет еще особый оттенок значения, а именно указывает на допустимость или недопустимость чего-либо (по-русски: «можно» или «нельзя», например, *бирелә* — дается, можно дать, *бирелмәй* — не дается, нельзя давать).

Наконец, неопределенно-личные предложения имеют сказуемое во 2-м лице ед. ч. Этот тип безличных предложений особенно характерен для пословиц. Примеры: *алһак менән юдами булма, катын менән серзәти булма* (с хромым не выходи в путь, с женщиной не заводи тайн). *Беткә үсгән туңыңды утка ялма* (рассердившись на вошь, не сжигай шубу в огне). *Башым ауырта мин эштән калма* (не уклоняйся от работы под тем предлогом, что у тебя болит голова). *Һауалағы торнага ышанып кулыңдағы сыңсыктан калма* (понадеявшись на журавля в небе, не выпускай воробья, который у тебя в руке). *Йоклаган йыланды койроғона басма* (не наступай на хвост уснувшей змее). *Һакалға ышанма, аҡылға ышан* (не верь бороде, верь уму).

Назывные предложения

Назывное предложение есть частный случай неполного предложения с отсутствующим сказуемым. Однако не всякое неполное предложение с отсутствующим сказуемым будет назывным: назывное предложение имеет свою особую функцию называния, обозначения, номенклатуры. Поэтому не правы те грамматики, которые всякое сочетание слов (например, «зимнее утро») объявляют назывным предложением. Если слова «зимнее утро» надписаны над стихотворением Пушкина, то они имеют целью осведомить о содержании стихотворения и поэтому являются назывным предложением; в прочих же случаях, когда такой функции нет, слова «зимнее утро» являются простым словосочетанием (определение + определяемое). Равным образом слова *башкорт теле* (башкирский язык) могут быть назывным предложением только тогда, когда они, предположим, написаны на книге и служат для нее заглавием; во всех иных случаях перед нами простое словосочетание, построенное по принципу «определение + определяемое».

Из сказанного понятно, что все названия учреждений, литературных произведений, газет и т. д. вместе с поясняющими словами составляют назывное предложение. Таким образом, в состав назывного предложения очень часто входит имя собственное. В диалоге: — *Ошо киләһе кем?* — *Безҙең директорыбыз* (— Кто это пришел? — Наш директор) слова *Безҙең директорыбыз* (наш директор) нельзя рассматривать как назывное предложение, потому что они не имеют специально назывательной (номинативной) функции: их функция другая — выразить подлежащее к сказуемому «пришел», т. е. не только простое называние (номинатив). Между тем надпись над дверями кабинета: *Курстың директоры* (директор курсов), надо рас-

смагивать как назывное предложение: ведь эта надпись для того и повешена, чтобы обозначить (= назвать), кто работает в этом кабинете, и никакого сказуемого при себе не предполагает. Ср. еще примеры: *А. С. Пушкиндең «Евгений Онегин»* («Евгений Онегин» А. С. Пушкина), *Башкортостан тел һәм әҙәбиәт институты* (Башкирский институт языка и литературы), *Башкорт халык әкиәттәре* (Башкирские народные сказки).

Синтаксические функции падежей

Выше было сказано о функциях грамматических падежей: неопределенного (стр. 62, 217, 223—225), родительного (стр. 58, 61—64, 227), винительного (стр. 61—65, 218). Здесь мы приводим дополнительные данные о синтаксических функциях некоторых падежей.

Дательный падеж

Дательный падеж в башкирском языке (как и во всех тюркских) выражает косвенный объект, взятый в плане приближения к нему. Приближение это понимается чрезвычайно широко: начиная от пространственного (т. е. направление при глаголах движения) вплоть до самых абстрактных его форм: уподобления и сходства, цели (и, соответственно, причины, как это наблюдается во всех тюркских языках) и т. д. Поскольку дательный и исходный падежи выражают объекты второй степени (объект первой степени выражается винительным | неопределенным падежом), при глаголах повелительного залога (см. стр. 243) со 2-й степенью повелительности вторичный объект ставится в одном из этих падежей. (см. стр. 244). Семантически дательный падеж противоположен исходному.

Перечислим главнейшие функции дательного падежа:

1. Пространственное (или временное) приближение. Примеры: *шишмәгә барҙы* (он пошел к ручью), *Сонин аяҡ урә басып уның күкрәгенә кулын куя* (Сонин, встав, кладет ей руки на грудь), *шул ваҡыт уның өстөнә сәсәктәр музыйралар* (в это время его забрасывают цветами), *Кузый хатты ятракка язды* (Кузый написал письмо на листе), *карттын кармағына алтын балыҡ эләгеп сықты* (на удочку старика попала золотая рыбка), *осрай уға бер кеше* (встречается ему один человек), *әбей бұлмәгә инә* (старуха входит в комнату).

2. Приближение, понимаемое метафорически. По существу частный случай первого пункта. Примеры: *һөҙҙөн фекергә кушылам* (присоединяюсь к вашему мнению), *халыкка башын әйә* (он склоняет голову перед народом; дословно: «народу»), *уя тәмле хыялдарға батты* (он погрузился в сладкие мечты), *улар бәтһе лә курай монона күмәләр* (все они погружаются в грусть, идущую от курая), *хөҙөр катындың башына еттең* (теперь ты донек женщину; дословно: «добрался до ее головы»), *мин зур бәләгә осраным* (я повстречался с большой бедой), *шул ваҡыт сысқан телә килде* (в это время мысль начала говорить), *Һинен аҡылһа берәүҙен*

дә акылы тин килмэй (ни один ум не сравнится с твоим умом), *беренсе ораганга җашык булмашка кэрәк* (не надо влюбляться в первого встречного), *тин акылга ултырырһын* (ты возьмишься за ум), *һин уга лайык түгел* (ты недостойна его), *был ми нәмгә окшай?* (ва что это похоже?), *Нурбикә һушына килә* (Нурбике приходит в сознание), *искә төшөрөү* (припомнить; дословно: «вложить в память»), *буялды кызыл канга* (он окрасился красной кровью). Дательный падеж стоит также при глаголе «начинать» (*башлау*) и сходных с ним.

3. Лицо или предмет, в пользу или во вред которого что-нибудь совершается (лат. *dativus coîmodi*). Примеры: *уга ми булган* (что с ним случилось?), *бушты бушка бушаттыу* (переливать из пустого в порожнее), *минен һүзәрәм уларга тә'сир итерзәр тин уйлайым* (думаю, что мои слова действуют на них), *уны уга бер карт булж иткән* (это ему подарил один старик), *кемгә өйләнә ул?* (на ком он женится?), *һинә барыһы ла билдәле* (тебе все это известно), *ул һезгә әйттергә кушты* (он велел вам сказать), *миңә уларзы искә төшөрөү ауыр* (мне трудно это припомнить), *һинә бер кем ауыр һүз әйтмәс* (тебе никто не скажет обидного слова), *Гөләмеш һинә буласак* (Гөләмеш достанется тебе), *узена тәкдим иткән* (он предложил ему).

4. Причина или мотив к действию. Примеры: *бабайдың уга бик асыуы килде* (дед очень сильно рассердился на него), *әбей был эшкә аштыран калды* (старуха изумилась таким делам), *бәтә халык уның бейеуенә гәжәт-ләпен торзо* (весь народ дивился ее пляске), *юкки кайғырма* (не заботься о пустяках), *һыуыкка кул ярылды* (руки потрескались от холода).

5. Конкретная или абстрактная цель. Примеры: *һыуға бара* (он идет за водой), *бере алыуга, бере барыуга һүз куйышалар* (они дают друг другу слово: один — брат, другой — итти), *Кульотар калды казан асырға, Ирекбай калды кыуыи яһарға* (Кульотар остался, чтобы устроить котел, Ирекбай остался, чтобы сделать шалап), *уны катынлыкка алырға теләй* (он желает взять ее в жены), *нигә миңә мыскыл итәһен?* (зачем ты смеешься надо мной?), *нигә көләһегез?* (над чем вы смеетесь?).

6. Срок или рамки во времени. Примеры: *сәғәт бишкә кайта* (к пяти часам он вернется), *мин хәзергә бер нәмә лә әйтә алмайым* (сейчас я ничего не могу сказать; дословно: «к теперешнему моменту я ничего не могу сказать»).

7. При отдельных словах:

а) *кэрәк* и *тейеш* (нужно, необходимо). Примеры: *уның йөрәген йэрәхәтләргә тейешһен* (ты должна рашиить его сердце), *алырға кэрәк* (пужно взять), *уның кемгә кэрәге бар?* (кому он нужен?);

б) отдельные глаголы специфического управления. Примеры: *мынса мейсене һалам индереп тултыр* (наполни соломой банную печь; дословно: «внесши в банную печь солому, наполни»), *бер зур казанга эсе һыу тултырып* (наполнив котел горячей водой; дословно: «наполнив горячую воду в котел»); *мин унан балаға калғанмын* (у меня от него будет ребенок; дословно: «я осталась от него ребенку»), *һин инде бәтә канцелярияла колкөгә калғанһын* (ты уже стал посмешищем всей канцелярии; дословно: «ты остался на посмешище во всей канцелярии»);

в) некоторые арабские слова и выражения. Примеры: *минен куззорема аз ғына ла иштибар бирмэй* (он несколько не обращает внимания на мои слова); *директорығыззы курерге мөмкин булыр микән?* (можно ли будет видеть вашего директора?), *акылға зәгиф* (слабый умом).

О дательном падеже в зависимости от послелогов и глаголов повидительного залога сказано в своем месте (см. стр. 124 и 244).

Винительный падеж

Винительный пад. может завясеть, по общему правилу, только от переходных глаголов, причем обозначаемый им объект должен стоять в категории определенности (ср. *китап-ты укы* — читай эту книгу), иначе заменяется неопределенным (*китап укы* — читай всякую книгу — см. выше, стр. 218). Примеры: *галстукты ипләу* (поправить галстук), *бушты бушка бушаттыу* (переливать из пустого в порожнее), *барышын шәбәйтәп стжреу* (набрать скорость), *азагы нисек булырын уйламайынса* (напроналую — досл. «не думая бытлй его последствия каким»), *куңелдәген әйтәп бөтерөу* (излить свое сердце — досл. «то, что на сердце»), *сәсте озон йөрөтөу* (носить длинные волосы), *бысакты утмәсләу* (притупить нож), *юкты һөйләу* (говорить пустяки), *самаһын беләу* (знать меру — досл. «свою меру»), *китап биттәрәп асын ябыу* (перелистать книгу), *ул һаман үзенең кыкый* (он все свое ладит), *баланы бәүстөу* (качать ребенка), *малды курага кыуып иңдерөу* (загнать скот во двор). Ср. также *балаларзы карау* (оцекать детей), *бәхетһеззе кызғанығыз* (сжальтесь над несчастным). См. также стр. 177.

Исходный падеж

Как и во всех тюркских языках, этот падеж обозначает какой-либо исходный пункт в связи с идеей удаления. Удаление понимается чрезвычайно широко: начиная от удаления в пространстве или времени (при глаголах движения) и через метафоризацию этих отношений вплоть до абстрактных форм того же удаления (сравнение, причина и т. д.). В исходном падеже часто ставится название косвенного объекта. Семантически исходный падеж противоположен дательному. Перечислим главнейшие оттенки в значении исходного падежа:

1. Пространственное удаление. Примеры: *бер диңгезән икенсе диңгезгә тикләм* (от одного моря до другого), *Нурбикә Сонин алдынан бер нисә танкыр бейен әйләпәп китә* (танцуя, Нурбике несколько раз проносится перед Сониным), *был халде күптән булган, тизәр* (говорят, что такое положение было давно), *ағастар араһынан иңдәйҙәр ит тауыи ишетелә* (из-за деревьев слышится какой-то чужой голос), *бесәй баз тишегенән егеттең өйөнә иңә* (кошка из щели погреба пробирается в дом молодца), *кит бынан* (убирайся отсюда!).

2. Удаление, понимаемое метафорически. Примеры: *исер ел исеуенән туктай* (дующий ветер отказывается от дуновения), *Нурбикә һушынан яҙ* (Нурбике теряет сознание), *козырған йөрөу* (итти с козыря), *тыу-мыштан* (от природы), *буяр алдынан* (перед окраской).

3. Лицо или предмет, от которого что-нибудь берется или отделяется. Примеры: *мин утенэм һеззэн* (я умоляю вас; дословно: «от вас»), *аксанан мэхрум итсү* (лишить денег), *минэн яузам көтмэ* (от меня помощи не жди), *кортка бынан һораған* (старуха спросила у него), *химиянан хезмэт* (труд по химии).

4. Причина действия. Примеры: *мин унан балаға калғанмын* (у меня будет ребенок от него), *алтын тапқандан шатлана* (он радуется тому, что нашел золото), *борон заманда ул ярмылыктан ғазап курғайне* (в старое время он страдал от бедности), *һез минэн көлдөһез* (вы надо мной смее-тесь), *һез минэн бизерһез* (вы на меня рассердитесь), *мин һеззэн бик кәһғәтмен* (отец вам признателен), *мин һинен менән һөйләшеүҙән туйғым иһде* (мне уже надоело с тобой говорить; дословно: «я уже насытился разговором с тобой»).

5. Орудие действия. Примеры: *кулымдан тот* (возьми меня за руку), *боғазынан алды* (он схватил его за горло).

6. Действующее лицо или предмет при страдательном глаголе. При-меры: *эһең үзәнән үзе эһләнер* (твое дело делается само собой), *һин яҡшы-ларҙың телдәрәнән макталдың* (ты был восхваляем устами лучших).

7. При отдельных словах:

а) глаголы. Примеры: *йырткысларҙан куркма* (не бойся хищников), *яу килеүҙән куркырмы?* (испугается ли он прихода врага?), *Кузыйкурпәс-тән былай ғына үс алып* (отомстив таким образом Кузыйкурпесу);

а) адвербиальные выражения. Примеры: *күптән* (давно), *беренсенән* (во-первых), *икенсенән* (во-вторых), *иркһеззән* (поповоле), *диңгез тубыктан* (море по колено).

Об исходном падеже при послелогах и страдательных глаголах см. стр. 125—126 сл. и 245.

Местный падеж

Местный падеж довольно часто зависит от глаголов движения (вернее, статических глаголов на вопрос «где») и выражает две философские кате-гории: пространства («где») и далее времени («когда»). Кроме того, он выступает в отдельных адвербиальных и идиоматических выражениях. Вот несколько примеров: *тышта буранлай* (на дворе буран || метёт), *изһдә тәһрәт йөрөү* (кататься по полу), *сит иһдә* (в чужой стороне, за границей), *бсз бала сақта* (во время нашего детства), *биш ерҙә биш егерме биш* ($5 \times 5 = 25$), *ул унда кейәүҙә* (она замужем за ним).

Управление залогов

В управлении залогов наблюдаются моменты существенного различия с русским языком. Это касается главным образом повелительного и страда-тельного залогов. В остальных залогов управление глаголов не требует никаких комментариев, не говоря, конечно, о таких глаголах, которые, в силу их семантики, имеют свое специальное управление.

Если повелительный глагол образован от глагола непереходного (семантически) и, следовательно, не управляющего прямым объектом, то повелительный глагол становится переходным. Как все переходные по значению глаголы, он может управлять винительным или неопределенным падежом прямого объекта. Пример: *тукта* (остановись) — *тукта-т* (останови). Глагол *туктатыу*, как переходный и семантически и формально,¹ может управлять винительным и неопределенным падежом объекта. Примеры: *атты туктатыу* (остановить лошадь = франц. *arrêter le cheval* и *ат туктатыу* (остановить лошадь = франц. *arrêter un cheval* или *arrêter des chevaux*).

Если основной (исходный) глагол семантически уже является переходным и грамматически может управлять падежом объекта, то, становясь повелительным 1-й степени, он начинает управлять уже двумя объектами. Так, выражение «читать книгу» (т. е. формально основной залог, а семантически — переходность 1-й степени) включает в себя один объект: «книгу»; назовем его ближайшим объектом. Но выражение: «заставить ребенка читать книгу», а по-башкирски дословно: «ребенка книгу читзаставить», имеет уже два объекта: ближайший (книгу) и вторичный (ребенка). В этом случае ближайший объект ставится, как всегда, в винительном или неопределенном падеже, а вторичный — в исходном падеже. Приведем примеры: *мин балапан хат яззырам* (я заставляю ребенка писать письмо); в буквальном русском переводе это значило бы: «я от ребенка письмо писать — требую». Ср. еще: *һин балапан уз атайын һөйзәрәһен* (ты внушаешь ребенку любовь к своему отцу; дословно: «ты от ребенка его отца любить — требуешь»), *ул балапан кытап укыта* (он заставляет ребенка читать книги), *һез карттан атты эсертсез* (велите старику напоить лошадь — повелительность 2-й степени), *без телеусенән пальто тектерзек* (мы заказали у портного пальто; дословно: «мы заставили портного сшить пальто»), *мин врачтан тиш алдырам* (я вырываю себе зуб у врача; дословно «я заставляю врача взять зуб»). Наряду с этим известен и дательный падеж вторичного объекта: *был ат кешләртә тоттормас* (этот конь не дается людям).

В последнее время под влиянием русского языка повелительность начинает выражаться аналитически (отдельным словом), особенно тогда, когда речь идет о повелительности 2-й, 3-й и т. д. степени. Пример: *директор шофергә машинаны туктатырга куша* (директор приказывает шоферу остановить машину). В этом примере дательный падеж *шофергә* зависит непосредственно от глагола *куша*.

Что касается управления при страдательном залоге, то здесь в литературной речи выработались, насколько можно судить, два типа передачи действующего лица и предмета:

а) Название действующего лица входит в сочетание *н з а ф е т а* со вспомогательным словом *тараф* (сторона), каковое ставится в исходном падеже. Пример: *рохсәт директор тарафынан бирелде* (разрешение дапо директором; дословно: «со стороны директора»; ср. франц. *de la part du directeur*).

¹ Поскольку повелительный залог всегда переходный.

Таким образом, русскому творительному падежу действующего лица («директором») здесь соответствует описательный оборот: «со стороны, директора».

б) Название действующего предмета ставится в конструкции с послелогом *мәнән*. Пример: *ой электрик менән яқтыртыла* (дом освещается электричеством).

О ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В вопросе о башкирских придаточных предложениях необходимо учитывать специфику башкирского синтаксического строя. Едва ли можно стать на ту точку зрения, что все типы башкирских придаточных грамматически соответствуют известным русским придаточным, схема которых в общем достаточно разработана. Исходя из этого последнего обстоятельства, некоторые авторы учебников пытались таким облегченным способом разрешить проблему классификации башкирских придаточных. Но такой способ игнорирует специфику башкирского синтаксиса и пытается заменить его схемой русского синтаксиса. Приведем примеры. *Мин менеп килмән ат бик шәп тугел* (лошадь, на которой я приехал, не очень резвая). С точки зрения русского синтаксиса мы здесь имеем сложно-подчиненное предложение, состоящее из главного и придаточного определительного («ва которой я приехал»). По-башкирски же собственно сказано: «сев верхом, еханный мною¹ конь не очень резв». При этом русскому придаточному определительному (отдельным подлежащим «я» и сказуемым «приехал») по-башкирски соответствует сложное определение, точнее деепричастно-причастный оборот (*менеп килмән*). Логически это эквивалентно русской фразе, синтаксически — нет. По-русски мы здесь имеем сложное предложение, по-башкирски — простое. Поскольку башкирский и русский языки принадлежат к языкам разной типологии, они могут одно и то же смысловое содержание передавать различной языковой формой. Еще пример. Башкирской фразе: *ул минең әйткәнемде итмәс*, соответствует русская: «он не делает того, что я сказал». В русской фразе мы имеем два предложения: 1) главное и 2) придаточное дополнительное с отдельно выраженными подлежащим и сказуемым («что я сказал»). По-башкирски же мы имеем, собственно говоря, простое предложение с одним дополнением (*әйткәнемде*), т. е. дословно: «он не сделает моего говорения». Таким образом, по-башкирски здесь можно говорить только о дополнении, как о второстепенном члене предложения, а не о придаточном дополнительном. Из всего этого следует такой вывод. С одной стороны, можно и должно ставить вопрос о башкирских соответствиях отдельным типам русских придаточных. Эта проблема имеет большое значение не только для грамматики, но и для переводческой работы. Но не менее важна и другая сторона вопроса: выяснить, в чем сущность башкирских придаточных, определить их критерии и дать

¹ В этой грубой передаче башкирского строя русскими словами мы не заменили слова *мин* словом «мой», так как башкирское *мин* выражает здесь, по-нашему, не лицо обладателя, а логическое подлежащее к потенциальному сказуемому *менеп килмән*.

их классификацию. Это требование одинаково важно как для школьной, так и для научной грамматики башкирского языка. Для того, чтобы правильно классифицировать башкирские придаточные, прежде всего необходимо иметь в виду, чтобы это были именно предложения, а не отдельные слова, которым по их логическому весу могут соответствовать придаточные предложения в языках иной системы. Итак, естественно возникает вопрос: что считать придаточным предложением в башкирской грамматике, или, иначе говоря, каким требованиям должно удовлетворять башкирское придаточное предложение?

Придаточное предложение вообще характеризуется двумя основными моментами: 1) относительной логической самостоятельностью мысли и 2) отдельно выраженным сказуемым (в одной из выражающих сказуемость форм, так наз. *verbum finitum*) и подлежащим. Отдельное обозначение подлежащего в башкирской фразе, правда, может не иметь места; тем не менее в некоторых случаях (переходного типа) оно из второстепенного признака становится решающим.

С этой точки зрения придаточными будут отмеченные ниже части таких, например, башкирских предложений:

1) *Кыш каты була, мин Өфөлә калам* (если зима будет суровая, то я останусь в Уфе). Здесь *кыш каты була* является придаточным, так как: а) выражает самостоятельную мысль, которая заключает в себе условие для осуществления мысли главного предложения, б) сказуемое *каты була* (составное) стоит в личной форме (3-е лицо ед. ч.), а не в форме неспрягаемого причастия или деепричастия.

2) *Эшем куп була ла, йыйлышка килермен* (хоть у меня и много работы, но я приду на собрание). Здесь *эшем куп була ла* является придаточным предложением, так как: а) выражает самостоятельную мысль, по направленности противоположную мысли главного предложения, б) сказуемое *куп була ла* (составное) стоит в личной форме (3-е лицо ед. ч.), а не в форме неспрягаемого причастия или деепричастия.

3) *Һин миңә килмәнен, сөнки эшен куп булды* (ты не пришел ко мне, потому что у тебя было много работы). Здесь по-башкирски мы имеем сложное предложение, составленное по способу подчинения: главное (*Һин миңә килмәнен*) и придаточное (*сөнки эшен куп булды*).

Помимо двух основных признаков, о которых мы говорили выше, это придаточное отличается еще тем, что оно вводится союзом *сөнки* (потому что; так как). Эта особенность, которая для русского языка имеет решающее значение, в башкирском встречается эпизодически. Тем не менее наличие ее (т. е. наличие союза) будет указывать на придаточное, как таковое.

Огромное большинство предложений с причастиями и деепричастиями не удовлетворяет основным требованиям придаточных предложений. Эти случаи надлежит рассматривать как обычные причастные, деепричастные и отглагольно-именные обороты в составе простого предложения.

Возьмем примеры:

а) *Минен касан кайтасағымды беләһегезме?* (знаете ли вы, когда я вернусь?). Здесь мы имеем простое предложение, которое включает

в себя отглагольно-именной оборот *кайтасагымды* (мы говорим: отглагольно-именной, а не причастный, потому что *кайтасак* употреблено здесь как отглагольное имя, а не как причастие).

б) *Дауыт фабрикаға ингәндән һуң укый-яза беләсе булды* (после того как Даут поступил на фабрику, он стал грамотным). Здесь опять-таки перед нами простое предложение с отглагольно-именным оборотом *ингәндән һуң*. Дело не меняется от того, как будут поставлены здесь занятые и будут ли они вообще поставлены; с синтаксической точки зрения, во всяком случае, пунктуация является производной величиной синтаксиса, а не наоборот.¹

в) *Укытыусы миңә биргән китапты мин иптәшемә укырга бирҙем* (книгу, которую дал мне учитель, я передал для прочтения своему товарищу). Здесь мы имеем простое предложение с причастным оборотом.

г) *Якшы эшләсе ударниктарыя премия бирелә* (ударникам, которые хорошо работают, выдается премия).

д) *Кисә башым ауыртканға мин мәктәпкә килә алмаһым* (вчера я не мог прийти в школу, так как у меня болела голова = «вчера я не мог прийти в школу ввиду боления моей головы»). Здесь мы имеем простое предложение с отглагольно-именным оборотом.

е) *Мин улың кайтканына бик шатландым* (я очень обрадовался тому, что он вернулся). Дословно тут сказано: «я очень обрадовался его возвращению».

ж) *Һезҙән иртәгә китәсәңгә миңә билдәлә* (мне известно, что вы завтра уедете). Дословно тут сказано: «ваш будущий отъезд завтра мне известен», т. е. в этой фразе мы также имеем отглагольно-именной оборот.

Попробуем наметить конкретно те типы башкирских предложений, которые всегда образуют придаточное в том его понимании, о котором мы говорили выше. Сюда относятся:

1. Придаточные условные (*шарт һөйләм*), которые всегда имеют отдельно выраженное сказуемое в форме лица. Примеры: *иртәгә укыу булмаһа, без экскурсияға барабыз* (если завтра не будет занятий, мы отправимся в экскурсию). *Һинең улың терә булған буһа, хәзер ул 15 йәштә булған булар ине* (если бы твой сын был жив, ему бы теперь было 15 лет). *Ваҡытым буһа ине, мин һиңә күптән килер инем* (если бы у меня было время, я бы давно к тебе пришел).

Все эти и другие подобные им примеры построены по одному типу: иного способа выражения для башкирских условных придаточных и не существует. Являясь придаточным в полном смысле слова, они представляют собой самый устойчивый тип башкирских придаточных. Тип этот ни в ком из исследователей не вызывал сомнений в смысле его отнесения к придаточным. Можно предполагать вообще, что это один из немногих бесспорных типов придаточного предложения в тюркских языках. На второе место нужно поставить придаточные уступительные, которые в тюрк-

¹ О логической и интонационной основах пунктуации мы здесь не говорим.

ских языках, как известно, представляют собой лишь частный случай условных придаточных.

2. Придаточные уступительные (*кире һөйләм*). Примеры: *ул ни тиклем тырышһа ла, алыс китә алмань* (как он ни старался, но далеко уйти не мог). *Үзән яны кабыкта булһаң да, йөрәгең әүәлесе* («хоть ты и в новой коже, да сердце у тебя все то же» — из басни Крылова), *тәйешһәк тә* (хотя мы и говорим || говорили между собой).

3. Придаточные причины (*сәбәп һөйләм*), вводимые союзом *сөнки* (так как, потому что), после которого следуют отдельно выраженное сказуемое и подлежащее. Примеры: *ашап алдым, сөнки бик асыккайным* (я поел, так как сильно проголодался). *Баксага һыу һипмәнем, сөнки килә ямғыр яуған ине* (я не поливал огорода, потому что вчера шел дождь).

Как известно, употребление союза *сөнки* в башкирском языке ограничено только литературным языком, да и в нем отмечается не часто; поэтому третий тип «несомненных придаточных» по своему объему распространения значительно уступает первым двум.

Из среды причастных и деепричастных оборотов мы склонны выделить такие, в которых при причастии или деепричастии имеется свое грамматически выраженное подлежащее, отличное от подлежащего остальной части фразы. Хотя такие обороты и не удовлетворяют одному из выставленных выше основных признаков придаточного (сказуемое в одной из форм, выражающих лицо), однако мы склонны считать их тоже придаточными, хотя и переходного типа: в этом типе отсутствие сказуемого в форме, обозначающей лицо, как бы компенсируется отчетливо выраженным грамматическим (и логическим) подлежащим.

4. Причастные обороты, если при причастии имеется особое подлежащее. Примеры: *Миндәяр, әше судка бирелән жулик ул* (Миндляр — жулик, дело которого передано в суд). Подлежащее придаточного здесь *әше*, сказуемое придаточного — *бирелән*. Логически слово *бирелән* связано со словом *әше*: ведь в суд передано именно дело, а не сам жулик, формально же слово «передано» (*бирелән*) подчинено слову *жулик*. Это — одна из форм связи данного типа придаточного с главным; другая ее форма — аффикс принадлежности 3-го лица при подлежащем придаточного (*әш-е* = дело его), что по существу соответствует русскому относительному местоимению (*әше* — «дело его» = дело которого). Возьмем еще пример: *балалары күп булған әсәләрә пособие бирелә* (матерям, у которых много детей, выдается пособие). Дословно здесь говорится: «дети их многими являющиеся (придаточное определительное с подлежащим *балалары* и сказуемым *күп булған*) матерям пособие выдается». В первом примере, как мы уже видели, придаточное стоит посредние между частями главного, а именно перед тем членом главного, определением которого оно является; во втором примере придаточное также стоит перед главным и опять-таки перед тем членом главного, определением которого оно является. К причастным оборотам относятся и такие, в которых причастная форма на *-ған* функционирует как существительное, т. е. принимает показатели падежа, например, *мин килгәндә һине вйә таба алманым* (когда я пришел,

я тебя не застал дома), что дословно означает: «я при (моем) приходе тебя дома застать не мог». Естественно, что из этого ряда оборотов на квалификацию придаточных могут претендовать только такие, в которых мы имеем особое подлежащее при логическом сказуемом типа *килгәндә*. Пример: *мин килгәндә һин өйгә булмадың* (когда я пришел, ты дома не был). Здесь при *килгәндә* стоит подлежащее *мин*, а при *булмадың* — *һин*.

5. Деепричастные обороты в тех случаях, когда при деепричастии имеется особое подлежащее. Пример: *мин мәктәптән сыккас, кар яуа башланы* (как только я вышел из школы, повалил снег). Дословно тут сказано: «я из школы выйдя, снег падать начал». Разные подлежащие при деепричастии *сыккас* и при главном сказуемом *яуа башланы* позволяют нам рассматривать все предложение как сложно-подчиненное, а *мин мәктәптән сыккас* — как придаточное. Напомним, что, например, во французском языке, где такая структура обычна, оборот типа *мин сыккас* считается придаточным. Ср. еще пример: *каны агып | хәлдән тайган* (он истек кровью, а дословно: «кровь его потекши, [он] из состояния вышел»), *үтәп көндәр еткән көздәр* (когда дни прошли, наступила осенняя пора; досл. «дни пройдя, осени наступили»).

Таковы все те башкирские синтаксические конструкции, которые могут с тем или иным основанием попасть в категорию придаточных предложений в общем понимании этого термина (мы говорим: «в общем понимании»), потому что странно было бы устанавливать одни нормы для русских придаточных и другие — для башкирских).

Из приведенного выше перечня вполне ясно, что башкирские конструкции, по содержанию и форме адекватные русским придаточным определительным, могут быть отнесены к тем придаточным (по существу переходного типа), которые мы зарегистрировали выше под номером четвертым. Теперь, ознакомившись с этой схемой башкирских придаточных, мы можем перейти уже непосредственно к анализу придаточных определительных.

Перед этим сделаем одно пояснение. Проблема, которой мы здесь касаемся, теснейшим образом связана с процессом преподавания в школе. Как, в самом деле, учитель будет растолковывать ученикам сущность башкирского придаточного определительного, когда он сам неясно представляет себе, что такое это придаточное, какова его природа, его внутренние и внешние признаки и т. д.? То же самое справедливо и в отношении всей приведенной нами выше классификации башкирских придаточных. Вопрос этот еще не обсуждался никем ни в учебниках по башкирской грамматике, ни в какой-либо отдельной статье. Таково же положение в татарских, узбекских, казахских, киргизских, азербайджанских и других школах, где преподается тот или иной язык тюркской группы.

Вопрос о классификации придаточных в этих языках не менее сложен и запутан, чем, например, вопрос о разграничении существительного и прилагательного. Поэтому наша попытка выяснить природу придаточных в башкирском языке (и вообще в тюркских), что мы сделали выше, и установить соответствия между русским и башкирским придаточным определительным,

что мы сделаем ниже, имеет целью не только чисто лингвистическое исследование вопроса о придаточных, но и рационализацию школьного преподавания их.

ПРИДАТОЧНЫЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ

Перейдем теперь к вопросу о соотношении русского и башкирского придаточных определительных.

Исходным пунктом нам служит русский язык, так как его грамматика изучена значительно лучше и эта грамматическая традиция может оказаться полезной при изучении и преподавании отделов башкирского языка которые донныне продолжают оставаться неразработанными.

Как известно, русские придаточные определительные (иначе: относительные) классифицируются по падежам относительных местоимений (какой, который, чей). Формальное подразделение связано здесь с изменением смысловых оттенков. В этом же плане попытаемся расположить и наш сравнительный материал. Поступая таким образом, мы получим следующие типы конструкций:

1. Русское относительное местоимение стоит в именительном падеже. Примеры: *сбәрелән хат бик озак барған* (письмо, которое было послано, шло очень долго = посланное письмо шло очень долго). *Алыстан күрелән ауыл маришәр тарафынан утырылған* (деревня, которая виднелась вдали, была заселена марийцами = видневшаяся вдали деревня...). *Күн укыған кеңе күн белә* (человек, который много читал, много знает = много читавший человек много знает). *Иңән өй бик зур икән* (дом, который сгорел, был очень большой = сгоревший дом...). *Атылған үк кире кайтмас* (стрела, которая выпущена, назад не возвращается = выпущенная стрела назад не возвращается). *Аккан һыуза моншар үк* [в воде, которая течет (в проточной воде), мха не бывает]. *Әйткән һүз — аткан үк* (сказанное слово — что выпущенная стрела).

Уже из этих примеров видно, что башкирские обороты имеют два русских соответствия: 1) собственно придаточное и 2) причастный оборот. Таким образом, переводчик имеет право использовать ту или другую стилистическую возможность в зависимости от своего переводческого задания: по содержанию и тот и другой обороты вполне покрываются башкирской конструкцией. Что же касается самого башкирского снятаксиса, то он пользуется здесь исключительно причастными оборотами; потому вопрос о причислении их к придаточным отпадает сам собой. Конечный вывод таков, что при передаче тех относительных оборотов, о которых идет речь, русский язык пользуется или развернутым придаточным предложением, или одним причастием-определением, а башкирский язык — только причастием.

2. Русское относительное местоимение стоит в винительном падеже. Примеры: *мин элгән китап магазиндарза бик һирәк орай* (книга, которую я ищу, в магазинах попадается редко). *Без тарбиялгән бала инде агроном булған* (ребенок, которого мы воспи-

тали, уже стал агрономом = воспитанный нами ребенок уже стал агрономом). *Һез һатып алған ат бик яҡшы* (лошадь, которую вы купили, очень хороша = купленная вами лошадь очень хороша). *Һин уҡый торған ҡитап кайҙа ҡалған?* (где осталась та книга, которую ты читаешь? = где осталась читаемая тобою книга?). *Мин язған хат юлда юғалған* (письмо, которое я написал, пропало по дороге = написанное мною письмо пропало по дороге).

В этом случае, как и в предыдущем, двум русским оборотам (придаточное и причастный оборот) соответствует только одна башкирская конструкция. Она представляет собой развернутое определение типа причастия и также не может быть отнесена к разряду придаточных предложений.

Разбирая русские придаточные определительные с относительным местоимением в винительном падеже и сравнивая их с башкирскими соответствиями, мы не можем упустить из вида одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что переходность глагола в русской и башкирской грамматике понимается по-разному. Для башкирского языка это понятие шире, и под него подводятся также глаголы, управление которых с точки зрения русского языкового мышления не может быть выражено винительным падежом. Следовательно, и относительное местоимение при таких глаголах не может стоять в винительном падеже. В башкирском же языке разобранная выше схема причастных оборотов, которая соответствует русскому относительному местоимению винительного падежа, употребляется и там, где по-русски не может быть поставлен винительный падеж местоимения. Иначе говоря, под одну башкирскую схему попадают и те случаи, где русское относительное местоимение стоит в винительном падеже, и те случаи, где оно стоит в остальных падежах (кроме именительного и родительного), т. е. в винительном с предлогом, в дательном и творительном (с предлогом или без предлога) и в предложном падежах. Приведем несколько примеров на эти случаи, сопроводив их литературным и дословным русским переводом (последний для того, чтобы лучше можно было представить всю специфику башкирского оборота).

Мин ингән булма бик тығыз ине (комната, в которую я вошел, была очень тесная), что означает дословно: «комната, которую я вошел» или, еще ближе, «войденная мною комната». *Мин хат ебргән кеше бер һиндәйҙәр яуап ҡайтармай* (человек, которому я послал письмо, мне ничего не отвечает). В этом примере дательный падеж русского относительного местоимения (которому) выявляется только по контексту, так как формальный состав башкирской фразы по-русски можно было бы передать следующим необычным для русского языка «фотоснимком»: «человек, мною письмо-посланный (!), ничего не отвечает». Возьмем еще несколько примеров. *Мин задание биргән прораб бер нәмә лә эшләргә өлгөргә алман* (прораб, которому я дал задание, не успел ничего сделать). Дословно здесь мы имеем: «мною задание данный прораб», но по контексту слово данный (*биргән*¹) расшифровывается именно так: «тот, которому дали»,

¹ Об известном полисемантизме этой глагольной формы мы здесь не распространяемся.

а не как «тот, который был дан». *Без хэзерлэнгэн максат ул — юлары квалификациялы тәржемәселәр булыуҙан тора* (цель, к которой мы готовимся, это — статья высококвалифицированными переводчиками). Дословно здесь имеем: «цель, которую мы готовимся» или «подготавливаемая нами цель». *Мин танышкан кеше таныклы языусы булып сыҡты* (человек, с которым я познакомился, оказался известным писателем). Дословно же эта фраза означает: «человек, которого я познакомился...». *Минен мәкәләмде басыу тураһында без һөйләшкән редакция миңә тәүге корректураны ебәрҙе* (редакция, с которой мы договорились о печатании моей статьи, прислала мне первую корректуру). Дословно здесь говорится так: «мною о напечатании моей статьи договоренная редакция» или «редакция, которую я договорился о напечатании моей статьи». *Без һөйләшкән тел бик ауыр* (язык, которым мы занимаемся, очень труден). Дословно: «язык, которого мы занимаемся» или «занимаемый нами язык». *Кешеләрҙен миңе курҡыткан курҡыныстары бик ныҡ Кабартымған булып сыҡты* (опасности, которыми меня пугали, оказались сильно преувеличенными). Дословно: «опасности, которые (вин. падеж!) меня пугали люди» или «опасности, пугаемые мне людьми». *Мин һөйләшкән языусы бик алымлы ине*. Эту фразу можно понять двояко в зависимости от того, в каком падеже окажется относительное местоимение, после того как мы перейдем с башкирского языкового мышления на русское. Во-первых, это может значить: «ученик, с которым я говорил, был очень способный», а во-вторых: «ученик, о котором я говорил, был очень способный».

Выбор варианта определяется исключительно окружением этой фразы, которая в дословной перелицовке выглядит так: «ученик, которого я беседовал, был очень способный». Для того чтобы подчеркнуть косвенное дополнение дательного падежа, иногда во фразу вводится дательный падеж личного местоимения (*уға* = ему), что можно видеть из следующего примера: *мин уға шалтыраткан языусы кисә киткән* (писатель, которому я звонил, вчера уехал). Перелицевать этот пример на русский лад довольно трудно; получается примерно так: «мною ему звонимый писатель» или «писатель, которого ему я звонил». Причастная форма выражает, таким образом, относительную связь, а *уға* (ему) — косвенный характер объекта. Ср., с другой стороны, такой пример: *мин грамматика тураһында һөйләгән уҡытыусы бик алымлы ине* (учитель, с которым я разговаривал о грамматике, был очень способный). Дословно тут опять-таки сказано: «мною о грамматике говоримый учитель». *Без музейгә барыға һуз бирешкән студент котмәндә ауырып киткән* (студент, с которым мы условились пойти в музей, неужели давно заболел). Здесь форма взаимного залога (*бирешкән* указывает на несколько субъектов придаточного предложения, откуда легко выводится форма русского относительного местоимения («с которым»). *Мин уның тураһында күп яҡшылыҡты ишеткән кеше булмәгә инде* (в комнату вошел человек, о котором я слышал много хорошего). Дословно здесь говорится: «я о нем много хорошего слышавший человек...»; выражение о нем» указывает на форму определительной связи и точно соответствует «русскому «о котором». *Мин уның менән бәхәсләшкән тема бәте аудито-*

рияны кызыкһындырзы (тема, о которой я с ним поспорил, заинтересовала всю аудиторию). В этой фразе послелог *менэн* (= с) и форма взаимного залога (*бәхәсләшкән*) указывают на наличие нескольких субъектов, откуда выводится русское «с ним», что, в свою очередь, выявляет русское относительное местоимение («о которой»), так как иначе понимать логическую связь между двумя частями предложения нельзя.

Таким образом, башкирская причастная форма с аффиксом $\frac{ған}{ған}$ и $\frac{кан}{кан}$ применяется весьма широко для передачи определительных отношений, причем иногда эти отношения строятся на принципе прямой переходности, иногда — косвенной. И то, и другое связано с полисемантизмом самой глагольной формы, анализ которой составляет особую большую тему (см. стр. 259—265).

3. Русское относительное местоимение «который» стоит в родительном падеже с предлогом или без него или же заменяется относительным местоимением «чей» в любом падеже.

Сначала приведем пример: *уның улы безең мәктәптә укыган карт базарга киткән*. По-русски (в литературном переводе) это означает: «старик, сын которого учится в нашей школе, поехал на базар». Такова эквивалентная передача содержания башкирской фразы средствами русского языка. Если же мы задумаемся в структуру самой башкирской фразы и постараемся вникнуть в ее природу, то мы можем дословно передать эту конструкцию в таком примерно виде: «сын его в нашей школе учащийся | старик на базар поехал». С логической стороны эта фраза делится на две группы, граница между которыми обозначается паузой: «сын его в нашей школе учащийся | старик на базар поехал». Структура второй группы не требует замечаний: «старик» — подлежащее, «поехал» — сказуемое. Подлежащее первой группы — «сын», сказуемое (логическое) — «учащийся»; выражено оно не в форме лица (*verbum finitum*), а в форме причастия. Сделано это для того, чтобы формально подчеркнуть определительную связь первой группы со второй. Таким образом, слово «учащийся» формально служит как бы определенным к слову «старик» и потому поставлено перед ним в форме причастия; логически же оно может быть объединено только со словом «сын», так как учится-то ведь не старик, а сын. Фактически выходит, следовательно, что определением к слову «старик» служит не одно слово «учащийся», а весь предыдущий комплекс, т. е. «сын его в нашей школе учащийся». Таким образом, внутренняя связь башкирской фразы вырисовывается перед нами в таком примерно виде: «старик (отец) учащегося в нашей школе сына поехал на базар».

Как уже было сказано, внешняя связь между потенциально главным и потенциально придаточным выражается здесь причастной формой, в которой поставлено сказуемое потенциально придаточного. Сказуемое в башкирском языке осознается как главнейший член предложения; если этот член предложения поставлен перед каким-нибудь членом главного в форме

причастия-определения, то, значит, и все придаточное трактуется как пространенное определение к главному. Вторым выражением этой связи служит порядок слов: определение в башкирском языке всегда ставится перед своим определяемым, и потому потенциально придаточное со сказуемым-причастием, поставленное перед главным, может пониматься только как определяющий комплекс, т. е. в данном случае как придаточное определительное. Третьей формой связи является аффикс принадлежности 3-го лица («он → его»); русское местоимение «который» заменено аффиксом принадлежности 3-го лица («его», т. е. «принадлежащий ему»).

Интересно отметить, что употребление личных и указательных местоимений на месте позднейших относительных характерно не только для тюркских языков вообще и башкирского в частности: нечто подобное наблюдалось, например, в истории английского языка, как это можно видеть из статьи В. Ярпевой «Бессоюзное относительное предложение в английском языке» (Ученые записки ЛГУ, № 20, серия филологических наук, вып. 1, Л., 1939, стр. 104—122), где собраны подробные данные по этому вопросу.

Можно ли считать подобный тип башкирского относительного предложения придаточным? На этот вопрос мы склонны ответить положительно, так как здесь налицо: 1) сравнительная самостоятельность мысли, которую выражает эта часть фразы, в отношении той мысли, которая выражена другой ее частью: сын учится, старик поехал, 2) наличие отдельно выраженного подлежащего в каждой из двух частей фразы (сын . . . старик), 3) наличие в придаточном предложении самостоятельного сказуемого (учится → учащийся). Правда, это сказуемое поставлено не в личной форме глагола (*verbum finitum*), а в форме причастия, но это, как мы видели выше, сделано исключительно для того, чтобы подчеркнуть определительную связь, и сделано притом дос таточно искусно, так что обнаруживает некий разрыв между формой и содержанием: как мы видели выше, «учащийся» (*уҡыған*) формально связано со словом «старик» (*карт*), т. е. частью главного, а логически относится, конечно, к своему подлежащему «сын его → сын которого» (*улы*). Такая компоновка изобличает сравнительно редкое употребление этого оборота, что действительно и подтверждается на практике: подобные фразы встречаются главным образом в литературном языке и, значительно реже, в разговорном. Разговорный язык предпочитает более древнюю форму той же конструкции, о чем пойдет речь несколько ниже. Тем не менее здесь налицо зарождение относительной связи между двумя предложениями, и этот тип предложения — единственный из башкирских предложений, в котором можно усмотреть главное предложение и придаточное определительное (последнее, правда, носит переходный характер со своим сказуемым — причастием и стоит между причастными оборотами и собственно придаточным). Все же остальные типы башкирских соответствий русскому придаточному, которые мы разбирали выше, должны расцениваться не более как причастные или отглагольно-именные обороты в составе простого предложения.

Приведем еще несколько примеров. *Миңә, улың йөзөн көргөнгә карай алмаған кеше йәкмәлитте* (ко мне подошел человек, лица которого и не

мог рассмотреть). Дословно мы здесь имеем: «ко мне | лицо его как следует рассмотреть (подразумевается: «я») не могший | человек приблизился». *Облигацияһының номеры һунғы тиражда откан кешеһен йөрө капыла аҡтырылып китә* (лицо того, чей номер облигации выиграл по последнему тиражу, сразу озаряется улыбкой). Дословно же здесь говорится: «номер его облигации по последнему тиражу выигравший | человека лицо сразу озаряется улыбкой». *Мин, уғы дошманды утә сыға торған кешеһен* (я тот, чья стрела пробивает врага насквозь). Дословно: «я | стрела его врага насквозь пробивающая | человек я». *Кызы улған карт ауымыбызза калды* (старик, у которого умерла дочь, остался в нашей деревне). Дословно это построено так: «дочь его умершая | старик в нашей деревне остался». *Һыртты сыбырғы менән темеләһен бөткән аттың хужаһы үзән аҡларға ынтылып караһа ла, уға һөйләргә бирмәһеләр* (хозяин лошади, спина которой была исполосована кнутом, пробовал было оправдаться, но ему не дали говорить). Дословно здесь сказано: «спина ее кнутом исполосованная | лошади хозяин. . .»).

Особо нужно выделить такие случаи, где сказуемое придаточного предложения выражено формой *булған*. Вспомогательный глагол *булғы* (делаться, становиться, быть), как известно, не имеет узко конкретного значения; поэтому форма *булған*, лишенная материального смыслового содержания, может рассматриваться как чисто внешняя форма связи между двумя предложениями: придаточным и главным. Пример: *барышы әкрән булған ат һатылды* (лошадь, у которой тихий ход, продана), что дословно означает: «походка ее тихой являющаяся (*булған*) лошадь продана». *Булат, аксаһы күп булған кешеләрҙән түгел* (Булат не из таких людей, у которых много денег). Дословно: «Булат — деньги их многими являющиеся | людей — из не есть». Ср. еще: *тамырын кортоу кығын булған* (неискоренимый — дословно: «корень его иссушить трудным являющийся»).

Формальная связь между двумя предложениями в виде *булған* является следующим этапом развития по сравнению с еще одним случаем. Сплошь и рядом относительная связь двух предложений выражается только тем, что первое предложение (потенциально придаточное) ставится перед вторым (потенциально главным). Таким образом, все дело сводится тут к порядку слов, а, как известно, всякое определение в башкирском языке (и в тюркских вообще) должно предшествовать своему определяемому. Старый синтаксический способ выражения относительной связи перенесен здесь, таким образом, из контекста словосочетания в контекст целого предложения. Если *булған* есть формальная связь, при которой требуется какая-то качественная оценка предмета, то слова *бар* и *юк*, как понятия количественные, могут и не требовать после себя *булған*. В таких случаях, как мы только что сказали, предложения со сказуемым *бар* или *юк* просто предшествуют потенциально главному предложению. Таких случаев много, и поскольку они встречаются в старых фольклорных текстах, мы можем твердо считать их образцами старой конструкции. Приведем несколько примеров из башкирских пословиц: *аты бар батыр*, *аты юк атыр* (тот, у кого есть конь, — батыр; тот, у кого нет коня,

лежит); дословно же это значит: «коня у него есть | батыр, коня у него нет | лежит». *Асқырғак бар ерҙә ир улмәс, андыз бар ерҙә ат улмәс* (в том месте, где есть (лекарственная трава) *асқырғак*, не умрет герой, в том месте, где есть (лекарственная трава) *андыз*, не подойдет конь; дословный перевод: «*асқырғак* имеется | в месте не умрет муж, *андыз* имеется | в месте не умрет конь». Ср. еще: *эше юктың ашы юк, эше барзың ашы бар* (у того, у кого нет работы, нет и еды; у кого есть работа, у того есть и еда); дословно: «у работы *нет-а* (родительный падеж!) еды нет, у работы *есть -я* (родительный падеж!) еда есть». По существу синтаксические сочетания *эше юк* (у него нет работы) и *эше бар* (у него есть работа) выступают здесь как единое сложное слово.¹ *Якаһы юк түм булмаһ* (не бывает такой шубы, у которой не было бы воротника = не бывает шубы без воротника); дословно: «воротника ее нет | шубы не бывает». *Атаһы юк ул куштан, эсәһе юк кыз куштан* (сын, у которого нет отца, клязник; дочь, у которой нет матери, — клязница; лит. «сын, оставшийся без отца. — клязник; дочь, оставшаяся без матери, — клязница»); дословно: «отец у него не имеющийся | сын — клязник, мать у нее не имеющаяся | дочь — клязница». *Аты юктың канаты юк* (у кого нет коня, у того нет крыльев); дословно: «у коня нет-а (родительный падеж!) крыла нет».

Такого рода предложения типичны для башкирского и всех тюркских языков. Они вскрывают процесс создания относительных придаточных из независимого простого, которое ставится перед главным в качестве его логического определения. Этому, как мы видели, способствует то, что сочетания *аты бар* (у него есть конь) осознаются уже как единое понятие. Если искать формальной морфологической связи между двумя предложениями, то это будет аффикс принадлежности 3-го лица при подлежащем первого предложения, т. е. *-ы* или *-һы*; этот элемент играет здесь ту же роль, что и русское «который», и так же склоняется, как русское «который». На этой единственной морфологической связи и на порядке слов основан последний тип башкирских придаточных определительных, который нам предстоит разобрать. В этом случае сказуемое придаточного предложения выражено просто именной своей частью (без связки или вспомогательного глагола), которая непосредственно примыкает к зоне главного предложения. Пример: *ир күп ерҙә бысаҡ булмай, катын күп ерҙә һыу булмай* (в том месте, где много мужей, нехватает ножей; в том месте, где много женщин, нехватает воды); дословный анализ структуры: «мужчин много | в месте ножей не бывает, женщин много | в месте воды не бывает». Здесь *катын күп ер* (т. е. «женщин много | место») представляет зародыш сложно-подчиненного предложения, тогда как, с другой стороны, продолжает еще осознаваться в виде существительного (определяемого) со сложным эпитетом (определением), т. е. как бы «многоженщинное место».

¹ Так именно и выражается башкирский аффикс отрицания *-һыз* в некоторых тюркских (якутском) и во всех монгольских языках.

Но самый древний тип таких придаточных предложений (> сложных определений-эпитетов) выражался, очевидно, только порядком слов: независимое предложение (или словосочетание) ставилось перед главным и, «примыкая» к нему, осознавалось, как его придаточное. Вот несколько примеров: *Һугыш барған | район биззэн алыс* (район военных действий от нас далек — дословно: «война идущая | район от нас далек»), *Һыу баһыр | болон* (пойма — дословно: «вода охватывающая | луг»), *буре һугар | тарамыш* (Ахиллово сухожилие — дословно: «волк поражающий | сухожилие»), *Кары ирегэн | урын* (проталина), *яман аты сыккан* (пресловутый), *куңеле кайткан* (разочарованный), *акылы теуэл* (нормальный по уму), *йәше сткэн* (совершеннолетний), *осо-койрого юк эш* («долгая песня» — дословно: «дело, которому нет конца-краю»). Слово *еләз* (прохладный), возможно, произошло из *еле әз* («тот, в котором мало ветра»).

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ

Как мы уже говорили в своем месте, башкирские деепричастия могут иметь двойные синтаксические функции: 1) выступать как члены простого предложения в составе глагольных видов в форме так называемых деепричастных оборотов, например: *мин өйгә кайтқас, китап укый башланым* (вернувшись домой, я начал читать книги), и 2) выступать как сказуемое определенного типа придаточных предложений, например: *Кояш батқас, мин өйгә кайттым* (как только солнце зашло, я вернулся домой; дословно: «солнце как только зайдя, я домой вернулся»).

Как известно, в последнем случае деепричастия должны удовлетворять особым условиям, о которых мы говорили в отделе о типе башкирских придаточных.

Учитывая эти условия, постараемся отметить, в каких придаточных предложениях могут употребляться башкирские деепричастия.

Придаточные обстоятельства времени

В этих придаточных употребляются следующие типы деепричастий:

1. Деепричастие на $-\frac{ғас}{ғәс}$ - $\frac{кас}{кәс}$. По значению соответствует рус-

скому обороту с союзными словами «как только» и, следовательно, указывает на очень краткий промежуток времени между действием двух сказуемых: придаточного и главного предложений. Примеры: *Кояш батқас, мин өйгә кайттым* (как только солнце зашло, я вернулся домой). *Йыйылым бөткәс, без юлга сыктык* (как только кончилось собрание, мы отправились в путь).

2. Деепричастие на $-\frac{ғанса}{ғансә}$ - $\frac{канса}{кәнсә}$. По значению соответствует

русскому обороту с союзным речением «до тех пор пока не», т. е. сказуемое придаточного предложения, выраженное деепричастием, означает предел действия, которое выражается сказуемым главного. Примеры: *мин килгәнсә китмәй тор!* (пока я не приду, не уходи!).

В народной речи и диалектах вместо *-ганса* (и его вариантов) встречаем фонетический дублет этого аффикса: *-гансы* и его варианты. Примеры: *куз асын йомгансы, йыйган гаскар йыйналган* (не успел он открыть и закрыть глаза, как собралась тьма солдат; дословно: «пока он, открыв, не закрыл глаза»). *Ул бында үзенең мозгаһы тулғансы, еләк йыйған* (тут он собирал ягоды до тех пор, пока не наполнилась его корзинка). *Аша, малкайым, туйғансы* (ешь, мой конек, досыта).

Иногда эта форма деепричастия ставится в дательном падеже в зависимости от послелога *тиклем*. Пример: *бына ошо агастың кулғаһе фәлән ерә эткәнсегә тиклем, теләгенде әйтерһең* (вот, пока тень от этого дерева не дойдет до этого места, ты выскажешь нам свое желание).

Исторически и тот, и другой тип деепричастия восходят, очевидно, к форме на *-ган*, но оформляются различными аффиксами.

3. Деепричастие на $-\frac{ын}{ен} -\frac{он}{он}$. Этот тип деепричастия имеет необычайно много функций; одна из них — самое общее обозначение времени, которое соответствует русскому глаголу с союзом «когда». Этот деепричастный способ выражения времени имеет дублеты в виде местного падежа формы на *-ган* и сочетания этой формы со служебным именем *сак* (пора, время). Разница между этими двумя способами в том, что при форме на *-ган* выражается лицо субъекта, а при деепричастии — нет. Примеры: *Кубаләк-Тиләүзән бер Ғариф исемле батырын килтереп, Австрия халқына курһәткәндәр* (когда привели одного батыра из Кубелек-Тилева, по имени Гариф, его показали австрийцам = приведи... показали). *Нурбикә кото осоп, алға таба йөвәрә башлай* (когда Нурбике перепугалась, она бросилась бежать вперед).

4. Деепричастие на $-\frac{майынса}{мәйнсә}$. Соответствует русскому обороту с союзными предложениями: «без того, чтобы...», «прежде чем». Примеры: *оҙак уйлап тормайынса* (не долго думая; без того, чтобы долго думать) *атын туктатмайынса* (не останавливая своего коня; прежде чем остановить коня).

Придаточные сравнительные

В этих придаточных употребляются следующие деепричастия:

Деепричастие на $-\frac{ганса}{ғансә} -\frac{канса}{кәнсә}$, о котором было сказано выше (стр. 256). В данном случае это деепричастие соответствует русскому глаголу с союзами: «как», «подобно тому как» и др. Примеры: *үзе әйткәнсә яздым* (я написал так, как он сам сказал), *кыз барын да әбей кушканса эшләй* (девushка делает всё так, как приказала старуха), *теләгәнсә иркенләп ултырдылар* (они уселись посвободнее, как им хотелось), *кол булып йөрөгәнсә үлгәнсә яшисе* (лучше умереть, чем быть рабом).

Что касается функций деепричастий в составе простого предложения, то эти функции двойки, поскольку деепричастия могут: 1) входить в струк-

туру глагольных видов, т. е. участвовать в сложной комбинации, которая семантически выражает одно понятие. Эту функцию можно назвать словообразовательной. О ней мы говорим в том месте, которое посвящено анализу глагольных видов — стр. 195; 2) выступать в качестве обстоятельств (главным образом обстоятельство образа действия), а также в соответствии с русскими однородными членами предложения или вообще в составе так называемых деепричастных оборотов. Чаще всего в этой функции встречается деепричастие на *-ып*, затем деепричастие на *-а* и, реже всего, деепричастие формы на *-ғанса* и *-майынса*.

Приведем примеры на деепричастие на *-ып* и *-майынса*, входящие в состав простого предложения: *улар килеп туктайзар* (приехав, они останавливаются). *Шунан һуң ялангас кылысын тотоп өйгә инеп киткән* (после этого он, схватив свой обнаженный меч, вошел в комнату). *Һәр кем күрәп шатлана ине* (каждый, смотря, радовался = каждый смотрел и радовался). *Шулай итеп икәчләшәй, сәптылар, улар алга* (и вот, построившись в два ряда, ринулись они вперед). *Ул арала Нурбикә бейей-бейей кызып киттеп Сонин янына якылашканын һизмәй кала* (в это время Нурбике, разгорячившись пляской, не замечает, как к ней приблизился Сонин), *үземде үзем белмәйсез* (сам я, не помня себя, . . .), *уның килеүен карамайынса* (несмотря на его приезд). *Баһы осонда юғарыла бер төйләгән үткәр канаттары менән һауа ярып осоп йөрөй* (высоко над его головой парит коршун, рассекая воздух своими острыми крыльями). *Был тауыштар агастарға бәреләп йотолоп калалар* (эти голоса отражаются от деревьев и замирают). *Йөгереп урман куйымыгына инеп юғала* (она бежит и скрывается в чаще леса). *Нинә юк барзы өйрәп акса эрәм итеп йөрөйһөн?* (зачем ты, обучившись всяким пустякам, тратишь деньги понапрасну?). *һыу эсеп китәйек* (пойдем-ка попить воды; дословно: «пойдем, пью воду»). *Уның һәр бер һүзен йотолоп тыңлайзар* (они слушают, боясь пропустить хоть одно его слово; дословно: «они слушают, глотая каждое его слово»).

Деепричастие на $-\frac{a}{ә} \left\| \right. -й$ в составе членов простого предложения:

Нурбикә бейей-бейей кызып китте (танцуя, Нурбике разгорячилась). *Сапанының еңге менән маңгайындагы тир бертөктәрен һөртә-һөртә һүзгә керешкән* (вытирая рукавом чапана капли пота у себя на лбу, он начал говорить). *Уның кайза китеүен белмәй антырап калдылар* (не зная, куда он пошел, они остались в полном недоумении). *Был һүзгә ишеткәс, кыуана-кыуана картка китте* (как только он услышал это слово, он радостно направился к старику). *һораша-һораша китте* (он шел, постоянно расспрашивая). *Курка-курка ғына барып* (идя не без страха; дословно: «идя, боясь-боясь»).

Как видно из примеров, положительная форма этого деепричастия употребляется в повторном виде. Кроме того, это деепричастие входит в структуру глагольных видов (см. стр. 195—200), а также управляет глаголом *башлау* (см. стр. 239).

Деепричастия *булып* и *итеп* превратились в чисто служебные слова, оформляющие те имена, которые в предложении выступают как обстоя-

тельства. В русском переводе иногда совершенно пропадают, иногда переводятся описательно («как», «в качестве» и т. д.). Примеры: *Кузыйкуртә:зи биш-зи алты йәшлек егет булып үсеп етте* (Кузыйкуртес вырос в йишита пятнадцати-шестнадцати лет). *Шулай итеп халык бәхетен күз караны кеүек итеп һакалаган* (так вот народ и берег свое счастье, как зеницу ока). *Башлык итеп Мухтар түрәне һайлағандар* (начальником выбрали Мухтара-тюре). *Мине башкорт халкына илсе итеп ебәрәләр* (меня отправили послом || в качестве посла к башкирскому народу). *Туйзы бик шәп итеп аткарып* (очень хорошо устроив свадебный пир).

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФОРМЫ НА -ған

Форма на *-ған*, поставленная в функции прилагательного-определения перед существительным, сама морфологически не изменяется. Синтаксически такие обороты могут быть придаточными определительными, если они удовлетворяют основным требованиям башкирских придаточных (см. стр. 244—246), или же так называемыми причастными оборотами, т. е. развернутыми членами простого предложения. По-русски этим оборотам соответствуют (но уже в зависимости от условий русского синтаксиса) или придаточные определительные, или опять-таки причастные обороты. При этом в теории русско-башкирских переводов надлежит установить, что соответствует по-башкирски форме различных падежей русского относительного местоимения.

Приведем сначала примеры на тот случай, когда форма на *-ған* является простым причастным определением и не имеет при себе логического субъекта, отличного от субъекта всего предложения: *ебәрәлән хат озақ барған* (отправленное письмо шло долго || письмо, которое было отправлено, шло долго), *алыстан күрәлән ауыл мариҙәр тарафынан кайтанан королған* (деревня, которая виднелась вдали, была заново отстроена мари́йцами), *шул таузы барып казыған кеше*¹ (человек, который разрыл эту гору...), *без буш тора торған ерҙәрҙе генә казыбыз* (мы раскапываем только такие места, которые стоят пустыми), *ишәл үлән менән капланған ерә карап* (смотря на землю, покрытую зеленой травой), *күктә йөзә торған айға карай* (прямо к луне, плывущей по небу), *Нур-бикәне йәйләүҙә күрәлән кеше булмай* (на лстовке нет такого человека, который видел бы Нурбике), *халықтың йөрәген әйтеп, аңлатып булмай торған тетрәү ала* (сердце народа охватывает какой-то неописуемый трепет... тренет, который нельзя описать), *курайҙан аққан моң бәтә йыйынды басып ала* (грусть, которая растекается от курая, гнетет всех собравшихся), *көслә елдәр үлемде еңгән мөхәббәт тураһында моңло итеп һузып йырлайҙар* (пронзительные ветры грустно и протяжно поют о любви, которая победила смерть).

Не менее часты такие случаи, когда форма на *-ған*, стоящая в роли причастия-определения, имеет при себе логический субъект, отличный от

¹ В этом случае, как и в других, мы не приводим всего предложения до конца, а берем только часть его, относящуюся к нашей теме.

логического (и одновременно грамматического) субъекта всего предложения. По мотивам, которые нами изложены в своем месте (см. стр. 244—246), эти обороты считаются придаточными, и в русском переводе им обычно соответствуют придаточные определительные. Примеры: *агас кулэгэне, һез эйткэн ергэ этте* (тень дерева дошла до того места, о котором вы говорили), *без һиңә кунелең теләгән булғакте бирергә тейешбез* (мы должны дать тебе такой подарок, какого только пожелает твоя душа), *был егеттең атаһы укытыусы булған илдә . . .* (в том краю, где отец этого парня был учителем . . .), *уларзың буйы-һыны эткән бер кыззары бар ине* (была у них взрослая дочь; дословно: «дочь, стан которой вырос»), *ат эткән ергә ат, хат эткән ергә хат ебәрзе* (в то место, куда доходит конь, он послал коня, а в то место, куда доходит письмо, послал письмо — поговорка), *һакамы мең карыш, үзе бер карыш карт ултыра* (спит один старик, борода у которого в тысячу локтей, а сам в один локоть), *баны һалам менән ябылған бер өй бар ине* (был один дом, крыша которого была покрыта соломой), *эсе кыуыш бер агас таба* (он находит дерево, середина у которого пустая = он находит дерево с дуплом), *Йәләл бабай үзенең алтын аҡыл өйрәткән карт биргән сукмар менән аждаһаларзың иң зурын һуғып ултыргән* (Елель-бабай убил самого большого из драконов той дубиной, которую ему дал старик, научивший его золотому разуму), *иттәи миңә булғак иткән китабым өйөмдә калды* (книга, которую подарил мне товарищ, осталась у меня дома), *мин уның менән бәхәсләшкән тема бәтә аудиторияны кызыкһиндырзы* (тема, о которой я с ним спорил, заинтересовала всю аудиторию), *мин борсолоп уйлаған һинең сәйәхәттеңде шулай иттеп кисектереү мөмкин булманы* (твое путешествие, о котором я думал с тревогой, так и не удалось отложить), *без шөгәлләнгән тел бик ауыр* (язык, которым мы занимаемся, очень трудный), *мин һөйләшкән укытыусы бик алымлы ине* (учитель, с которым я разговаривал, был очень способным), *без музейгә барырға һүз бирешкән студент көтмәгәндә аурып киткән* (студент, с которым мы условились идти вместе в музей, неожиданно заболел), *мин элэй торған китап малазидарза һирәк осрай* (книга, которую я ищу, в магазинах попадается редко), *ул кертән булма бик тығыз ине* (комната, в которую он вошел, была очень тесная), *без тәрбиәләгән баҡымһыз бала инде агроном булған* (беспризорный ребенок, которого мы воспитали, теперь сделался агрономом), *мин хат биреп ебәргән кеше кистә киткән* (человек, с которым я послал письмо, уехал вчера), *без, мәкәләмде баһу тураһында һөйләшкән редакция миңә тәүге корректураны ебәрзе* (редакция, с которой мы договорились о печатании моей статьи, прислала мне первую корректуру), *облигацияның номере һуңғы тиражда откан кешенең йөзө капыл йылмайып ялтырап китә* (лицо того, чей номер облигации выиграл по последнему тиражу, сразу озаряется улыбкой), *аркаһы сыбырқы менән телеләп бөтөрөлгән аттың хужаһы үзе ҫ аҡларға тырышып караһа ла, уға һөйләргә ирек бирмәселәр* (хозяин лошади, синая которой была исполосована кнутом, пробовал было оправдаться, но ему не дали говорить).

Переходный тип между первыми двумя составляют такие случаи, когда логический субъект при причастии-определении не является грамматическим

субъектом, т. е. выражен одним из косвенных падежей. Такие обороты с точки зрения башкирского языка нельзя считать придаточными. Примеры: *теге кызыл һойм ете быға һуғыш башлань* (парень, которого полюбила та девушка, начал против этого войну), *кешеләрҙең миңе куркыткан куркыныстары бик нык кабартылған булып сықты* (опасность, которой меня пугали, оказалась сильно преувеличенной), *миңең хат ебәрән кешем бер һиндәй ҙә ауаһ бирмәй* (мой человек, которому я послал письмо, ничего не отвечает).

Если форма на *-ған* стоит на правах существительного, т. е. не является определением к другому существительному, то она может изменяться по категории склонения и принадлежности. В этом случае различные падежи формы на *-ған* соответствуют разным типам русских придаточных:

а) Форма на *-ған*, стоящая в неопределенном падеже. Примеры: *башкорт йортонда һинең кеҙең еттең булғаны юк ине* (в башкирском народе не было такого *йинте*, как ты; дословно: «не было того, чтобы в башкирском народе был такой *инте*, как ты»), *ундай кызы миң бер нәҙә әә курғанем юк* (такой девушки я ни в одном краю не видел; дословно: «нет того факта, чтобы я в каком-нибудь краю видел такую девушку»), *миң әле кешегә ышанысымды югалтканым юк* (я еще не потерял веру в людей; дословно: «нет того факта, чтобы я потерял веру в людей»), *миң һезгә ундай хоҡуҡ бирғанем юк* (я не давал вам такого права; дословно: «нет того факта, чтобы я давал вам такое право»).

Подобного рода обороты со сказуемым *бар* и *юк* и подлежащим в виде формы на *-ған* с целым рядом относящихся к нему второстепенных членов исторически являются сложно-подчиненным предложением, где подлежащее выражено в форме придаточного. Для современного же языка это не более как особый стилистический оборот: такое выражение, как *алғаным юк* («мое взятие || тот факт, чтобы я взял, не существует») есть просто особый тип прошедшего времени (я взял); в туркменском языке такой тип прошедшего уже введен в схему грамматики. Подходя же к вопросу с другой стороны, надо сказать, что русским придаточным-подлежащим по-башкирски нормально соответствует форма на *-ған* в неопределенном падеже. Примеры: *уның кайға¹ барғаны кызыклы* (интересно, куда он пошел), *миңең нәмә эшләгәнем һезгә кағылмай* (то, что я делал, вас не касается).

В форме на *-ған* выражаются также заглавия (назывные предложения): *Бабсаҡ батырҙың Мәсем ханға килгәне* (прибытие Бабсака-батыра к Мәсимхану).

Иногда вместо формы на *-ған* употребляется производная от нее форма на *-ған-лык*, которая выражает большую абстрактность действия или процесса. Подобного рода параллельное употребление этих двух форм сопровождается все падежи, в которых может стоять форма на *-ған*. Приведем примеры: *безҙә филдәрҙең гәжәп нәмә булғанлыктары билдәле* (известно, что слоны в диковинку у нас — из басни Крылова). Дословно сказано так: «бытие у нас слонов удивительным предметом — известно»), *тәржемәһеңә*,

¹ Здесь придаточное-подлежащее соединено с косвенным вопросом.

уз теленең грамматикаһын белерә тейеш икәнлеге асыҡ түгелмени? (разве не ясно, что переводчик должен знать грамматику своего языка?).

б) Форма на *-ған* (или на *-ған-лык*), стоящая в винительном падеже. Обычно зависит от глагола и в русском переводе соответствует придаточным дополнительным. Примеры: *Нурбикә, Сонин аяһна аҡынлашҡанын һизмәй кала* (Нурбике и не чувствует, что к ней приближается Сонин), *үзенең зур бәхетһезлеккә осрағанын һизә* (он чувствует, что встретился с большим несчастьем), *ишетәһеңме мин әйткәнде?* (слышишь ли ты, что я говорю?), *үзенең ғалим икәнен курһәтергә кәрәк бит* (надо ведь показать, что он — ученый), *һин тоғролокто әйткәнде яратмайһың* (ты не любишь, чтобы говорили правду), *һәр бер яҙыу күсересе ас философ булыуға карағанда писарь булып йәшәүҙең аҡшыраҡ икәнен башынан үткәреп белә* (каждый переписчик по собственному опыту знает, что лучше быть писарем, чем голодным философом¹), *мин инде уларҙың ни нәмә икәнен дә белмәйем* (я даже не знаю, что это такое), *батыр кыҙың сыкҡанын һотә башлай* (батыр начинает поджидать, когда девушка выйдет), *кыҙың өйҙә икәнен курҙе* (он увидел, что девушка дома).

Приведем примеры, где вместо *-ған* имеется распространенная форма *-ған-лык*: *егет һыу кызын алырға барғанлығын әйтә* (герой говорит о том, что он идет добывать водяную деву), *үзенең, кызын таз сәткә бирергә риза булғанлығын белдерә* (он сообщает, что согласен выдать свою дочь за плешивого йышата²), *уның яланғас булғанлығын куреп аптырап калды* (увидев, что тот голый, он остолбенел), *уларға үземдең һине яратканлығымды һөйләнем* (я сказал им, что люблю тебя), *мин һинең рус теле менән шөгөлләнәһеңде беләм* (я знаю, что ты занимаешься русским языком), *Сониндең кайтып киткәнлеген иҫенә төшөрә* (она напоминает, что Сонин ушел обратно).

По типу придаточных дополнительных конструируются и косвенные вопросы, которыми управляют глаголы «спрашивать» и семантически близкие ему. Примеры: *малай Умыстан, һиндәй аза менән үлергә теләгәнлеген һораны* (парень спросил Умыса, какой смертью он желает умереть), *Маян-һылыуҙың кайҙа икәнен белергә теләне* (он захотел узнать, где находилась Маянхылу), *кем көслө икәнен белер өсөн...* (для того чтобы знать, кто сильнее...), *карт бының ни икәнен белмәй* (старик не знает, что это такое), *мин кәһән, кайҙа тыуғанымды ла һиңә биргән вәғәҙәләрем сәһәһә торға тырыштым* (я старалась позабыть, где и когда я родилась и какие обещания я дала тебе), *үзенең кайҙа икәнен, үзе менән нәмә булғанын да хәтерләй алмай* (он не может припомнить ни того, где он был, ни того, что с ним было), *ул был ни тиклем ваҡыт нәмә булғанын төшонә алмай тора* (некоторое время он не может сообразить, что произошло), *кемдең ни нәмәһе барын, ни нәмәгә ышанғанын һүҙенән аңларға кәрәк* (что у кого есть и во что он верит — это нужно узнавать по его словам), *миңең күңелдең нәмә теләгәнлеген һорайһығыҙ* (вы спрашиваете, чего желает мое сердце), *ни өсөн барғанлығын һөйләп бирә* (он рассказывает, зачем он идет).

¹ Башкирский перевод «Доходного места» А. П. Островского.

² Из народной сказки.

Как видно из примеров, конструкция здесь такова: вопросительные слова (наречия и местоимения) сочетаются с формой на *-ған*, которая ставится в винительном падеже в зависимости от управляющего глагола.

в) Форма на *-ған*, стоящая в родительном падеже, употребляется крайне редко и зависит от существительного. Пример: *мин һинен өсен эшләй алғандың бәтәһен эшләргә тейешмен* (я должен сделать для тебя все, что могу; дословно: «все из того факта, что я могу сделать»).

г) Форма на *-ған*, стоящая в дательном падеже, может зависеть от глаголов или послелогов, управляющих этим падежом. В русском переводе соответствует или особому типу придаточных дополнительных, или придаточным времени и причины. Сперва приведем примеры на первый случай: *мин һезҙең шулай икәнлегегезгә һәр ваҡыт ишана инем* (я всегда верила тому, что вы такой), *өйләнгәнгегезгә нисә йыл бар?* (сколько лет прошло с того времени, как вы женились?), *беренсе осрағанға ғашыҡ булмаһка кәрәк* (не нужно влюбляться в первого, которого встретишь || в первого встречного; дословно: «тому, которого встретишь»), *Зөфәр киткәнә нәк өс ай тула* (с того момента, как Зофер ушел, исполняется ровно три месяца).

Примеры на второй случай: *уның байлығы булмағанға күрә* (так как богатства у него не было; дословно: «ввиду небытия его богатства»), *уны эшкә тәрбиә бозоп өлгөргәнә тиклем был сәмәһан тартып алырға кәрәк ине* (его нужно было вырвать из этой семьи, пока гнусное воспитание не успело испортить его), *алың ерҙән арып килгәнә Таниндең күҙҙәрен йөкө басқан төслә* (глаза у Танина были как бы полусонные, потому что он устал, идя издалека).

д) Форма на *-ған*, стоящая в местном падеже, обычно выражает время. В русском переводе чаще всего соответствует придаточным обстоятельства времени с союзом «когда». Примеры: *кайттың килә ятканда* (когда он возвращался || при его возвращении; дословно: «при факте его возвращения»), *мин урманда йөрөгәндә лә, ағас башында йөкләгәндә лә, һин минен күңелемдән китмәһен* (когда я бродила по лесу и когда спала на дереве — ты не выходил из моего сердца), *дөрөсөн эйткәндә мин һинә артың жалованье бирә алмайым* (говоря по правде, я не могу дать тебе больше жалованья; дословно: «когда сказал правду»), *дөрөсөн һинеләнә ишаныс аз; минекә ундай туһел* (по правде сказать, твой внушает мало доверия, а вот мой — не такой), *уткәндәге килгәндә Бабин яңы жилетканы кейгәнәйне* (когда он приходил прошлый раз, Бабин был одет в новую жилетку), *былар юлда барганда азыктары бөткән* (когда они шли дорогой, съестные припасы у них кончились).

Форма *карағанда* (дословно: «когда смотрел») в современном языке превратилась в послелог, управляющий дательным падежом и означающий: «по, согласно, сравнительно». Пример: *йөзөгезгә карағанда һез ниндәй йәш күренгәһегез* (каким молодым выглядите вы с лица; дословно: «судя по вашему лицу»).

е) Форма на *-ған*, стоящая в исходном падеже, может употребляться и без послелогов, и в зависимости от них. В переводе со-

ответствует придаточным причины, времени, реже — придаточным дополнительным. Примеры: *кис докладка белмэй калганлыктан килмэнем* (вчера я не пришел на доклад, так как не знал об этом), *бындай хаталар тоймай булды инде* (также ошибки произошли потому, что остались незамеченными), *ул үзгөң тормошон һөйләп бөткәндән һун*, (после того как он кончил рассказывать про свою жизнь...), *кейәүгә сыккандан һун минән һинә кәңәш шул* (после того как выйдешь замуж, вот тебе мой совет), *бик озак баргандан һун, бер ауыл күренә башланы* (после того как он прошел довольно далеко, стал виднеться аул), *ат йөгөрөк булганлыктан кыуып етә алманылар* (так как лошадь была резвая, ее не могли нагнать), *без бында кун кенә кәңәшкәндән һун шундай карарға килдек* (после того как мы здесь довольно много совещались, мы пришли к такому решению).

Форма на *-ган* часто встречается при служебных именах:

1. При слове *сак* (пора, время, момент), которое ставится в местном надеже; в этом случае весь оборот соответствует русскому придаточному обстоятельству времени с союзными словами: «в то время как» и «когда». Примеры: *уйын уйнаган сакта* (в то время как играл в игру), *ул әйткән сакта* (в то время как он говорил).

Примечания. Слово *сакта* иногда ставится после существительных, не входя с ними в сочетание иза фета, что, очевидно, объясняется пропуском слова *булган*. Примеры: *без бала сакта* (в то время как мы были детьми), *улар һунарза сакта* (в то время как они были на охоте).

Слово *сак*, поставленное в исходном или дательном падеже, создает оборот, который соответствует русским придаточным предложениям времени, но только с другими союзными словами. Примеры: *Гөләмеш менән Керим аяктарына басып йөрөй башлаган сактан ук бергә уйнайзар* (с тех пор как Гөләмеш и Керим начали ходить, они играют вместе).

2. При слове *хәл* (обстоятельство, положение), которое ставится в местном надеже. Пример: *тәрән уйға сумған хәлдә урман буйланы* (он шел по лесу, погружившись в тяжелое раздумье; дословно: «в состоянии погруженности в тяжелое раздумье»).

3. При послелогах *кечек*, *һымак* или *шикелле* соответствует русским придаточным сравнительным или же обстоятельству образа действия. Примеры: *һалдат өйрәткән кечек өйрәтә* (он учит так, как учат солдат), *выставкаға куйылған кечек беренсе сорт* (первый сорт, точно на выставке выставлен), *тимер юздан барган һымак, уның артынан тот та кин* (держись за него и поезжай, как ездят по железной дороге), *ай мысқыллан көлән һымак тойола* (ей кажется, словно месяц насмешливо улыбается).

4. При послелоге *һайын* образует обстоятельство времени с повторным действием. Соответствует русским придаточным обстоятельства времени с союзными предложениями «всякий раз, когда». Пример: *әйткән һайын* (всякий раз, когда говорил), *килән һайын* (всякий раз, как приходил).

Кроме того, форма на *-ган* часто употребляется при послелогах, которые управляют неопределенным надежом. В этих случаях значение формы определяется семантикой данного послелoga. Вот перечень главнейших случаев такого рода:

1. При послелогах *өсөн* и *сәбәпсә* соответствует русскому обстоятельству причины или придаточному причины. Примеры: *укыузы алып бара алмаганлыгы өсөн мәктәптән сыгарыла* (его выгоняют из школы, так

как он не мог учиться), *һез миңең уктап оста атканым, курайға матур уйнағаным сәбәтле миңең күңелемдең нәмә теләгәнлеген һорайһығыз* (так как я мастерски стреляю из лука и прекрасно играю на *курае*, то вы и спрашиваете о том, чего желает мое сердце), *ауыр булган сәбәтле* (так как было трудно || ввиду трудности).

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФОРМЫ НА *-асаҡ*

Форма на $\frac{-асаҡ}{-асәк}$ отличается от формы на *-ған* тем, что относится к будущему времени, а не к прошедшему. В остальном же все функции этих двух категорий вполне совпадают и в семантическом отношении. Это обстоятельство избавляет нас от необходимости дополнительных формулировок и позволяет ограничиться одним фактическим материалом.

Форма на *-асаҡ* в роли причастия-прилагательного: *Татлыбай менән бергә кисерәсәк тормошо...* (ее жизнь, которую она проведет вместе с Татлыбаем...), *һинә кейәү буласаҡ егетен окшаймы?* (нравится ли тебе тот молодец, который будет твоим женихом? || ... твой будущий жених?).

Форма на *-асаҡ*, стоящая на правах существительного: *виждан тыныслығы миңә донъя малдарын алыштырасағына мин ышанам* (я верю, что спокойствие совести заменит мне мирские блага), *мин һинең китәсәгендә беләмем* (я не знал, что ты уедешь), *уның бирәслә күбәйеп китте* (долг его возрос, дословно: «то, что ему отдавать»), *Умыс буректең файҙаһы буласағын һиззе* (Умыс почувствовал, что шапка ему пригодится; дословно: «что от шапки будет ему польза»), *батырҙың өйгә кайтмаясағын әйтә* (он говорит о том, что батыр не вернется домой), *ул, бер нисә айҙан һуң Татлыбайҙың кәләше буласағы һәм шул турала Татлыбай менән һуң алыштып куйыуҙары тураһында уйлай* (она думает о том, что через несколько месяцев она будет невестой Татлыбая, и о том, что они уже условились насчет этого), *был тормош уға бик рәхәт буласаҡ кеүек тойола* (эта жизнь представляется ей как сплошной отдых).

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФОРМЫ НА *-ыр*

Форма на $\frac{-ыр}{-ер}$ принципиально не отличается от форм на *-ған* и *-асаҡ*. Она относится к плоскости будущего, и потому ближайшим образом отграничивается от формы на *-асаҡ*. Как мы уже говорили, форма на *-асаҡ* отличается категоричностью тона, т. е. применяется в разговоре о таком действии, в совершении которого говорящий твердо уверен. В противоположность этому, форма на *-ыр* предполагает известную потенциальность и устремляется в разговоре о таком действии, совершение которого говорящий не может гарантировать. Из этих двух форм форма на *-ыр* исторически более древняя; поэтому понятно, что она выражает одновременно некую безличность и пассивность действия. В противоположность форме на *-ған*, форма на *-ыр* образует отрицательный вид

несколько особо на $\frac{-мас}{-мәс}$ (см. стр. 148) и может принимать аффикс *-лык* для выражения большей абстрактности. Различие между двумя причастно-именными формами будущего времени можно показать наглядно на следующем примере: *мин кейәү буласак һәм кейәү булырлык егеттәрзе ченә кабул итәм* (я принимаю только таких молодых людей, которые будут — *буласак* — или могут быть — *булырлык* — женихами).

Рассмотрим сперва тот случай, когда форма на *-ыр* выступает в функции причастия-прилагательного. При этом напомним, что формально действительная форма этого причастия сплошь и рядом понимается в пассивном смысле. Примеры: *исер ел исеуенән туктай* (дующий ветер останавливает свое дуновение, т. е. ветер, который обычно дует и может дуть, в данный момент прекращается), *барыр юлың буһын, кайтыр юлың бумаһын* (пусть будет у тебя дорога, по которой идти, и пусть не будет дороги, по которой возвращаться), *ни өсөн улар безең еребезе казып йөрөүзәр тин кыяр-кыймас кына һорау куя* («Зачем же они ходят и раскапывают нашу землю?» — нерешительно задает он вопрос), *был эш булыр микән?* (мыслимое ли это дело?), *эшләр нәмә юк, эш бирмәйзәр* (делать нечего — дела не дают!), *мин һеззе биргән корбандарыма нарык бирерлек Катын тин табырға уйланым* (я думал найти в вас женщину, которая будет способна оценить принесенные мною жертвы), *бында аңларлык бер нәмә лә юк* (здесь и понимать нечего), *кот осорлоқ алама кеше* (исключительно противный человек; дословно: «до того противный, что счастье улетит»), *таптың уксер нәмә! Уларза башка ла хәсрәт етерлек әле!* (нашел о чем жалеть! У них и другого горя довольно), *майтаныр ерең юк* (не за что тебя хвалить; дословно: «нет у тебя такого места, которое можно будет хвалить»), *һис бер кайзан бер нәмә лә белерлек түгел ине* (ниоткуда ничего нельзя было узнать), *ике-өс азымда торған караскыны куреп булмаслык буран ине* (был такой буран, что нельзя было видеть фигуру,¹ стоящую в двух-трех шагах), *кеше курмәс ергә* (в то место, которого не видно), *Кузыйкурпәстең көсөнә тиң булырлык кешеләр зә табылмай* (нельзя найти таких людей, которые по силе равнялись бы Кузыйкурпесу), *һис бер эзәм үтәй алмаслык бурыс* (долг, который ни один человек не может выполнить), *бер үтмәс балта алып* (взяв иступившийся топор; дословно: «такой, который не будет резать»), *бөтмәс төгәлмәс булгак бирәм* (я дам тебе нескончаемый подарок; дословно: «такой, который не кончится и не иссякнет»), *дөйә күтәрә алмаслык алтын* (золота столько, что и верблюду не поднять).

Часто эта причастная форма стоит, как определение, перед служебными словами: *сак* (пора, время, момент), *вакыт* (время) и другими, семантика которых отражается на общем значении оборота. Примеры: *һин уны өйрәтер сакта* (в то время как ты его будешь учить), *диңгез уртаһына етер сакта* (в то время, как он достигнет середины моря || в то

¹ Точнее: пугало (от птиц на огороде или от волков на пастбище).

время, как ему достичь середины моря), *атыр сакта* (в то время, когда надо стрелять), *бала тыуыр вакыт* (в то время, когда родится ребенок), *һандыкты асыр алдыман* (прежде чем открыть сундук).

Приведем примеры на те случаи, когда форма на *-ыр* употребляется в функции существительного. Примеры: *егет утрауза бик куп йылдар ятты, ашарына эсеренә юк* (молодец жил на острове много лет, пить-есть ему было нечего; дословно: «для его еды и его питья ничего не было»), *ул шул ук вакытта бирмәскә тырышыр* (в то же время он постарается не дать), *теге егет Умыстың кылысынан котола алмаһын белде* (тот молодец знал, что ему не спастись от меча Умыса; дословно: «что он не может спастись...»), *нигә иламаһка миңә?* (почему же мне не плакать?), *полктар куйған, яһын да барырыҡ тугел* (он расставил полки, близко и подойти нельзя), *һине индәен ебәрмәскә теләй* (тебя не хочет отпустить твоя мать). Ср. еще два идиоматических выражения, связанных с формой на *-ыр*: *сығырынан сығыу* (пошатнуться) и *азағы һисек булығын уйламайыһса* (напропалую; не думая о том, что будет).

Та же форма часто ставится в зависимости от послелогов:

1. При послелого *өсөн* выражает цель и может соответствовать русским придаточным цели. Примеры: *ашар өсөн* (чтобы съесть), *курер өсөн* (чтобы видеть), *йыуыныр өсөн* (чтобы мыться), *кыуыр өсөн* (чтобы выгнать), *мин таза кейенер өсөн хатта ашамай зи торғолайым* (я для того, чтобы почище одеться, часто и без еды сижу), *ағайыма ярар өсөн үзәмдең караһтарыма карһы бара алмайым* (для того, чтобы угодить дяде, я не могу идти против своих взглядов).

2. При послелогох *борон* выражает время и соответствует русскому придаточному времени с союзным речением «пока не» и «прежде чем». Примеры: *халк белмәс борон кире кайтайык* (вернемся-ка обратно, пока народ не узпал!), *егет курмәс борон* (прежде чем молодец увидел), *туңмәс борон йәрәһегәҙә күберәк ирек биреләз* (дайте больше воли вашему сердцу, пока оно не остыло), *Кузыйжуртәһтең кәүҙәһенә етмәс борон* (прежде чем он подошел к трупу Кузыйжуртеса).

ПРИДАТОЧНЫЕ УСЛОВНЫЕ (*шарт һөйләм*)

Под этим названием объединяются все типы придаточных, которые выражают условие для совершения действия главного предложения.

Как мы уже говорили в своем месте, условные придаточные по своему составу принадлежат к числу бесспорных придаточных башкирского синтаксиса. Характерной особенностью их является то, что сказуемое в них всегда выражается личной формой условного наклонения; эта личная форма одновременно указывает и грамматическое лицо субъекта. Эта глагольная форма является более типичным признаком придаточного условного, чем факультативно встречающийся в начале придаточного союз *әгәр*¹ и *әгәр ҙә* «если». В русском же языке, как известно, специфика

¹ Исторически персидского происхождения.

придаточного условного выражается именно в наличии союза «если», а не в какой-либо особой форме сказуемого. Подчиняясь общему положению башкирского синтаксиса, придаточное условное обыкновенно ставится впереди своего главного. Такова норма прозаической речи. О редких исключениях из нее см. ниже.

Приведем примеры на сложно-подчиненное предложение с придаточным условным. *Иртәгә уҡыу булмаһа, без экскурсияға барабыз* (если завтра не будет занятий, мы пойдем в экскурсию), *миһең хатым һезгә оҡшамаһа, һез миһең ғәфсез итеһез* (если мое письмо вам не понравится, то простите меня), *ваҡытың буһа, һиң миһәң килерһең* (если у тебя будет время, ты придешь ко мне), *иртәгә ямғыр яумаһа, миһең һуға башлайбыҙ* (если завтра не будет идти дождь, мы начнем обмолачивать хлеб), *әгәрҙә эһи барып сыкмаһа, миң иртәгә кире кайтып китәм* (если дело не пойдет, я завтра поеду обратно), *әгәр буран тыммаһа, миң юға сыкмаясаҡмың* (если буран не утихнет, я не выеду в путь).

Существует определенная закономерность в употреблении глагольных форм для сказуемого в придаточном условном и главном предложениях. Правда, эта закономерность не вылилась в такие строгие формы, как «последовательность времен» в латинском и, отчасти, немецком языках, но она все-таки существует. В связи с этим еще одно замечание. В башкирском, как и во всех тюркских языках, нельзя проводить такое строгое различие между реальным, ирреальным и возможным случаями условности, как это делается в античных грамматиках; тем не менее и эта схема сохраняет определенное значение для башкирского синтаксиса. Так, разделение всех условных придаточных на реальный и ирреальный тип является вполне объективным и ценным для башкирского синтаксиса.

Если придаточное условное относится к реальному типу, то сказуемое в нем ставится в настоящем времени условного наклонения: *уа килһә* (если он придет || приходит). Соответственно с этим в главном предложении употребляются: 1) будущее первое, 2) настоящее, 3) будущее второе, 4) повелительное наклонение, т. е. [*уа килһә*], *миһәң хәбәр бирерһеһез || бирәһеһез || бирәсәкһеһез || бирегез*, т. е. [если он придет], вы сообщите || сообщаете || обязательно сообщите || дайте знать мне.

Во всех этих предложениях условие является реальным, т. е. не противоречит жизненным фактам. В русском переводе здесь обязательно употребление союза «если».

Если же условие, выраженное придаточным, противоречит объективной реальности, то сказуемое придаточного ставится в форме прошедшего времени условного наклонения или в описательных условных формах (типа *алған буһа* или *аласаҡ буһа*). В главном предложении чаще всего ставится прошедшее незаконченное 2-е (типа *килер иһе*). Приведем несколько примеров. *һиһең улың тере булған буһа, хәҙер уа 15 йәштә булған буһыр иһе* (если бы твой сын был жив, ему бы теперь было 15 лет). *Ваҡытың буһа иһе, миң һилә күптән килер иһем* (если бы у меня было время, я бы давно к тебе пришел). *Әгәрҙә һиң шуңда хәйләһе остарак корһаң иһе, уа ваҡытта без уларҙың күлдәрына эләкмәһән дә*

булыр инек (если бы ты там устраивал свои затеи более искусно, мы бы не попали к ним в руки).

Вместо прошедшего времени условного наклонения в придаточном может стоять настоящее условное (типа *алһа*); в этом случае характер условия (ирреальный или реальный) узнается по сказуемому главного предложения. Примеры (из народной сказки): *мин көслө булһам, мине көпш иретмәс ине* (если бы я был сильным, солнце не заставляло бы меня таять), — слова льда из сказки *Кем көслө* (= Кто сильнее), *мин көслө булһам, мине болот капламаҫ ине* (если бы я было сильным, тучи не закрывали бы меня) — слова солнца из той же сказки.

Формы типа *алған булһам* и *алсаһ булһам* выражают предположение: «если бы я, допустим, взял» и «если я, допустим, возьмү».

Как и в других тюркских языках, настоящее время условного наклонения может выражать не только обусловленное действие, но и другие смысловые оттенки, в частности время. Примеры: *карт өйөнә кайтып килһә, бер нәмә лә калмаған* (когда старик вернулся домой, там ничего не осталось). *Ғаббас мәктәптән кайтһа, атаһы өйҙә юк ине* (когда Ғаббас вернулся из школы, отца дома не было). *Батша йоконан торһа, үзе кушканса эшләнгә: һарайҙы күрөп аптырауза кала* (когда падишах проснулся, он увидел дворец, построенный так, как он приказывал, и пришел в изумление). Ср. еще особый случай придаточных дополнительных: *нәмә тура килһә, шуны ашай* (что придется, то и ест).

Условные формы употребляются также в особом типе придаточных, которые по существу означают место, хотя по форме остаются условными. Примеры: *Хәсән кайза булһа, Әхмәт тә шул яқта булыр* (где будет Хасан, там будет и Ахмет). *Мин кайза барһам, шунан барырһын* (куда я пойду, туда и ты пойдешь). *Кайза кие булһа, шунда кунып йөрөнө* (где ночь захватит, там он и ночевал).

Форма *шулай булһа* уже превратилась в адвербиальное (наречеобразное) выражение, соответствующее русскому «в таком случае».

Равным образом отрицательная форма условного настоящего от глагола *булыу*, т. е. *булмаһа*, употребляется в значении русского «не то, а не то». Пример: *кызым, һауа бик һыуык булды. Булмаһа, мурса яғырға ярар ине* (дочка, погода очень холодная стала. А не то хорошо бы истонить баню).

Слово *караһа* (этимологически настоящее время условного наклонения) в современном языке превратилось в междометие типа русского «глядь». Пример: *кайтып караһа, булмәлә кеше юк* (вернулся, глядь! а в комнате никого нет).

В новейшем башкирском языке (быть может, под влиянием русского) вместо условных форм употребляется 3-е лицо повелительного наклонения. Пример: *вакытым ғына булһын, бөгөн үк һыйылыш яһарға мәжһин* (будь только у меня время, а то и сегодня можно устроить собрание).

ПРИДАТОЧНЫЕ УСТУПИТЕЛЬНЫЕ (*күре һойләм*)

Этот тип придаточных, которые выражают мысль противоположной направленности по сравнению с мыслью главного, в тюркских языках

(и башкирском) является частным случаем придаточных условных. По общему правилу, сказуемое придаточных уступительных выражается условными формами глагола с обавлением частицы $\frac{-ла}{-лэ} \left\| \frac{-да}{-дэ} \right\| \frac{-та}{-тэ} \left\| \frac{-за}{-зэ}$.

Примеры: *карттың улы бәлкәй булһа ла, аҡты етез* (сын у старика хоть и мал, да ум у него острый). *Илдән илгә йөрөгән дә, атай, ил ғариттәре араһыңа булһан да, атай, Кузыйкурпәс кечек батырҙарҙы табып алып кайтһан да, атай Кузыйкурпәс ул бумас, ул бумас, атай* (если даже ты будешь ходить из народа в народ, отец, если даже ты попадешь в число нищих народа, отец, если даже ты вернешься, отыскав таких батыров, как Кузыйкурпес, — все же это не будет Кузыйкурпес, отец, это не будет Кузыйкурпес) — слова Маяххылу из сказки «Кузыйкурпес и Маяххылу». *Узең яңы кабыкта булһан да, йөрөгән әуләмсә* («хоть ты и в новой коже, да сердце у тебя все то же» — из басни Крылова).

В соответствии с русскими союзными речениями: «как бы ни», «сколько бы ни», «какой бы ни», «когда бы ни» и т. д. по-башкирски употребляются различные вопросительные местоимения и наречия: *ни, ни тиклем, һиндәй, һисек* и т. д. Эти вопросительные местоимения и наречия ставятся в начале придаточного уступительного, а в конце его имеем сказуемое в той же форме, о которой говорилось выше. Примеры: *ул ни тиклем тырышһа ла, бер нәмә лә ала алманы* (как бы он ни старался, он не мог ничего получить). *Ә һез, дуһтар, һисек кенә ултырһағыз за, бары бер музыйкантлыҡка ярамайһығыз* («а вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь» — из басни Крылова). *Һин мине атһа, кайһа булһан да, мин һиңә ярһам иһтермен* (ты в меня не стреляй: где бы ты ни был, я буду тебе помощником — из сказки). *Һиндәй кенә әһи әһләмәксә булһан да, әһен үзекән-үзе әһләнер* (какое бы дело тебе ни пришлось делать, оно будет делаться само собой — из сказки). *Улай булһас, үзе күһме теләһә лә, шул тиклем алһым, көһһи бирерһә кәрәк* (если так, то сколько бы он ни захотел золота и серебра, нужно ему дать — из сказки).

Һи тиклем употребляется также в соединении с 3-м лицом повелительного наклонения отрицательной формы. Пример: *ул һи тиклем кенә тырышһаһын, бары бер безге еңә алманы* (сколько бы он ни старался, он все равно не мог нас победить).

Некоторые выражения, связанные с глагольной формой *булһа ла*, к настоящему времени уже превратились в наречия. Примеры: *каһһи булһа ла, мин һиңә ярһам иһтермен* (я буду оказывать тебе помощь, когда бы то ни было). *Шуһи һисек тә булһа микә килтерегез* (как бы то ни было, принесите это ко мне). *Һисек кенә булһа ла, муһһаның күзе һызға төһкән* (как бы там ни было, а мулла загляделся на девушку).

Как видно из примеров, подобные выражения, связанные с *булһа*, не содержат в себе никакого определенного смысла, который характеризует придаточное уступительное, а являются попросту элементами простого предложения, которые определению выраженной синтаксической роли не играют.

ПРИДАТОЧНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИЧИНЫ (*сәбәп һәйләм*)

Как и во многих других случаях, не всякое русское придаточное окажется придаточным при адекватном переводе русской фразы на башкирский язык. Придаточными обстоятельства причины для башкирского языка можно считать лишь такие предложения, которые: 1) вводятся союзом *сәнки* (потому что), 2) имеют отдельно выраженное грамматическое подлежащее при сказуемом в форме инфинитива или причастия.

Приведем примеры на тот и другой тип придаточных: *мин докладка килмәнем, сәнки унан хәбәрәм юк ине* (я не пришел на доклад, потому что не знал об этом). *Малдар, һин карамау сәбәпә, юғалылар* (скот пропал, так как ты не смотрел за ним). *Аksam булмағанлыктан, бер нәмә лә һатһып ала алманым* (так как у меня не было денег, я не мог ничего купить). *Һауа бөгөн бик яҡшы булғанға Һурә, без Юматовка барабыз* (так как погода сегодня очень хорошая, то мы едем в Юматово).

ПРИДАТОЧНЫЕ СЛЕДСТВИЯ

В народной речи и фольклоре этот тип придаточных отсутствовал. Такова же была и норма литературной речи. Таким образом, русское сложно-подчиненное предложение с одним придаточным при союзных словах: «так что», «до такой степени, что» и т. д., по-башкирски нельзя было перевести одним предложением. Его рассекали пополам, на два самостоятельных (сочиненных) предложения; если же обязательно хотели перевести одним предложением, то связывали обе части по какому-либо другому принципу (кроме следствия). Примеры: *Һезҙең һуҙҙәреңеҙ шундай аҡыллы һәм ышандырырлыҡ һуҙҙәр, минен дәрәҫләт тороуымды һәрәе лә юк* (ваши слова настолько умны и убедительны, что мне нет надобности оправдываться). В этом примере намек на отношение следствия заключен только в одном слове *шундай* (=столь); дословно сказано так: «ваши слова настолько умны и убедительны, мне нет надобности оправдываться». *Ул шундай уҡсы булған, уның уғы энә кузен арып сыға торған* (он был такой стрелок, что его стрела проходила через ушко иглы). Вместо русского: «я так устал, что не мог идти», по-башкирски говорили: «так как я устал, то не мог идти», т. е. *мин арығанлыктан йөрөй алманым*. Иногда, как сказано, применялся асиндентический строй двух сложно-сочиненных предложений, например: *Беләһеңеҙ икән, үҙеңеҙ хөкөм итә алаһығыҙ*, что соответствует русскому: «знаете, [так что] можете судить сами».

В новейшем литературном, иногда фольклорном языке для таких придаточных введен союз *ки* (так что), и, таким образом, проблема разрешается просто. Пример: *шул тикләм монло итәп уйнап обәрә ки, һәр бер ауырыу дәртләһеп һауыға баһлай* (он начинает так печально играть, что каждый больной оживляется и начинает выздоравливать).

КОСВЕННЫЙ ВОПРОС

Как известно, косвенным вопросом называется такой, который выражен в форме придаточного предложения, т. е. зависит от какого-нибудь

глагола, входящего в состав главного предложения. Чаще всего косвенный вопрос является придаточным дополнительным, реже — придаточным подлежащим. И в том, и в другом случае косвенный вопрос характеризуется обязательным наличием вопросительных местоимений или наречий. Для выражения косвенных вопросов башкирский язык пользуется двумя способами: 1) причастно-именные формы на *-ған* || *-асаҡ*, т. е. причастные обороты в составе одного простого предложения, 2) система сложно-сочиненного предложения, причем вторая часть его, логически подчиненная первой, ставится чаще всего на втором месте. Такой порядок, необычный для башкирского синтаксиса, следует, очевидно, объяснить влиянием русского языка. Примеры: *курәһен, кайза китә* (видишь, куда идет), *бына карағыз, мин һиндәй* (вот смотрите, каков я), *һезҙе унда, кем һәм ни һәмгә өйрәткәндәр, белмәйем* (не знаю, кто вас там и чему учил), *уның уйында ни барын кем белә* (кто знает, что у него в мыслях).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЧИНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Иногда два или несколько формально сочиненных предложений фактически относятся друг к другу как части подчиненного предложения. Например, русские предложения: хочешь — приходи; придешь — хорошо; кончил дело — гуляй смело и т. д. по существу могут быть заменены другими конструкциями: если захочешь, то приходи; если придешь, то хорошо; если кончил дело, то гуляй смело и т. д. Подобного рода случаи нередки в башкирском фольклоре, как и в разговорном языке. Примеры: *убыр китте — урыны калды* (обжора ушел — место его осталось). *Бағана яна, кумере, көлө юк* (столб горит, а угля и дыма нет). *Бал татлы, балдан бала татлы* (мед сладкий, а ребенок еще слаще меда). *Балалы өй базар, балаһыз өй мазар* (дом с детьми — базар, дом без детей — кладбище). *Килән булдым — кәйнәгә яраманым, кәйнә булдым — киләнә яраманым* (невесткой стала — свекрови не понравилась, свекровью стала — невестке не понравилась). *Егет ярлы, һамыс бай* (молодец беден — честь богата). *Куз ҡартайыр, күңел ҡартаймас* (глаз состарится, а сердце не состарится). *Казанға яҡын барма — ҡараһы йөгөр, яманға яҡын барма — бәләһе йөгөр* (не ходи около котла — замарают тебя его копать, не ходи около плохого человека — замарают тебя его зло). *Эт өрөр, буре йөрөр* (собака лает, а волк идет себе). *Атым юк аранда, кайғым юк буранда* (нет у меня коня в сарае — нет у меня и заботы в бурани). *Кул яраһы китер, тел яраһы китмәс* (рана от руки заживет, рана от языка не заживет). *Айран әскән котолған, күнәк ялаған тотолған* (тот, который пил айран, спасся, а тот, который лизал ведро, попался). *Ғалим булыу еңләдер, кеше булыу ситендер* (стать ученым легко, стать человеком трудно). *Колмә дусыңа, килер башыңа* (не смейся над другим: то же случится и с тобой). *Яҡшы юлдаш юлга күндерер, яман юлдаш юлдан аззырыр* (хороший спутник выводит на дорогу, плохой спутник сбивает с дороги). *Сер дусы күп булыр, серзе тотқан бер булыр* (таких, кто знает тайну, — много; таких, кто хранит тайну, — только один). *Белгән беләнән эшләр, беләнән беләнән тешләр* (знающий делает то,

что знает, незнающий кусает себе локоть). *Кул кулды йыуа, ике кул битте йыуа* (рука руку моет, две руки лицо моют). *Тау тау менән кушылмай, кеше кеше менән кушыла* (гора с горой не встречается, человек с человеком встречается). *Ер сокорхоз булмас, урман кейекhez булмас* (земля не бывает без выбоин, лес не бывает без зверей). *Танкан һойонган, таныган алған* (тот, кто нашел, — обрадовался, тот, кто узнал, — взял). *Иртә унмаған кис уңмас, кис унмаған һис уңмас* (кто не успел утром, тот не успеет и вечером, а кто не успел вечером, тот никогда не успеет).

Как видно из этих примеров, асиндетические по форме сочетания фраз по существу связаны с различными типами грамматического подчинения: условие, сравнение, причина и следствие, время и т. д. Сохраняя форму независимых (сочиненных) предложений, они по содержанию равняются подчиненным. Этот путь развития сочиненных предложений в подчиненные является одним из основных и потому представляет большой интерес для общего языкознания.

Следующий этап развития сочиненных предложений в подчиненные представляют те случаи, когда появляются какие-то формальные признаки связи предложений — хотя бы в виде вопросительного аффикса. Пример на этот переходный тип: *эшем бәттеме, өйгә кайтам* (как только кончится работа, иду обратно домой).

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Фонетика	5
Система башкирских гласных (вокализм)	5
К истории башкирских гласных	7
Гласный <i>a</i>	7
О происхождении звука <i>o</i>	9
О происхождении звука <i>o</i>	10
О происхождении звука <i>i</i>	11
О происхождении звука <i>u</i> . Соотношение звуков <i>u</i> , <i>e</i> и <i>ə</i>	12
О происхождении звука <i>y</i>	14
О происхождении звука <i>y</i>	14
Дифтонги	15
Протеза	16
Редукция гласных	17
Элизия гласных	18
Система башкирских согласных (консонантизм)	18
Междузубные (интердентальные) спиранты	24
Согласный <i>h</i> и его происхождение	27
О звуке <i>x</i>	28
О звуке <i>s</i>	28
О звуке <i>ʒ</i>	29
Согласные и гласные в начале слова	29
Согласные в конце слова. Чередование глухих и звонких в основе	33
Другие изменения согласных в положении между гласными	35
Выпадение гласных	35
Ассимиляция и диссимиляция согласных	36
1. Изменение звука <i>ð</i>	36
2. Изменение звука <i>l</i>	37
3. Изменение звука <i>n</i>	37
Сингармонизм	38
Ударение	40
Основные морфологические понятия	43
Состав слова	43
Грамматическое развитие слова	48
Основные синтактико-морфологические категории	51
Категория сказуемости	51
Категория принадлежности	54
Категория склонения	61
Особенности склонения слов с аффиксами принадлежности	64
Общая характеристика именных частей речи	66
Словообразование имен	66

Парные словосочетания имен	74
Специальная характеристика именных частей речи	79
Прилагательные	79
Абстрактные формы сравнения	83
Конкретные формы сравнения	87
Числительное	88
Числительные количественные	89
Числительные дробные	93
Числительные порядковые	94
Числительные разделительные	95
Числительные собирательные	95
Числительные приблизительного счета	95
Местоимения	97
Личные местоимения	97
Указательные местоимения	98
Вопросительные местоимения	100
Определительные местоимения	104
Неопределенные местоимения	106
Отрицательные местоимения	107
Притяжательные местоимения	108
Неизменяемые части речи	110
Наречия	110
Наречия, изолированные в морфологическом отношении	117
Наречия, изолированные в семантическом и лексическом отношениях	118
Послелogi	120
Послелogi с неопределенным падежом	121
Послелogi с дательным падежом	124
Послелogi с исходным падежом	125
Союзы	127
Частицы	129
Модальные слова	131
Глагол	132
Общие сведения о глаголе	132
Система спряжения в башкирском языке	137
Общая схема наклонений и времен башкирского глагола	139
Изъявительное наклонение	140
а) Времена, восходящие к отглагольным именам	140
Форма <i>ине</i> и ее морфологические функции	144
б) Времена, восходящие к деепричастиям	145
в) Времена, восходящие к причастиям	148
Повелительное наклонение	162
Жела ельное наклонение	165
Условное наклонение	166
Инфинитив	170
Оборот типа <i>алГым килә</i>	177
Словообразование глаголов от имен	177
Словообразование глаголов от глаголов (залог)	179
Формы усиления и ослабления действия	184
Деепричастия	185
Причастия	189
Вспомогательные глаголы	194
Глагольные виды	195
Пережиточные формы глагола	200

Основные вопросы синтаксиса простого предложения	202
Словосочетание и предложение	202
Формы синтаксической связи	204
Подчинение и сочинение	207
Порядок слов в простом предложении	207
1. Подлежащее — сказуемое	209
2. Дополнение — управляющий глагол	212
3. обстоятельство — управляющий глагол	213
4. Определение — определяемое	215
Категории определенности и неопределенности	217
Категория числа	219
Особые случаи согласования в числе и лице	221
Определительная группа существительных	223
Служебные имена	228
Обособление	233
Приложение	235
Безличные предложения	237
Назывные предложения	238
Синтаксические функции падежей	239
Дательный падеж	239
Винительный падеж	241
Исходный падеж	241
Местный падеж	242
Управление заголов	242
О придаточных предложениях в башкирском языке	244
Придаточные определительные	249
Синтаксические функции деепричастий	256
Придаточные обстоятельства времени	256
Придаточные сравнительные	257
Синтаксические функции формы на <i>-ған</i>	259
Синтаксические функции формы на <i>-асаҡ</i>	265
Синтаксические функции формы на <i>-ыр</i>	265
Придаточные условные (<i>шарт һөйләм</i>)	267
Придаточные уступительные (<i>күре һөйләм</i>)	269
Придаточные обстоятельства причины (<i>сәбәп һөйләм</i>)	271
Придаточные следствия	271
Косвенный вопрос	271
Некоторые особенности сочинения предложений	272

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР
Технический редактор В. Н. Диков. Корректор В. В. Покровская

РИСО АН СССР № 3269. А-0544. Издат. № 818. Тип. заказ № 108. Подл. к печ. 13/VIII 1948 г.
Формат бум. 70×108^{1/16}. Печ. л. 17^{1/4}. Уч.-издат. 22,3 Тир.ж 1500.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 лш. д. 12.